«РОДИНА» — 93
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

«РОДИНА» — ОТКРЫТИЕ ДЛЯ КАЖДОГО:
— сенсационные документы секретных хранилищ (в том числе из архивов И. В. Сталина и Политбюро)
— новый взгляд на вечные проблемы отечественной истории
— экстренная помощь студентам и школьникам («Репетитор»)
— история гербов, орденов, мундиров,
— родословная российских фамилий.



Фото Юрия Козырева

Индекс: 73325
Цена по подписке 2 руб.
В розницу — договорная

РОДИНА

6—7—1992

ISSN 0235—7089

В МУЗЕЙНУЮ КОЛЛЕКЦИЮ

Автографы Наполеона

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 года *(неизвестные страницы)*

ИСТОРИЯ НА РЕМОНТЕ

Наши фотокорреспонденты
Ашот Арутюнов и Юрий Козырев
из музея-панорамы «Бородинская битва».







Научные сотрудники музея-панорамы «Бородинская битва» С. П. Ветрова и Н. В. Богомолова.

Из фонда прикладного искусства музея-панорамы.







Предметы фарфора с сюжетами на темы наполеоновских войн (Россия, Франция, п. XIX в.).

Столешница с изображением Наполеона и его родственников (Франция, вт. п. XIX в.).

ЖУРНАЛ «РОДИНА» ПРЕДЛАГАЕТ:
Очередной специальный номер из цикла «НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЙНЫ РОССИИ»: 1812 год

Вслед за специальными выпусками, посвященными гражданской (№ 10, 1990) и Великой Отечественной (№ 6—7, 1991) войнам, мы обращаемся сегодня к событиям и людям 1812 года. Как и раньше, мы не собираемся с академическим буквоедством описывать войну 1812-го. Наша задача — уловить дух этой удивительной эпохи, дать представление об истинных и фальшивых ценностях, привлечь читательское внимание к новым архивным документам, открытиям, версиям. В этом году самое время поговорить обо всем этом. В сентябре Бородину — 180 лет!

Редакция благодарит за помощь в разработке номера к. и. н. В. М. Безотосного, А. М. Вальковича, А. А. Васильева, А. М. Горшмана, Л. Л. Ивченко, Ю. М. Овсянникова, к. и. н. О. В. Соколова, д. и. н. А. Г. Тартаковского, к. ф. н. С. А. Экштута, а также сотрудников Центрального государственного военно-исторического архива, музея-панорамы «Бородинская битва», Государственного музея А. С. Пушкина.



Наполеон Бонапарт. Скульптор А.-Д. Шоде. Конец XVIII в. Итальянский мрамор. Вес — 1,5 тонны.

22. В начале прошлого века существовала основательная система разведки, создателем которой, кстати, был не кто иной, как Михаил Богданович Барклай де Толли,— напоминает автор статьи «Секретная экспедиция», основанной на малодоступных документах из фондов Центрального государственного военно-исторического архива.

36, 72, 133. «Круглые столы» стали уже традиционной формой дискуссии сотрудников и гостей нашего журнала. На сей раз беседа предоставляет возможность поразмышлять над тем, что еще вчера казалось очевидным.

150. «Я буду постоянно молиться, чтобы Ваше Величество были счастливы». Эта строчка из письма к Наполеону его первой жены Жозефины Богарне. Публикуем фрагмент переписки августейшей пары.

153. Документальный раздел «Источник» предлагает вниманию читателей любопытную подборку архивных материалов, демонстрирующих механизм сталинского вторжения в историю.

МОНУМЕНТ ИЗ ОБОЗА

7 ноября 1812 года. Предписание главнокомандующего Дунайской армией адмирала П. В. Чичагова армейским партиям и отрядам.

С обозом Великой французской армии в Россию прибыли две скульптуры Наполеона, выполненные в популярном тогда римском стиле.

К скульптурам прилагались топографические планы водружения, согласно которым статуи после победы Наполеона должны были быть поставлены на Красной площади в Москве и на Дворцовой — в Петербурге. При поспешном выступлении из Москвы скульптуры были брошены в Кремле.

В настоящее время одна из этих статуй находится в Москве, в музее-панораме «Бородинская битва».

Наполеонова армия в бегстве; виновник бедствий Европы с нею. Мы находимся на путях его; легко быть может, что Всевышнему угодно будет прекратить гнев свой, предав его нам. Почему желаю я, чтобы приметы сего человека были всем известны.

Он росту малого, плотен, бледен, шея короткая и толстая, голова большая, волосы черные; для вящей же надежности ловить и приводить ко мне всех малорослых. Я не говорю о награде за сего пленника; известные щедрости Монарха нашего за сие ответствуют.

ЦГВИА. Ф. 474. Оп. 1. Д. 40. Л. 8—8 об.

Спешим обрадовать тех читателей «Родины», кто не смог продлить подписку на второе полугодие. Благодаря спонсорам, редакция бесплатно обеспечит выпуск и доставку журнала до конца года всем читателям, оформившим подписку только до июня.

ЦРПА «Роспечать» разослало указания местным органам связи (телетайпограмма № 7—8) о том, чтобы тем читателям, у которых подписка закончилась на 6-м номере, доставлять журнал «Родина» до конца года без доплаты по старым доставочным карточкам.

Мы поддержали вас сегодня и надеемся, что Вы поддержите нас завтра — оформив подписку на 1993 год.

РОДИНА

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ: ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

6—7—1992

Выходит с января 1989 г.

Главный редактор
В. П. ДОЛМАТОВ

Редакторат:

В. А. АВДЕВИЧ *(первый заместитель главного редактора)*
В. С. АРУТЮНОВ *(главный художник)*
Т. А. КРАВЧЕНКО *(заместитель главного редактора)*
Ф. Н. МЕДВЕДЕВ *(редактор отдела русского зарубежья)*
В. А. ПАНКОВ *(заместитель главного редактора)*
А. В. ПОПОВ *(редактор отдела межнациональных отношений)*

Общественная коллегия:

С. С. АВЕРИНЦЕВ
Н. И. БАСОВСКАЯ
В. И. БРАГИН
В. В. БЫКОВ
П. В. ВОЛОБУЕВ
В. К. КОРЕШКОВ
Б. С. МИРОНОВ
Н. Я. ПЕТРАКОВ
С. А. ФИЛАТОВ
А. С. ЦИПКО

Макет и оформление
В. С. Арутюнова
при участии
Т. П. Яковлевой
и С. А. Артемьева

Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Авторы несут ответственность за точность дат, фамилий, географических названий. Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Издательство
«Русская книга»

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА ЖУРНАЛ «РОДИНА» на 1993 год!

Наш индекс прежний — 73325.
Цена одного номера — 25 рублей,
подписки на полугодие — 150 рублей.

1812 год

ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

1. Место действия — территория Лифляндской, Курляндской, Виленской, Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской, Подольской, Волынской, Смоленской, Московской и Калужской губерний.

2. Участники. С июня по декабрь 1812 года на территории России в боевых действиях приняли участие около 647 тысяч воинов Великой армии Наполеона, с русской стороны — около 700 тысяч (включая ополченцев и казаков, но без учета крестьянских партизанских отрядов).

3. В Великую армию Наполеона входили контингенты следующих государств Европы: Французская империя, Итальянское королевство, королевство Неаполя и Обеих Сицилий, королевство Пруссия, Австрийская империя, королевство Дания, княжество Нёвшатель, великое герцогство Варшавское и государства Рейнского союза: королевства Бавария, Саксония, Вюртемберг, Вестфалия, великие герцогства Баден, Франкфурт, Вюрцбург, Гессен-Дармштадт и Клеве-Берг, герцогства Мекленбург-Шверин, Мекленбург-Стрелиц, Саксен-Веймар-Эйзенах, Саксен-Кобург-Заальфельд, Саксен-Гота-Альтенбург, Саксен-Мейнинген, Липпе-Детмольд, Липпе-Шаумбург, Шварцбург-Рудольштадт, Шварцбург-Зондерсгаузен, Вальдек, Ангальт-Бернбург, Ангальт-Дессау, Ангальт-Кётен, Рейсс-Гера, Рейсс-Грейц, Рейсс-Эберсдорф, Рейсс-Лобенштейн, Рейсс-Шлейц.

Россию поддерживали Великобритания, Испания, Португалия и Швеция.

4. **Основные события военной кампании**

12 (24) июня 1812 г.— переход главных сил Наполеона через р. Неман.

27—28 июня (9—10 июля) — победа конницы атамана Платова под Миром над польской кавалерийской дивизией генерала Рожнецкого.

11 (23) июля — бой под д. Салтановкой между русским корпусом генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского и французским корпусом маршала Даву.

13 (25)—15 (27) июля — бои у Островно, Какувячина и на р. Лучесе под Витебском между арьергардом армии Барклая де Толли и авангардом армии Наполеона под командованием маршала Мюрата.

15 (27) июля — бой при г. Кобрине. 3-я обсервационная армия генерала А. П. Тормасова разбила и взяла в плен саксонскую бригаду генерал-майора Кленгеля. Первая крупная победа русского оружия.

19 (31) июля — сражение при Клястицах. Победа русского корпуса генерала П. Х. Витгенштейна над французским корпусом маршала Удино.

31 июля (12 августа) — сражение при д. Городечне между армией Тормасова и австрийско-саксонскими войсками под командованием генералов Шварценберга и Рейнье.

2 (14) августа — бой под Красным между отрядом генерал-майора Д. П. Неверовского и войсками маршалов Мюрата и Нея.

6 (18) августа — сражение при Полоцке. Победа франко-баварских войск под командованием генерала Гувьон Сен-Сира над русским корпусом генерала Витгенштейна.

4 (16)—5 (17) августа — Смоленское сражение.

7 (19 августа) — сражение при Валутиной Горе.

24 августа (5 сентября) — Шевардинский бой.

26 августа (7 сентября) — Бородинское сражение.

2 (14) сентября — вступление французов в Москву.

6 (18) октября — бой при д. Винково (на р. Чернишне). Поражение французского авангарда маршала Мюрата. Победа русских войск под командованием генерала Л. Л. Беннигсена.

6 (18)—7 (19) октября — второе сражение при Полоцке между русскими войсками генерала Витгенштейна и франко-баварскими войсками маршала Гувьон Сен-Сира.

11 (23) октября — оставление Москвы французами.

12 (24) октября — сражение при Малоярославце.

19 (31) октября — бой при Чашниках. Победа русских войск под командованием Витгенштейна над французскими войсками маршала Удино.

22 октября (3 ноября) — сражение при Вязьме.

2 (14) ноября — бой при Смолянцах. Победа войск Витгенштейна над корпусами маршалов Удино и Виктора.

3 (15)—6 (18) ноября — сражение под Красным.

14 (26)—16 (28) ноября — сражение на р. Березине, переправа Наполеона через Березину.

28 ноября (10 декабря) занятие Вильно русскими войсками.

3 (15) декабря — переправа остатков Великой армии через Неман и занятие русскими войсками г. Ковно.

14 (26) декабря — переход русских войск через Неман.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Французы

Наполеон Бонапарт (1769—1821) — император Франции (1804—1815), король Италии, протектор Рейнского союза, медиатор Швейцарии.

Бертье Луи Александр (1753—1815) — князь Ваграмский и Нёвшательский, маршал Франции (с 1804 г.), начальник Главного штаба Великой армии.

Богарне Эжен Роз (Евгений-Наполеон) (1781—1824) — принц Французской империи, вице-король Италии (1805—14), герцог Лейхтенбергский, князь Эйхштадтский, в 1812 г.— командир 4-го корпуса Великой армии, в начале войны — командующий центральной группировкой наполеоновских войск.

Макдональд Жак Этьен Жозеф Александр (1765—1840) — герцог Тарентский, маршал Франции (с 1809 г.), в 1812 г.— командир 10-го корпуса Великой армии, действовавшего в Прибалтике.

Удино Николя Шарль (1767—1847) — герцог Реджио, маршал Франции (с 1809 г.), в 1812 г.— командир 2-го корпуса Великой армии, командующий левофланговой группировкой наполеоновских войск, действовавшей на Петербургском направлении.

Жером (Иероним-Наполеон) Бонапарт (1784—1860) — брат императора Наполеона, король Вестфалии (1807—1813), в начале войны 1812 г.— командующий правофланговой группировкой Великой армии.

Шварценберг Карл Филипп (1771—1820) — князь, герцог Крумауский, в 1812 г.— генерал от кавалерии, командир австрийского вспомогательного корпуса в составе Великой армии.

Русские

Александр I (1777—1825) — российский император (1801—1825).

Кутузов (Голенищев-Кутузов) Михаил Илларионович (1745—1813) — генерал от инфантерии, с 31 августа 1812 г.— генерал-фельдмаршал. В начале войны возглавлял Петербургское ополчение, с 8 августа 1812 г.— Главнокомандующий всеми действующими армиями. Князь Смоленский с 6 декабря 1812 г.

Барклай де Толли Михаил Богданович (1761—1818) — генерал от инфантерии, военный министр с января 1810 г. по сентябрь 1812 г. Главнокомандующий 1-й Западной армией.

Багратион Петр Иванович (1765—1812) — князь, генерал от инфантерии, Главнокомандующий 2-й Западной армией с марта 1812 г., смертельно ранен в Бородинском сражении. Умер 12 сентября 1812 г. в с. Симы Владимирской губ.

Милорадович Михаил Андреевич (1771—1825) — генерал от инфантерии. В начале Отечественной войны формировал резервные войска в районе Калуги, Волоколамска и Москвы. В Бородинском сражении командовал правым крылом. С 29 августа 1812 г.— начальник арьергарда (затем авангарда) русской армии.

Витгенштейн Петр Христианович (1769—1843) — граф, генерал-лейтенант, затем генерал от кавалерии, командир 1-го (отдельного) пехотного корпуса.

Тормасов Александр Петрович (1752—1819) — генерал от кавалерии, командующий 3-й обсервационной армией. С октября 1812 г.— в Главной квартире армии Кутузова.

Чичагов Павел Васильевич (1767—1849) — адмирал, член Государственного совета. С апреля 1812 г. Главнокомандующий Дунайской армией и главный начальник Черноморского флота. С сентября 1813-го — Главнокомандующий 3-й Западной армией.



ДМИТРИЙ ЦЕЛОРУНГО

КАПИТАН N

На начало 1812 года в русской армии числилось 17139 офицеров. Попытаемся дать обобщенный портрет русского офицерства. Перед вами данные анализа 1315 формулярных списков, хранящихся в ЦГВИА России (формулярный список заводили на каждого офицера с момента начала службы, это своего рода «личный листок по учету кадров» прошлого века).

Возраст офицеров на 1 января 1815 г.	% от общего количества офицеров	% от количества штаб-офицеров*
16—17	0,5	—
18—19	4,8	—
20—25	37,4	2.0
26—30	26,9	20,4
31—35	13,6	23,0
36—40	10,1	28,7
41—45	4,3	18,3
46—55	1,6	2,0
56—60	0,3	2,0
61—65	0,1	—

Происхождение офицеров	% от общего количества выборки
Из титулованных дворян (крепостных не имели)	1,6
Из титулованных дворян-помещиков	0,3
Из дворян-помещиков	3,1
Из дворян (крепостных не имели)	72,9
Из обер- и штаб-офицерских детей	9,6
Из иностранных дворян	1,3
Из солдатских детей	5,4
Из государственных и помещичьих крестьян	1,2
Из духовенства	2,6
Из купцов	0,1
Из однодворцев	0,1
Из вольноопределяющихся	0,7
Из разночинцев	0,2
Из иностранных разночинцев	0,6
Из мещан	0,2
Нет данных	0,1

* К штаб-офицерам относились имевшие звание майора, подполковника, полковника.

Разъяснительная записка. Несмотря на то, что 89% командного состава были дворянами, представитель любого сословия России или иностранец мог стать офицером. Правда, солдатам крестьянского происхождения для получения первого офицерского чина надо было выслужить в унтер-офицерском звании не менее 12 лет, солдатским детям и выходцам из однодворцев и духовенства — 8 лет. Детям же личных дворян, иностранцам и воспитанникам воспитательных домов — не менее 4 лет.

Всем известно, что русское дворянство не было однородным. Большинство офицеров не владели ни крепостными, ни недвижимостью. На долю офицеров-помещиков приходилось всего 3,4%, чаще всего они были мелкопоместными: 38% имели 1—50 душ крепостных, 24% — 51—100 душ. Авторы «Истории лейб-гвардии Павловского полка» П. Воронов и В. Бутовский писали, что самый богатый офицер полка владел 200 душами крепостных, а остальные в лучшем случае — несколькими крестьянами да малой деревушкой. Получая небольшое жалованье, всякий жил службой и старался преуспеть именно в ней.

Место происхождения	% от выборки
Из великорусских губерний	50
Из украинских губерний	29
Из белорусских губерний	8
Из польской шляхты	4
Из Виленской губернии	2,5
Из остзейских губерний	2,5
Финны, грузины, армяне, молдаване, татары	2
Иностранцы	2

Разъяснительная записка. Место происхождения может однозначно указывать на национальность лишь тогда, когда офицер выслужился из татарских мурз или остзейских немцев. Со славянами куда сложнее: губерния, уезд, село, далее везде.

Воевать можно было по-разному. При всей условности подобных измерений отметим:

— 51% офицеров получили боевое крещение еще до Отечественной войны, причем в 36,5% исследованных формуляров есть записи об участии офицеров более чем в 10 сражениях, а некоторые из них участвовали в тридцати (1,3%), сорока (0,7%) и даже сорока пяти битвах (0,2%);

— ранения тоже заносили в формуляры — чаще всего упоминалось о повреждении конечностей (71%), от ранений в грудь и полость живота выживали редко, о них записей почти не встречается;

— почти половина офицеров получили контузии, 13% имели по несколько ранений;

— 65% боевых офицеров были награждены орденами, оружием, монаршим благоволением и досрочным присвоением очередного воинского звания.

Образовательный уровень пехотных офицеров (в гвардии и артиллерии показатели были выше)	% от выборки
Читать и писать умеет, другим наукам не обучен	65
Читать и писать умеет, арифметику знает	10,1
Изучал иностранные языки, гуманитарные науки, математику, военные науки...	24,7
Изучал более шести предметов	9

Разъяснительная записка. Специальное или высшее образование не было обязательным для поступления на военную службу. Молодые дворяне получали домашнее образование, и это считалось достаточным. Необходимые профессиональные знания будущие офицеры приобретали непосредственно в полку, где начинали службу.

И в заключение слегка коснемся уз Гименея. Только 9% офицеров были женаты. Это неудивительно — молодость, неустроенный быт, походы и войны, наконец, стремление продвинуться по службе не позволяли всерьез задуматься о хлопотных обязанностях отцов семейств.

1. Рядовой егерских полков.

2. Рядовой пехотных полков.

3. Рядовой пехотных полков (в зимней пехотной форме).

4. Обер-офицер пехотных полков (в летней походной форме).

5. Обер-офицер пехотных и гренадерских полков (в сюртуке).

6. Рядовой Глуховского кирасирского полка.

7. Рядовой Елизаветградского гусарского полка.

8. Унтер-офицер лейб-гвардии Семеновского полка.

9. Рядовой Павловского гренадерского полка.

10. Штаб-офицер лейб-гвардии Литовского полка.

11. Рядовой 2-го пионерного полка.

12. Канонир армейской конной артиллерии.

13. Фейерверкер гвардейской пешей артиллерии.

14. Канонир армейской пешей артиллерии.

15. Обер-офицер гвардейской конной артиллерии.

16. Рядовой Каргопольского драгунского полка.

17. Рядовой Польского уланского полка.

18. Офицер Донских казачьих полков.

19. Обер-офицер конноартиллерийской полуроты Тульского ополчения.

20. Рядовой лейб-гвардии Казачьего полка.



1. 2. 3. 4. 5.

6. 7.

8. 9. 10.

11. 12. 13. 14. 15.

16. 17.

18. 19. 20.

ОЛЕГ СОКОЛОВ,
кандидат исторических наук

КАПИТАН N

...Эти сумасшедшие проникнуты честью, они идут в бой как на праздник...
ВОЛЬТЕР

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЛАДШИХ ОФИЦЕРОВ АРМИИ НАПОЛЕОНА В 1812—1814 ГОДАХ *(с точностью до нескольких процентов).*

Из дворян	около 5% — (причем 0,5% из дворян Империи)
Из семейств землевладельцев	около 20%
Из буржуазных семей (коммерсантов, негоциантов, рантье, фабрикантов...)	около 30%
Из семей представителей свободных профессий	около 10—11%
Из семей военных	около 7%
Из семей ремесленников	около 10%
Из рабочих	около 1%

Разъяснительная записка. Офицерский корпус, где более четверти состава были выходцами из семей крестьян, ремесленников и даже рабочих,— это, без сомнения, следствие огромных преобразований во французском обществе той эпохи.

Бросается в глаза и другая особенность. Пять процентов дворян — среди младших офицеров (а точнее, раза в два больше, если учитывать, что многие «землевладельцы», «выходцы из семей офицеров» и т. п.— это тоже дворяне). Среди старших офицеров процент дворян еще выше.

Если при старом порядке внеслужебные доходы офицеров были нередко куда более значительными, чем жалованье, то в эпоху Наполеона для 80 процентов служба стала практически единственным источником материального благополучия. Соответственно, правительство было вправе и многого требовать.

СТЕПЕНЬ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ФРАНЦУЗСКИХ ОФИЦЕРОВ ПОДЧЕРКИВАЕТ ИХ СРОК ВЫСЛУГИ *(в годах):*

	Пехоты	Кавалерии
Полковники	21,9	20,9
Командиры батальонов и эскадронов	19,7	19,7
Капитаны	18,0	18,5
Лейтенанты	13,0	13,2
Су-лейтенанты	11,4	10,7

Разъяснительная записка. «*Эти цифры,*— пишет Маргерон,— *показывают с поразительной силой, ... какую закалку и какой боевой опыт должны были получить подобные командные кадры различных родов оружия: достаточно сказать, что любой военный, имеющий в это время 6—7 лет службы, принял уже участие в многочисленных и славных кампаниях, пройдя поля битв с большинством армий Европы*»[1].

Офицеры Великой армии Наполеона были людьми сравнительно молодыми. Средний возраст полковников колебался от 40 до 42 лет, и 35—40 лет — обычный возраст батальонного командира. Тридцатилетний лейтенант — вполне естественное явление для наполеоновской армии, ибо основная масса французских офицеров



той поры происходила из так или иначе выслужившихся солдат. Согласно подсчетам Ж. Удайля, к концу периода Первой Империи во Франции не более 15 процентов офицеров окончили военные школы[2].

Огромные потребности армии в командных кадрах не могли удовлетворить даже очень крупные по масштабам эпохи военные учебные заведения. Созданная декретом Первого Консула Бонапарта 11 флореаля X года (1 мая 1802) Специальная военная школа (впоследствии получившая наименование Сен-Сирская военная школа) только с 1809 по 1814 год выпустила 3856 великолепных офицеров, в основном пехотных. Политехническая школа, где преподавали звезды первой величины ученого мира — Лаплас, Лагранж, Ампер, Гей-Люссак, Монж, Фуркруа, Карно — дала армии огромное количество высококлассных специалистов. С 1804 по 1813 год это высшее учебное заведение закончили 1380 студентов, из которых около тысячи (!) стали офицерами, прежде всего артиллерии и инженерных войск.

Кавалерийская военная школа (созданная в 1809 году в Сен-Жермене) не успела развернуть массовую подготовку кадров, и поэтому кавалерийский офицер эпохи Империи, прежде чем надеть эполеты, либо проходил суровую школу солдата, либо, как некоторые молодые люди из знатных семейств, обучался в особых частях или в Сен-Сирской военной школе. (Вариант, как ни странно, далеко не лучший: «*Учеба в школе готовила из нас пехотинцев,*— вспоминает де Брак, выпускник Сен-Сира и впоследствии блистательный кавалерийский командир,— *и потому мы учились быть кавалеристами под ударами вражеских сабель, от которых редели наши неловкие ряды. Нашей доброй воли и энтузиазма не хватало...*»)

Две трети выпускников Сен-Сира 1804—1807 годов не вернулись с поля брани, но это не охладило молодого энтузиазма их товарищей по оружию. «*Школа затряслась от тысячекратно повторяемого крика: «Да здравствует Император! Офицеры!!! Мы — французские офицеры!*»[3]— рассказывает курсант Гаспар Ришар де Сультре в письме отцу о том, как его друзья со старшего курса встретили свое производство в су-лейтенанты (это было прямо накануне кампании 1812 года). Мало кто из этих восторженных юношей вернулся из похода, но те, кто выдержал, не пали духом. «*Для первой кампании, пожалуй, мне досталась слишком жестокая, но от этого мое удовольствие начать новую не будет меньшим*»,— писал домой другой молодой офицер уже после русского похода.

Наполеон делал все, чтобы максимально поощрить храбрость своих подчиненных, а когда кто-то из высокопоставленных чиновников заметил ему, что император, повышая в чине отважных солдат, забывает хороших офицеров тыла, Наполеон ответил: «*Я плачу за кровь, а не за чернила*». Порой производство в чин и награда осуществлялись сразу же на поле боя: «*Солдаты Нея и дивизии Гюдена, генерал которых пал в бою, построились среди трупов своих товарищей по оружию и тел русских солдат, среди разбитых деревьев, на земле, перепаханной ядрами и утоптанной ногами сражавшихся, на клочках изодранного обмундирования, среди перевернутых повозок и оторванных членов... Но все эти ужасы он заставил померкнуть перед славой. Поле смерти он превратил в поле чести... Его видели последовательно окружавшим себя каждым полком как семьей. Он спрашивал громким голосом офицеров, унтер-офицеров и солдат, узнавал, кто храбрейший из храбрых, и награждал его тотчас же. Офицеры указывали, солдаты одобряли, император утверждал*»[4]. Так без справок и аттестаций, характеристик и «отношений» солдаты становились офицерами, офицеры — генералами.

«*Нельзя, чтобы знатность происходила из богатства,*— говорил император Редереру, видному политическому деятелю эпохи Республики и Империи.— *Кто такой богач? Скупщик национальных имуществ, поставщик, спекулянт — короче, вор. Как же основывать на богатстве знатность?*»[5] По мысли императора, «*новое общество... должно было строиться на принципе самопожертвования во имя общего дела, которое никогда не является просто суммой эгоизма каждой личности... Наполеон пытался возродить понятие чести таким, как оно было в XVI—XVII веках... О чести говорили, обращаясь с речами к курсантам военных школ, о чести говорили в своих проповедях священники...*»[6]. Офицеры были в его глазах «*новым рыцарством*», которое призвано стать истинной элитой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Marguerон. Campagne de Russie. Paris, 1912. T. 3. P. 38—39.
2. Houdaille J. Les officiers de la Grande Armée: étude par sondage sur l'âge, l'origigne régionale et le destin des officiers. // Révue de l'Institut Napoléon, CVIII (1968). P. 109.
3. Lettres d'un Saint-Syrien de 1812. Gaspard Richard de Soultrait. //Carnet de la Sabretache. 1920. N° 263. P. 21.
4. Ségur L.-Ph. La campagne de Russie. Paris, s. d. P. 76—78.
5. Roederer P.-L. Mémoires sur la Révolution, le Consulat et l'Empire. Paris, 1942. P. 146.
6. Bertaud J.-P. Les travaux récents sur l'armée de la Révolution et de l'Empire. // Révue internationale d'histoire militaire. N° 61. Paris, 1985. P. 112.

1. Рядовой прусского Бранденбургского драгунского полка.

2. Рядовой 8-го баварского пехотного полка «Герцог Пиус».

3. Фузилер 57-го полка французской линейной пехоты.

4. Лейтенант отборной роты 8-го французского конно-егерского полка.

5. Рядовой 23-го французского драгунского полка.

6. Рядовой 8-го французского кирасирского полка.

7. Пеший гренадер французской Старой гвардии.

8. Рядовой саперной роты французской Старой гвардии.

9. Канонир конной артиллерии французской Старой гвардии.

10. Рядовой 2-го легкоконного (голландского) полка французской гвардии.

11. Карабинер итальянской Королевской гвардии.

12. Сержант фузилеров пехоты Португальского легиона.

13. Обер-офицер саксонского пехотного полка Короля.

14. Пеший егерь вестфальской Королевской гвардии.

15. Гренадер 2-го швейцарского линейного полка.

16. Трубач 6-го французского гусарского полка.

17. Вольтижер 12-го пехотного полка Великого герцогства Варшавского.

18. Сержант гренадеров 9-го полка французской линейной пехоты.

19. Вольтижер 8-го полка французской легкой пехоты.

20. Рядовой 2-го французского легкоконного полка.

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10.

11. 12. 13. 14. 15. 16. 17. 18. 19. 20.

ОЛЕГ СОКОЛОВ,
кандидат исторических наук

ПОГОНЯ ЗА МИРАЖОМ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА И ПЛАН НАПОЛЕОНА НАКАНУНЕ ВОЙНЫ



В войнах революции Наполеон, как известно, принял самое активное участие, и даже когда он из полководца превратился в политика и взял всю полноту власти в стране, он все равно остался заложником громадного конфликта, противопоставившего Францию всему континенту. Старая Европа не могла примириться с революционными завоеваниями, а отдать их, не подвергая опасности новую систему, Наполеон не мог. Точнее, Европа не могла примириться с новым положением дел до тех пор, пока Англия готова была финансировать борьбу. Для британского правительства война против республики была войной против опасного конкурента в торговле и промышленности. В качестве возможного выхода из этой беспросветной войны Наполеон видел либо разгром Англии, либо союз с какой-нибудь мощной державой в Европе, который позволил бы навязать остальным странам существующую реальность.

После Трафальгара шансы на прямой удар и высадку в Англии уменьшились почти до нуля. Остался только второй выход. В качестве могущественной державы, с которой можно было бы договориться, Наполеон фактически рассматривал только Россию. Почему? Ответ очень прост: Франция не имеет с Россией непосредственных границ, нигде их интересы не пересекаются настолько, чтобы не было возможности разрешить их мирным путем. Между двумя державами, напротив, лежат государства, с которыми у каждой из них серьезные проблемы. И самое важное: Наполеон считал, что социально-политические изменения во Франции никак не угрожают внутреннему порядку в России. Поэтому Тильзитский мир и союз в 1807 году были абсолютно искренними со стороны императора французов. Война с Россией была для Наполеона стратегически и политически ненужной, а в военном смысле невыгодной. Напротив, мир и союз сулили надежды на то, что его империя надежно утвердится. Парижская биржа, самый беспристрастный из всех наблюдателей, подтверждает это безоговорочно. Курс 5% ренты, который колебался в 1805—1807 годах между 60 и 80 франками, поднялся до 93,4 при известии о заключении Тильзитского мира. На такой высоте этот «барометр доверия правительству», как называл биржу Наполеон, не был никогда ни до, ни после. Вполне понятно, что император французов делал все возможное, чтобы поддержать и сохранить любой ценой этот мир.

Иное настроение было в России. *«Общество французов нам ни к чему не служило; ни один из нас не искал не только дружбы, даже знакомства ни с одним из них, невзирая на их старания,* — писал впоследствии Денис Давыдов.— *1812 год был уже посреди нас, русских, с своим штыком в крови по дуло, с своим ножом в крови по локоть».*

Аристократический Петербург встретил известие о мире с нескрываемой враждебностью. Шведский посланник Стединг писал: *«Неудовольствие против императора (Александра I.—* О. С.) *все увеличивается... и императору со всех сторон угрожает опасность. В обществе говорят открыто о перемене правления и необходимости передать престол по женской линии — возвести на престол великую княжну Екатерину».* Но Александр I довольно быстро начал отклоняться от условий Тильзита. Хотя и с согласия Наполеона, Россия вскоре отбирает у шведов Финляндию, а у турок Молдавию и Валахию. Русский царь в то же время активно подталкивает австрийцев к новой войне с Францией. Характерно, что в ходе самой кампании 1809 года Россия фактически игнорирует союзнические обязательства, нарушает условия континентальной блокады.

Камнем преткновения стало восстановление Наполеоном в 1807 году части польского государства. Какое-то время император французов все еще стремится укрепить союз с Россией. После развода с Жозефиной он делает дипломатический зондаж в надежде получить руку сестры Александра I — великой княжны Анны Павловны, но после долгих унизительных проволочек Наполеону дают знать, что ему будет отказано.

Отношения накаляются. Начиная с 1810 года русские войска понемногу подтягиваются к границам. В бумагах многих государственных и военных деятелей прослеживается одна идея: начать превентивную войну и раздавить «очаг заразы» — герцогство Варшавское, поднять против Наполеона Германию и уничтожить французскую империю, покончив тем самым с революционной бациллой в Европе.

Вот что писал в феврале 1811 года генерал Беннигсен, подготавливая план военных действий против Франции: *«Не лучше ли ей (России.—* О. С.) *предупредить своих неприятелей наступательной войной... Наиболее полезно овладеть Варшавою (коей потеря поразила бы и обезоружила часть поляков, неблагорасположенных к России)... Итак, ясно видно, что Наполеон на первый случай не может иметь более как 90 тысяч французов в своем распоряжении на войну с русскими... прибавим к сему, что, оставаясь в оборонительном положении, дадим мы полякам увеличить их войска, между тем как наступательными действиями, если не успеем мы истребить или рассеять польской армии, то по крайней мере уменьшим ее гораздо, обезоружа оную хотя бы частью... Ко всему этому, что изъяснил я, кажется мне, что власть Наполеона никогда менее не была опасна для России* (sic!), *как в сие время, в которое он ведет несчастную войну в Гишпании и озабочен охранением большого пространства берегов...»*

Подобные мысли недвусмысленно высказаны в «Политическом мемуаре», представленном Александру I д'Аллонвилем. Здесь прямо говорилось, что необходимо *«...начать наступление, вторгнувшись в герцогство Варшавское, войдя по возможности в Силезию, и вместе с Пруссией занять линию Одера, чтобы заставить выступить германских князей и возбудить восстание на севере Германии. 2. Расформировать польское правительство, рассеять его вооруженные силы... и безжалостно разорить герцогство* (!), *если придется его оставить... 9. Нападать только с подавляющим превосходством сил и выгодой ситуации... Нельзя терять из виду, что человек, с которым мы воюем, соединил силы старой Франции с завоеваниями новой Франции и силами организованного якобинизма, который составляет сущность его власти. Мало поэтому поставить препятствие на пути столь большой мощи, но необходимо ее уничтожить».*

Такие же мысли высказывали в своих заметках Багратион и его начальник штаба Сен-При, Барклай де Толли и Александр Вюртембергский.

Для Наполеона эти приготовления не остались незамеченными, однако до лета 1811 года он еще верит в возможность уладить противоречия с Россией. Но ситуация становится явно угрожающей. Более двухсот тысяч русских солдат сосредотачиваются на границах герцогства Варшавского.

Даву присылает императору один рапорт тревожнее другого. *«Нам угрожает скорая и неизбежная война. Вся Россия готовится к ней. Армия в Литве значительно усиливается. Туда направляются полки из Курляндии, Финляндии и отдаленных провинций. Некоторые прибыли даже из армии, воевавшей против турок...*

В русской армии силен боевой дух, а ее офицеры бахвалятся повсюду, что скоро они будут в Варшаве...» (3 июля 1811 из Гамбурга).

Спустя всего несколько дней Даву снова пишет: *«Сир, я имею честь адресовать Вашему Величеству последние рапорты из Варшавы, а также расписание каждого полка... Вероятно, эти рапорты сильно преувеличены, ибо согласно им в Ливонии и Подолии собрано более двухсот тысяч солдат, но ясно, что силы русских там очень значительны...»*

Император выжидает. 15 июля он пишет министру иностранных дел: *«Господин герцог де Бассано, пошлите курьера в Россию, чтобы ответить на присланные графом Лористоном депеши... скажите, что я готов уменьшить данцигский гарнизон и прекратить вооружения, которые мне дорого стоят, если Россия со своей стороны сделает нечто подобное; мои приготовления имеют оборонительный характер и вызваны вооружением России...»*

Но навстречу идут только новые тревожные донесения:

Князь Экмюльский (Даву.— О. С.) *Императору*
Гамбург, 11 июля 1811 года.
Сир, я имею честь передать Вашему Величеству рапорты из Варшавы.

Князь Экмюльский...

Августово, 27 июля.
Раньше повсюду говорили, что приготовления на границах герцогства — это лишь мера предосторожности русских, вызванная перемещением польских войск, теперь русские открыто говорят о вторжении в герцогство по трем направлениям: через Пруссию; из Гродно на Варшаву и через Галицию...

(Интересно, что именно эти направления наступления указываются во многих проектах русского командования.)

...Рапорт Лужковской таможни (на Буге) 6 июля 1811.
Три офицера из дивизии Дохтурова осматривали границу по Бугу... Русские жители и казаки уверяют, что эти офицеры приехали выбирать место для лагерей и что скоро русская армия вступит в герцогство.

...Рапорт из Хрубешова 27 августа 1811.
Письма, полученные из России, возбуждают разговоры о приближающейся войне... Повсюду в окрестностях ожидается прибытие новых войск (русских.— *О. С.*), для которых приготовляются запасы...

Рапорт генерала Рожнецкого из Остроленки 31 августа 1811.
...Новости с северной границы Ломжинского департамента подтверждают то, что уже много раз говорилось: большое количество повозок циркулирует между Пруссией и Россией. Ни от кого не скрывают, что речь идет о боеприпасах.

15 августа на торжественном приеме в Тюильри по случаю своего дня рождения Наполеон обратился к русскому послу Куракину с угрожающей речью: *«Я не хочу*

войны, я не хочу восстановить Польшу, но вы сами хотите присоединения к России герцогства Варшавского и Данцига... Пора нам кончить эти споры. Император Александр и граф Румянцев будут отвечать перед лицом света за бедствия, могущие постигнуть Европу в случае войны. Легко начать войну, но трудно определить, когда и чем она кончится...»

Речь была воспринята как объявление о разрыве с Россией. С этого момента Наполеон приходит к мысли разрубить гордиев узел политики ударом меча.

Январь 1812. Отдаются первые распоряжения о начале концентрации Великой армии, а уже в начале весны за Эльбой сосредоточились грозные массы 2-го, 3-го, 4-го и 6-го армейских корпусов.

Каковы же планы императора в готовящейся кампании? В письме к Бертье от 16 марта 1812 года Наполеон излагает свои соображения: *«Если русские не начнут агрессию, самое главное будет удобно расположить войска, хорошо обеспечить их продовольствием и построить предмостные укрепления на Висле. Короче, быть готовым выступить в поход, если война все же начнется...»* В случае русского наступления император предполагает осуществить мощный фланговый удар с севера (рубеж реки Алле), отрезать неприятеля от коммуникаций и нанести ему сокрушительное поражение. Важнейшая точка опоры подобного маневра — крепость Данциг. В 1811 году Наполеон писал Вюртембергскому королю: *«Данциг — это ключ ко всему»*. Мысль об оборонительно-наступательной операции на территории Польши была долгое время основной концепцией возможной войны с Россией.

Хотя ни в марте, ни в апреле 1812 года русская армия не перешла границ, военная машина империи Наполеона не могла уже остановиться. Из Италии и Испании, с берегов холодного Северного моря и теплой Адриатики перемещались десятки тысяч солдат, катились пушки, поднимали пыль на дорогах тысячи лошадиных копыт. Обратной дороги уже не было.

К 15 апреля основные массы первых восьми армейских корпусов сосредоточились на огромном пространстве от Эльбы до Вислы, растянувшись примерно на триста километров по фронту и на пятьсот километров в глубину.

Император — начальнику генерального штаба Бертье. Париж, 30 марта 1812.

«Мой любезный брат, если русские не двинутся вперед, моим желанием будет провести здесь (см. выше) весь апрель, ограничиваясь активными работами по сооружению моста в Мариенбурге и вооружением предмостного укрепления в Мариенвердере... Построить также надежные укрепления в Диршау на правом берегу Вислы,... которые могли бы прикрыть отступление армии, если ей придется отходить в Данциг...»

Наполеон предполагает, что Великая армия найдет в рубеже Вислы хороший барьер для защиты своего стратегического развертывания: *«Боевой порядок армии будет следующий:*

1-й корпус в Эльбинге, Мариенбурге и Мариенвердере
2-й корпус в Данциге
3-й корпус в Торне
4-й корпус и баварцы под командованием вице-короля в Плоцке
Вестфальцы, саксонцы, поляки и прусская дивизия в Варшаве
Австрийцы поддержат крайний правый фланг
Генеральная квартира и гвардия в Позене...

...Таким образом 1 мая моя армия будет в боевом порядке на Висле».

Почти в точном соответствии с директивами императора корпуса французов и их союзников в полмиллиона человек вышли в начале мая на рубежи Вислы.

26 мая из Дрездена Наполеон отдает директивы о марше к границам России. Война фатально предрешена.

В инструкциях, данных в тот день Даву, войска должны иметь на подходе к границе хлеб на четыре дня у каждого солдата и муки на двадцать дней в обозе, причем *«...оставленные позади багажи смогут нагнать армию после первой экспедиции»*. По замыслам французского полководца, бои с русскими войсками будут недолгими. (Он знал, что в русском лагере нет единого мнения на предстоящие боевые операции, нет фактически единого командования и многие генералы кипят желанием наступать. И был уверен, что сможет разгромить русскую армию в пограничном сражении, при этом часть русских войск обязательно перейдет в наступление, а основные боевые операции развернутся в Польше.)

26 мая Наполеон пишет брату Жерому, командующему южной группой корпусов: *«Я поручаю вам защиту мостов в Пултуске и Сироцке, на Нареве и Буге, потому что в моем выдвижении я дам неприятелю возможность наступать до Варшавы»*. Еще яснее он излагает свою концепцию действий в письме брату от 5 июня из Торна: Жером должен *«...заставить всех предполагать, что вы будете двигаться на Волынь и приковать противника как можно дольше к этой провинции, в то время как я обойду его правый фланг... Я перейду Неман и займу Вильну, которая будет первой целью кампании... Когда этот маневр будет замечен неприятелем, он будет либо соединяться и отступать, чтобы дать нам битву, либо сам начнет наступление... Во втором случае, когда... враг будет под стенами Праги (предместье Варшавы.—* О. С.) *и на берегах Вислы, ...я охвачу его,... и вся его армия будет сброшена в Вислу...»*

Рапорты Рожнецкого, Сокольницкого и других не прошли бесследно. В первых числах июня (всего за несколько дней до вторжения!) он уверен, что русская армия будет контратаковать. Впрочем, так уж ли он заблуждался? *«Неприятель, собранный на разных пунктах, есть сущая сволочь... Прикажи, помолясь Богу, наступить...»* — писал 20 июня Александру I князь Багратион.

Наполеон — Бертье 10 июня из Данцига: *«...В то время как противник начнет наступательные операции, которые не дадут ему никаких выгод, ибо по самым здравым рассуждениям он уткнется в Вислу, он проиграет несколько маршей; левый фланг нашей армии, который перейдет Неман, навалится на его правое крыло раньше, чем он сумеет предпринять контрмеры. Если же противник не произведет никаких перемещений, король (Жером.—* О. С.) *должен угрожать Гродно и Белостоку... Но общий план все равно таков, чтобы, уступая им территорию на нашем правом фланге, выдвинуть левое крыло вперед...»* Задача Жерома — действовать прежде всего осторожно и согласовывать свои маневры с общим движением Великой армии.

Наполеон не только остерегается наступления русских — он считает, что их силы в наступающем крыле будут велики, и в письме Бертье от 11 июля указывает: *«...Самое важное, чтобы наше правое крыло не втянулось в бой против превосходящих сил и слаженно отходило с одной позиции на другую»*(!)

Четыре дня спустя император отдает последние предварительные распоряжения. Он намечает пункты, где должны начать операцию три основные группы корпусов. Левое крыло под началом Наполеона (около 220 тысяч человек) должно было форсировать Неман неподалеку от Ковно; центральная группа (около 80 тысяч человек) под командованием Евгения Богарне должна была переправиться между Ковно и Олитой; правая группа (около 70 тысяч человек) под командованием Жозефа Бонапарта должна была действовать в направлении Гродно. Наконец, 10-й корпус Макдональда выдвигался, чтобы обеспечить прикрытие крайнего левого фланга основной группировки, а австрийский корпус Шварценберга прикрывал правое крыло стратегического фронта Великой армии.

16 июня в Кенигсберге министр иностранных дел Франции герцог де Бассано подписал ноту о разрыве дипломатических отношений с Россией и уведомил об этом правительства европейских стран, а 22 июня посол Франции в России Лористон затребовал свои паспорта вследствие разрыва отношений между странами.

Непонятно, откуда взялся миф, который гуляет в течение уже многих десятилетий по страницам отечественной литературы — Наполеон-де напал на Россию без объявления войны. Французский император скрывал не факт начала войны и не то, что его войска будут переходить Неман, но где и в котором часу они это сделают. «*Я должен перейти с главными силами у Ковно,*— писал Наполеон Даву 20 июня,— *постарайтесь не показывать неприятелю ни одного пехотинца, ни одного кавалериста. Пусть первыми солдатами, которых увидит противник, будут понтонеры*».

А на правом берегу было все спокойно, и русские полки не пытались мешать готовящейся переправе.

23 июня на биваке в лесу у Вильковышек Наполеон продиктовал приказ о форсировании Немана. Солдатам зачитывали воззвание императора: «Солдаты! Вторая польская война начата...»

Поздно вечером вольтижеры 13-го легкого полка переправились на лодках через реку. Казачий разъезд приблизился к неизвестным пехотинцам.

— Кто идет? — окликнул их командир патруля.

— Франция! — ответил командир вольтижеров.

— Какого черта вы пришли сюда?! — крикнул по-французски казачий офицер.

— Сейчас увидите...— с этими словами капитан вольтижеров приказал взять ружья наизготовку...

На рассвете солнечные лучи осветили невиданное зрелище. Полторы сотни тысяч солдат в яркой красочной униформе двинулись в строгом порядке к трем наведенным за ночь мостам. Сверкали на солнце стройные ряды штыков, блестели каски бесчисленных кавалеристов, колыхались под ветром плюмажи, развевались знамена. Под несмолкаемый крик «Да здравствует император!», повторяемый на всех языках Европы, Великая армия вступала на землю, откуда ей не суждено будет вернуться...

Война началась. В соответствии с планом Наполеона, главная часть его войск устремилась к Вильне. При внимательном анализе первых дней кампании поражает удивительная, чрезмерная осторожность, с которой французские дивизии продвигались вперед. Вплоть до занятия Вильны и даже еще некоторое время спустя Наполеон ожидал русского контрнаступления хотя бы на одном из флангов.

Наполеон — Бертье, 25 июня из Ковно.

«...Передайте Неаполитанскому королю (Мюрату.— О. С.), *что Его Величество надеется, что князь Экмюльский (Даву.—* О. С.) *уже сконцентрировал войска и что Вы со своей стороны не преминете держать сосредоточенной Вашу кавалерию... Прежде чем сделать хоть шаг вперед, нужно, чтобы ситуация на «шахматной доске» прояснилась. Особенно важно, чтобы мы заняли весь левый берег Вилии. Вице-король (Евгений Богарне.—* О. С.) *сможет поддержать нас только через два дня. Поэтому сейчас речи быть не может о наступлении на Вильну; чтобы осуществить такое ответственное движение, нужно, чтобы император находился во главе войск, а также чтобы левый фланг был надежно прикрыт».*

Бертье — Неаполитанскому королю, из Ковно, 25 июня 10¼ часа вечера.

«...Император опасается, что слишком большое рассредоточение кавалерии может привести к ненужным стычкам...»

Бертье — Нею, из Ковно, 26 июня, 5 часов утра.

«...Необходимо, чтобы вы могли прийти на помощь маршалу (Удино.— О. С.), *если он будет атакован... и чтобы он сам мог прийти вам на помощь, если Вы будете атакованы у Вильно...»*

Наполеон — Даву, из Ковно, 26 июня, 3½ часа утра.

«...Соберите Ваши войска и дайте им отдохнуть. Разведайте, есть ли хорошая позиция на случай, если неприятель атакует Вас. Поторопите генерала Компана. Соберите все выделенные отряды Вашего корпуса. Нужно, чтобы Вы постоянно держались настороже... Нельзя идти против всей неприятельской армии, так как преследуют разбитые войска...»

Бертье — Гранжану, из Ковно, 26 июня.

«...Если на Вас будут наседать вражеские войска... отступайте на Ковно, чтобы прикрыть этот город...»

Однако русские войска уходили из-под удара. Решительно начатое отступление 1-й и 2-й западных армий сорвало план французского полководца. Война приобретала совершенно иной характер... Почему?

Концепция Наполеона была построена на недостаточно точных сведениях разведки, будто русские первыми начнут боевые действия. Они «не заметили» в русском штабе иных вариантов ведения войны, и в частности возможности стратегического отступления. Потому план французского полководца был просчетом, хотя он действовал так, как в кампаниях, где добивался обычно блестящих побед.

Часто пишут, что в первый период кампании Великая армия безуспешно пыталась отрезать и разбить армию Багратиона. Нам кажется, что преследование 2-й Западной армии было для Наполеона лишь желанием добиться хоть какого-нибудь частичного успеха. Вероятно, император понял, что просчитался, уже 28 июня, вступив в Вильну.

С этого момента началась погоня за миражом, за исчезающей каждый день надеждой заставить основные силы русских дать генеральное сражение. Наполеон вынужден был продолжать наступление, которое с каждым днем становилось все более рискованным и в конечном итоге обернулось катастрофой.

ВИКТОР БЕЗОТОСНЫЙ

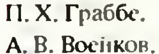
СЕКРЕТНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

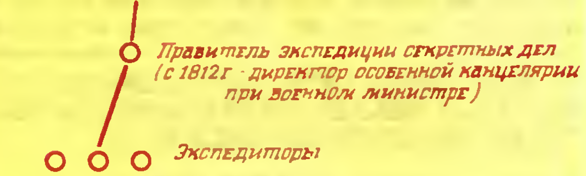
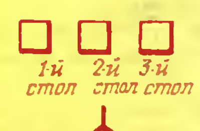
Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?






слева направо
А. И. Чернышев.
А. А. Закревский.
П. Х. Граббе.
А. В. Воейков.






В этой пушкинской строфе не случайно помянут М. Б. Барклай де Толли, *«стоическое лицо которого,— как писал поэт,— есть одно из замечательнейших в нашей истории»*. Михаил Богданович Барклай де Толли известен как военный министр, талантливый военачальник и меньше всего как создатель русской военной разведки.

Начало ей положила секретная экспедиция. Она появилась в военном ведомстве в 1810 году, а в начале 1812 года получила название Особенной канцелярии. Это и был высший орган русской военной разведки. Результаты деятельности канцелярии не включались в ежегодный министерский отчет, а круг обязанностей ее сотрудников определялся *«особоустановленными правилами»*[1]. Под разряд *«особенных дел»* подпадал сбор разведывательной информации, ее анализ, выработка рекомендаций для командования. С самого начала своего существования Особенная канцелярия работала в условиях строгой секретности и подчинялась только Барклаю. О ней не знал практически никто из современников. Поэтому и в мемуарах об эпохе 1812 года она не упоминается.

Минимальный штат сотрудников подбирался весьма тщательно. Помимо директора там служили три экспедитора и один переводчик. До 19 марта 1812 года пост директора занимал близкий Барклаю человек — флигель-адъютант полковник А. В. Воейков, начавший военную службу ординарцем у знаменитого А. В. Суворова во время швейцарской кампании. В марте 1812 года его сменил полковник А. А. Закревский, боевой офицер, имевший богатый опыт в военном деле и навыки ведения штабной работы.

Деятельность Особенной канцелярии велась в трех направлениях: организация стратегической разведки (добывать за границей стратегически важные сведения), тактической разведки (собирать данные о войсках противника на границе) и контрразведки (выявлять и нейтрализовать наполеоновскую агентуру).

Приговоренный к гильотинированию и другие

Большие надежды возлагались на стратегическую разведку. Она должна была обозначить контуры военных приготовлений грозного соседа, дать оценку военно-экономического потенциала Франции и ее союзников. Предстояло организовать за границей агентурную сеть. Именно на основе регулярно поступающих сведений можно было делать выводы о возможных действиях противника и вырабатывать собственную стратегию.

Летом 1810 года Барклай де Толли в докладе Александру I выдвинул программу организации деятельности разведки за границей и просил разрешить направить к русским посольствам военных чиновников[2].

Запрос Барклая вскоре был удовлетворен. Последовало назначение в европейские столицы военных агентов (что-то вроде современных военных атташе). Каждому из них вручались подробные письменные инструкции. В Дрезден поехал майор В. А. Прендель; в Мюнхен — поручик П. Х. Граббе; в Мадрид — поручик П. И. Брозин. В Париже такие функции возложили на полковника А. И. Чернышева, в Вене и Берлине — на полковников Ф. В. Тейля фон Сераскеркена и Р. Е. Ренни. После отзыва Ренни в 1811 году его заменил поручик Г. Ф. Орлов.

Кандидатуры на должности военных агентов подбирались весьма тщательно. Представители богатых дворянских семей Александр Иванович Чернышев, Григорий Федорович Орлов и сын генерала Павел Иванович Брозин получили прекрасное домашнее воспитание. Потомок бедного дворянина Павел Христианович Граббе окончил шляхетский кадетский корпус, воевал в конной артиллерии генерала А. П. Ермолова. Двух полковников квартирмейстерской части — голландского уроженца Федора Васильевича Тейля фон Сераскеркена и потомка шотландского переселенца из Прибалтики Роберта Егоровича Ренни — очень ценили и относили к *«числу храбрых, распорядительных и точных высших офицеров»*.

Необычную, можно сказать, авантюрную судьбу имел самый старший — 46-летний тиролец Виктор Антонович Прендель. В раннем возрасте за активную вооруженную борьбу против Французской революции он был приговорен Конвентом к гильотинированию, но ему удалось бежать из тюрьмы. Уже находясь на австрийской службе, в 1799 году он воевал под руководством А. В. Суворова и командовал казачьим летучим отрядом. Это решило его судьбу: он окончательно перешел в русскую армию и в дальнейшем использовался для выполнения секретных заданий генералов М. И. Кутузова, И. Н. Эссена, Ф. Ф. Левиза, Д. С. Дохтурова и самого российского императора. Не случайно Барклай в письме к русскому посланнику в Саксонии В. В. Ханыкову дал Виктору Антоновичу весьма лестную характеристику: *«Я рекомендую... майора Пренделя как надежного, опытного и усердного чиновника, на которого положиться можно. Он от многих наших генералов употреблен был с похвалою»*[3].

Такие же военно-дипломатические поручения не раз выполняли полковники Тейль и Ренни. Заметной фигурой был и Чернышев. Отличился он в 1809 году во время франко-австрийской войны, будучи личным представителем Александра I при Наполеоне. Особый курьер для переписки между царем и Наполеоном, он заслужил прозвище «вечного почтальона».

Все военные агенты (за исключением молодого Г. Ф. Орлова, в 22 года потерявшего ногу при Бородино и вышедшего в отставку полковником) дослужились до генеральских чинов. А. И. Чернышев же достиг вершин бюрократической иерархии — в царствование Николая I он фактически стал вторым лицом в империи.

«Вечный почтальон»

Анализ поступавшей в 1810—1812 годах развединформации показывает: самые важные сведения отправлял из Парижа А. И. Чернышев. По-светски обходительный, полковник сумел завести обширные знакомства и связи в высших кругах парижской знати. Этому способствовало его положение доверенного человека Александра I. Наполеон отличал ловкого курьера, приглашал на охоту и обеды.

Своим человеком Чернышев стал и у сестры Наполеона королевы Неаполитанской. Молва приписывала ему любовную связь с другой сестрой императора Полиной Боргезе, особой легкомысленной и ветреной. И, видимо, не случайно. В великосветских салонах о Чернышеве сложилось устойчивое мнение как о покорителе женских сердец. В глазах женского общества он поднялся еще выше после печально знаменитого бала у австрийского посла князя К. Шварценберга. Когда в разгар веселья загорелся дворец и в огне пожара погибло много людей, русский офицер не растерялся, действовал решительно и мужественно, не раз бросался в горящее здание и спас жизнь женам нескольких высокопоставленных лиц.

Репутация светского повесы служила Чернышеву прекрасной ширмой и помогала получать важную информацию от не в меру откровенных собеседников. После светских приемов он брался за перо и писал в Петербург пространные донесения. За короткий срок Чернышеву удалось создать собственную сеть информаторов в интеллектуальных сферах Парижа. Чтобы раздобыть нужные данные, он не брезговал никакими способами, в основном прибегая к подкупу. Самую ценную информацию получал из военного министерства Франции. Правда, здесь не было его особой заслуги: еще в 1804 году русскому дипломату П. Я. Убри удалось завербовать служащего военного министерства Мишеля, который, в свою очередь, привлек к сотрудничеству чиновников этого ведомства. Со временем Чернышеву передали связь с Мишелем, и он как бы получал проценты от давно вложенного в дело капитала.

Сведения из военного министерства Франции были необычайно ценны. Мишель имел доступ к составляе-

мым только для Наполеона каждые 15 дней в единственном экземпляре подробным расписаниям численного состава французских вооруженных сил. Поэтому в Петербурге в военном ведомстве отлично знали о состоянии наполеоновской армии.

Работа Чернышева в Париже закончилась в феврале 1812 года. За ним давно уже следили, подсылали ложных информаторов, а министр полиции Саври инспирировал газетную статью с прозрачными намеками на его шпионскую деятельность. Тучи сгущались, и гром мог разразиться в любую минуту. Требовалась крайняя осторожность. Но Чернышев допустил оплошность, имевшую далеко идущие последствия. Перед очередной поездкой в Петербург он не уничтожил записку от Мишеля, случайно забившуюся под ковер. Ее-то и обнаружила французская полиция, нагрянувшая в дом после отъезда русского офицера. По почерку был выявлен автор. Мишеля арестовали и гильотинировали. Для прибывшего в Россию Чернышева все закончилось благополучно.

Самый большой контингент добровольных информаторов русская разведка имела в Пруссии. Руководил им Юстас Грунер. Незадолго до войны он ушел в отставку с поста министра полиции Пруссии, переехал в Австрию и держал все нити тайной связи с немецкими патриотами. Его донесения писались «особого рода чернилами» и переправлялись русскому командованию через секретный пункт связи в г. Радзивиллове на австро-русской границе. Деятельность Грунера продолжалась до августа 1812 года, пока французская контрразведка не узнала о его местопребывании. Он был арестован австрийцами.

Мозговой центр

Все донесения разведчиков собирались в сброшюрованные книги, и на их основе проводился подсчет военных сил, которые могут принять участие в кампании против России. Кроме того, П. Чуйкевич в январе 1812 года составил дислокационную карту французских частей, где фиксировались передвижения и концентрация войск Наполеона[4].

В русских штабах численность французских сил определялась в 400—500 тысяч человек. Французские историки определили первый эшелон войск Наполеона в 450 тысяч.

Еще в сентябре 1811 года полковник Ф. В. Тейль советовал *«вести длительную и упорную войну»*, так как Наполеон рассчитывает на быстрый успех. Он предлагал отступать, *«избегать генерального сражения»*, действовать отрядами легкой конницы в тылу противника, стараться затянуть войну до зимы[5].

Аналогичные мысли высказал и Чернышев. Он исходил из тезиса: *«в политике, так же как и в военном искусстве, главное правило заключается в том, чтобы делать противное тому, чего желает противник»*. Он также предлагал затягивать военные действия и избегать больших сражений. Оценивая политическую ситуацию, предсказывал, что если война продлится две-три кампании, то победа будет на стороне России, а Европа освободится от своего угнетателя.

Идеи Тейля и Чернышева были развиты и получили законченное выражение в написанной в г. Вильно 2 апреля 1812 года записке Чуйкевича «Патриотические мысли или политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россиею и Франциею...». В ней подводился итог анализа разведданных и давались рекомендации русскому командованию. Чуйкевич высказался за необходимость вести оборонительную войну, придерживаясь при этом правила *«предпринимать и делать совершенно противное тому, чего неприятель желает»* (подчеркнуто в оригинале.— *В. Б.*). По его мнению, гибель наших армий могла иметь *«пагубные для всего отечества последствия»*. *«Потеря нескольких областей не должна нас устрашать,—* писал автор,— *ибо целость государства состоит в целости его армий»*. Он выдвинул следующую тактическую концепцию ведения войны: *«Уклонение от генеральных сражений, партизанская война летучими отрядами, особенно в тылу операционной неприятельской линии, недопускание до фуражировки и решительность в продолжении войны: суть меры для Наполеона новые, для французов утомительные и союзникам их нетерпимые».* *«Надобно вести против Наполеона такую войну, к которой он еще не привык...»*, *«...соображать свои действия с осторожностью и останавливаться на верном»*, заманить противника вглубь и дать сражение *«со свежими и превосходящими силами»* и *«тогда можно будет вознаградить с избытком всю потерю, особенно когда преследование будет быстрое и неутомимое»*[6].

Записка была написана специально для Барклая. Ценность ее, на наш взгляд, заключалась в убедительной аргументации необходимости отступления, главным защитником которого являлся Барклай, с хладнокровием и мужеством применивший свою концепцию на практике в ходе боевых действий.

Что услышишь — сообщи

На тактическую разведку возлагалась задача получения военно-политической информации на сопредельных территориях. Четкой организационной структуры она не имела. Разведработой занимались специальные резиденты, военные коменданты пограничных городов, офицеры частей, расквартированных вблизи границ. Большую помощь им оказывали гражданские и полицейские чиновники.

По приказам Барклая командиры русских частей с 1810 года начали посылать агентуру в соседние государства. Работу с агентами направляли резиденты на границе: в Прибалтике — подполковник М. Л. де Лезер, майор А. Врангель, капитан И. В. Вульферт; полковники И. И. Турский и К. П. Щиц — в Белостоке, В. А. Анохин — в Бресте, И. О. де Витт — во 2-й армии. Два особых резидента находились в г. Радзивиллове — братья Гирсы (капитан и почтмейстер). Именно в этот город стекались все разведдонесения из Европы, предназначенные для Барклая. В качестве агентов использовались и местные жители пограничных районов, выезжавшие за границу, люди случайные и в военном отношении некомпетентные. Свою информацию они черпали из увиденного или услышанного.

В последние месяцы перед войной тактическая разведка значительно активизировала свои действия. По свидетельству Л. Л. Беннигсена, командование почти ежедневно получало в Вильно *«известия и рапорты о движениях различных неприятельских корпусов»*[7]. На основе этих сведений Барклай определил, что основные силы Наполеон собрал между Ковно и Гродно, что 12 июня противник перейдет границу. Правда, точно указать место переправы разведке не удалось. По данным П. Х. Витгенштейна, французы могли переправиться в нескольких пунктах от Олиты до Тильзита. Главное,

что все генералы заранее знали о начале войны, получили инструкции, а их войска находились в боевой готовности.

Двуликий янус

Через своих корреспондентов в сопредельных государствах русские резиденты и командование воинских частей получали сведения о засылаемых в Россию эмиссарах Наполеона. В документах за 1810—1812 годы упоминается 98 разыскиваемых лиц, задействованных французскими службами, а всего до и во время войны, по нашим подсчетам, было задержано 39 агентов противника.

Вызывает интерес дело бывшего ротмистра русской службы Д. Савана. В 1811 году наполеоновские службы завербовали его, но при выполнении своего первого задания в России Саван добровольно явился к русским властям и согласился сотрудничать с русской разведкой.

В бумагах, оставшихся после смерти князя Багратиона, вместе с документами высшей воинской полиции, которая в какой-то степени явилась предшественницей печально известного III отделения, хранится этот листок.

ПРИСЯГА ДЛЯ АГЕНТОВ

Я обещаю и клянусь пред Всемогущим Богом и Святым его Евангелием, что все поручения и повеления, которые я получу от своего начальства, буду исполнять верно и честно по лучшему разумению моему и совести, что за всеми явными и тайными врагами государства, кои учинятся виновными в речах или поступках, или окажутся подозрительными, буду тщательно наблюдать, объявлять об оных и доносить, как и где бы я ни нашел их; равномерно не буду внимать внушениям личной ненависти, не буду никого обвинять или клеветать по вражде, или по другому какому-либо поводу, и все, что на меня возложится или что я узнаю, буду хранить в тайне и не открою или не обнаружу ничего ни пред кем, уже бы это был ближайший мой родственник, благодетель или друг. Все сие выполнить обязуюсь и клянусь столь истинно, как желал я. Да поможет мне Господь бог в сей ревно и будущей жизни. Если же окажусь преступником против сей клятвы, да подвергнусь без суда и добровольно строжайшему наказанию, яко клятвопреступник. Во уверение чего и подписуюсь.

ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 517.

Таким образом, был получен верный канал для дезинформации противника. Весной 1812 года при его помощи русская контрразведка выявила часть агентурной сети противника в г. Вильно, а его донесения составлялись в русских штабах.

В мае 1812 года к Александру I прибыл посланец Наполеона граф Л. Нарбонн. Миссия носила отнюдь не дипломатический, а разведывательный характер. С целью не допустить утечки сведений и дезинформировать Наполеона в «игру» был введен Саван. Он, играя роль резидента, потерявшего связь с центром, сумел передать Нарбонну подготовленную в русских штабах информацию о расположении русских армий. Все говорило о том, что Барклай будет активно противодействовать переходу Великой армии через границу и даст сражение в пограничной полосе. Поэтому вполне понятно удивление и досада Наполеона, узнавшего, что русские покинули Вильно и отступили к Двине. Войскам Барклая удалось избежать первого удара превосходящих сил противника.

Эволюция контрразведки

По мере приближения военных действий становилось ясно: необходимо создать службу контрразведки в армии. В 1812 году появилось «Учреждение для управления Большой действующей армии». Одним из секретных дополнений этого законодательного акта стало «Образование высшей воинской полиции»[8], документ, на основе которого и была построена организация русской контрразведки. Курировал ее деятельность начальник Главного штаба армии.

Первоначально планировалось создать высшую полицию во всех Западных армиях, но прижилась организация только в 1-й армии. Директором высшей полиции назначен был Я. И. де Санглен. Оперативной деятельностью занимались 10 сотрудников, переведенных в высшую полицию из других ведомств или принятых вновь на службу отставных офицеров. Если до войны сотрудники Санглена старались выявить наполеоновскую агентуру, то с началом военных действий их главной задачей стало получение сведений о движениях войск противника. Высшая воинская полиция при армии просуществовала, хотя и с несколько измененными функциями и составом, до 1815 года.

Агентурную разведку проводили также командиры авангардных (арьергардных) частей. Из сохранившейся отчетной ведомости в армии П. В. Чичагова видно, что в октябре-декабре 1812 года в тыл противника направлено 19 человек[9]. В тылу врага действовали местные патриоты — их конспиративные группы поддерживали связь с командованием. В период оккупации они существовали в Велиже, Полоцке, Могилеве, вероятно, и в других местах.

Разведчики в седле

Во время войны оперативные сведения о движениях войск противника добывались войсковой разведкой, прежде всего кавалерией. В ней несли службу казаки или иррегулярная конница. В разведочной службе они с успехом применяли свой прием «открыть и идти по сакме», то есть поиск следов кавалерии противника. В целом казачьи части представляли универсальный вид легких войск для несения дозорной службы, разведывательных целей и преследования противника.

Подводя итоги, можно сказать, что русская разведка сыграла важную роль в военных действиях 1812 года, ее деятельность во многом способствовала победе русского оружия в Отечественной войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 32. № 24971. § 133.
2. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 417. Л. 189об.—202.
3. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 421. Л.13—15.
4. ЦГВИА. Ф. 37. Оп. 191. Св. 3. Д. 18. Л. 22; Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 года. Киев, 1912. С. 26.
5. Отечественная война 1812 года. Спб., 1904. Т. V. С. 139.
6. ЦГВИА. Ф. 474. Д. 14. Л. 1—7.
7. Беннигсен Л. Л. Указ соч. С. 28.
8. ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 517. Л. 25—34; Д. 482. Л. 1—7.
9. ЦГВИА. Ф. 103. Оп. 208 б. Д. 1. Ч. 2. Л. 3—4.

БЛИЗОРУКИЙ МАРШАЛ



Из донесения военного агента в Париже полковника А. Чернышева



Даву, герцог Ауэрштадтский, князь Экмюльский. Маршал Империи, главнокомандующий войсками, расположенными на севере Германии, генерал-губернатор новых департаментов, из территории бывших ганзейских городов.

Человек грубый и жестокий, ненавидимый всеми, кто окружает императора Наполеона; усердный сторонник поляков, он большой враг русских. С момента поступления его на службу вплоть до чина дивизионного генерала, его репутация относительно храбрости была весьма сомнительною: только во время Египетской войны ему удалось ее восстановить благодаря заботливости, с какою генерал Бонапарт (знавший его, поскольку они вместе учились в Бриенской школе) постарался побудить его к этому и указать, каким именно путем надлежит ему разрушить подобное невыгодное впечатление. Даву воспользовался его советами и не только успел оказать войскам, которыми командовал, несколько действительных услуг армии, но даже успел низкою лестью совсем овладеть благосклонностью и благоволением Бонапарта, ... при восшествии Наполеона на трон был наименован маршалом Империи, хотя тогда он еще не имел таких высоких званий, как его остальные товарищи. Получив в командование 3-й корпус Великой армии, он был счастлив тем, что всегда имел под своим начальством превосходных дивизионных генералов и весьма даровитого начальника штаба.

Благодаря тому, что он был сам по себе строг и обладал искусством устраивать войска и поддерживать в них дисциплину, командуемый им корпус считался одним из самых прекрасных и наилучше содержимых во французской армии и был единственным, который оставался нетронутым и никогда не был поделен.

В кампаниии 1805 он не сделал ничего замечательного, но в 1806, следуя распоряжениям императора Наполеона, который в то время лично находился у Иены, он выиграл над пруссаками сражение у Ауэрштадта с одним своим корпусом, который был, правда, в этот период самым сильным во французской армии. Сделанный за эту победу герцогом, он в конце войны 1807 остался со своим корпусом в Варшавском герцогстве в качестве генерал-губернатора, до полного очищения французами Пруссии и герцогства.

В 1809 в войне против австрийцев его корпус оказал важные услуги как в бою при Экмюле, где Наполеон лично им командовал, так и в бою под Ваграмом, где, несмотря на грубую ошибку, сделанную этим маршалом накануне сражения, а именно 5 июля, действия его корпуса сильно содействовали тому, чтобы победа склонилась на сторону французов. После подписания Венского мира Даву был сделан князем Экмюльским, и с этих пор благосклонность к нему только возрастала.

В настоящее время это тот маршал, который имеет наибольшее влияние, ему Наполеон более, чем всем другим, доверяет и которым он пользуется наиболее охотно, будучи уверен, что каковы бы ни были его приказы, они будут всегда исполнены точно и буквально.

Даву совсем не имеет талантов, необходимых для главнокомандующего армией, но руководимый Наполеоном может оказать выдающиеся услуги. Не обнаруживая под огнем особо блестящей храбрости, он очень настойчив и упорен и сверх того умеет всех заставить повиноваться себе. Этот маршал имеет несчастье быть чрезвычайно близоруким.



Удино, герцог Реджио. Также находящийся в Париже.

После смерти маршала Ланна маршал Удино отмечен во всей французской армии как обладающий наиболее блестящей храбростью и личным мужеством, наиболее способным произвести порыв и породить энтузиазм в тех войсках, которые будут под его началом.

Удино начал службу рядовым и довольно быстро достиг генеральского чина. Во время Швейцарской кампании он исполнял обязанности начальника штаба в армии Массены и принимал большое участие в его операциях. В 1804 он принял команду над гренадерским резервом Булонской армии; во главе этих храбрецов он оказал важные услуги в кампаниях 1805, 1806 и 1807 годов и достиг того, что приобрел для своего корпуса репутацию удивительно храброй части. В последней войне с австрийцами, когда его гренадеры послужили кадрами для сформирования трех новых дивизий, он командовал двумя из них, под начальством маршала Ланна; они участвовали почти во всех делах этой кампании, вошли первыми в Вену и особенно отличились в бою при Эсслинге, где Удино был легко ранен. Когда маршал Ланн был убит, он получил в командование его корпус, и был одним из тех, кто наиболее способствовал выигрышу Ваграмской битвы, за что сделан маршалом Империи.

Удино никогда не был главнокомандующим; представляется маловероятным, чтобы Наполеон мог поручить ему вести армию и поручить ему самостоятельное руководство ею. Но в то же время никто так не хорош под огнем, как он; безусловно, что из всех маршалов Франции он один может быть употреблен с наибольшим успехом в тех случаях, когда нужно выполнить поручение, требующее точности и неустрашимости. Не будучи очень образованным человеком, Удино не страдает недостатком знаний; его отличительные черты — это здравый смысл, большая откровенность и честность; друзья и недруги все единогласно отдают ему в этом должное.



Лефевр, герцог Двицигский. Маршал Империи и сенатор...

Лефевр, сын мельника из Руффаха в Эльзасе, еще очень молодым поступил на службу в полк французской гвардии. С началом революции он быстро повышался в чинах и в качестве дивизионного генерала, состоя под начальством генералов Журдана, Пишегрю и Моро, участвовал во всех кампаниях, которые вела республика и в течение которых он постоянно выделялся громадным мужеством и редкою неустрашимостью. По возвращении в Париж он был назначен комендантом столицы, но сейчас же уступил это место генералу Бонапарту, которому он оказал большие услуги в день 18 брюмера; зато, как только Бонапарт получил власть в свои руки, он определил Лефевра сенатором и маршалом Империи.

В кампании 1806 он командовал всею гвардейскою пехотою и к концу войны получил назначение руководить осадою Данцига, где он имел под своею командою корпус французских войск и корпус из войск Рейнского союза... В 1809 в борьбе с тирольцами Лефевр командовал двумя баварскими дивизиями, к которым были присоединены кое-какие слабые отряды из войск французских. Во время этой кампании он имел несколько неудачных для себя дел и находился в постоянных пререканиях с наследным баварским принцем, который возбуждал против него частые и весьма строгие выговоры со стороны императора Наполеона.

Лефевр не получил никакого воспитания; будучи глубоко невежественным человеком, имеет за собою только большой опыт, много мужества и неустрашимости. Неспособный действовать самостоятельно, он может, однако, успешно выполнять те операции, которые ему будут указаны. Маршалу Лефевру от 55 до 60 лет, но он еще очень свеж и очень крепкого здоровья.



Груши. Граф Империи. Дивизионный генерал, генерал-полковник конных егерей, кавалер большого креста Почетного Легиона.

Груши, прослужив в Конной гвардии короля, был в эпоху революции назначен полковником в драгунский полк Конде. Когда он стал дивизионным генералом, им воспользовались для борьбы с Вандеею; затем он с большой пользой участвовал в первых кампаниях в Италии, в течение которых на него возлагали весьма важное командование; в 1799, в день сражения при Нови, он был ранен и попал в плен к русским; в 1800 под началом генерала Моро командовал половиною Рейнской армии и принял деятельное участие в победе под Гогенлинденом; потом, назначенный командиром драгунской дивизии, он сделал с Великою армиею походы 1805, 1806 и 1807 годов. Эти войны, обильные военными событиями, давали ему частые случаи проявить свои таланты и свои достоинства; в 1809, состоя со своей дивизией в Итальянской армии и командуя в то же время всей кавалерией, он много способствовал успеху операций этой армии и был весьма полезен в дни Рааба и Ваграма.

Будучи близким другом генерала Моро, Груши маловлиятелен и находится еще далеко от тех милостей, которые Наполеон уже оказал другим его товарищам. В отношении нравственном этот генерал пользуется всеобщим уважением — результат незапятнанной репутации и безукоризненного поведения; офицер крупных достоинств, он имеет за собою глубокие познания в военном деле, и в особенности в том, что касается кавалерии; быть может, он слишком методичен, а при желании ничего не предоставлять случаю, достаточно ли пользуется он теми счастливыми преимуществами, которые могут создать для этого оружия энергия и решимость того, кто им руководит. Основание для такого вывода дают сражения при Фридланде и Ваграме; в первом из них Груши командовал всей кавалерией, находившейся на левом фланге французской армии, и перед ее глазами началось отступление большей части русской армии и ее артиллерии через броды на Алле, и все же кавалерия не получила от него приказа трогаться. Что же касается до второго сражения, то очевидно, что, имея под своим началом всю кавалерию правого фланга армии и значительно превосходя по своей численности противника, он мог бы лучше воспользоваться своими преимуществами, чем сделал, особенно в момент отступления австрийской армии.



Компан. Граф Империи. Дивизионный генерал, начальник штаба корпуса маршала князя Экмюльского, кавалер большого офицерского креста Почетного Легиона.

Компан всегда был привлечен к службе генерального штаба армии, основательно знал свое дело и во всех войнах, в которых принимал участие, проявил таланты офицера самых выдающихся достоинств.

Также можно его по справедливости назвать и творцом маршала Даву, ибо это он руководит операциями его корпуса и заставляет приводить в исполнение возложенные на него задачи. Это он, за отсутствием маршала, является командующим войсками, составляющими корпус.

ЦГВИА. Ф. 846. Оп. 16, Д. 3599, Л. 1—5.

Уточненный перевод с французского
А. ВАЛЬКОВИЧА

АЛЕКСАНДР ВАЛЬКОВИЧ

ОТ РЕЗИДЕНТА В ПЕТЕРБУРГЕ...

Под видом путешественников и торговцев, монахов и артистов, врачей и гувернеров в России действовали тайные агенты, на содержание которых в Париже не скупились. Но наиболее ценные сведения поступали из французского посольства в Петербурге. Именно отсюда незадолго до начала войны Наполеону представили заметки о русской армии и ее военачальниках, собранные за год (с весны 1811 до весны 1812). Эти материалы не могли не привлечь внимания французского императора, тщательно изучавшего все, что могло быть полезным в предстоящем походе. Они так и остались бы достоянием французского штаба, если бы вместе с другими бумагами их не отбили казаки во время ретирады Великой армии.

О чем же эти заметки? Тут краткая характеристика 58 генералов и 4 офицеров русской армии. Многие из них относятся к свите царя, генералитету Дунайской армии, сражавшейся с турками, гвардии и войскам, расположенным в Петербурге. Сведения весьма точные и, надо признать, достаточно объективные.

В 1906 году военный историк П. Н. Симанский опубликовал этот любопытнейший документ[1]. Учитывая библиографическую редкость этого издания, а также недостатки перевода, считаем необходимой новую публикацию. Наша выборка содержит характеристики только тех генералов, которые непосредственно участвовали в событиях Отечественной войны.

Мы публикуем также выдержки из «Заметок о некоторых полках русской армии»[2]. Эти материалы дают общее представление о 25 полках и одной пехотной дивизии. Значительная часть этих полков принадлежала Дунайской армии, где некоторое время находился и французский разведчик. «Заметки» датированы 26 августа 1811 года. Части, с которыми довелось познакомиться нашему автору, произвели на него в целом самое благоприятное впечатление: «Прекраснейший полк, очень храбрый, хороший полк, с хорошими офицерами...» Эпитет «плохой» он употребил только один раз. В числе трофеев эти бумаги попали к графу А. А. Аракчееву и остались в его личном архиве. Очевидно, именно о них, равно как и сведениях о русских генералах упоминал в мемуарах первый секретарь Наполеона А. Фэн, когда писал: «В России казаки захватили у нас коляску, где находились наши книжки об их армии...»[3]

Кто же их составил? Симанский определил, что это француз, состоявший при Петербургском посольстве. Советский исследователь В. М. Безотосный высказал предположение, что автором был адъютант французского посла в России Ж. А. Лористона — де Лонгерю[4]. Мы сочли необходимым продолжить расследование.

Обратимся вновь к его заметкам, принимая во внимание не только содержание, но и манеру изложения. Очевидно, что автор — человек молодой и светский. Сорокалетних генералов он называет пожилыми, не обходит вниманием молодых и хорошеньких генеральш и непременно отметит приятные или грубые манеры, вежливый тон и хорошее воспитание. Человек он, несомненно, военный, умеющий оценить по достоинству как боевого генерала, так и отдельный полк. И, наконец,— ключ к разгадке: в заметке о генерале Росси автор упоминает о каком-то «деле с фельдъегерем в дороге» из Петербурга в Ригу. Обратившись к мемуарам Армана де Коленкура, бывшего посла Наполеона в России, мы узнаем подробности.

Весной 1812 года молодой французский офицер *«ехал в качестве курьера в тяжелом закрытом экипаже, медленно продвигавшемся через пески, и поссорился с русским курьером, легкая почтовая кибитка которого обогнала его. Француз думал, что он имеет право, как и во Франции, запретить русскому обгонять его; русский, пользуясь своим правом правительственного курьера и преимуществами своей легкой повозки, продолжал торопить ямщика и без труда обогнал экипаж де Лонгерю, наполовину застрявший в грязи. Де Лонгерю, окончательно рассердившись, начал стрелять в русского из своих пистолетов, но русский не обратил внимания ни на эту пальбу, ни на угрозы. В Риге в это дело вмешался губернатор, который указал молодому французу на его неподобающее поведение, и хотя разрешил огорошенному молодому человеку продолжать путь из уважения к его должности дипломатического курьера, но в то же время сделал доклад своему двору. Лористон до такой степени был недоволен поведением слишком пылкого адъютанта, что отчислил его...»*[5] Остается добавить, что адъютант был прощен своим генералом и сопровождал его в русском походе.

Итак, автор обнаружил себя. Бесспорно, это капитан де Лонгерю.





Генерал Кутузов-Голенищев. Главнокомандующий Молдавской армией, 65 лет, хороший генерал, весьма уважаемый в России, хороший тактик, очень храбрый перед лицом неприятеля. Очень богат.



Генерал Барклай де Толли. Военный министр. Лифляндец, женился на курляндке, которая видится у себя только с дамами из этих двух провинций. Это человек 55 лет, немного изможденный, великий труженик, пользующийся превосходной репутацией.



Генерал Витгенштейн. Генерал-лейтенант. Командует правофланговым корпусом Западной армии. Говорят, что это еще молодой человек, без средств, но полный честолюбия, сильно рассчитывающий на войну, чтобы составить себе состояние и карьеру.



Принц Евгений Вюртембергский. Генерал-майор, 24 лет, командир гренадерской бригады, шеф Таврического гренадерского полка. Хороший генерал, имеющий большие военные дарования, очень храбрый в огне; много изучающий военное искусство; состояние скромное.



Генерал Кульнев. Генерал-майор, шеф Павлоградского гусарского полка, очень хороший генерал, чрезвычайно храбрый, любимый своими солдатами, всегда среди них, обедающий с ними, одетый, как они; хорошо знающий тактику.

40 лет. Энергичный, это Ласалль русской армии.



Генерал Уваров. Первый генерал-адъютант Императора, командует 1-й кирасирской дивизией, 1-й шеф кавалергардов. Это видный военный, очень плотный и крепкий, немного грубый по своим манерам, но тем не менее имеющий значительные связи. (...)



Генерал граф Сен-При. 38 лет. Шеф 6-го егерского полка, генерал-адъютант Императора, храбрый генерал, очень умный, деятельный, хороший тактик. Был ранен в последней кампании против французов. Очень любим офицерами и солдатами. Состояние скромное.



Генерал Милорадович. Михаил Андреевич, 38 лет, военный губернатор Киева, пользуется большой популярностью, но не очень хороший генерал; в военном искусстве никогда не делал больших успехов; прежде был адъютантом маршала Суворова, и это во многом способствовало его возвышению. В начале войны с турками командовал авангардом и там получил чин полного генерала. Дурной человек, проевший все состояние. (...)



Генерал Паскевич. 38 лет, в 5 лет прошел все чины, получив их за храбрость в этой войне с турками. Еще поручиком он был флигель-адъютантом Императора. Состояние незначительное.



Генерал Колюбакин. Генерал-майор, 40 лет. Командир 12-й дивизии, шеф Смоленского полка, плохой генерал, большой трус, мало любим своими войсками. Большой игрок. (...)



Генерал Воронцов. 30 лет, только что произведенный в этот чин за храбрость, проявленную против турок при взятии Базарджика. Обладает хорошими познаниями в военном деле и очень любим своими солдатами и вообще всеми офицерами армии. Необычайно богат. (...)



Барон Розен. Генерал-майор императорской гвардии, командует одним из гренадерских полков: это лифляндец, еще молодой, недавно женившийся на молодой графине Лизе Зубовой, которую он взял с собой в Вильну. (...)



Генерал Депрерадович. Генерал-майор, шеф кавалергардов, 36 лет, с манерами очень приятными и очень мягкими. Хорошо воспитан, очень любим офицерами своего полка.

Домашняя обстановка его очень скромная. (...)



Генерал Воинов. 40 лет, командир кавалерийской дивизии, очень хороший офицер, очень храбрый и очень предприимчивый. Большей части своих чинов он обязан своей храбрости. Всегда командует авангардами.

Состояние скромное.



Генерал Орлов-Денисов. Генерал-майор. Казак. Генерал-адъютант Его Величества, один из главных казачьих начальников, командует полком гвардейских казаков. Это красивый молодой человек, крепкого сложения; говорит по-французски мало, и его не встречают в обществе.



Генерал Засс. Андрей Павлович, 57 лет, командир кавалерийской дивизии; очень хороший кавалерийский офицер, очень храбрый под огнем и довольно сведущий в тактике, любим войсками.

Состояние скромное. (...)



Генерал Ланской. Генерал-майор, 32 года. Шеф Белорусского гусарского полка, был прежде флигель-адъютантом Императора: хороший генерал, очень храбрый в огне, очень любимый в своем полку и вообще в армии. (...)



Генерал Эссен 3. Петр Кириллович, 38 лет, начальник 8-й пехотной дивизии, хороший генерал и очень храбрый под огнем; всегда употребляемый для действительной службы. Имеет достаток.



Генерал Репнинский 1. 48 лет. Командир 16-й пехотной дивизии, довольно хороший генерал, очень храбрый, несколько раз раненный в войнах с французами, обладающий большим умом.

Состояние скромное. (...)



Генерал Палицын. Иван Иванович, 45 лет, командир пехотной бригады, плохой генерал. Без головы и трус, впрочем, человек видный.

Состояние скромное. (...)



Генерал Ланжерон. Александр Федорович, 47 лет, хороший генерал, очень деятельный, с большим присутствием духа, в особенности очень хороший инженер. Не на особенно хорошем счету у двора, с большим трудом получил повышение за дело под Рущуком 4 июля.

Средства незначительные. (...)



Генерал Бахметьев. Командир 26-й д[ивизии]. Генерал-майор, служащий в армии, очень хороший генерал, чрезвычайно храбрый, довольно хороший военный, любимый своими солдатами и вообще всеми офицерами; был очень тяжело ранен при штурме Рущука.

30 лет, богат, шеф Сибирского полка.

Принц Мекленбургский. Генерал-майор, 28 лет, командир 2-й гренадерской дивизии, шеф Московского гренадерского полка; довольно хороший генерал, очень храбр в огне, но глуповат; любим своими офицерами и солдатами, любит много выпить; когда идет в огонь, то имеет обыкновение поить своих солдат допьяна. Состояние незначительное. (...)

О полках русской армии

Либавский мушкетерский. 26 августа. С августа месяца этот полк находится в Луцке, являясь составной частью 7-й дивизии. (...)

Либавский полк, вероятно, является самым полным по составу и прекрасным в русской армии; на 15 августа 1811 г. в нем было 2075 человек.

Его депо находится в Либаве.

Вятский мушкетерский. Этот полк потерял много людей в деле при Рущуке. Один из его капитанов был убит собственными солдатами.

Украинский мушкетерский. Хороший полк. Участвовал в штурме Рущука, где потерял 600 человек.

Нашебургский мушкетерский. Хороший полк, состоящий из старых солдат. Прекрасно организован и всегда находится в комплекте. Мало был в огне.

Витебский мушкетерский. Этот полк превосходно проявил себя в кампании против турок. Он находится под командой полковника Паскевича.

Апшеронский мушкетерский. Этот полк был 2 раза переукомплектован во время последней кампании против турок. При штурме Рущука он потерял до 700 человек и 27 офицеров. После этого дела он был отправлен в Молдавию для переформирования. Он имел тогда не более 300 человек.

Нарвский мушкетерский. Очень храбрый полк и под хорошим командованием. Каждый солдат получил медаль за штурм Базарджика.

За это же дело полковник Воронцов был произведен в генерал-майоры.

6-й егерский. Очень храбрый. Был дважды переукомплектован во время Дунайской кампании. (...)

27-й егерский. Храбрый. Был 2 раза переукомплектован во время войны против турок. Офицеры храбры, но известны своим пьянством.

43-й егерский (бывший Новгородский мушкетерский). Этот полк, называвшийся Новгородским во время кампании 1805, плохо проявил себя в сражении при Аустерлице, где он потерял свои знамена; два его фузилерных батальона обратились в бегство.

Император отдал приказ по армии, чтобы солдаты этого полка не носили больше сабель, а офицеры — темляков, отметив, что в течение 40 лет полк не будет избавлен от этого наказания и ранее потерянные знамена не будут ему заменены.

После того как он отличился против турок, Император помиловал этот полк и переименовал его в 43-й егерский.

Санкт-Петербургский драгунский. Этот полк участвовал в финляндской кампании[6]. Потеряв в одном деле 3 штандарта, очень быстро отбил их обратно у шведов. Хороший полк, имеет прекрасный конский состав.

Лифляндский драгунский. Хороший полк. Он был при Базарджике. За эту кампанию получил медали и серебряные трубы.

Житомирский драгунский полк. Плохой полк, испорченный и обворованный в период, когда им командовал генерал-майор Ребиндер, умерший в Молдавии.

Стародубовский драгунский. Храбрый полк. Получил георгиевские штандарты и медали за штурм Базарджика.

Белорусский гусарский. Очень храбрый полк, с хорошими офицерами. Дважды был переукомплектован во время Дунайской кампании.

Ольвиопольский гусарский. Очень храбрый полк. Был при Базарджике, получил медали и серебряные трубы.

Дивизия генерала Лаврова. Эта дивизия, не участвовавшая в войнах ни против турок, ни против французов, является в русской армии самой полной по составу.

Волынский уланский. Хороший полк, сформированный из людей всех наций — французов, пьемонтцев, венгров, молдаван и прочих.

Сибирский гренадерский. С 1808 года этот полк был переукомплектован 3 раза.

При Рущуке он потерял более 700 человек и 15 офицеров; капитан Руссо, француз, служивший в этом полку, был убит при штурме Рущука.

Великолепный полк с тех пор, как им командует Бахметьев.

Малороссийский гренадерский. Был переукомплектован 2 раза с начала войны против турок.

Потерял 800 человек при Рущуке; полковник Бремен, который им командовал при штурме этой крепости, был уволен со службы за то, что плохо проявил себя в этом деле. (...)

Московский гренадерский. Прекраснейший, весьма знаменитый в русской армии. Он получил в Дунайскую кампанию 500 георгиевских крестов, а каждый солдат — медаль за храбрость, проявленную полком при штурме Базарджика.

Этот полк получил георгиевские знамена за свои действия в Италии и серебряные трубы после сражения при Прейсиш-Эйлау.

Фанагорийский гренадерский. Этот полк получил георгиевские знамена, а каждый солдат — медаль за штурм Базарджика.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Симанский П. Н. Перед войной 1812 года (Характеристики французских и русских генералов) // Военный сборник, 1906, № 1—2.
2. ЦГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 93. Л. 145—171. Публикуется впервые. Перевод и комментарии А. А. Васильева.
3. Fain A. Memoires du baron Fain, premier secretaire du cabinet de l'empereur. Paris, 1909. P. 84.
4. См.: Безотосный В. М. Разведка Наполеона в России перед 1812 годом // Вопросы истории. 1982. № 10. С. 89.
5. Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 72.
6. Ошибка: полк не участвовал в войне 1812 г.; эпизод с штандартами — вымысел. Полк покрыл себя славой в кампаниях против Наполеона, став «рекордсменом» по числу захваченных знамен и штандартов.

ИЛЬЯ КУДРЯШОВ

ПРИЗРАК ВЕЛИКОЙ ЛИТВЫ

Война! Война! Угла земли
Во всей Литве не оставалось,
Где б треска, грома не промчалось.
Адам Мицкевич.
«Пан Тадеуш».

ОБ ОДНОЙ МАЛОИЗВЕСТНОЙ СТРАНИЦЕ ВОЙНЫ



Наполеоновская армия в Вильно. Рис. с натуры (1812).

Еще недавно всерьез принималась точка зрения, согласно которой народы, населявшие тогда Российскую империю, едва ли не в едином порыве поднялись против французских захватчиков. На стороне врагов были только коварные угнетатели — кичливая польская шляхта. Получалось, что подавляющая часть населения западных губерний готова была восторженно подставить шею под сладчайшее ярмо православия и крепостничества. Все было не так однозначно.

Княжество Литовское, о котором пойдет речь, проще всего назвать «марионеточным» государством, наполеоновской фантазией. Конечно, оно держалось на французских штыках и рассыпалось одновременно с уходом Великой армии. Вместе с тем, это было образование, имевшее все атрибуты государственности (границы, органы власти, регулярную армию). Идею такого рода государств поддерживали не только общественные верхи... Читая эту статью, нужно иметь в виду, что территория нового государства была заселена разными народами: белорусами, поляками, евреями, немцами, караимами, а собственно литовские земли составляли явное меньшинство. Так что говорить о попытке создания «национальной государственности» совершенно неправильно.

В 1795 году актами третьего раздела Речи Посполитой Пруссия, Австрия и Россия уничтожили польско-литовское государство. 25 декабря того же года Екатерина II подписывает указ о присоединении к России литовских областей. На протяжении полутора десятилетий русское и французское влияния с переменным успехом соперничали в Литве.

24 июня 1812 года наполеоновская армия перешла через Неман недалеко от Ковно. А в полдень 28 июня в Вильно торжественно вступили части Великой армии. Открывал движение 8-й польский уланский полк, которым командовал князь Доминик Радзивилл, потомок древних литовских князей. Население встретило французов с симпатией, неделю спустя в городе уже открылись лавки — первый признак спокойствия горожан и их поддержки нового режима. К 10 июля французы заняли Минск, Новогрудок, Пружаны; к 26 июля вышли к Двине и Днепру. Отступая, русские жгли склады, которые не успевали эвакуировать, уводили крестьянский скот.

Несмотря на призывы поляков восстановить Польское королевство в старых границах, Наполеон отвечал им уклончиво — он не хотел, чтобы между ним и Александром I вставало непреодолимое препятствие для заключения мира. Часть литовской шляхты не хотела объединения с Польшей, мечтая о создании самостоятельного государства. Поэтому Наполеон не присоединил Литву к герцогству Варшавскому, проигнорировав просьбы польского Сейма. Так на очень короткое время появилось княжество Литовское.

Справка. *Княжество Литовское было создано на территории Виленской, Гродненской, Минской губерний и Белостокской области, которые составили 4 департамента. Население этих территорий колеблется, по оценкам разных авторов, между 2,5 и 3,5 млн. человек. В Вильно, столице княжества, жило 35 тыс. человек.*

Гражданское управление княжества возглавила назначенная Наполеоном 1 июля Комиссия Временного Правительства из 7 человек (Станислав Солтан, Карл Прозор, Юзеф Сераковский, Александр Сапега, Франц Ельский, Александр Потоцкий, Ян Снядецкий). В ее функции входили финансовые вопросы (сбор налогов и распределение бюджетных сумм), организация вооруженных сил, формирование жандармерии и суда. Комиссия осуществляла высшую гражданскую власть в стране. При ней состоял комиссар барон Биньон, представлявший французское правительство. В каждом из департаментов учреждалась административная комиссия из 3 человек, назначавшаяся лично Наполеоном, и при ней французский чиновник (интендант). Департаменты, в свою очередь, делились на дистрикты во главе с супрефектом, в их подчинении были инспекторы кантонов и делегаты коммун. Для самоуправления городов учреждались муниципалитеты. Приказом от 1 июля Наполеон назначил мэра Вильно, четырех его помощников и 12 членов муниципального совета. Мэром стал Михал Ромер. А 16 сентября его сменил на этой должности Ян Хорайн. Как и во Франции, вся исполнительная власть была сосредоточена в руках мэра и его помощников, члены муниципального совета имели лишь совещательный голос.

Высшая военная власть в княжестве принадлежала назначенному 8 июля генерал-губернатору графу Дирку ван Гогендорпу, а в каждом департаменте действовал военный губернатор. В Виленском департаменте им стал известный в будущем военный теоретик и историк генерал Жомини, в Гродно — генерал Брюи, в Минске — генерал Барбанегр, затем генерал Бронниковский, в Белостоке — генерал Феррьер.

По приказу Наполеона в городах создавалась национальная гвардия (в Вильно она насчитывала 1450 человек в двух батальонах, ее командиром стал отставной полковник Козельский). Служба в гвардии была обязательной для всех горожан мужского пола от 18 до 50 лет, владевших недвижимостью. Они жили дома, а по воскресеньям собирались на учения (их проводили польские офицеры). Национальная гвардия Литвы почти не принимала участия в боевых действиях, за исключением Виленской, защищавшей в декабре 1812 года свой город от русской армии. Одновременно Наполеон учредил литовскую жандармерию из 1800 человек для обеспечения воинского порядка.

Новорожденная государственная машина с первых дней работала со скрипом. Генерал Гогендорп был очень недоволен работой новых властей: «Они ничего не делают». В итоге 24 августа он был поставлен во главе комиссии. «Власть военная и власть гражданская должны быть совмещены»,— писал по этому поводу Наполеон. Среди самих французов тоже не все ладилось. Гогендорп и генерал Жомини не уживались друг с другом. Конфликт быстро разрешился в пользу старшего чином — 30 августа Жомини был снят с должности Виленского губернатора и направлен на равноценную должность в выжженный Смоленск (лишь 4 октября его место занял генерал барон Годар).

Между тем население оказывало поддержку новому режиму и сопротивление — русской армии. Вот лишь некоторые факты: Шавельские помещики вооружались и обороняли свои земли от русских; жители Пинского уезда не поставляли лошадей и волов для вывоза продовольствия и артиллерии, затем восстали и помешали русским эвакуировать склады; отряд под командой Твардовского напал на обозы армии Тормасова и взял 80 пленных. Фабиан Горнич захватил обоз уланского полка русской армии, обмундировал и вооружил свой отряд, а генерал Мирбах, участник восстания 1794 года, собрал в течение нескольких дней отряд в 2000 человек, из коих сформировал егерский полк и 3 эскадрона кавалерии. В г. Крожи крестьяне, мобилизованные для вывоза хлеба, выпрягли лошадей и ушли в лес; обыватель Мозырьского уезда Минской губернии Богуш скрыл в лесу транспорт из 12 волов, предназначавшийся для русской армии, и передал затем французам; Петр Билинский, управляющий имением Викторишки (на дороге Вильно — Ошмяны), вооружил крестьян и, окружив группу русских мародеров, грабивших усадьбу, взял в плен 55 человек и отконвоировал их в Вильно.

Местные крестьяне искренне ждали Наполеона как освободителя от крепостной зависимости — перед ними был пример герцогства Варшавского — и встречали французов даже с бóльшим энтузиазмом, чем шляхта. Крупная знать также проявляла максимум восторженной активности, столь же энергично была настроена молодежь. Некоторая же часть мелкого дворянства, лишившаяся доходной службы при Александре, отнеслась к французам негативно. Во взглядах духовенства не было единства. Если католические и особенно униатские священники поддерживали Наполеона, то православный клир, преобладавший в Белоруссии, остался по большей части на стороне русского царя.

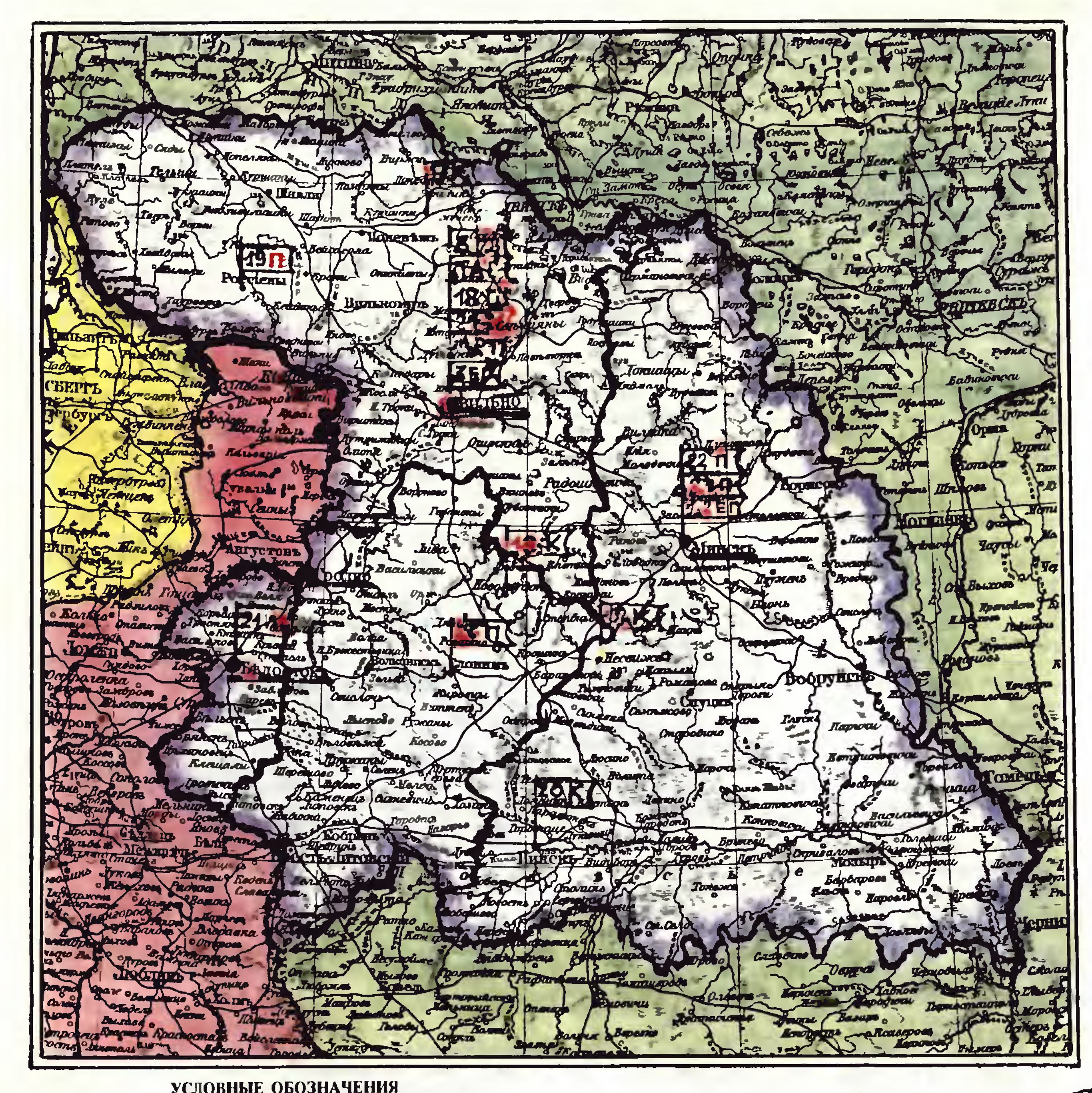
Яркие плакаты украсили города княжества: в Вильно висело изображение белого польского орла и литовского всадника, протягивавших друг другу руки, в Гродно — плакат, на котором французский и польский орлы рвут на части своего российского двуглавого собрата. В княжестве пышно отмечали большие праздники Империи и победы Великой армии: *15 августа — день рождения Наполеона, 22 июля — именины императрицы Марии-Луизы, 2 декабря — годовщину коронации, победы при Смоленске и Бородино, взятие Москвы.* В театре ставили пьесу Яна Ходзько «Освобожденная Литва или переход через Неман», написанную во время франко-русской войны 1805—1807 годов.

Вопрос о существовании нового государства решался на полях сражений. 5 июля Наполеон распорядился создать вооруженные силы княжества — 5 пехотных и 4 кавалерийских (уланы) полка, организованных и обмундированных по польскому образцу. В каждом пехотном полку по штату полагалось 2005 унтер-офицеров и рядовых, в уланском — 940, всего около 14 тысяч человек. Кроме того, из добровольцев шляхетского происхождения было приказано сформировать кавалерийский полк для императорской гвардии под командой генерала Конопки. В качестве разведчиков гвардейцам был позднее придан эскадрон подполковника Мустафы Ахматовича, сформированный из литовских татар.

12 августа Комиссия постановила мобилизовать 2/3 лесничих княжества и создать из них 6 батальонов егерей (удалось создать только три). Крупный помещик Игнатий Монюшко за свой счет сформировал кавалерийский эскадрон, а Рудольф Тизенгауз — конно-артиллерийскую роту.

Нельзя не учесть, что в 1812 году в русской армии служило

Под «Литвой» в то время понимали гораздо более обширную территорию, чем сейчас, включая и земли Минской и Гродненской губерний (Белоруссией считали только Витебскую и Могилевскую губернии). Стоит учесть и то, что шляхта, верховодившая в новом государстве, была сильно полонизирована.



УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- государственная граница
- границы департаментов
- ВИЛЬНО — Вильно столица княжества
- Гродно — Гродно столицы департаментов
- пункты формирования воинских частей
- 3ГВ — 3-го гвардейского легкоконного полка Конопки
- ТАТ — татарского эскадрона Ахматовича
- 20П — 20-го пехотного полка
- 21К — 21-го кавалерийского волка (17—20-й — уланские, 21-й — конноегерский)
- АРТ — артиллерийской роты Тизенгауза
- 3ЕГ — 3-го егерского батальона

СХЕМА ГРАЖДАНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ЛИТВЫ В 1812 ГОДУ

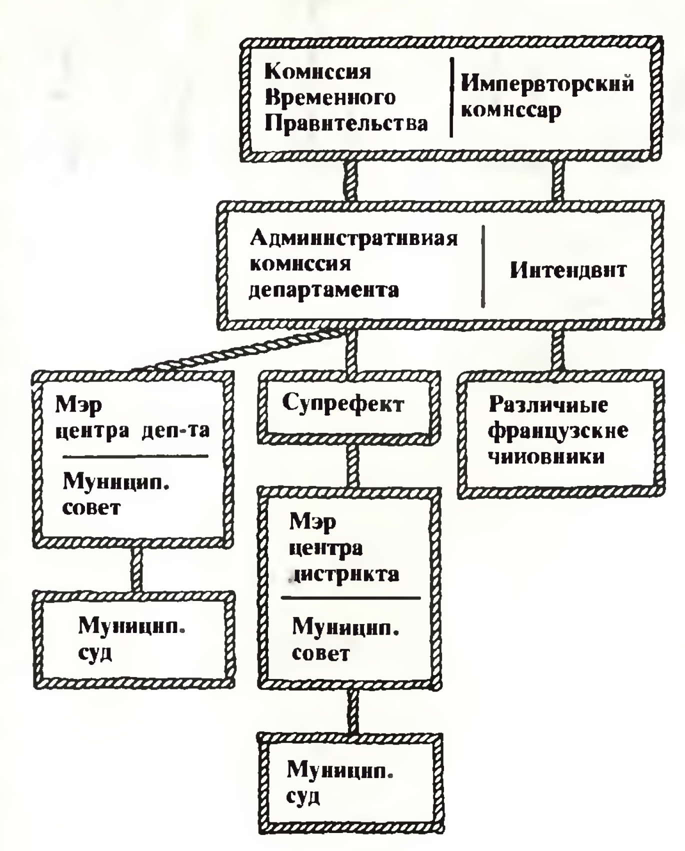
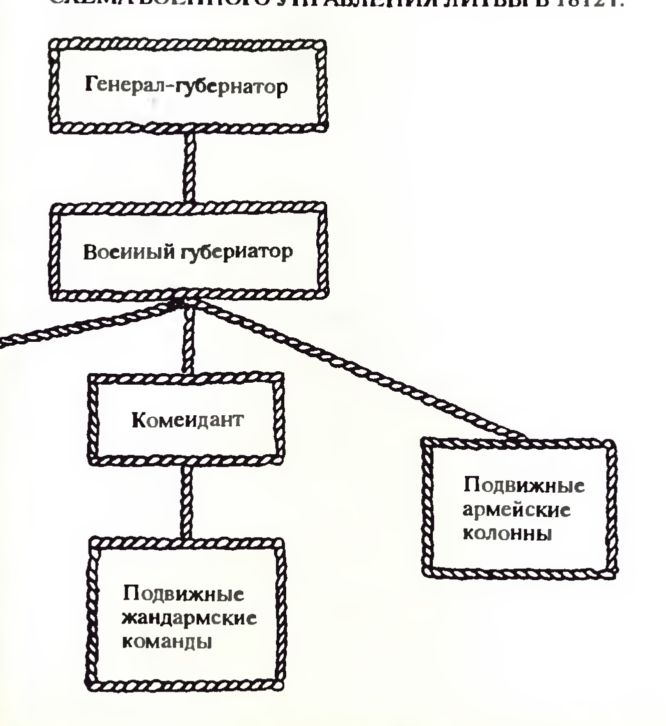


СХЕМА ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЛИТВЫ В 1812 г.



много литовских уроженцев. С началом войны их дезертирство стало принимать угрожающие масштабы. Дезертиры пополняли ряды формируемых войск — один только 18-й пехотный полк Ходкевича получил 354 человека.

Формированию литовской армии сопутствовали разнообразные трудности. Не хватало лошадей, обмундирования, снаряжения. В княжестве не было ни заводов, ни оружейных мастерских, ни суконодельных фабрик, поэтому почти все снаряжение приходилось завозить из Польши и Германии. И все-таки к зиме литовские войска насчитывали 19 тыс. человек, включая жандармерию (18 батальнов, 15 эскадронов, 1 артиллерийская рота).

В конце войны литовские полки приняли участие в боевых действиях: 22-й и 23-й пехотные полки и 18-й уланский были почти целиком истреблены 13 ноября под Новосверженем, гвардейский полк Конопки погиб в бою под Слонимом, другие части обороняли столицу Вильно, а затем отступили к Варшаве и Кенигсбергу. Пехотные полки составили гарнизон крепости Модлин, 17-й и 19-й уланские вошли в состав корпуса Даву и до апреля 1814 года сражались под Гамбургом, остальные части были расформированы и включены в польские полки.

С приближением русской армии французские и литовские чиновники вынуждены были покинуть Вильно. 9 декабря после полудня члены Комиссии, захватив с собой архивы и государственную казну, направились через Ковно в Варшаву; их сопровождал Биньон, императорский комиссар. Генерал-губернатор Гогендорп уехал на следующий день в направлении Кенигсберга. Едва достигнув Варшавы, члены Комиссии сразу же продолжили работу, но уже в начале февраля вынуждены были переместиться в Краков, где задержались только до апреля. 24 июля 1813 года в Дрездене с Комиссией было покончено.

10 декабря русские войска вступили в столицу Литвы, а через 12 дней в город приехал царь Александр. В своей день рождения 24 (12 ст. ст.) декабря 1812 года он провозгласил всеобщую амнистию для жителей польско-литовских губерний. Впрочем, военные суды работали исправно: так, 11 января 1813 года (30 декабря 1812 года) был расстрелян корнет Нежинского драгунского полка Городецкий, перешедший на сторону французов в начале войны и взятый в плен казаками в Вильно.

Долго не мог позабыть Денис Давыдов свое вступление в Гродно: *«Господа поляки!* — обращался он к жителям города. — *В черное платье! Редкий из вас не лишился ближнего по родству или по дружбе!... Один выстрел — и горе всему городу! Невинные погибнут вместе с виновными... Все в прах и в пепел!»* — угрожал он. Им был отдан приказ расстрелять всякого, у кого будет найдено огнестрельное оружие после двухчасового срока, предписанного для его сдачи. Католиков Давыдов заставлял креститься по-православному — справа налево, в чем находил особенное удовольствие. *«Безобразие мое достигло красоты идеальной»,*— вспоминал прославленный русский партизан.

Литва понесла большой материальный урон от войны, однако главная утрата — это окончательное крушение попыток восстановить независимость литовских земель в старых границах. Дело даже не в том, что с русских карт надолго исчезло само название «Литва». Отныне территории, очерченные многоугольником Вильно — Гродно — Минск — Белосток, что называется, «не подлежали воссоединению». Великая легенда Великого княжества окончательно канула в Лету.

От редакции. Проблемы истории Великого княжества Литовского в последнее время вызывают ожесточенные научные споры. В наших ближайших планах — серьезное обсуждение этих острых вопросов с участием ведущих специалистов России, Литвы, Беларуси.

СОМНЕНИЯ В ОЧЕВИДНОМ

ВЕРОЛОМСТВО ПО ПЛАНУ

Трудно отыскать историческое событие, изученное, изъезженное, «перепаханное» больше, чем Отечественная война 1812 года. Казалось бы, все давным-давно известно. Но историки спорят до сих пор, причем в фокусе внимания неизбежно оказываются ключевые, поворотные явления этой воистину великой эпохи. Именно такие проблемы обсуждают участники большого разговора, состоявшегося в редакции «Родины».

В БЕСЕДЕ ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ:

Борис Сергеевич Абалихин,
профессор Волгоградского педагогического института, доктор исторических наук;

Виктор Михайлович Безотосный,
старший научный сотрудник Государственного исторического музея, кандидат исторических наук;

Александр Михайлович Валькович,
заведующий редакционно-издательским отделом Центрального государственного военно-исторического архива;

Алексей Анатольевич Васильев,
ведущий архивист Центрального государственного военно-исторического архива;

Владимир Аронович Дунаевский,
профессор Московского государственного заочного пединститута, доктор исторических наук;

Лидия Леонидовна Ивченко,
заведующая сектором Государственного музея А. С. Пушкина;

Андрей Семенович Немзер,
обозреватель «Независимой газеты», кандидат филологических наук;

Андрей Григорьевич Тартаковский,
ведущий научный сотрудник Института Российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук;

Семен Аркадьевич Экштут,
заведующий лабораторией Университета дружбы народов, кандидат философских наук.

— Помнится, что еще несколько десятилетий назад, освещение Отечественной войны ограничилось бравурными маршами, восторженными речами и слащавыми книжками историков. Изменились ли с тех пор наши представления о войне?

<u>*А. Тартаковский.*</u>— Великая национальная война породила и великую традицию ее осмысления. На долгое время изучение 1812 года (я имею прежде всего в виду обобщающие исторические труды) было в какой-то мере монополизировано военными историками, в профессиональном отношении подготовленными весьма слабо. В ряде работ 50—60-х годов, написанных с казенно-патриотических (а точнее, псевдопатриотических) позиций, крупнейшие сражения, маневры, стратегическое содержание кампании, цели и планы сторон и т. д. были представлены в искаженном, а порой и фальсифицированном виде. Фигуры виднейших русских военачальников изображались зачастую в трафаретно-иконописных или, наоборот, в несправедливо-обличительных тонах. Принижались силы неприятеля, полководческое искусство Наполеона. В сущности, это было дискредитацией военного прошлого России и его действительно славных традиций. Преимущественное внимание уделялось при этом военно-дипломатическим аспектам 1812 года. Внутренняя же жизнь русского общества, политические и социальные отношения, общественные настроения той эпохи оставались часто в тени.

Естественно, что по своему масштабу, эпическому размаху и злободневному звучанию война с наполеоновским нашествием не могла не обрастать в обыденном сознании всякого рода легендами, преданиями, молвой. Мифологизация 1812 года, начиная с лубочных картинок того времени,— несомненный историко-культурный факт. Отразилась она и на научных представлениях, на исторических трудах как дореволюционного, так и советского времени. Мифы и предрассудки, связанные с хрестоматийно-известными событиями, например пожаром Москвы, и с именами прославленных полководцев 1812 года, неожиданно с новой силой возродились в советской историографии последних десятилетий.

В свете этого задача нашего «круглого стола» видится в том, чтобы посмотреть на эпоху 1812 года, отрешившись от фальсификаций и мифологем, с точки зрения нынешнего исторического опыта и современных завоеваний исторической мысли.

<u>*В. Безотосный.*</u>— Разные научные концепции, служа верой и правдой государственной моде, сменяли одна другую. Например, дворянская историография вещала о трогательном единении во время войны всех сословий вокруг трона. Иные историки ушли в другую сторону, отрицая широкое участие народных масс в войне. Марксистская школа историков модернизировала на советский лад монархические идеи, правда без царя,— народ был объявлен главной причиной гибели наполеоновской армии в России. Можно привести примеры замалчивания или преувеличения деятельности отдельных личностей, перевертывания с ног на голову событий войны (внезапное нападение Наполеона на Россию, победа под Бородино, пожар Москвы, контрнаступление, стремление истолковать «любую цифирь» в русскую пользу и т. д.). Но без ответа остался вопрос, почему феодальной, отсталой России удалось победить передовую буржуазную Францию. В итоге — теоретическое блуждание, историографическое очковтирательство, упрощенчество и просто прямое компиляторство, практиковавшееся многолетними монополистами военно-исторической науки Л. Г. Бескровным и П. А. Жилиным.

<u>*Б. Абалихин.*</u>— Тут бы мне хотелось поспорить. Мне кажется, публикациями последних лет — это, в первую очередь, книги и рецензии профессора Саратовского университета Николая Алексеевича Троицкого — разрушено главное: покончено с иллюзиями изученности истории «грозы 12-го года». Тут много еще неясных, спорных и запутанных вопросов. Но в пылу полемики многие авторы и рецензенты увлекаются и пытаются представить своих предшественников очковтирателями, квазипатриотами и даже фальсификаторами. К сожалению, мы повторяем прежние ошибки. Вспомните, какие ярлыки наклеивали, да и сейчас наклеивают дворянским и буржуазным историкам; в каком тоне велась полемика против Покровского, а затем и Тарле. Но при этом мы забываем и не учитываем обстановку, в которой работали наши предшественники. Если мы считаем, что Кутузов, Багратион были сынами своей эпохи, то почему же отказываем в этом историкам?

Вряд ли верно все просчеты того или иного ученого считать сознательным искажением истины: достаточно не найти в архиве какого-нибудь документа — и можно допустить неточность. А ведь до сих пор многие материалы неизвестны: не опубликованы, не выявлены. Нельзя забывать и о том, что некоторые документы фальсифицировались изначально. Примером может служить рапорт Кутузова Александру I от 15 ноября 1812, в котором фельдмаршал писал о том, как выполняется «общий план, Вашим Императорским Величеством утвержденный». Накладывая на рапорт резолюцию «Для напечатания», царь заменил слово «утвержденный» на «присланный»... Несмотря на очевидные успехи, у нас до сих пор нет истории Отечественной войны 1812 года. Авторы обобщающих монографий — от Тарле до Троицкого,— по существу, освещают события, происходившие на московском стратегическом направлении. Совершенно очевидно, что оно было главным, но бесспорно и другое: на петербургском и киевском направлениях тоже сражались, гибли и побеждали солдаты и офицеры русской армии. И последнее. Мы сужаем понятие «война». Даже в солидных работах освещаются преимущественно военные действия. Но хорошо известно, что война — это сложное общественное явление, охватывающее военную, экономическую, политическую, идеологическую — все стороны жизни народа и страны.

<u>*Л. Ивченко.*</u>— Я не могу однозначно согласиться с тем, что 74 года существования советской историографии — сплошной обрыв. Были ведь и прекрасные исследования. Ценно, что историки углубленно изучали какие-то отдельные аспекты Отечественной войны 1812 года.

Работа Н. А. Троицкого «1812: Великий год России» парадоксальная, полемичная,— действительно веха в нашей историографии. Но боюсь, что сейчас может возникнуть другая опасность: мы начнем разоблачать, ниспровергать и заострять внимание на вопросах, которые и до нас были уже решены.

Предубеждение, предвзятость... Они всегда существовали.

<u>*А. Тартаковский.*</u>— Вот говорят об

очернительстве, призывают не заострять внимание на недостатках в изучении Отечественной войны в последние десятилетия. Но ведь без критической оценки сделанного до нас мы ни на шаг не продвинемся дальше. Это элементарная процедура в развитии научно-исторического познания.

Я бы не стал ставить Л. Бескровного, который был умереннее, осторожнее, сохранял академический декорум, в один ряд с П. Жилиным. Именно последний играл наиболее активную роль в пропаганде сталинских догм относительно Отечественной войны, именно ему мы обязаны



У стен Смоленска 18 августа 1812 г. Литография по рис. Х. В. Фабер дю Фора (1827—1831).

в первую очередь теми искажениями и перекосами, о которых здесь шла речь.

С. Экштут.— Мы можем упорно спорить о том, хорошо или плохо знаем историю Отечественной войны 1812 года, но давайте задумаемся над перспективными путями приращения знаний об этой эпохе и их переосмыслением. Прежде всего следует расширить круг используемых источников: ввести в научный оборот и литературу, опубликованную на Западе, и архивные материалы.

Правда истории состоит, вероятнее всего, не в том, чтобы задним числом развенчать былые мифы и сорвать (часто вместе с кожей) все и всяческие маски с лиц исторических деятелей, а в том, чтобы понять, что за ними стояло.

— Со школьных лет всем нам упорно втолковывали, что Наполеон, подобно Гитлеру, совершил вероломное нападение на Россию, неожиданно бросив войска на самодержавную монархию, проявлявшую все признаки миролюбивого спокойствия...

В. Безотосный.— Война с Наполеоном, вопреки распространенному мнению, отнюдь не была неожиданностью. Почти одновременно — с 1810 года — готовиться к ней начали и Франция, и Россия, завоевать которую Наполеон и не помышлял: слишком уж трудноосуществимой казалась эта задача. Тем более что своим главным противником французский император всегда считал самую богатую капиталистическую державу — Англию. С 1806 года Наполеон объявил континентальную блокаду, смысл которой заключался в полной изоляции английской экономики от Европы. Не последняя роль в удушении британской промышленности отводилась России. Именно нарушение этой блокады русской стороной и стало одной из основных причин вступления Франции в войну. Развязав ее, Наполеон прежде всего хотел заставить Россию присоединиться к континентальной блокаде: одним из пунктов мирного договора стало бы участие русских войск в экспедиции в Индию. Мысль об индийском походе великий корсиканец лелеял с 1797 года. Французский император неоднократно пытался соблазнить идеей индийского похода Павла I и Александра I. *«Если бы войско из 50 тыс. русских, французов, пожалуй, даже австрийцев,*— писал французский император русскому 2 февраля 1808 года,— *направилось через Константинополь в Азию и появилось на Евфрате, то оно заставило бы трепетать Англию и повергло бы ее к ногам материка».*

Доказательств того, что Наполеон планировал совместный поход в Индию после 1812 года, много: это свидетельства мемуаристов, письма французских солдат на родину, упоминания в переписке дипломатов и, наконец, активность французской разведки в этом направлении.

— Но ведь русские военачальники тоже не сидели сложа руки. Что предусматривал стратегический план нашего командования?

В. Безотосный.— У русских в планах недостатка не было. На сегодня известно до 40 проектов, принадлежавших перу русских и иностранных стратегов. Правда, большинство из них не оказали существенного влияния на выработку военной концепции. Тем более что многие авторы не имели доступа к разведданным о наполеоновской армии и к секретным документам о состоянии русских войск.

Если же попытаться очертить круг лиц, знакомых с секретной информацией и занимавшихся планированием, то туда, как ни странно, не попадут ни генералы Багратион и Беннигсен, ни штабные офицеры Толь и Вольцоген, ни, тем более, советник императора пруссак Фуль... Из всех высших должностных лиц останутся только двое: император Александр I и военный министр Барклай де Толли. Именно они составители планов, остальные же — исполнители, советники, критики...

Перед войной российская военная мысль утвердила стратегию отступления — вернее, стратегию активной обороны. Стратегический план (автор, вероятнее всего, сам Александр I) был рассчитан на несколько лет ведения войны и после обороны на русской земле предусматривал перенос военных действий в Европу, где русские рассчитывали на антинаполеоновское освободительное движение.

Процесс разработки операционного плана начался с 1810 года и продолжался до начала войны. Руководил им Барклай де Толли. Подготовка к войне проводилась на основе его записки 1810 года «О защите западных пределов России». Окончательный вариант действий выработан весной двенадцатого года. Основная мысль плана сводилась к ведению активной оборонительной тактики главными силами и наступательных действий на флангах против слабых частей противника.

Л. Ивченко.— Толком мы не можем отличить, где кончался план Барклая де Толли, а где, скажем, начинался план Фуля, и какой конкретно вклад внес Александр I. Вы говорите, что существовал стратегический план...

Но ведь каждый план проверяется тем, как он выполняется. И мне трудно предположить, что у русского командования было намерение вести долголетнюю войну. Лучше, чем П. И. Багратион, я не скажу: *«Метода ведения войны в собственных границах вообще крайне невыгодна»*, в том числе и в денежном выражении. Не могло быть у Александра I плана долголетнего ведения войны, т. к. его армия могла быть разбита на территории России. Вспомним опять же слова Багратиона из письма, написанного за неделю до начала войны. Он обращает внимание на то, что русская армия развернута на границах для наступательных действий: *«Мы стоим по-над самой границей».* Для того чтобы отрезать 1-ю армию от 2-й, неприятелю достаточно перейти границу. Где же тут продуманный план? Существовал ли он на самом деле или война велась спонтанно?

Багратион правильно подозревал, что военный министр никому не сообщал плана, и именно потому, что он его не имел. Вся эта сверхсекретность действительно дает основания предполагать, что такового плана все-таки не существовало.

В. Безотосный.— А инструкции Барклая корпусным генералам?

Л. Ивченко.— Разве на основании этого можно начинать кампанию? Барклай рекомендовал сжечь архивы, потравить посевы, угнать скот и как бы между прочим советовал Багратиону, присоединив к себе казачий корпус атамана Платова, поражать неприятельский фланг и тыл.

Багратиона упрекают за то, что он был горячим сторонником наступательных действий, а ведь он принял решение отступать вопреки распоряжению Барклая. Что было бы, если бы он взялся буквально выполнять все инструкции? Вспомним: и Багратион, и Тормасов заметили, что армии развернуты неправильно, что слишком близко к западным границам находятся все провиантские склады, магазины, и русские войска, отступая, не успеют не то чтобы вывезти, но даже сжечь их. Все это наводит на мысль, что стратегическое развертывание русской армии с самого начала было наступательным. И это была большая ошибка, исправленная ценою отступления и крови русских солдат уже в ходе боевых действий. Так что говорить о каком-то продуманном плане, мне кажется, слишком смело.

— Насколько соответствовали реальности сведения сторон о предполагаемом противнике?

В. Безотосный.— Во французских штабах испытывали огромный недостаток в правильных экономико-статистических и военных сведениях о России. Наполеоновские разведслужбы по объективным и субъективным причинам не смогли добыть достоверных данных даже о расположении и численности русских сил на границе, особенно о 2-й и 3-й армиях. Долгое время французские военные круги были уверены, что русские первыми вторгнутся на территорию Пруссии и герцогства Варшавского. Русская разведка достаточно объективно оценила первый эшелон армии Наполеона в 450 тысяч человек. Был сделан верный вывод, что главный удар противник нанесет по силам 1-й армии. Удалось установить и точный срок вторжения французов и указать примерное место переправы через Неман. К заслугам разведки необходимо отнести и тот факт, что она нашла канал для дезинформации: Наполеон был уверен, что русские примут сражение в пограничной полосе.

У Наполеона успех первоначальных операций определял окончательную стратегию, все расчеты строились на последующем соглашении с царем. Если французский император ставил цель завоевать мировое господство, то суть русской концепции сводилась к ведению долголетней войны и отказа от компромиссных соглашений. Слабость и порочность стратегии Наполеона и, в противовес, достоверное прогнозирование событий, правильный выбор действий русского командования определили с чисто военной точки зрения конечный исход кампании войны 1812 года.

Б. Абалихин.— Я бы не обольщался русской прозорливостью. Наши армии были расположены фактически на трех направлениях. И русское командование до последнего момента не знало, на каком из них Наполеон нанесет главный удар. В 1811 году Барклай де Толли докладывал Александру, что главными объектами нападения станут Вильно и Киев. 3 июня 1812 года Барклай получил донесение своего тайного агента лейтенанта прусской армии Фридмана. Сообщив, что его донесение основано на отчете Генерального штаба Пруссии Фридриху-Вильгельму III, он подчеркнул, что Наполеон поведет наступление в трех стратегических направлениях, но главный удар нанесет по 1-й армии. Барклай де Толли намеревался переместить 2-ю армию ближе к 1-й, но обострившаяся обстановка не позволила выполнить замысел.

— Каким было соотношение сил к началу войны?

А. Васильев.— Согласно документам, хранящимся в нашем Военно-историческом архиве, в западных губерниях России к лету 1812 года сосредоточилось около 320 тысяч солдат. В то же время первый эшелон Великой армии Наполеона, по французским данным, насчитывал 448 тысяч. Общее численное превосходство французов было не столь велико, как считали многие отечественные историки. Другое дело, что из-за неудачного расположения русских войск Наполеон сумел собрать почти 300 тысяч солдат против 120-тысячной 1-й Западной армии Барклая де Толли, тем самым обеспечив себе подавляющий перевес на главном, виленском, направлении.

На 1 июня 1812 года Великая армия вместе с резервами имела в строю 678 тысяч человек. Вспомним, что Наполеон вел войну на два фронта. В Испании он держал 300 тысяч опытных, закаленных солдат (в основном «природных» французов). В состав Великой армии ему пришлось включить многочисленные иностранные контингенты, неоднородные по своим боевым качествам. Кроме того, большинство французских полков, собранных для похода в Россию, имело в своих рядах очень высокий процент новобранцев, плохо подготовленных к тяготам русской кампании. Отсюда — большие потери, понесенные еще до встречи с противником. Так, например, 93-й линейный полк (из 3-го корпуса маршала Нея), наступая от Немана до Смоленска, уменьшился с 2748 солдат до 1447, хотя при этом ни разу не участвовал в боях. А вюртембергская пехота, составлявшая 25-ю дивизию Великой армии, сократилась с 7600 бойцов до 4000. Таким образом, число отставших, больных и дезертиров в этой дивизии составило за месяц 48%!

Никогда ранее наполеоновская армия не имела столь растянутых коммуникаций, затруднявших нормальное снабжение, и фактически она таяла с каждым шагом вперед.

(Продолжение на стр. 72)

ЛИДИЯ ИВЧЕНКО

«ИЗВЕСТНЫЙ ВАМ КНЯЗЬ БАГРАТИОН»

Петр Иванович Багратион явно не из тех, о ком можно сказать: жизнь его прошла незаметной для современников. Напротив, посвятив себя всецело ремеслу, которое считалось самым почетным в «век славы военной», он постоянно находился на виду у соотечественников. Поэтому, сравнивая написанные биографии прославленного военачальника с документальными свидетельствами, не попавшими на их страницы, испытываешь чувство удивления: известный всем человек вел двойную жизнь и существовал в двух измерениях?



«Простой, без связей и интриг, русский солдат»,— так охарактеризовал Л. Н. Толстой в романе «Войиа и мир» восприятие Багратиона многими соотечественниками. Именно таким представлял его Денис Давыдов в первых строках незаконченной биографии геиерала. Не по плечу составить его жизнеописание оказалось и маститому историку А. И. Михайловскому-Данилевскому. В его многотомном сочинении «Александр I и его сподвижники...» нет биографии Багратиона. И это неудивительно, так как, согласно послужному списку 1811 года, которым и сейчас пользуются историки, перед нами должен предстать образ человека, сходиого с толстовским капитаном Тушиным. Но как связать сведения из формуляра с реальной жизнью?

Князь Багратион — «военный губернатор всех тех местностей, где пребывает вдовствующая императрица», женатый на графине Е. П. Скавронской, имевшей родственные связи с царской фамилией, пленивший сердце любимой сестры царя великой княжны Екатерины Павловны (ум и образованность которой признавали все современники), обедавший за одним столом с королевой Луизой Прусской, приглашенный в качестве почетного гостя на бракосочетание австрийского императора Франца II; шеф лейб-гвардии Егерского полка (должность лиц императорской фамилии), состоявший в переписке с самыми видными сановниками империи,— отлично ощущал себя на вершине не только военной, но и придворной иерархии. где трудно было удержаться при узком кругозоре. Приходится признать: его карьера невероятна для «неученого» выходца с Кавказа.

Чтобы найти объяснение этому служебному феномену, имеет смысл обратиться к самому началу боевого пути Багратиона, к его ранним послужным спискам.

Считается, что Багратион начал служить 21 февраля 1782 года сержантом Кавказского мушкетерского полка. Но история этого соединения начинается только с 15 июня 1786 года; в него поступили мушкетерские роты Астраханского пехотного полка, расформированного после неудачного столкновения с горцами 15 июля 1785. По преданию, Багратион был тяжело ранен в этом бою, однако горцы сохранили ему жизнь, возвратив без выкупа на русские аванпосты.

В ранних формулярах называлась иная дата начала багратиоиовой службы — 21 мая 1783 года. В архиве Астраханского пехотного полка историк Н. П. Поликарпов обнаружил рапорт его командира полковника Н. Ю. Пьери: «По подаиной челобитной грузинской нации из дворян киязь Петр Багратион был принят в мушкетеры», согласно послужным спискам за сентябрь 1783 Багратион 1 мая 1783 года был «зачислен рядовым (а не сержантом!) сверх комплекта», а 23 августа того же года «причислен в комплект» (эти документы, опубликоваиные в 1912 году в «Русском инвалиде», так и не попали на страницы биографии полководца).

Историки и по сей день считают, что первые десять лет службы Багратион провел в непрестанных боях и походах. Однако в формулярах 1786, 1788, 1790 годов упорно значится: «не бывал». И о его ранении ничего не известно, хотя в послужных списках нижних чинов, переведенных из Астраханского в Кавказский полк, указано: «несчастное дело 15 июня 1785 года под деревнею Алдиной за рекою Сунжею».

Скорее всего, сам Багратиои списков Кавказского мушкетерского полка не читал. Формуляры за 1787 и 1789 годы отсутствуют вообще, все сведения о Багратионе поступали в полк через Военную коллегию и нерегулярно. Где же пребывал Багратион? И вот читаем: «В комплекте находится у его светлости князя Потемника Таврического с посланником али Магомет-хана персидского с 1787 года июня 24» (можно предположить, что Багратион владел персидским языком). В списке за 1790 год отмечено: «находится у фельдмаршала графа И. П. Салтыкова на бессменных ординарцах». В том же году полк известили, что 31 мая 1789 года «произведен его светлостью... генерал-фельдмаршалом... князем Потемкиным Таврическим за заслуги и храбрость, ознаменованные в день штурма Очаковского из подпоручиков в капитаны князь Петр Багратион». (До сих пор ошибочно полагают, что это производство состоялось в день штурма.) Любопытно, что Багратион стал капитаном даже раньше, чем подпоручиком (соответствующая бумага датирована 28 июня 1789).

Особенность всех послужных списков Багратиона — краткое и неясное указание боевых дел, в которых он принимал участие до польской кампании 1794 года. Именно тогда состоялся его перевод секунд-майором в Софийский карабинерный полк. С этого времени все обстоятельства, при которых довелось отличиться Багратиону, излагались довольно подробно, со множеством конкретных деталей и указанием дат. В формулярах 1794 года впервые появляется уже известиая нам дата начала службы — 21 февраля 1782 года. Остается загадкой, откуда юный Багратион поступил в Астраханский полк? Кстати, сам он ие сомневался, что служит в армии именно с 1782 года. Обращаясь в 1812 году с приказом к войскам, Багратион писал: «Тридцать лет, как я врагов побеждаю через вашу храбрость. Я всегда с вами и вы со миою».

Итак, Багратион не уделял особого виимания формальной стороне службы. Подобную небрежность к документам мог позволить себе только человек, уверенный в настоящем и будущем. Он твердо знал, что его служба происходит у всех на виду и не нуждается в письменном подтверждении. Достаточно привести такой факт. С 28 июня 1792 года Багратион служил в Киевском конноегерском полку (список 1811 года). Причем, переведен «на вакансию премьер-майора» годом раньше, 3 августа 1791 года, но в полк так и не прибыл: «За неприсылкою ниотколь формулярного списка и ненахождением при полку о службе его неизвестно» (список 1792 года).

Загадочны даже обстоятельства рождения полководца. Историки до сих пор полагают, что П. И. Багратион родился в 1765 году в Кизляре в семье отставного полковника русской службы Ивана Александровича Багратиона. Оставшись без средств и образования, долгие годы, подобно лермонтовскому Максиму Максимовичу, он якобы служил в армейских полках, пока не попал на глаза Суворову. Но... анализ документов показал, что Иван Александрович Багратион никогда не служил в русской армии, не знал русского языка и умер в чине секунд-майора, пожалованном ему по прибытии из Грузии только для назначения пенсии. Кстати, в Кизляре он появился лишь в декабре 1766 года, год спустя после рождения полководца. Можно поставить вопрос: а был ли он вообще отцом Багратиона? Во всяком случае, сомнительным представляется факт, что именно этот И. А. Багратион обратился к княгине А. А. Голицыной (урожденной княгине Грузинской) с просьбой определить в службу его сына, что она и сделала, использовав свое влияние на Г. А. Потемкина. Эта легенда, сочиненная, по-видимому, А. А. Голицыной, содержит целый ряд неточностей, ставящих под сомнение ее достоверность: в 1782 году она еще не была замужем, безвыездно проживала в Москве, и это затрудняло ее встречу с Потемкиным в Петербурге, который, кстати, в то время еще не был президентом Военной коллегии. И еще. Князь А. Б. Грузинский (отец А. А. Голицыной) был на дурном счету у русского правительства (в 1782 году убежал в Персию), что делало ее ходатайство крайне невыгодным. Само возникновение и распространение этой легенды было связано, вероятно, с желанием хоть чем-то объяснить служебный успех Багратиона. Все отлично сознавали, что одной только личной храбрости для подобного взлета по тем временам было явно недостаточно.

Исключительное внимание к П. И. Багратиону со стороны высшего начальства, следившего через Военную колегию за зачислением его на вакансии в разных полках, позволяет заподозрить связи с российской аристократией куда более прочные, чем могла ему обеспечить княгиня Голицына.

Почет, которым отличал его императорский двор, особенно Павел I, дает основание считать, что не с Потемкина началось его восхождение по служебной лестнице. В числе первых начальников Багратиона — представители родовой аристократии: В. В. Долгоруков (с его супругой он переписывался всю жизнь), Н. В. Репнин, И. П. Салтыков (сын знаменитого фельдмаршала), его сестру Е. П. Шувалову Багратион в письмах называл «моя благодетельница». Нельзя не обратить внимание на то, что служебные продвижения князя даже ускорились после смерти Потемкина, когда президентом Военной коллегии стал Н. И. Салтыков. В числе адъютантов Багратиона в разное время пребывали князья Долгоруков, два Голицына, Гагарин, Трубецкой, Меншиков. Таких фамилий не встретить в свитах Суворова или Кутузова. Как объяснить такую популярность полководца среди русской знати: только ли связью с царским домом Грузии? Заметим: никогда ни один представитель этой фамилии не имел в России подобного успеха, включая прямых потомков Вахтанга VI и Георгия XII, также служивших в армии.

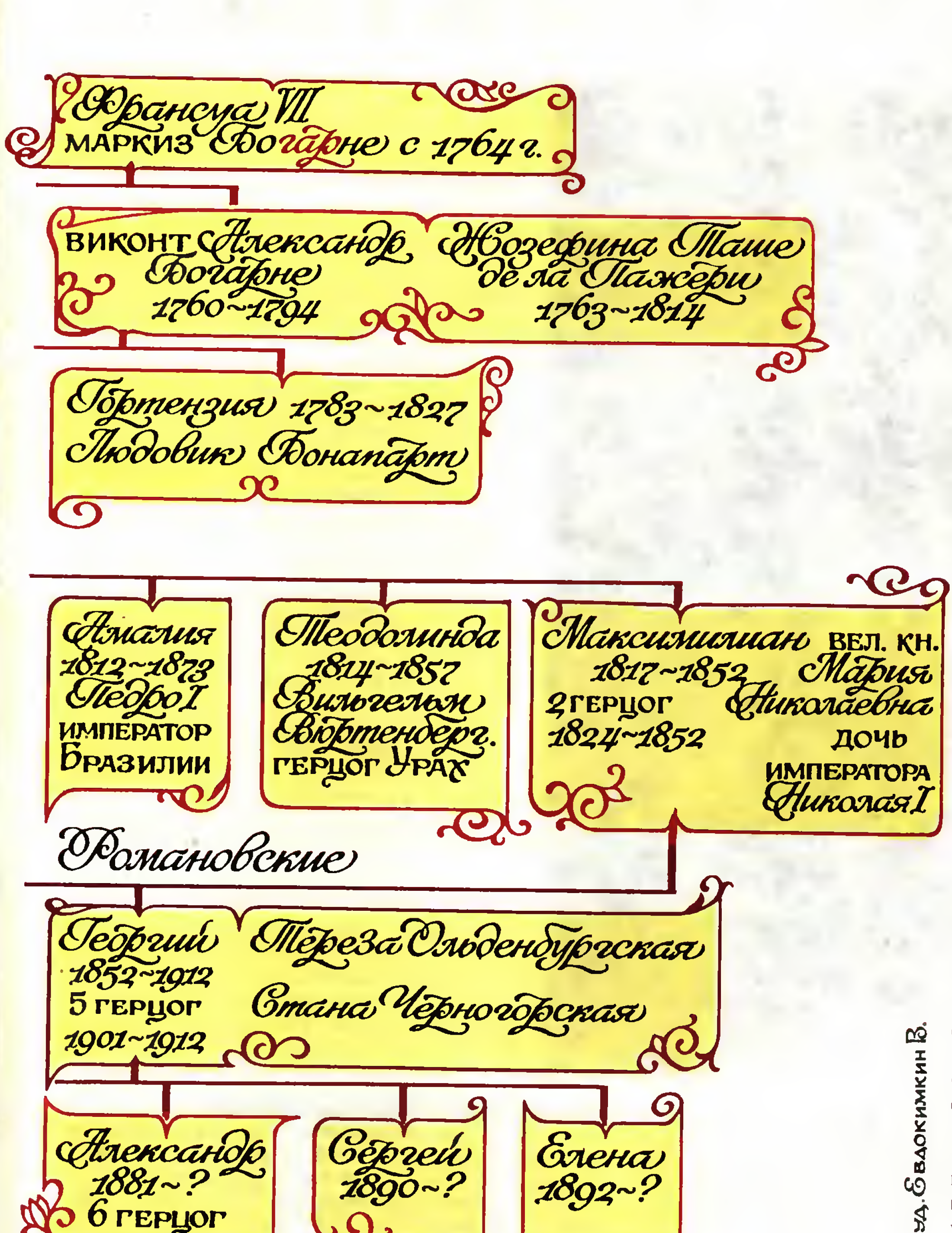
Ранние послужные списки Багратиона возволяют заключить, что его возвышение от рядового до генерала от инфантерии было далеко не случайным: в его время самым надежным способом приобретения опыта по руководству войсками было пребывание в свитах видных полководцев, чем он смолоду и занимался 12 лет кряду. Багратионовские формуляры порождают вопросы, которые ставят в тупик самого искушенного историка...

АЛЕКСАНДР ВИНОГРАДОВ

Род Богарне известен с конца XIV века, владенья имел в герцогстве Орлеанском. До конца XVII века Богарне не занимали важных государственных должностей во Франции. Ситуация меняется на рубеже XVIII века. Двоюродный прадед Евгения Богарне был, например, генерал-губернатором Французской Канады.

В XVI веке род Богарне разделился на две ветви. Старшая, получившая в 1759 году титул графов де Рош-Барито, угасла в начале XIX века, представители младшей с июля 1764 года стали именоваться маркизами де Богарне. Младший сын первого маркиза де Богарне Александр круто изменил судьбу своего рода благодаря браку со знатной креолкой Жозефиной Таше де ла Пажери, она принадлежала к французской аристократии, обосновавшейся во французских владениях на Гаити. Виконт Александр де Богарне — депутат Генеральных штатов, видный военный деятель, кандидат на пост военного министра (во времена Республики). Обвиненный в измене Республике, был гильотинирован в 1794 году, оставив вдову с двумя детьми. Цепь случайных и неслучайных событий привела к браку Жозефины Богарне с Наполеоном Бонапартом. В 1804 году, после установления Империи, род Богарне стал вторым после императорского. Пасынок Наполеона I Евгений Богарне с 1 февраля 1805 года — принц Империи, а с 7 июня 1805 года — вице-король Италии. Узы родства с повелителем Европы в сочетании со знатным происхождением сделали возможным брак принца с дочерью баварского короля Максимилиана I. После падения Наполеона Евгений обосновался во владениях своего тестя и 14 ноября 1817 года получил от него титул герцога Лейхтенбергского. Четыре его дочери вышли замуж за представителей царствующих фамилий, при этом одна из них стала королевой Швеции, а другая — императрицей Бразилии. Исключительно удачным был и брак старшего сына с королевой Португалии. Правда, спустя несколько месяцев после свадьбы он скоропостижно скончался.





худ. Евдокимкин В.

Особую роль в истории рода Богарне сыграл брак второго сына принца Евгения — Максимилиана, унаследовавшего титул герцога Лейхтенбергского, с дочерью Николая I великой княжной Марией Николаевной, заключенный в 1839 году. Указом императора 2 (14) июля 1839 года герцога Максимилиана включили в число членов российской императорской фамилии. А указ 6 (18) декабря 1852 года распространил права членов императорской фамилии на всех Богарне — потомков вел. кн. Марии Николаевны, получивших титул князей Романовских. Однако старший сын герцога Максимилиана не мог его передать своему потомству из-за морганатического брака с Н. С. Анненковой. Тем не менее, указом Александра от 11 (23) ноября 1890 года его потомство получило титул герцогов лейхтенбергских, но без титула князей Романовских.

Таким образом, «русские Богарне» разделились на две ветви. Первая, князей Романовских, в настоящее время угасла, а герцоги Лейхтенбергские и поныне живут в эмиграции (например, Николай Николаевич Богарне, потомок императрицы Жозефины в шестом поколении).

Других ветвей рода Богарне сегодня не существует.

СКОРБЬ БАРКЛАЯ

(ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ПОЛКОВОДЦА)



Исполненный трагических впечатлений отход русских войск под предводительством М. Б. Барклая де Толли в глубь страны привел его с конца июля 1812 года в резкий конфликт с генералитетом, армейской массой и гражданским населением. Неизбежное отступление, как единственно спасительный в тех условиях для России способ ведения военных действий, не было понято патриотически негодующим обществом.

Сложилась беспрецедентная ситуация: военный министр и главнокомандующий самой крупной и боеспособной армией стал предметом ожесточенной критики — вплоть до клеветнических, задевавших его честь и достоинство обвинений в измене. Результатом этого явилось, как известно, назначение единым главнокомандующим М. И. Кутузова, фактическое отстранение Барклая от руководства боевыми действиями и его вынужденный отъезд 22 сентября из армии. И хотя менее чем через полгода он был возвращен на ключевые командные посты, с блеском провел заграничные кампании 1813—1814 годов, удостоился наивысших воинских званий, наград и почестей, постигшая его осенью 1812 года опала отбросила мрачную тень на всю оставшуюся жизнь полководца и на его посмертную судьбу. Жаркие, остро национально окрашенные споры 1812 года вокруг отступательной стратегии Барклая и его личности отозвались во всем последующем развитии исторических воззрений, публицистики, литературы.

Трагический разлад Барклая с обществом и сама его величественная фигура с непревзойденной художественной силой запечатлены в гениальном стихотворении Пушкина «Полководец» и в ряде его проницательных высказываний в ходе бурной полемики середины 1830-х годов по поводу оценки заслуг военачальников 1812 года. Суть своей поэтической апологии полководца Пушкин афористически емко выразил в максиме: *«Стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства, но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения»* [1].

Прозвучавший в 1912 году вывод военного историка А. Т. Борисевича о том, что *«могучими ⟨...⟩ выразительными стихами великий Пушкин прозорливо прославил «полководца» Барклая де Толли, но историки все еще медлят «отдать справедливость»* [2]— вывод этот представляется верным отчасти и по отношению к XX веку, ибо еще в 1940—1950 годах историки не только «медлили» отдать Барклаю справедливость, но всячески принижали и замалчивали его полководческие усилия, подвергая его беспримерно грубому поношению. И лишь в последние два-три десятилетия предубеждение к памяти Барклая начало наконец хотя и медленно, но устойчиво преодолеваться.

Нельзя не признать, что имя Барклая, как ни одного другого русского военачальника той эпохи, было окружено плотной завесой противоречивых и стереотипных, не подкрепленных фактическими данными суждений, всякого рода *«вообразительными сказаниями, догадками и толками»*, иногда и чисто фантастического свойства [3]. Некоторые же стороны его военно-политической деятельности оказались вовсе скрытыми даже для соприкасавшихся с ним лиц и до сих пор остаются в исторической литературе еще во многом невыясненными.

Одна из причин этого — скудость мемуарных источников. Сам Барклай, избегавший ассоциаций с тяжкими впечатлениями лета и осени 1812 года, своих воспоминаний после войны не записывал и неохотно делился ими с окружающими. Свидетельства современников о полководце разбросаны, как правило, в их обширных мемуарных повествованиях. Воспоминания же, написанные специально о Барклае, насчитываются буквально единицами.

В свете сказанного трудно переоценить значение предлагаемых вниманию читателя мемуарных текстов, посвященных непосредственно Барклаю, исходящих от близких к нему очевидцев событий и передающих, иногда даже в виде прямой речи, его собственные высказывания и оценки. Надо надеяться, что они помогут восстановлению реального облика полководца, освещая малоизвестные эпизоды его биографии, характерные черты его личности, нравственного склада и житейского поведения.

Первый из публикуемых текстов принадлежит перу прославленного партизана 1812 года А. Н. Сеславина (1780—1858) — в начальную пору войны адъютанта и одного из любимцев Барклая. Это черновой автограф-набросок какого-то, возможно, более пространного, но незавершенного произведения, датируемый по палеографическим признакам рукописи 1830—1840-ми годами. Автограф находится в бумагах архива журнала «Русская старина», редактор которого, М. И. Семевский, поместил его в составе биографии А. Н. Сеславина, напечатанной еще в 1860 году в «Отечественных записках» (№ 4). С тех пор, однако, мемуарный текст Сеславина не привлек к себе внимания и, в сущности, выпал из общественно-историографического оборота — даже в биографиях Барклая и научных трудах о 1812 годе мы не найдем упоминаний о нем. Между тем он заключает в себе ряд важных военно-исторических сведений, в том числе достоверные свидетельства о реакции Барклая на нападки на него в армии, которые он воспринимал с редкой стойкостью и внешней невозмутимостью. Стоический образ полководца во всей цельности его натуры словно вычеканен здесь суровым пером воина-мемуариста в лучших традициях самоотверженно-героических характеров античной прозы, и в этом отношении, при всем своем стилистическом своеобразии, мемуарный текст Сеславина внутренне созвучен пушкинскому толкованию образа Барклая.

Два других текста, доселе неопубликованных, также сохранились в архиве журнала «Русская старина». Своим происхождением они обязаны военному историку А. В. Висковатову (1804—1858) — автору подробной биографии Барклая в известном издании 1840-х — начала 1850-х годов «Военная галерея Зимнего дворца».

Воспоминания доктора М. А. Баталина (ум. 1855), сблизившегося с Барклаем еще со времени командования им 3-м Егерским полком и с той поры почти неотлучно находившегося при полководце до самой его кончины в мае 1818 года, были составлены, видимо, по просьбе Висковатова в форме письма к нему в июне 1853 года. Ценность помещаемого ниже отрывка из этого письма — прежде всего в рассказе о почти не освещенном источниками свидании Александра I в Мемеле в конце марта 1806 года с тяжело раненным под Прейсиш-Эйлау Барклаем — свидании, которое положило начало стремительному возвышению его военной карьеры. Существенны также колоритные подробности о пребывании Барклая в Москве после освобождения ее от французов — факт, оставшийся до сих пор неизвестным историкам, и о хладнокровии, проявленном им при вступлении в Париж в 1814 году.

Краткий мемуарный текст «Барклай де Толли. Некоторые эпизоды из его жизни» представляет собой запись устных воспоминаний одного из ближайших сотрудников Барклая по канцелярии Военного министерства и штабу 1-й армии А. Л. Майера (1791—1864), сопровождавшего его в Отечественной войне и заграничных походах. Сохранились письма Барклая к Майеру за 1812 и 1814 годы — свидетельство их тесных и доверительных отношений [4]. Воспоминания Майера, которыми он делился с Висковатовым, частично включившим их в биографию полководца, были записаны сыном историка — чиновником и литератором К. А. Висковатовым, видимо, в начале 1870-х годов, но опубликовать их (равно, как и письма М. А. Баталина) в «Русской старине» так и не удалось. В этой мемуарной записи среди прочих любопытных данных мы находим драгоценные признания самого Барклая об интригах против него в главной квартире, об его сложных взаимоотношениях с Ермоловым и Кутузовым, о тяжелом душевном состоянии полководца.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969. С. 152—153.
2. Военно-исторический сборник. 1912. № 3. С. 81.
3. Там же. С. 80.
4. Русская старина. 1888. № 10. С. 263—265.

А. Н. СЕСЛАВИН

Великодушие. Барклай в 1812-м году

Он первый ввел в России систему оборонительной войны, дотоле неизвестной. Задолго до 1812 года уже решено было, в случае наступления неприятеля, отступать, уступать ему всю Россию до тех пор, пока армии не сосредоточатся, не сблизятся со своими источниками, милиция не сформируется и образуется, и, завлекая таким образом внутрь России, вынудить его растягивать операционную свою линию, а чрез то ослабевать, теряя от недостатка в съестных припасах людей и лошадей.

Наполеон, ожидая долгое время от Россиян наступательной войны, а вместе с тем верной гибели армии и рабства любезного нашего Отечества, сам наступил.

С первого шага отступления нашей армии близорукие требовали генерального сражения; Барклай был непреклонен. Армия возроптала. Главнокомандующий подвергнут был ежедневным насмешкам и ругательствам от подчиненных, а у двора — клевете. Как гранитная скала с презрением смотрит на ярость волн, разбивающихся о подошву ее, так и Барклай, презирая незаслуженный им ропот, был, как и она, непоколебим в достижении предположенной им великой цели.

В одну ночь прибыл из арьергарда адъютант его Сеславин, впоследствии партизан, которого он любил и употреблял также по квартирмейстерской части, с приказанием доносить ему лично обо всех важных обстоятельствах. Выслушав донесения, главнокомандующий спросил: «Какой дух в войске и как дерутся и что говорят?» — «Ропщут на вас, бранят вас до тех пор, пока гром пушек и свист пуль не заглушат их ропот». Барклай отвечал: «Я своими ушами слышал брань и ее не уважаю; я смотрю на пользу Отечества, потомство смотрит на меня... Все, что я ни делаю и буду делать, есть последствие обдуманного плана и великих соображений, есть плод многолетних трудов. Теперь все хотят быть главными... И тот, который долженствовал быть мне правою рукою, отличась только под Прейсиш-Эйлау в полковницком чине, происками у двора ищет моего места; а дабы удобнее того достигнуть, возмущает моих подчиненных».

Блаженной памяти государь император Александр, уступая гласу народа, назначил главнокомандующим фельдмаршала Кутузова. С сего времени злоба не имела пределов: Барклай был в уничижении, терпел оскорбления всякого рода. Настало Бородинское сражение; произведя чудеса неославленного мужества и восторжествовав над многочисленным неприятелем, Барклай не хотел жить; он искал смерти. Но судьба вела его к величию: Бауцен, Кульм, Лейпциг, Париж обессмертили имя его и привели в храм славы.

Кутузов, следуя предначертанным планам Барклая, имел случай спасти Отечество. Неестественная деятельность, успехи и самоотвержение партизана Сеславина ускорили сей случай. Он открыл лично движение Наполеона на Калугу, от которого он находился в нескольких шагах, захватил в плен в глазах его нескольких офицеров, представил их к фельдмаршалу в удостоверение, что Наполеон действительно оставил Москву и идет на Калугу; предлагал двинуть армию на Малый Ярославец и надеть на него, в случае неверного донесения, *белую рубашку*, т. е. расстрелять. В ночь послан на Малый Ярославец авангард под командою генерала Дохтурова, армия двинулась также для преграждения пути. Французы были уже в Малом Ярославце, который несколько раз переходил в руки русских и французов. Наконец, армия остановилась в грозном виде позади Малого Ярославца. Сеславин, открыв движение неприятеля на Калугу, способствовал, таким образом, весьма много к предупреждению его под Мало-Ярославцем, которое имело следствием постыдную и гибельную ретираду для французской армии, и вместе с тем 1812, 13 и 14 года и все счастливые последствия до настоящего времени.

Великие люди отрекаются, так сказать, от самих себя, заранее перенесшись мыслию в вечность, зрят славу, награждающую их великодушие и постоянное терпение, внемлют гласу потомства, именующего их друзьями Отечества и благодетелями человечества. Одни лишь превосходные смертные могут быть способны к сему бытию.

Кутузов, упорствуя, как и Барклай, общим желаниям и требованиям, которые могли быть гибельны для армии, и, желая представить ее в грозном виде при вступлении за границу, не менее показал великодушие. Кутузов и Барклай равно великодушны, равно бессмертны.

Архив РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 2541.

Из письма М. А. Баталина А. В. Висковатову*

29 июня 1853 г. Москва

(...) часу в 8-м вечера, когда Барклай де Толли, сидя за столом, читал книгу, причем были сын его и я, также занятые чтением, увидели, что в дверь вошел его императорское величество государь император Александр Павлович; генерал, увидя его, желал встать, но не мог, и государь, подойдя к нему и положа руку на голову, приказал не беспокоиться и спросил, кто с ним находится, на что генерал отвечал, что сын его и полковой медик; потом спросил, как он чувствует себя после операции и требовал объяснения бывшего Прейсиш-Эйлауского сражения, чему генерал сделал подробное объяснение. По окончании сего государь изволил спросить, не имеет ли он в чем нужды, на что он донес, что не имеет, а так как объявлен ему в тот день чин генерал-лейтенанта, по сему он обязан еще сие заслуживать.

Во все время бытности государя супруга генерала была в нише, задернутом пологом, и слышала все происходившее и, когда государь изволил выйти, она тотчас встала с кровати и, подойдя к генералу, с упреком ему выговаривала, что он скрыл от государя свое недостаточное состояние, и генерал, желая остановить неприятный ему разговор, сказал, что для него сноснее перенести все лишения, нежели подать повод к заключению, что он недостаточно награжден государем и расположен к интересу. После сего, недели через 4, можно бы было, по мнению моему, сделать переезд в Лифляндскую его деревню, но, не имея чем расплатиться с хозяином дома за квартиру и содержание, ожидал присылки денег от двоюродного брата своего рижского бургомистра Барклая де Толли и, получа оные, весной отправился в Ригу, откуда в имение свое Бекгоф, где и находился до выздоровления. По заживлении раны явился он в С.Петербург, где поручена ему в управление 6-я пехот. дивизия, с коею он отправился из Минска через С.Петербург в Шведскую Финляндию; войдя в оную и дойдя до г. Куспию, имел с неприятелем сражение и, возвратясь из Русталомби, сделался болен и по сей причине отправился для пользования в С. Петербург. Потом, как вам известно, возвратился в Финляндию, сделал переход через Кваркен и был впоследствии в оной главнокомандующим.

В 1812 году, ретируясь от Вильни до Тарутина, не уважая расстроенного своего здоровья, находился при армии; тут, ослабев и изнемогая, вынужден был оставить армию и отправился через Калугу, Рязань и Владимир в Москву, куда прибыл на 8-й день по выступлении из оной французов, и, по отдохновении нескольких дней, пошел с бывшими при нем адъютантами осматривать Кремль и, дойдя до Никольских ворот, увидел, что башня взорвана по самой образ С. Николая, но стекло, находившееся в киоте у задника, было цело, послал одного из адъютантов к графу Ростопчину, советуя поставить к воротам караул для сбережения уцелевшего стекла.

Из Москвы отправился в Лифляндское имение свое Бекгоф, отправив адъютантов своих к армии, оставил только меня при себе, где и пробыл до выздоровления. По требовании государя-императора он отправился в С. Петербург и с ним, кроме меня, никого из чиновников не было. Не застав государя в С. Петербурге, отправился к армии и, найдя государя в городе Плотск, получил повеление принять от адмирала Чичагова армию, после сего некоторые из г.г. генералов говорили ему, что он командовал армиями, а господина Чичагова корпус не имеет числа людей полной дивизии, на что Барклаи де Толли им сказал: «Я служу отечеству и государю, и когда государь находит меня способным командовать 100.000 армиею, то я обязан командовать, а когда поручают мне в командовании 100 человек, то я не должен отказываться». Вступив в командование армиею господина Чичагова, взял город Торн и, идя к Бауцену, у Кенигсварта разбил идущие на Берлин французские корпуса и присоединился при городе Бауцене к армии. Прочее командование его армиею вам известно. По взятии Парижа фельдмаршал поехал ночевать в Бонди, где одни из адъютантов в бытность мою при нем докладывал, что под домом положены бомбы, на что хладнокровно он ему сказал, чтобы приказал нескольким гренадерам снять обувь и вынести их оттуда и положить на землю, в безопасном месте потихоньку, потом открылось, что это были не бомбы, а кегельные шары, на что он сказал, что у страха глаза велики. Во время занятия дома матери Наполеона квартирою некоторые из союзных войск хотели воспользоваться из дому экипажами, о чем он, узнав, приказал всех со двора выгнать и сказал, что где занимает квартиру русский фельдмаршал, не только экипажа, но нитки не должно пропасть. Смерть последовала ему от органического повреждения в сердце, что показало вскрытие при бальзамировании; и, проезжая через Пруссию, желал достигнуть Карлсбадских вод, города Тильзита, и не доехав станции, по дороге в помещичьем доме, причем меня не было.

РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 123. Л. 5—8.

Барклай де Толли, некоторые эпизоды из его жизни

[1870-е гг.]

Умерший в 1850-х годах, состоявший при Военном министре тайный советник Александр Леонтьевич Майер, будучи еще в молодых летах, находился при Барклае де Толли. Занимая должность экспедитора особенной канцелярии Военного министра и главнокомандующего 1-й армиею, он сопровождал Барклая де Толли в течение всей кампании 1812 г. Состоя при нем безотлучно и ежедневно обедая с ним во время походов, Майер часто имел случай быть свидетелем тех неприятностей, которые так долго огорчали Барклая и которые имели последствием удаление его из армии.

Несмотря на молодость свою, Майер находился постоянно в самых дружеских отношениях с Барклаем. Эти отношения сохранились и до самой его смерти. Майер из глубокого уважения к памяти Барклая не охотно говорил об этом времени, так как сам покойный фельдмаршал не любил вспоминать о нем. Поэтому сведения о Барклае, сообщенные Майером, весьма не богаты, но есть которые дошли до нас, ввиду самых близких



отношений, существовавших между этими двумя лицами, не лишены интереса.

Вот что говорит Майер.

Фельдмаршал часто в пылу преданности часто говорил ему о всех интригах, против него направленных во время нахождения его в армии в 1812 г., в особенности со стороны Ермолова, много содействовавшего к удалению его из армии. Кутузов также не благоволил Барклаю; нерасположение его доходило до того, что он не считал нужным сообщать главнокомандующему 1-й армиею о своих распоряжениях. Подобные случаи повторялись неоднократно, но Барклай старался не замечать их и всегда, с врожденным ему хладнокровием, умел скрывать свою скорбь. Вообще он не любил в разговорах своих касаться этого предмета, но из рассказов его всегда было видно, что он не охотно расставался с армиею, не из честолюбия, но желая кончить жизнь честным солдатом. Если бы он, сдавая начальство Кутузову, не остался главнокомандующим 1-й армией, но состоял бы при ней в качестве волонтера или простого зрителя, то он не переменил бы участь. Барклай искал смерти, и самое войско, отзывавшееся весьма не выгодно о нем до Бородинского сражения, видя его геройское самоотвержение, питало к нему впоследствии особое благоволение.

Оставив армию, Барклай поселился в своем Лифляндском имении Бекгоф. Прибыв по вызову императора Александра в Петербург, он жил в квартире Майера, не имея при себе никого, кроме доктора Баталина. 2 декабря Барклай де Толли поехал на выход во дворец. Императора Александра Павловича уже не было в столице. Из дворян никто не обращал на него внимания до той минуты, когда государыня императрица Елизавета Алексеевна, остановив свиту, изволила иметь с ним очень длинный разговор, после чего вдруг нашлись со всех сторон друзья и доброжелатели. Несмотря на большое хладнокровие и умение владеть собою, происшествие это его сильно потрясло, и он слег. Поправившись, он поехал вслед за государем.

Вот что передает Майер.

Однажды бригадирша Фермелеен * прогуливалась по Петербургу в карете с 3-х летним Барклаем. Мальчик, прикоснувшись к дверцам кареты, которая отворилась, выпал. В это время мимо проезжает князь Потемкин. Увидев вывалившегося из кареты ребенка, князь вышел из экипажа, поднял его и, найдя его совершенно невредимым, передал его госпоже Фермелеен, сказав: «Этот ребенок будет великим мужем».

К. Висковатов

РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д.123. Л. 1—2 об.

Предисловие и публикация **А. ТАРТАКОВСКОГО**

---

* В начале письма М. А. Баталин сообщает подробности ранения М. Б. Барклая де Толли и его лечения в Мемеле «медицинским инспектором» Я. В. Виллие.

* Бригадирша Фермелеен была родною сестрою матери Барклая де Толли, урожденная Смиттен. Она усыновила Барклая.

АЛЕКСАНДР ВИНОГРАДОВ

РОД МЮРАТОВ



Наполеон с детьми Мюрата.

Жизнь и смерть маршала Иоахима Мюрата породила множество легенд. Это был человек необыкновенной судьбы. Сын гасконского трактирщика, кавалерийский офицер, затем малозаметный генерал, благодаря своему браку с сестрой Наполеона Каролиной превратился в ближайшего родственника императора. В 1804 году Мюрат — принц Империи, получает титул «Великого Адмирала», 18 марта 1806 года становится владетельным великим герцогом Клеве-Бергским и, наконец, 15 июля 1808 года получает неаполитанскую корону.

И хотя династия Мюратов не удержалась в своем королевстве после падения Наполеона I, а за попытку вернуть себе престол изгнанный король поплатился жизнью, род Мюратов занял свое место среди южноитальянской знати. Первоначально Мюраты не признавались «законной» династией. Тем не менее Ашиль — старший сын знаменитого маршала — носил титул принца, а дочери вышли замуж за аристократов.

В политической истории Южной Италии Мюраты также играли определенную роль. В течение длительного времени в Неаполе существовала «мюратистская партия», предлагавшая сохранить независимость Королевства Обеих Сицилий, сменив династию Бурбонов. Кандидатуру принца Люсьена прочили на неаполитанский престол в конце 50-х годов XIX века, в период бурных событий объединения Италии. Однако эти иллюзорные надежды быстро растаяли, и род Мюратов прочно обосновался во Франции.

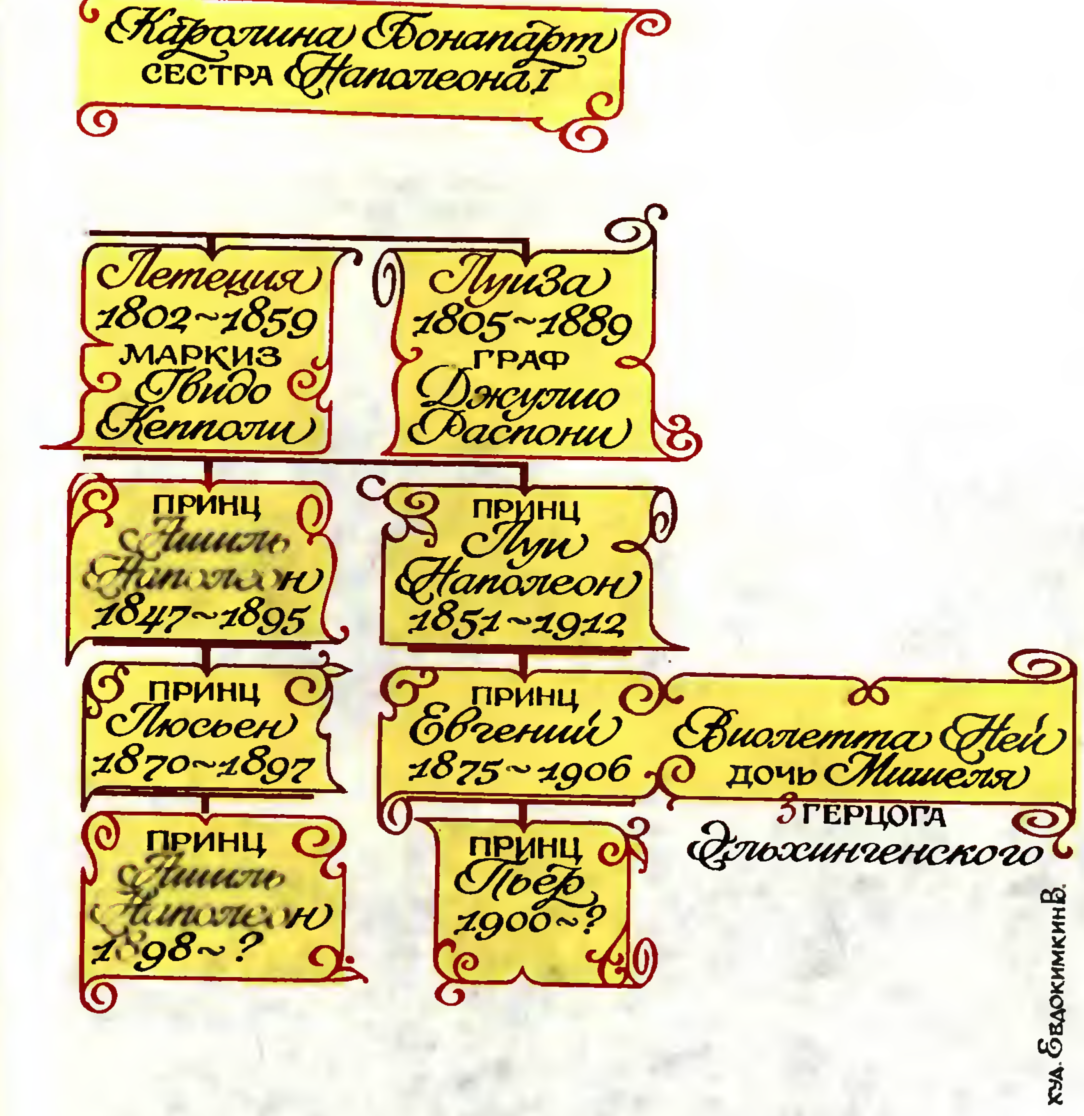
Еще в 1853 году Наполеон III формально восстановил для Мюратов титул принцев Империи, и теперь они могли носить его на «законном основании». В настоящее время во Франции существуют три ветви Мюратов, все они — потомки принца Люсьена. Мюраты находятся в тесном родстве с другими знатными родами, например с фамилиями Неев и Бертье.

Род Мюратов в настоящее время весьма многочислен. Поэтому в таблице указаны лишь старшие мужские представители.









худ. Евдокимкин В.

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

БОРОДИНО ГЛАЗАМИ ПРОТИВНИКОВ

Сражению при Бородине посвящено немало дневников и воспоминаний. Эти ценнейшие источники не только передают неповторимый колорит той эпохи, но и позволяют представить все величие и драматизм одного из главных событий Отечественной войны.

Сегодня мы представляем мемуары штабных офицеров двух противоборствующих армий — В. фон Левенштерна и Л. Ф. Лежена. Выбор сделан не случайно. Они были близки к командным сферам своих армий и лучше других ориентировались во всех перипетиях «битвы гигантов», развернувшейся на полях Бородина.



Сражение при Островно 23 июля 1812 г. Литография А. Адама (1827—1833).



ВОЛЬДЕМАР ФОН ЛЕВЕНШТЕРН:

«Победа ускользнула от нас...»

Вольдемар фон Левенштерн (1777—1858) — адъютант главнокомандующего 1-й Западной армией М. Б. Барклая де Толли. Лифляндский барон, человек незаурядного ума и отменной образованности. В Отечественной войне он участвовал в чине майора, с опытом швейцарского похода Суворова. Его записки, составленные на французском языке, отличаются правдивостью и живостью слога; в 1900—1902 годах значительная их часть была издана в «Русской старине». Приводимый фрагмент мемуаров публикуется по подлинной рукописи, хранящейся в ЦГВИА (Ф. 846. Оп. 16. Д. 3465. Ч. 2. Л. 154—161).

...Битва началась на рассвете. На восходе солнца поднялся сильный туман. Генерал Барклай в полной парадной форме, при орденах и в шляпе с черными перьями стоял со своим штабом на батарее позади деревни Бородино.(...)

Со всех сторон раздавалась канонада. Деревня Бородино, расположенная у наших ног, была занята храбрым лейб-гвардии Егерским полком. Туман, заволакивавший еще в то время равнину, скрывал сильные неприятельские колонны, надвигавшиеся прямо на него.

Генерал Барклай, обозревавший всю местность с холма, угадал, какой опасности подвергался этот полк, и послал меня с приказанием, чтобы он немедленно выступил из деревни и разрушил за собою мост.

Я поспешил к командиру полка, но колонна вице-короля итальянского под командою генерала Дельзона [1] вступила уже в деревню с большой дороги сомкнутою колонною. Она шла беглым шагом с барабанным боем. Приказание бить отбой было тотчас исполнено, но отступление не могло совершиться достаточно скоро, чтобы помешать другой французской колонне пройти по берегу реки, разбросать цепь стрелков и начать стрелять в егерей в то время, когда они проходили по мосту; огонь был убийственный и попадал в цель.

Вторая неприятельская колонна, шедшая из деревни беглым шагом по большой дороге, также открыла по мосту продольный огонь, что неминуемо должно было произвести в нашем войске замешательство: мы были так стеснены, что ни один ружейный выстрел не пропадал даром. Оставалось одно спасение — пройти как можно поспешнее по маленькой равнине и достигнуть оврага, что дало бы егерям возможность собраться и вновь построиться. Бой продолжался не более 15 минут, но эти четверть часа были самыми памятными в моей жизни. Гвардейский егерский полк потерял в этот промежуток времени половину людей, в том числе было убито и выбыло из строя 30 офицеров.

На помощь нашим егерям подоспел 1-й егерский полк под командою храброго полковника Карпенко [2]; сильный ружейный огонь, поддержанный картечью, вынудил неприятеля перейти мост обратно. Деревня Бородино осталась во власти французов, но с этой минуты перестала играть роль в великой драме, получившей, однако, от нее свое название.(...)

День начался неудачей. К счастью, это не повлияло на дух войск. Все продолжали драться с непоколебимым мужеством.

После дела при Бородинском мосту генерал Барклай спустился с холма и объехал всю линию. Ядра и гранаты буквально взрывали землю на всем пространстве. Барклай проехал таким образом перед Преображенским и Семеновским полками. Молодцы-гренадеры приветствовали его спокойно, стоя с истинно военной выправкой. Ядра уже производили опустошение в их рядах, но они стояли по-прежнему стойко и безмолвно с ружьем у ноги и спокойно смыкали ряды, когда ядра уносили из них жертвы.

Все отданные накануне распоряжения были исполнены. Когда главнокомандующий осмотрел позицию, батареи открыли более сильный огонь. Он походил на ружейную перестрелку, не прекращался ни на минуту, так что впоследствии можно было сказать по справедливости, что на поле битвы не было убежища для трусов.(...)

У холма, возвышавшегося в центре (который получил впоследствии название батареи Раевского), происходило какое-то необычное движение. Из-за дыма и пыли мы не могли видеть, какая была причина этого движения. Генерал поручил мне разузнать, в чем дело. Прибыв туда, я увидел нашу пехоту, отходящую в большом беспорядке, и неприятеля, спешащего занять холм, которым он только что овладел в штыковой атаке. Нельзя было терять ни минуты. Вместо того, чтобы возвратиться к генералу Барклаю, я попросил адъютанта принца Ольденбургского — поручика Варденбурга отправиться к генералу и сообщить ему эту дурную весть. Окинув в то же время взглядом местность, я заметил вправо от холма батальон Томского полка, стоявший сомкнутой колонной в полном порядке. Я бросился к нему и приказал батальонному командиру именем главнокомандующего следовать за мною. Он послушался и смело пошел вперед на батарею.

Я запретил солдатам кричать «ура!» без моего разрешения: им надо было взобраться на холм, поэтому следовало беречь дыхание. Батальонный командир шел пешком. Это был толстенький круглый человечек, но в нем горел священный огонь.

Поднявшись на середину холма, солдаты Томского полка прокричали по данному мной знаку грозное «ура!» и кинулись с остервенением на всех, кто попадался им навстречу. Войска пошли в штыки, завязался жаркий бой. К этому пункту поспешил и генерал Ермолов со всем своим штабом, при нем находился дежурный генерал Кикин и командовавший артиллерией граф Кутайсов [3]. Ему удалось под градом пуль сформировать пехоту и энергично поддержать дело, начатое храбрым батальоном Томского полка. Успех был поддержан генералом Паскевичем [4], который сделал удачную диверсию влево от большой батареи. Мы овладели таким образом важной позицией, которую чуть не потеряли.

В тот момент все признали за мной заслугу, что я увлек всех своим примером. Генерал Ермолов поцеловал меня на самой батарее и тут же поздравил с Георгием, который я несомненно должен был получить. Но впоследствии, когда этот эпизод был признан самым выдающимся событием дня, другие лица пожелали присвоить себе эту честь и пожалели о том, что они были слишком откровенны в выражении чувств в тот момент, когда пролитая кровь заставила смолкнуть вражду.

Генерал Ермолов, Кикин и я были ранены; храбрый граф Кутайсов — убит.

Генерал Барклай, подоспевший во время нашей схватки, немедленно принял меры к тому, чтобы неприятель не мог вторично овладеть батареей. Он поручил оборону этой батареи и высоты дивизии генерала Лихачева [5].(...)

Генерал Барклай, не зная, что происходило в корпусе графа Остермана [6], послал меня к нему.(...) В течение восьми или десяти минут, которые я провел возле графа Остермана, несколько человек его свиты были убиты и ранены, в том числе его адъютант Валуев, который был убит возле меня, и молодой князь Михаил Голицын, раненный пулею.

Ознакомившись с занимаемой им позицией, я убедился, что на этот корпус не стоит особенно рассчитывать, но граф Остерман будет защищать позицию, как лев.

Генерал Барклай не совсем был доволен положением дел, но не мог помочь горю. Он заметил в это время, что сильные колонны неприятельской кавалерии маневрировали с целью совершить решительную атаку на левое крыло 1-й армии, составлявшее центр обеих армий. Следя внимательно за этим движением, он подозвал меня и спросил, знаю ли я, где находится резервная гвардейская кавалерия. Получив утвердительный ответ, он приказал мне передать временно командовавшему ею генералу Шевичу [7], чтобы он двинулся рысью, не подвергая себя особой опасности, но чтобы можно было воспользоваться его помощью в случае надобности. Это приказание вызвало всеобщий восторг в рядах храброго и отборного войска, которое горело желанием принять участие в этом славном деле.

Когда я передал генералу Шевичу, что мне приказано поставить его так, чтобы он не подвергался опасности от выстрелов, он отвечал мне с улыбкой: «Это будет трудно: мы уже давно смыкаем ряды, чтобы не было заметно убыли, которую причиняют нам ядра. Пойдем же вперед, это лучшее, что мы можем сделать».

Едва успела эта прекрасная кавалерия прибыть к тому пункту, который я считал наиболее подходящим для того, чтобы выполнить приказ генерала, как на нас наскочила масса неприятельской кавалерии. Кавалергарды, конногвардейцы и кирасиры помчались им навстречу с изумительным хладнокровием. Залпы следовали за залпами. Наши молодцы кирасиры покрыли себя славою.

Саксонские и французские кирасиры были храбрые противники, тем не менее победа в этом пункте осталась за нами, и центр нашей позиции не был поколеблен.

Был момент, когда поле битвы напоминало одну из батальных картин работы наших знаменитых художников. Сражение перешло в рукопашную схватку: сражающиеся смешались, не было более правильных рядов, не было сомкнутых колонн, были только более или менее многочисленные группы, которые сталкивались одна с другою. Люди дрались спереди, сзади; свои и враги смешались. Пехота, построенная в каре, едва не стреляла со всех фасов одновременно. Личная храбрость и сообразительность имели полную возможность выказать себя в этот достопамятный день. Я видел во время схватки неустрашимого Алексея Орлова, который был весь изранен; его брат Григорий, адъютант Барклая, красавец собою, лишился в этом сражении ноги, а молодой Клингер и граф Ламздорф были убиты. Киселев, счастливее брата, убитого утром во время боя, в котором участвовал лейб-гвардии Егерский полк, остался жив. Я видел молодого Шереметева [8], получившего большую рану саблей по лицу: подобная рана всегда делает честь кавалерийскому офицеру.(...)

Барклай поспешил к тому пункту, где произошло замешательство, но так как его лошадь была ранена (хотя продолжала скакать), то он оказался в большой опасности. Его преследовали несколько польских уланов. Мы сделали попытку спасти нашего генерала. Несколько кавалеристов разных полков, которых нам удалось собрать, помогли в этом. Мы бросились на польских улан, из которых одни были нами изрублены, а другие обращены в бегство. Барклай был спасен. Он поскакал галопом к Кутузову и застал его на том же самом месте, окруженным многочисленной свитою.

В течение дня генерал Беннигсен и полковник Толь [9] объехали, по приказу Кутузова, поле битвы. Генерал Беннигсен остановился на некоторое время, чтобы переговорить с Барклаем; когда он отъехал, Барклай сказал мне: «Этот человек все испортит, он завистлив. Самолюбие заставляет его думать, что он один способен давать сражения и вести их с успехом. Без сомнения, он талантлив, но он готов употреблять свои способности только для того, чтобы удовлетворить свое честолюбие; к великому, священному делу он равнодушен. Я считаю его присутствие в армии настоящим бедствием. Кутузов разделяет мое мнение. Увидим, как он выполнит движение кавалерии на нашем крайнем правом фланге, на которое я рассчитываю, чтобы двинуться вперед со всеми моими резервами. Это должно нанести неприятелю решительный удар».

С высоты, на которой мы стояли, мы могли видеть, как было выполнено это движение: либо отданные приказания не отличались особой точностью, либо генерал, которому было поручено произвести этот маневр, не был на высоте. Как бы то ни было, движение было выполнено весьма неискусно. Генерал Уваров [10], руководивший им, выказал себя человеком малоспособным.(...)

Впрочем... наступательное движение неприятеля было приостановлено, и мы могли вздохнуть.

На нашем крайнем левом фланге дела приняли иной оборот. Самые лучшие генералы были ранены. Гренадерский корпус графа Воронцова [11], с успехом отражавший нападение неприятеля, понес значительный урон; сам граф был ранен. Та же участь постигла князя Багратиона и генерала Тучкова 1-го, они умерли от полученных ими ран. Тучков 2-й [12] был убит наповал.

Хотя мы несколько подались на левом фланге, и на правом, и даже в центре, но ни одной пяди земли еще не было нами потеряно. Но лишь только Наполеон убедился, что движение, совершенное нашей кавалерией против его левого крыла, было не более чем слабой демонстрацией, он тотчас же перешел снова в наступление.

К сожалению, это движение было исполнено весьма удачно. Он овладел батареей, причем генерал Лихачев был взят в плен [13] и вся его дивизия уничтожена. Все, кому удалось уйти от этой бойни, искали спасения в овраге, над которым пролетали ядра и картечь не-

приятеля, не задевая их. Барклай послал меня туда с приказанием, чтобы они оставили овраг. Но я увидел с сожалением, что уже ничто не могло воодушевить этих людей: они слишком много пострадали, упали духом и предпочитали умереть в этой западне, нежели попытаться выйти из нее. Я оставил их в овраге; не знаю, какая участь их постигла...

Я вернулся к генералу Барклаю и сообщил ему эту печальную весть. Потеря большой батареи, видимо, не особенно огорчила его.

«Это печально,— сказал он,— но мы возьмем ее обратно завтра, а может быть, французы покинут ее сегодня ночью».(...)

Главнокомандующий Кутузов не сходил весь день с места. Наполеон точно так же оставался все время на одном месте; не знаю, была ли это простая случайность, или это зависело от того, что их позиции представляли много сходства [14].

Два великих полководца решали на этом маленьком клочке земли судьбу Европы. Стоя неподвижно, подобно двум маякам, они руководили более чем 400000 сражающихся, движениям которых вторили выстрелы из 1200 орудий.(...)

На этом холме, возле Горок, Барклай сошел с лошади впервые за этот день. Изнемогая от голода, он выпил рюмку рома, съел предложенный ему кусочек хлеба и продолжал спокойно следить за действиями неприятеля, не обращая внимания на ядра.

Туман, окутавший вскоре поле битвы, прекратил сражение. Настала полнейшая тишина. Тогда только мы могли хладнокровно обсудить события достопамятного дня. Никто из нас не считал сражение проигранным. (...)

Мы были уверены, что сражение возобновится на следующий день. Каждый из нас растянулся на соломе, вполне убежденный в этом, и каждый хотел подкрепиться к завтрашнему дню. Велико было удивление, когда на рассвете было отдано приказание отступать.

Отступление было совершено в порядке, без малейшей торопливости. Неприятельская кавалерия начала преследовать нас только в десять часов утра, но преследовала настолько вяло, что мы останавливались везде, где считали это нужным.

Так как причины, заставившие главнокомандующего продолжать отступление и оставить поле битвы, бывшее все еще в нашей власти, относятся к области серьезных военных вопросов, то я не буду рассматривать их здесь, но скажу с полным убеждением, что если победа ускользнула от нас, то и неприятель не мог приписать ее себе, и только отступление, совершенное нами на другой день, дало ему преимущества...



ЛУИ ФРАНСУА ЛЕЖЕН:

«Дорогой ценой купили мы успех...»

Полковник Луи Франсуа Лежен (1775—1848) — адъютант маршала Бертье, начальника штаба Наполеона. Его карьера довольно типична для многих ветеранов наполеоновских войн: боевые отличия принесли высокие чины и титул барона империи. Но особую известность он получил как художник-баталист. Серия картин, посвященная битвам Наполеона, имеет не только художественную ценность, но и любопытна как свидетельство очевидца. Воспоминания Лежена публикуются по парижскому изданию 1895 года.

...7-е сентября. Сигнал дан около 7 часов, и 300 наших пушек немедленно открыли пальбу по такому же приблизительно числу русских орудий, ядра которых с неподдающимся описанию шумом и свистом бороздили наши ряды. К несчастью, в этот роковой момент начала сражения наши резервы, даже кавалерии, стояли на слишком близкой позиции и из гордости, или, скорее, чтобы не подать повода к ложной тревоге, не захотели отступить хотя бы на несколько сотен шагов, где бы могли укрыться и избежать бесполезных потерь. Мы были свидетелями, как тысячи храбрых всадников и крайне нужных нам лошадей гибли без всякой пользы для армии.

Стоявший влево от нас корпус вице-короля храбро атаковал дивизией Дельзона и взял укрепленную деревню Бородино. Принц Евгений [15] не верил, что атака эта закончится успешно, и приказал только взять Бородино. Но 106-й полк, увлеченный победой, перешел вслед за русскими по мельничному мосту через ручей Колочу и продолжал их преследовать в то время, как они поднимались на высоты укреплений деревни, закрытой длинной насыпью реданов. Несущиеся не переводя дух солдаты этого полка при подъеме на крутой косогор отделились от колонны, которая еще только переходила мост.

Генерал Плозон [16], заметив это расстройство и зная в то же время, что эта атака не была подготовлена и не будет поддержана, приказал 106-му полку остановиться, выстроиться и приготовиться отразить нападение русской колонны, спускавшейся к нам сверху. Генерал Плозон был в эту минуту убит. Немедленно среди его солдат произошло замешательство, которым и воспользовались русские, так что в живых остались лишь немногие из этих храбрецов.

Между тем к нам на помощь пришел 92-й полк, и Бородино осталось за нами, несмотря на все старания русских его отбить.

Как участник в этом деле, я докладывал императору об его подробностях, когда маршал Ней [17] овладел высотами, где во всю их длину были устроены редуты и стояла артиллерия, громившая наши ряды. Маршал был прекрасен: спокойно стоял он на парапете одного из редутов и командовал сражавшимися, толпившимися у его ног и терявшими его из виду лишь в те моменты,

когда его заволакивали густые клубы дыма. В нескольких шагах от него ядро только что сразило нашего блестящего генерала Монбрена [18].

Князь Экмюльский [19] продолжал отстаивать занятые им редуты, откуда неприятель старался его вытеснить. Мне было поручено передать ему грустное известие, что князь Понятовский [20], который, маневрируя справа, должен был обойти с польским корпусом левый фланг русских и произвести среди них замешательство, не смог этого сделать, поскольку встретил препятствие в слишком частом и болотистом лесу.

В эту минуту положение маршала (Даву) было на самом деле критическое, несмотря на то, что кавалерия короля Мюрата [21] покрывала впереди равнину и довольно удачно атаковала русскую кавалерию, но страшный огонь сыпался на его войска со стороны русской пехоты и артиллерии. Он был ранен в руку, но продолжал командовать, а его начальника штаба генерала Ромефа [22] пуля пронзила в то время, когда он говорил с нами. Смущенный тем, что приходится брать с фронта позицию, которая по его предложению должна была быть сразу атакована с трех сторон, маршал сказал мне с досадой: «Черт возьми, хотят, чтобы я взял быка за рога».

Я поскакал к Мюрату, чтобы указать на затруднительное положение Даву, и тот немедленно выстроил значительную часть своей кавалерии в подкрепление дивизии генерала Фриана [23], которому я доставил приказ взять Семеновское. Я увидел, как моментально равнина покрылась бесчисленной кавалерией; русские, казаки, французы, союзники сплетались самым прихотливым образом, и, наконец, после получасового боя поле осталось за французами, которые заняли Семеновское, превращенное во время схватки в пепел.

Эту радостную весть я повез императору. Когда я подъехал к нему, он с живым интересом следил за этим зрелищем, самым поразительным в этот день. Было, вероятно, 3 часа.

Русская артиллерия продолжала наносить значительный урон нашим рядам из большого центрального редута. Императору было необходимо овладеть этим редутом, и соответствующие приказы были посланы генералу Жерару, пехота которого стояла у подошвы возвышения, а королю Мюрату было поручено поддержать атаку Жерара многочисленным корпусом кавалерии. Генерал Бельяр [24], его начальник штаба, отдал приказ Коленкуру [25] уловить момент, когда пехота Жерара начнет подниматься на холм к редуту, немедленно выстроиться в колонну, имея во главе 4 кирасирских и 2 карабинерных полка, и вести колонну рысью направо, немного объехать редут как бы с намерением атаковать корпус русской кавалерии, стоявшей на равнине слева, и, дав пехоте время подняться на холм, внезапно пуститься галопом влево ко входу в редут и войти туда в тот момент, когда Жерар будет готов напасть на парапеты. Таким образом неприятель будет обойден с тылу и поставлен между двух огней.

Коленкур понял и прекрасно выполнил этот маневр, поразивший неприятеля. В мгновение ока внутренность этого огромного укрепления была заполнена кирасирами, и артиллеристы неожиданно перебиты возле своих орудий нашими кавалеристами; в то же время пехота проникла через амбразуры и парапеты.

Генерал Кутузов, считавший этот редут ключом всей позиции, немедленно, чтобы нас оттуда вытеснить, велел направить на этот пункт 100 пушечных жерл, а значительная отборная колонна русских гренадеров, спрятанная позади редута в овраге, полезла отбивать редут штурмом.

В эту минуту не перестававший дуть сильный ветер поднял на редуте огромный столб пыли и дыма, доходивший почти до облаков, в котором чуть не задохнулись люди и лошади, и эта густая туча все росла благодаря ожесточенной схватке. Наконец, когда дым рассеялся, мы отбросили русскую колонну в овраг. Редут был наш. Артиллеристы лежали убитые у своих орудий; нам досталось 30 пушек, так как неожиданность и быстрота натиска нашей кавалерии не дали неприятелю времени их вывезти. В плен были взяты один генерал, несколько полковников и много других военных.

Со своей стороны, мы понесли тяжкую потерю в лице генерала Коленкура, убитого при нашем вступлении в редут, и многих других достойных офицеров.

Я смотрел на всю эту картину еще и глазами живописца. Очень эффектно выделялись столбы пыли и серебристого дыма. Вот осколок гранаты разбил бочонок с дегтем, которым русские смазывают оси своих орудий и повозок, и немедленно багровое пламя побежало по земле, извиваясь, как рассерженная змея, и поднялось вверх, сливаясь с облаками и отбрасывая на землю темные пятна. Проживи я еще 100 лет, и то никогда не забуду той волнующей картины.

Довольный этой удачей, а также успехом генерала Фриана и других дивизий маршала Даву, император решил, что наступил момент пустить в дело всю гвардию, чтобы довершить победу.(...) Он сказал мне: «Отыщите Сорбье [26], пусть он поставит всю артиллерию моей гвардии на позицию, занятую генералом Фрианом, куда вы с ним поедете; он развернет 60 орудий под прямым углом над неприятельской линией, чтобы раздавить ее с фланга, а Мюрат его поддержит. Идите».

Я мчусь галопом к горячему генералу Сорбье. Он не верит мне, едва даст время объясниться и нетерпеливо отвечает: «Мы должны были это сделать более часу тому назад», и велит следовать за ним рысью. Немедленно вся эта внушительная масса орудий с лязгом цепей и звоном подков 2000 лошадей спускается, пересекает долину, поднимается по отлогому скату, где неприятель устроил укрепления, находящиеся теперь в наших руках, и пускается галопом, чтобы занять пространство, где бы они могли развернуться.

Далеко впереди себя на равнине я вижу короля Мюрата, гарцующего на лошади среди своих стрелков, гораздо менее занятых им, чем многочисленные казаки, которые узнали его, вероятно, по султану, по его браваде, а главное, по его короткому плащу из длинной козьей шерсти, как у них. Они рады ему, окружили его с надеждой взять и кричат: «Ура! Ура! Мюрат!» Но приблизиться к нему никто не смел, а нескольких наиболее дерзких он ловко сразил острым лезвием своей сабли. Когда я привез ему приказ, король Мюрат покинул линию стрелков, чтобы поспешить на помощь Сорбье. Его движение казаки приняли за бегство или отступление и бросились за нами. Моя лошадь, не такая быстрая как прекрасный арабский скакун Мюрата рыжей масти, была задета орудием, мчавшимся галопом. Удар ранил и опрокинул животное, но оно встало, не выбив меня из седла, и я помчался к Сорбье, в самый пыл сражения, откуда на неприятельскую линию по всей ее длине посылался град картечи, ядер и гранат. Тщетно неприятельская кавалерия пыталась разбить эту линию орудий. Кавалерия Мюрата сильно ей мешала своими блестящими атаками, о которых историки не преминут упомянуть. Их укрепленная позиция, которую они считали неприступной, осталась в наших руках.

Я поехал к императору доложить о подробностях.

День клонился к вечеру. Дорогой ценой купили мы успех на всех пунктах, но не было никаких доказательств тому, что и иа следующий день бой не возобновится...

Сравнивая это сражение с другими, бывшими при Ваграме, Эслинге, Эйлау, Фридланде, я удивился тому, что сегодня мы не видели, чтобы император проявлял, как раньше, ту энергию, которая решала нашу победу. Он только приехал на поле сражения и сел поблизости от своей гвардии, на холме, откуда ему все было видно и над которым пролетало много пуль. Возвращаясь из всех своих поездок, я неизменно находил его на этом месте. Он сидел все в одной и той же позе, с помощью карманной зрительной трубы наблюдал за всеми движениями армии и с невозмутимым спокойствием отдавал свои приказания.

Мы не имели счастья видеть его таким, как прежде, когда одним своим присутствием он возбуждал бодрость сражающихся в тех пунктах, где неприятель оказывал серьезное сопротивление и успех казался сомнительным. Все мы удивлялись, не узнавая в нем деятельного человека Маренго, Аустерлица и т. д. и т. д. Мы не знали, что Наполеон был болен, и только это не позволяло ему принять участие в великих событиях, совершавшихся на его глазах единственно в интересах его славы. Между тем татары из пределов Азии, сто северных народов, все народы Адриатики, Италии, Калабрии, народы центральной и южной Европы — все имели здесь своих представителей в лице отборных солдат. В этот день эти храбрецы проявили все свои силы, сражаясь за или против Наполеона; кровь 80 000 русских и французов лилась ради укрепления или ослабления его власти, а он с наружным спокойствием следил за кровавыми перипетиями этой ужасной трагедии.

Мы были иедовольны; суждения наши были суровы...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дельзон Алекс Жозеф (1775—1812) — барон, дивизионный генерал, командир 13-й пехотной дивизии 4-го корпуса Великой армии; убит в сражении при Малоярославце.

[2] Карпенко Моисей Иванович (1775—1854) — полковник, шеф 1-го егерского полка; за отличие при Бородине произведен в генерал-майоры.

[3] Ермолов Алексей Петрович (1777—1861) — генерал-майор, начальник штаба 1-и Западной армии. Кикин Петр Андреевич (1775—1834) — полковник, флигель-адъютант, дежурный генерал 1-й Западной армии. Кутайсов Александр Иванович (1784—1812) — граф, генерал-майор, начальник артиллерии 1-й Западной армии.

[4] Паскевич Иван Федорович (1782—1856) — генерал-майор, начальник 26-и пехотной дивизии 7-го корпуса 2-й Западнои армии.

[5] Лихачев Петр Гаврилович (1758—1813) — генерал-майор, начальник 24-й пехотной дивизии 6-го корпуса 1-й Западной армии.

[6] Остерман-Толстой Александр Иванович (1770—1857) — граф, генерал-леитеиант, командир 4-го пехотного корпуса, занимавшего боевую позицию на правом фланге русских войск.

[7] Шевич Иван Георгиевич (1754—1813) — генерал-майор, командир бригады гвардейских кирасир.

[8] Братья Орловы: Алексей Федорович (1786—1861) — ротмистр лейб-гвардии Конного полка; Григорий Федорович (1790—1853) — поручик Кавалергардского полка, состоял при главнокомандующем 1-й Западной армией. Клингер Александр Федорович (1791—1812) — штабс-капитан Семеновского полка, адъютант главнокомандующего 1-й Западной армии; мемуарист ошибается, сообщая, что Клингер был убит в Бородинском сражении, в действительности прн Бородине он был тяжело ранен н умер месяц спустя. Ламздорф Константин Матвеевич (1789—1812) — поручик Семеновского полка. Киселев Павел Дмитриевич (1788—1872) — поручик Кавалергардского полка; впоследствии граф, министр Государственных имуществ. Шереметев 1-й Сергей Васильевич (1792—1866) — корнет Кавалергардского полка.

[9] Беннигсен Левин Август Теофил (1745—1826) — ганноверский барон, на русской службе с 1773 года; генерал от кавалерии, начальник штаба М. И. Кутузова. Толь Карл Федорович (1777—1842) — полковник свиты е. в. по квартирмейстерской части, помощник генерал-квартирмейстера штаба М. И. Кутузова.

[10] Уваров Федор Петрович (1769—1824) — генерал-лейтенант и генерал-адъютант, командир 1-го кавалерийского корпуса 1-й Западной армии.

[11] Воронцов Михаил Семенович (1782—1856) — граф, генерал-майор, начальник сводно-греиадерской дивизии 2-й Западной армии.

[12] Тучков 1-й Николай Алексеевич (1761—1812) — генерал-лейтенант, командир 3-го пехотного корпуса 1-й Западной армии. Тучков 4-й (ошибочно указан 2-й) Александр Алексеевич (1777—1812) — генерал-майор, командир бригады 3-го пехотиого корпуса.

[13] Обстоятельства пленения генерала описал участник битвы И. П. Липранди: «Лихачев, человек старый, одержимый сильно хирагрою, оставался до последией секунды на батарее. Хладнокровное бесстрашие его, беспредельная преданность к нему дивизии, конечно, замедлили овладение этим местом. Когда французы проникли в батарею чрез амбразуру, он, хотя и легко раненный, не мог быстро сесть на лошадь и так был схвачен...» (В. И. Харкевич. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1903. Вып. II. С. 31—32).

[14] Преувеличение: в действительности число сражающихся с обеих сторон не превышало 280 тысяч.

[15] Богарне Евгений (1781—1824) — пасынок Наполеона, вице-король Италии, командир 4-го корпуса Великой армии.

[16] Плозон Луи Огюст Маршан (1774—1812) — барон, бригадный генерал.

[17] Ней Мишель (1769—1815) — герцог Эльхингенский, маршал Империи, командир 3-го корпуса Великой армии.

[18] Монбрен Луи Пьер (1770—1812) — граф, дивизионный генерал, командир 2-го корпуса резервной кавалерии.

[19] Даву Луи Никола (1770—1823) — герцог Ауэрштадтский, князь Экмюльский, маршал Империи, командир 1-го корпуса Великой армии.

[20] Понятовский Юзеф Антон (1763—1813) — польский князь, командир 5-го корпуса Великой армии.

[21] Мюрат Иоахим (1767—1815) — король Неаполя и Обеих Сицилий, маршал Империи, шурин Наполеона; командовал резервной кавалерией Великой армии.

[22] Ромеф Жан Луи (1766—1812) — бригадный генерал, начальник штаба 1-го корпуса; скончался от раны на второй день после битвы.

[23] Фриан Луи (1758—1829) — граф, дивизионный генерал, начальник 2-й пехотной дивизии 1-го корпуса Великой армии.

[24] Жерар Этьен Морис (1773—1855) — бригадный генерал, командующий 3-и пехотной дивизией 1-го корпуса, прикомандированной на время сражения к 4-му корпусу Великой армии. Бельяр Огюст (1769—1831) — граф, дивизионный генерал, начальиик штаба И. Мюрата.

[25] Коленкур Огюст Жан Габриель (1777—1812) — дивизионный генерал, комендант Главной квартиры Наполеона; после смерти Монбрёна вступил в командование 2-м кавалерийским корпусом.

[26] Сорбье Жан Бартелеми (1762—1827) — граф, дивизионный генерал, командир гвардейской артиллерии.

Предисловие, примечания, уточненный перевод
АЛЕКСАНДРА ВАЛЬКОВИЧА

ПОЛЕ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ 24–26 АВГУСТА (5–7) СЕНТЯБРЯ 1812 г.

- Граница Государственного Бородинского Военно-Исторического Музея-Заповедника.
- Граница Смоленской губернии в 1812 г.
- Дороги:
  - С автобусным движением.
  - Главные грунтовые 1812 г.
  - Утраченные места.
  - Грунтовые 1812 г.
- 110 Верстовые столбы с расстоянием от Москвы.
- +244,9 Высоты с отметкой метров.

- Обрывы.
- Песчаные карьеры.
- Водохранилища, заполненные после 1960 года.
- Пруды и места водяных мельниц 1812 г.
- Места ветряных мельниц.
- Болота.
- Населенные пункты существующие.
- Населенные пункты уничтоженные.
- Позднейшая застройка, чуждая Заповеднику.
- Храмы-свидетели 1812 года – разрушенные.
- Храмы-свидетели, восстановленные после 1961 г.
- Братские могилы 1812 г., найденные к 1992 году.
- Братские могилы 1812 г., благоустроенные с 1966 г.
- Братские могилы 1941–1942 годов с надгробиями.
- Места ранений и гибели героев 1812 года.

- Перевязочные пункты российские (слева) и неприятельские.
- Артиллерийские укрепления 1812 г. запаханные.
- Арт. укрепления, реставрированные в 1912, 1962, 1977, 1983–84 гг.
- Пехотные укрепл. 1812 г. утраченные (слева) и сохранившиеся.
- Противотанковые рвы 1941 г. сохранившиеся.
- Передовые казачьи разъезды 24 августа 1812 г.
- Казачья цепь охранения.
- Передовая цепь российских егерей.
- Корпуса Барклая-де-Толли 27 августа 1812 г.
- Места монументов и памятных знаков.
- 18 Достопамятные места. Пояснения на странице ...

М А С Ш Т А Б

1 0,5 0 0,5 1 1,5 2 2,5 3 3,5 4 КМ

Война 1812 года, ставшая огромной трагедией для русского народа, тем не менее послужила сильнейшим толчком к развитию общественной и культурной жизни России. Феноменом Пушкина, Лермонтова и других русских писателей мы обязаны пробуждению национального самосознания, подготовленного победами русского оружия. Храм Христа Спасителя, многочисленные обелиски, памятники русским полководцам — все напоминало об этой великой странице истории Родины.

Сегодня же времена переменились. Храм Христа Спасителя можно увидеть лишь на литографиях, взорваны памятники героям Отечественной войны в Малоярославце, Полоцке... Заброшены или вовсе уничтожены могилы генералов и рядовых, существовавший некогда музей 1812 года влился в состав Государственного исторического музея.

Есть опасность, что похожая судьба ждет и святая святых — Бородинское поле...

Неужто не волнует нас «любовь к отеческим гробам»?

Достопримечательные места поля Бородинского сражения

1. Село Ельня-Знаменское. Владение Камыниных. Место боев 24 августа (5 сентября) 1812 г. и 13 октября 1941 г.

Храм Знамения Пресвятой Богородицы (1733), одноярусный, с пятью приделами. Взорван в октябре 1941 г.

2. Деревня Рогачево на старой дороге из Колоцкого монастыря в Шевардино. Место передвижения войск и боев 13—14 октября 1941 г.

3. Деревня Головино. Бивуаки неприятеля 25 августа (6 сентября) 1812 г.

4. Сельцо Макрушено. Аллеи дубов и лип XVIII в. Бивуаки французов 25 августа.

5. Сельцо Ратово. Бивуаки неприятеля 25 августа.

6. Палатка главной квартиры Наполеона и бивуаки Старой гвардии 25 августа.

7. Перевязочный пункт 4-го корпуса Богарне.

Место атаки казаков Платова при выходе из Беззубовского леса в полдень 26 августа (7 сентября) 1812 г.

8. Место боя лейб-гвардии Егерского и Елисаветградского гусарского полков с передовыми частями корпуса Богарне 24 и 25 августа 1812 г.

Место обзора Наполеоном русских войск.

9. Плотина у сельца Беззубово — место переправы лейб-гвардии Казачьего полка 26 августа.

10. Переправа казаков Платова у валунов на р. Война для атаки левого фланга корпуса Богарне.

11. Высота 225,6 на дороге Романцево — Логиново. Казачий охранный пост и лучшее место обзора позиции русской армии в наши дни.

12. Памятный знак казачьим полкам Платова (1984).

13. Старое село. Владение Полтева, Ухтомского, Усовых.

Храм Смоленской Божией Матери Одигитрии (1726) с колокольней и трапезной (1790).

Наблюдательный пункт егерей полковника Потемкина.

Кладбище с остатками надгробий рода Усовых

14. Сельцо Малое. Место переправы казаков Платова и конницы Уварова для атаки левого фланга Наполеона утром 26 августа.

15. Памятный знак 1-му кавалерийскому корпусу Уварова (1984), установленный на месте исходной позиции перед атакой.

16. Памятник Нежинскому драгунскому полку (восстановлен в 1962 и 1985 гг.).

17. Село Бородино (Рождественское). Владение Кольчева, Савелова, Щербинина.

Двухъярусный храм (1697—1701). Верхний храм Рождества Христова, а нижний — Сергия Радонежского. Колокольня служила наблюдательным пунктом русской армии. Место боев 24 и утром 26 августа. Храм был закрыт в 1932 г., иконостасы сожжены. Восстановлен в 1961—1962 гг.

В 1911 г. в селе установлен памятник императору Александру II (уничтожен в 1918 г.).

18. Памятники:

— Лейб-гвардии Егерскому полку и матросам Гвардейского экипажа (1912);

— 1-му и 19-му Егерским полкам (1912);

— Лейб-гвардии Казачьему полку (1912 г. Разрушен в 1918 г.; восстановлен на старом фундаменте в 1985 г.).

Два моста и плотина на р. Колоче — арена боев и граница продвижения неприятеля 26 августа.

19. Сельцо Алексинки XVIII в., сожженное французами в 1812 г. Хутор Алексинки появился в 1838 г.

С. К. — святой колодец на левом берегу Колочи. Сейчас — родник с остатками сруба.

20. Место переправы французских пехотных дивизий Морана и Фриана для атаки Шевардина 24 августа.

21. Деревня Фомкино, мельничная плотина XVIII в., по которой 24 августа переправились на правый берег Колочи пехотная дивизия Компана и кавалерия Мюрата для атаки Доронина и Шевардина. Здесь находился левый фланг егерского отряда полковника Глебова.

22. Главный полевой перевязочный пункт французской армии у 400-летнего дуба.

23. Походный госпиталь Главной квартиры Наполеона южнее исходной позиции трех кавалерийских корпусов Мюрата 26 августа.

24. Доронинский курган. Близ него место палатки Наполеона в ночь после Бородинского сражения.

У болота — французская братская могила.

25. Шевардинский редут (восстановлен в 1912 г.).

Памятник 12-й батарейной роте (1912).

Французский памятник «Мертвым Великой армии» на месте командного пункта Наполеона в день генерального сражения (1913 г., ограда 1987 г.).

Под автобусной площадкой, построенной в 1955 г., находятся захоронения генералов и полковников армии Наполеона.

Севернее расположен Шевардинский парк с липами XVIII в., где похоронены высшие офицеры армии Наполеона.

26. Русский егерский ретраншемент, почти полностью сохранившийся с 1812 г.

Братская могила русских воинов, погибших при Шевардине, и русский перевязочный пункт 24 августа.

27. Французский стрелковый окоп, построен 26 августа и две русские двухорудийные батареи 24 августа.

28. Батареи генералов Сорбье и Пернетти утром 26 августа.

29. Батарея генерала Фуше, построенная вечером 25 августа. Запахана Бородинским колхозом в 1963 г. Восстановлена в 1966 г. с упрощенными формами и конструкциями.

30. Опушка леса, обороняемая егерским отрядом полковника Гогеля от польского корпуса Понятовского. По флангам егерей стояли казаки Карпова 2-го, смыкаясь у Фомкина с отрядом Глебова.

31. Польская братская могила на высоте 253,6 у Старой Смоленской дороги.

32. Польская братская могила погибших 26 августа.

33. Место ранения генерал-лейтенанта Н. А. Тучкова 1-го.

34. Место ошибочного взаимного обстрела частей корпуса Жюно и Понятовского утром 26 августа.

35. Гора Сады (Утицкий Курган). Памятники:

— Павловскому гренадерскому полку (1911);

— 17-й пехотной дивизии (1912);

— 1-й Гренадерской дивизии (1912);

— Памятный знак местным боям 1812 г. (1967);

Братская могила 1941 г.

Пять братских могил 1812 г.

36. Памятный знак Московскому и Смоленскому ополчениям на вокзальной площади станции Бородино (1966).

Братская могила 1941 г. у поселка станции Бородино.

37. Памятники:

— Лейб-гвардии Литовскому полку от Литовского полка (1912);

— Две братские могилы 1941 г.;

— Лейб-гвардии Литовскому полку от Московского полка (1912); восстановлен в граните в 1960 г.;

— Лейб-гвардии Финляндскому полку (1912);

— Могила капитана лейб-гвардии Финляндского полка А. Г. Огарева (1812 г. Перенесена из Старого Села в 1963 г.).

38. Система русских оборонительных засек, полян и просек Утицкого леса, сделанных 23—26 августа 1812 г.

39. Ставка императора Николая II в дни празднования 100-летия Бородинского сражения.

40. Памятники 1912 г.:

— 1-й батарее лейб-гвардии конной артиллерии;

— 3-му кавалерийскому корпусу;

— 4-й пехотной дивизии;

Братские могилы 1812 г.

41. Спасо-Бородинский монастырь (восстановлен в 1972—1987 гг.):

— Церковь Спаса Нерукотворного (1817—1820); место гибели А. А. Тучкова 4-го;

— Владимирский собор (1851—1859);

— Колокольня (1838—1842);

— Церковь Иоанна Предтечи (1872—1874);

— Церковь Филарета Милостивого (1838—1839);

— Дом-сторожка Тучковой (1817) (восстановлена заново в 1985—1987 гг.);

— Кельи, стены и башни (1838—1863);

— Памятник 3-й пехотной дивизии (1912);

— Средняя флешь (восстановлена в 1983—1984 гг.).

Северный люнет (восстановлен в 1962, 1983—1984 гг.);

— Монастырская гостиница (1859);

— Могила неизвестного солдата 1812 г. (1962).

Южный люнет (восстановлен в 1912 г.);

— Могила генерала Неверовского, останки перенесены из Галле в 1912 г.:

Памятники:

— 27-й пехотной дивизии (1912);

— Пионерным (инженерным) войскам (1912);

— 2-й гренадерской дивизии и сводным гренадерским батальонам М. С. Воронцова (1912);

— Муромскому пехотному полку (1912);

— Три братские могилы воинов 1812 г., павших на батарее Раевского, Семеновской высоте и на средней флеши Багратиона (1984).

Восточный люнет, засыпанный французами во время сражения.

— Памятник 4-му кавалерийскому корпусу (1912).

42. Русские батареи северной околицы деревни Семеновской и братские могилы 1812 г.

43. Памятник 2-й кирасирской дивизии на месте люнета.

44. Памятники 1912 г.:

— Лейб-гвардии Измайловскому полку (1912);

— Батарейной роте № 1 и легкой роте № 1 лейб-гвардии артиллерийской бригады (1912);

— Батарейной роте № 2 и легкой роте № 2 лейб-гвардии артиллерийской бригады (1912); похищенные бронзовые единороги восстановлены в чугуне в 1961 г.

45. Семеновская высота 226,8. Место ранения П. И. Багратиона утром 26 августа 1812 г. у командного пункта.

46. Памятники 1912 г.:

— Волынскому пехотному полку;

— Армейской конной артиллерии;

— 12-й пехотной дивизии;

— 24-й пехотной дивизии.

47. Старое здание музея «Бородино». Памятники М. И. Кутузову, М. Б. Барклаю де Толли, П. И. Багратиону;

Старый тополь, посаженный в 1839 г. императором Николаем I.

48. Братские могилы воинов 1812 и 1941 гг.

Место гибели генерала А. И. Кутайсова.

49. Батарея Раевского на высоте 210,0.

— Главный монумент и могила П. И. Багратиона (1837—1839), взорванные в 1932 г. и восстановленные в 1987 г.

— Фрагмент батареи Раевского с семью амбразурами (восстановлено в 1977 г.).

— Батарея в овраге Огник и братские могилы 1812 г.

50. Памятники 1912 г.:

— Кавалергардам и Конной гвардии;

— Астраханскому кирасирскому полку;

— 23-й пехотной дивизии;

Могилы русских офицеров 1812 г.: капитана лейб-гвардии егерского полка Левшина, капитана лейб-гвардии Преображенского полка Шапошникова, лейб-гвардии Семеновского полка поручика Татищева и прапорщика Оленина (1812 г. Перевезены из Можайска в 1966 г.).

— Место командного пункта Барклая де Толли 26 августа в середине дня.

51. Памятник 2-й батарее лейб-гвардии Конной артиллерии (1912).

52. Памятник 7-й пехотной дивизии (1912).

53. Нижняя и Верхняя Горкинские батареи:

— Батарея против села Бородино;

— Батарея на 10 орудий штабс-капитана Свистунова.

Памятник М. И. Кутузову близ командного пункта 26 августа (1912).

Братская могила воинов 1942 г. (1959).

54. 12-орудийная батарея полковника Малеева (1812).

Строения школы-интерната и хозяйственный двор колхоза «Бородино».

55. 3-частная батарея подполковника Валевича (1812).

Древнее Змейково городище.

Батарея на правом берегу ручья Змейковского.

56. Ретраншемент егерский с засеками (1812).

57. Масловские укрепления — редут и два люнета (1812).

— Памятный знак на редуте (1966 г.).

— Засеки и просеки 1812 г. в Ширяевой роще (искажены садоводческим поселком).

58. Село Криушино (Успенское). Храм Успения Пресвятой Богородицы (1716). Построен на средства Т. Т. Савелова. Разобран колхозом «Рассвет».

Место ночлега Наполеона 27 августа (8 сент.) на пути в Можайск и 16 (28) октября на пути из Верей в Гжатск.

59. Пять батарей на правом берегу ручья Криуши.

60. Перевязочный пункт и братская могила 1812 г. на ручье Стонец, восточнее сельца Псарева.

61. Место господского дома в сельце Татариново, в котором 25 и 26 августа находилась главная квартира М. И. Кутузова.

62. Перевязочный пункт в сельце Михайловском.

63. Перевязочный пункт и братская могила у горы Городицы, севернее сельца Князькова.

64. Церковь Живоначальной Троицы в Можайске. На кладбище 27 августа 1812 г. были захоронены русские офицеры: капитаны А. П. Левшин и П. Ф. Шапошников, поручик С. Н. Татищев, прапорщик Н. А. Оленин. Могилы перенесены на Бородинское поле к памятнику 23-й пехотной дивизии в 1966 г. из-за строительства дома культуры на месте кладбища.

(См. также статью Н. Иванова «Дымовая завеса над полем». С. 183.)





МЕДАЛЬ В НАСЛЕДСТВО

Во втором номере журнала за этот год была опубликована статья Тамары Алявдиной «Медаль в наследство» с иллюстрациями, но без подписей. По просьбам наших читателей приводим краткие сведения о каждой памятной медали:

1. Медаль за 1812 год (боевая). Серебро, Андреевская лента. Награда всем участникам кампании 1812 года на территории России от нижнего чина до фельдмаршала.

2. Медаль за взятие Парижа (боевая). Серебро, Андреевско-георгиевская лента. Всем участникам боев за французскую столицу.

3. Дворянская медаль за 1812 год (сословная). Бронза, Владимирская лента. Всем главам дворянских семей, включая женщин, владеющих недвижимостью. В том числе, при живом отце награждались и сыновья, имеющие свои семьи и недвижимость. В 1912 году право ношения этой медали было дано прямым потомкам по мужской линии, являющимся старшими в роде.

4. Купеческая медаль за 1812 год (сословная) Бронза, Анненская лента. Награждались все купцы, пожертвовавшие на военные надобности не менее десятой части своего капитала. В 1912 году право ношения этой медали получили их потомки, а также дворяне.

5. Наперсный крест для духовенства за 1812 год (сословный). Бронза, Владимирская лента. Награждалось все духовенство, служившее в 1812 году. Право ношения также предоставлялось их потомкам в 1912 году.

6. Юбилейная медаль 1912 года. Светло-бронзовая, на Владимирской ленте. Вручалась прямым потомкам по мужской линии генералов и офицеров — участников Отечественной войны 1812 года, а также всем — от генерала до рядового, которые служили в тех полках, войсковых соединениях, чья родословная идет от войны 1812 года.

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ,
ЛИДИЯ ИВЧЕНКО

ДЕВЯТЬ НА ДВЕНАДЦАТЬ,

ИЛИ ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК НЕКТО ПЕРЕВЕЛ ЧАСОВУЮ СТРЕЛКУ

Неверно полагать, что в прежние времена с отсчетом времени было все ладно. В этом убеждает нас пристальное знакомство с некоторыми ключевыми событиями Бородинского сражения, имевшего место, как вы помните, 26 августа (7 сентября) 1812 года. Не «двойная» дата привлечет наше внимание: свежий, беспристрастный взгляд на хитросплетения и противоречия бесконечного массива «бородинских» источников позволяет совершенно иначе взглянуть на хронологию событий.



На поле Московской битвы перед д. Семеновской 7 сентября 1812 г. Литография по рис. Х. В. Фабер дю Фора (1827—1831).

I.

Откуда взялись необъяснимые противоречия в трудах военных историков при определении времени захвата французами центрального русского укрепления — Курганной батареи (или батареи Раевского) и успешного отражения этой атаки войсками генерала А. П. Ермолова? В каждом случае историки опирались на свидетельства самих участников сражения. Но все сходятся во мнении, что случилось это после того, как был ранен П. И. Багратион.

В отечественной историографии прочно укоренилась версия — атака на батарею Раевского была предпринята французами между 9 и 10 часами утра (это приблизительно совпало с 4—6-й атаками на флеши). Багратион же получил рану лишь при 8-й атаке (около полудня). В числе приверженцев этой версии можно назвать Д. П. Бутурлина, А. И. Михайловского-Данилевского, Н. Д. Неелова, А. В. Геруа, Н. М. Михневича, советских историков Л. Г. Бескровного, П. А. Жилина, Н. А. Троицкого.

При этом существовала и иная, менее распространенная, точка зрения (А. Жомини, М. И. Богданович, А. П. Скугаревский): события вокруг батареи Раевского происходили около полудня, вскоре после того, как был ранен (в 11.30) Багратион. Кто же прав?

Обратимся к «Запискам» А. П. Ермолова: «*В одиннадцать часов утра вся 2-я армия была в таком состоянии, что удаленные вне выстрела войска ее едва могли быть приведены в какой-либо порядок. После Багратиона команду над 2-ю армиею... принял Дохтуров. Уже время клонилось к полудню... Кутузов... мне препоручил отправиться к артиллерии того (левого.— Авт.) фланга и привести ее в надлежащее устройство. Проезжая неподалеку от высоты генерал-лейтенанта Раевского, увидел я, что она была уже во власти неприятеля!..*»

Бывший в тот день при Ермолове адъютант <u>П. Х. Граббе</u> подтверждал рассказ боготворимого им начальника: *«Все в рассказе А. П. (Алексея Петровича.— Авт.) совершенно верно с моими собственными заметками — помню минуту, когда генерал-адъютант Бороздин приехал с донесением к Кутузову, что кн. Багратион ранен... и те самые слова Кутузова, с которыми он отправил А. П. для восстановления дел на левом фланге».* Картину описания боя за батарею Раевского Граббе заканчивает словами: *«В моей памяти врезалось, что все это произошло в 11-ть часов».* Его «Записки», составленные в 40-е годы и опубликованные в 1873 году в «Русском архиве», подтверждают, что Граббе ориентировался в событиях Бородинского сражения не по часам, а по последовательности событий, которые изложены им в том же порядке, как в рапорте и в «Записках» Ермолова. Однако нельзя не заметить, что Граббе, по сравнению с Ермоловым, «передвинул» события у батареи на 11 часов. Этому можно дать следующее объяснение. В своих «Записках» Граббе упоминает французский бюллетень, следовательно, он обратил внимание на указанное в нем <u>время атаки на батарею</u> — с 8.00 до 9.00. Расхождение в три часа между бюллетенем и свидетельством А. П. Ермолова показалось Граббе невероятным, и он, как можно предположить, попытался его уменьшить, но вместе с тем соответственно «сдвинулось» на более раннее и время ранения П. И. Багратиона, по поводу чего он не обмолвился ни словом.

Генерал-лейтенант Н. Н. Раевский высказал свои соображения в форме замечаний на сочинение Д. П. Бутурлина «История нашествия императора Наполеона на Россию». Бутурлин, опираясь на русские и французские документы, полагал, что атака на батарею Раевского происходила около 9 часов, задолго до ранения Багратиона. Сам Раевский сообщил следующее: «*С самого утра увидел я колонны неприятельской пехоты против нашего центра, слившиеся в огромную массу, которая, пришед потом в движение, отделила сильную часть от себя, направившуюся к моему редуту. Колонна сия шла ко мне косвенно, и сражение завязалось спустя три четверти часа после атаки, направленной против князя Багратиона. В эту-то минуту генерал Коновницын приглашал меня в Семеновское, по случаю получения князем Багратионом раны. Я отвечал ему, что не могу отлучиться, не отразив прежде атаки, направленной против меня...*» Ни в письме, ни в Рапорте от 11 сентября 1812 года <u>Раевский</u> не указывает времени происходивших событий, но обращает на себя внимание фраза: «С самого утра...»,— в остальном же его описание хода боя совпадает и с описаниями Ермолова, и Граббе.

Был и еще один авторитетный очевидец событий — военный министр. Из рапорта М. Б. Барклая де Толли М. И. Кутузову:

«К полудни 2-я армия, потеряв большую часть своих генералов и лишившись даже главнокомандующего своего, была опрокинута... Вскоре после овладения неприятелем всеми укреплениями левого фланга сделал он атаку на центральную батарею. Ему удалось оную взять..., но начальник Главного штаба 1-й армии генерал-майор Ермолов остановил бегущих и толпою в образе колонны ударил в штыки». В части описания боя за батарею Раевского рапорт Барклая дословно совпадает с рапортом самого Ермолова. Барклай ли использовал информацию, содержащуюся в «Рапорте», или Ермолов находился под впечатлением сведений, сообщаемых Барклаем, когда писал Записки, но документальные свидетельства, исходящие от Главнокомандующего 1-й армией и его начальника штаба, невольно воспринимаются как единое целое; взаимосвязь этих документов не вызывает сомнений. Тем не менее Барклай де Толли был также уверен, что атака за батарею Раевского, отраженная на его глазах, была предпринята после ранения Багратиона.

<u>Большинство историков отдали предпочтение другой версии.</u>

24-летний генерал принц Евгений Вюртембергский, близкий родственник царя, был человеком весьма сведущим и начитанным в военном деле и отличался немецкой пунктуальностью. Его 4-я пехотная дивизия из состава 2-го пехотного корпуса К. Ф. Багговута с начала сражения оставалась в резерве на правом фланге. Находясь в бездействии, принц Вюртембергский, по свидетельству его адъютанта фон Гельдорфа, следил за стрелками своих часов. Впоследствии в своих «Воспоминаниях» он составил «Очерк сражения до времени своего непосредственного в нем участия», т. е. до 9.00. В числе свершившихся на тот момент событий принц Вюртембергский назвал захват французами флешей, ранение Багратиона, начало атаки на батарею Раевского. Характерно, что и принц Вюртембергский без колебаний говорит, что ранение Багратиона случилось прежде атаки на центральное укрепление.

Не менее интересно свидетельство адъютанта Барклая — В. И. Левенштерна. Одновременно с Ермоловым во главе Томского пехотного полка он атаковал французов, «засевших» на батарее Раевского. Он поведал о следующем: *«...генерал Лавров сказал мне, что он не в состоянии исполнить приказание генерала Барклая, так как полковник Толь... только что взял у него два гвардейских полка (Литовский и Измайловский.— Авт.), которым велено поддерживать князя Багратиона на левом фланге. Я поспешил донести Барклаю об этом непредвиденном обстоятельстве. Барклай вышел из своего обычного равнодушия и [он] воскликнул: «Следовательно, Кутузов и генерал Беннигсен считают сражение проигранным, а между тем оно едва только начинается. В 9 часов утра употребляют резервы...»* (Можно предположить, что перед

тем, как произнести последнюю фразу, Барклай сверился с часами.) Далее повествуется о том, как Главнокомандующий 1-й армией, «пришпорив лошадь», поскакал для объяснений к Кутузову (что должно было занять не менее 10 и не более 15 минут), а возвратившись обратно галопом после разговора, «длившегося несколько минут», он застал центральное укрепление уже в руках французов. Из сказанного явствует, что драматические события у батареи Раевского развернулись между 9 и 10 часами (время ранения Багратиона Левенштерн не указывает).

Другой участник событий — серьезный военный историк И. П. Липранди — в день битвы исполнял обязанности обер-квартирмейстера 6-го пехотного корпуса Д. С. Дохтурова. В «Замечаниях на Описание Отечественной войны 1812 года» Михайловского-Данилевского он «исправляет» предыдущего историка: *«Дохтуров поехал для принятия начальства над левым флангом по случаю раны Багратиона несколько прежде, чем Шульманская батарея (батарея Раевского: Г. М. Шульман — командующий артиллерией на этом укреплении.— Авт.) была взята генералом Бонами. Он уже шел на нее».* Историк А. Н. Витмер заметил: *«Видный участник борьбы за курган, Липранди... говорит, что бригада Бонами была уничтожена и курган взят обратно Ермоловым в 9 часов утра, а герой этого подвига, Ермолов, свидетельствует, что день клонился к полудню, когда он выехал из Горок... Разница на три часа огромная. Здесь явно ошибается Липранди».* Пожалуй, можно было бы и согласиться с этим категорическим утверждением, если бы Липранди был единственным, кто допустил подобную «ошибку».

Французские военные историки, описывающие *«битву при Москве-реке»*, ориентируются прежде всего на 18-й бюллетень Великой армии. В частности, генерал Ж.-Ж. Пелс, который участвовал в Бородинском сражении в качестве штабного полковника и в 1829 году опубликовал самое подробное и хронологически выдержанное описание этой битвы, указывает, что, когда Курганная батарея была отбита русскими и генерал Бонами взят ими в плен, *«было 9 часов утра»*.

В роли свидетеля можно выслушать и известного немецкого военного писателя К. Клаузевица, изложившего свои личные воспоминания о Бородинской битве в работе «1812 год». Автор находился на командном пункте Кутузова в свите генерала Уварова в интересующее нас время. Вот что он писал: *«В этот же момент пришло донесение, что Мюрат взят в плен в центральном укреплении... (то был не король Неаполитанский, а Бонами). Среди общего энтузиазма и под радостным впечатлением благоприятного оборота, который принимало сражение, полковник Толь доложил Кутузову предложение принца Гессенского (о рейде конницы)... Решение относительно диверсии было принято между 8 и 9 часами утра».* Его опровергал М. И. Богданович: *«Генерал Клаузевиц полагает, что нападение, совершенное Уваровым, было предпринято под влиянием преувеличенного понятия об успехах, одержанных нашими войсками при обратном взятии нами батареи Раевского... Но, в таком случае, Уваров не мог бы переправиться через Колочу ранее двух часов пополудни».* Историк, будучи уверен в том, что события в батарее происходили около полудня, как будто не замечает, что у Клаузевица указано другое время: 8—9 часов утра.

II.

Обратимся теперь к свидетельствам противоположной стороны — рапортам и мемуарам французских участников Бородинского сражения. Восемнадцатый бюллетень Великой армии императора Наполеона, написанный в Можайске 10 сентября (29 августа) 1812 года, свидетельствует, что после взятия французами Семеновских флешей (источник относит его к восьми часам утра) *«у противника оставались его правофланговые редуты: генерал граф Моран двинулся вперед и захватил их, но в девять часов утра, атакованный со всех сторон, не смог там удержаться».*

Это подтверждает один из свидетелей этой атаки, лейтенант велитов итальянской королевской гвардии Цезарь де Ложье. *«В 8 часов с небольшим,*— пишет он в своем дневнике,— *император посылает принцу Евгению приказ повести решительное наступление на главный неприятельский редут, поддерживая этим движение Нея и Даву».*

Непосредственный участник атаки французов на Курганную батарею капитан 30-го линейного полка Шарль Франсуа также сообщает, что она проходила между восемью и девятью часами утра.

Французский генерал Шарль-Антуан д'Антуар де Врэнкур, который в 1812 году командовал артиллерией корпуса Богарне и в день Бородинской битвы руководил батареями, обстреливавшими Курганную батарею, весьма категоричен: *«Мы накрыли (артиллерийским огнем.— Авт.) большой редут, затем двинули 30-й полк (Морана), чтобы его захватить. Он был взят в девять часов утра, но 30-й полк не смог его удержать, потеряв пять шестых своего состава; противник направил колонну на редут и отбил его».*

III.

Почему у участников сражения существовали две разные точки зрения на время событий, происходивших у батареи Раевского? Почему приверженцы обоих мнений уверенно полагали, что батарея Раевского была атакована и взята обратно после ранения Багратиона? Кто навел историков на мысль разделить оба эти события во времени? Это оказалось по плечу всего лишь одному человеку — бывшему генерал-квартирмейстеру 1-й Западной армии полковнику К. Ф. Толю. На наш взгляд, он первый и единственный участник битвы изложил события... но в обратной последовательности, отдалив их друг от друга на три часа.

В 1822 году в журнале «Отечественные записки» Толь впервые опубликовал «Описание битвы при селе Бородине 24—26 августа 1812 года, составленное на основании рапортов г. г. корпусных командиров Российской армии, из официальных документов неприятельских, перехваченных во время преследования французской армии в 1812 году, и из иностранных описаний сей достопамятной войны, изданных по окончании оной». Имя автора, естественно, не могло не вызвать почтительного к себе отношения. Толь, взявшись за перо, твердо знал: противостоять его авторитету будет трудно. Кто мог бы отрицать его роль в выборе позиции при селе Бородине, в размещении войск, в их передвижениях во время битвы? И, наконец, кто бы взялся оспаривать значение Толя при Кутузове? По единодушным отзывам, Кутузов ему доверял. мнением его дорожил. Более того, при сопоставлении «Описания битвы...» с реляцией Кутузова Александру о сражении при Бородине историки на основании полного совпадения текстов давно установили, что оба документа писал Толь.

А. П. Ермолов в своих «Записках» дал своему бывшему сослуживцу яркую характеристику: *«...Толь офицер отличных дарований, способный со временем оказать большие заслуги; но смирять надо чрезмерное его самолюбие, и начальник его не должен быть слабым, дабы он не сделался излишне сильным. Он при полезных способностях, по роду служебных его занятий, соображение имеет быстрое, трудолюбив и деятелен, но столько привязан к своему мнению, что иногда вопреки здравому смыслу не признает самых здравых возражений, отвергая возможность иметь не только превосходные способности, ниже допускает равные».*

Но сопоставление текстов «Описания битвы при селе Бородине...», реляции Кутузова (без указания даты) и официальных известий из армии от 27 августа 1812 года, которые, по всей вероятности, также были составлены не без участия Толя, убеждает, что Толь сознательно старался ввести в заблуждение других.

Сравните. <u>«Официальные Известия»:</u> *«...борьба за флеши продолжалась с 7-и часов утра до 10-ти»*, а князь Багратион был ранен вскоре после начальника 2-й сводно-гренадерской дивизии графа Воронцова, который, как известно, был первым генералом, *«выбывшим из строя в этот ужасный день»*.

<u>*«Реляция...»:*</u> Час ранения П. И. Багратиона точно определить не представляется возможным. Если же исходить из последовательности событий, изложенных в реляции, то в 11 часов войска под командованием Багратиона успешно отразили очередную атаку, и только по смыслу написанного можно догадаться, что атака на батарею Раевского была предпринята после захвата флешей.

<u>*А вот в своем «Описании...»*</u> Толь поменял события местами, что произошло, очевидно, под влиянием опубликованных и ставших широко известными французских источников. Бывший генерал-квартирмейстер, очевидно, понял, что бесполезно доказывать, будто атака на батарею Раевского была предпринята в полдень, однако час ранения Багратиона, никак не отмеченный в официальных документах, он оставил без изменения, так как по «Реляции...» *«сей нещастный случай весьма расстроил удачное действие левого нашего крыла доселе имевшего поверхность над неприятелем...».* Толь, по-видимому, прекрасно осознавал, что если допустить, что «нещастный случай» произошел до атаки на батарею, то закономерно возникает вопрос: в котором же часу тогда было «расстроено удачное действие левого крыла»?

В обоих документах обращает на себя внимание авторский прием, примененный при изложении событий на флешах: повествование трижды прерывается за счет введения иных сюжетов (рассуждения о замыслах неприятеля, о передвижениях резервов, действиях на Старой Смоленской дороге), после чего автор возвращается к своему рассказу, но уже не в том месте, где он его прервал. Так достигалось представление о значительной продолжительности боя.

IV.

Что заставило Толя поступать таким образом и была ли у него в том личная заинтересованность? Пожалуй, ответить на этот вопрос можно. Сопоставим версию сражения Толя с тем, как она изложена Барклаем де Толли в «Изображении военных действий» и в его «Замечаниях на известия от 27 августа».

<u>В «Изображении...»</u> читаем у <u>Барклая:</u> *«На левом фланге 2-й армии открылся сильный ружейный огонь; князь Багратион потребовал подкрепление... Я сам прибыл к 2-й армии для узнания позиции ее, я нашел оную в жарком деле и войски ее в расстройстве. Все резервы были уже в деле...»*

<u>В «Замечаниях...»:</u> *«В 10 часов утра вся 2-я армия была уже опрокинута, все редуты и несколько артиллерии взяты неприятелем, и почти вся его сила находилась у левого фланга и позади центра... Из сего очевидно, что сильнейшия нападения направлялись на центр по разбитии левого крыла».*

Картины, нарисованные пером Барклая де Толли и Толя, разительно не совпадают, как не совпадали с самого начала мнения по поводу расположения войск на Бородинской позиции, не удовлетворявшего Главнокомандующего 1-й армией.



Главный аргумент Барклая — чрезмерная растянутость правого фланга не позволит в случае необходимости быстро перебросить войска на левый, наиболее угрожаемый. Это мнение активно поддерживал и генерал-квартирмейстер Толь. В результате Кутузов отказался сдвинуть правый фланг так, чтобы он *«отправился на высоту Горки, а левый примыкал к деревне Семеновской, но чтобы вся 2-я армия заняла место, в коем находился тогда 3-й корпус».* Каждая сторона, естественно, стремилась доказать свою правоту. «Описание...», составленное Толем, полно оптимизма: войска 2-й армии, вовремя подкрепляемые резервами с правого фланга, отбивали атаки неприятеля до полудня, попытку французов прорвать фронт в центре у батареи Раевского также успешно отразили.

<u>Барклай де Толли,</u> оскорбленный отстранением от главного командования, представлял события, сгущая краски: к 10-ти часам войска 2-й Западной армии, не подкрепленные вовремя из резерва, были сбиты с позиции; флеши оказались в руках французов, которые едва не прорвали фронт в центре, что чудом предотвратил начальник штаба Ермолов. Более того, к 9-ти часам в сражении оказались задействованы полки императорской гвардии, которые он рассчитывал ввести в дело не ранее 6-ти часов вечера! Однако соперник Барклая Кутузов, бесспорно, был более удачлив в качестве главнокомандующего, и результат сражения, в котором русская армия выстояла и не была разгромлена, казалось, его оправдывал.

Нас же интересует, знал ли Толь, как обстояло дело в действительности. Безусловно, да — он был послан на левый фланг. Об этом пишет и А. А. Щербинин, офицер квартирмейстерской части: *«После Багратиона, смертельно раненного при начале Бородинского сраже-*

ния, принял команду на левом фланге генерал Дохтуров, который тотчас прислал просить подкреплений. ...Кутузов приказал Толю отправиться на левый фланг, сказав ему: «Карл, как ты скажешь, так я сделаю». Толь сказал мне: «Щербинин, поезжайте со мною». Карл Федорович, едва приехав на левый фланг, убедился в необходимости подкреплений... Мы подъехали к дивизионному командиру Александру Алексеевичу Тучкову. Он тут же пал от ядра».

Из этого короткого рассказа можно выявить два несовпадения с «Описанием...». Во-первых, причина поездки Толя та же самая, что и у Ермолова,— ранение Багратиона. Во-вторых, Щербинин сообщает и другую интересную подробность: у него на глазах был убит командир бригады Тучков IV (он по ошибке называет его дивизионным начальником). По мнению историков, Тучков погиб при отражении 5-й атаки на флеши, то есть раньше, чем был ранен Багратион. Далее, описав свое возвращение к Кутузову (Толь оставался распоряжаться на левом фланге), Щербинин указывает, что был послан Главнокомандующим ко 2-му корпусу, чтобы вести его на левый фланг, но встретил его уже по дороге. Таким образом, сведения Толя о том, что корпус Багговута был направлен в помощь войскам 2-й армии по первому требованию Багратиона и подоспел к бою за флеши, также недостоверны. Это однозначно подтверждает и генерал-квартирмейстер всех русских армий М. С. Вистицкий: *«Когда Багратион в третий и в последний раз послал сказать, что он держаться не может без сикурса (помощи, поддержки.— Авт.), то велено 2-у и 4-у корпусам его подкрепить, но сие уже поздно, ибо укрепления были взяты, войско 2-й армии много побито, и Багратион ранен».* Историки же и по сей день утверждают, что 4-я пехотная дивизия приняла участие в отражении 6-й атаки на флеши.

V.

Естественно задаться вопросом, как развивались события на флешах до подхода резервов, которые Багратион решительно потребовал в 8-м часу, когда стало очевидно, что сил 2-й Западной армии явно недостаточно, чтобы сдержать натиск французов? До сих пор главными и, по сути дела, единственными источниками считаются Реляция о Бородинском сражении и «Описание битвы при селе Бородине...». Отсутствие иных сведений объясняется тем, что во 2-й армии, за исключением Раевского, некому было писать подробные рапорты: ранены были главнокомандующий П. И. Багратион и начальник штаба Э. Ф. Сен-При, командиры корпусов генерал-лейтенанты М. М. Бороздин и А. И. Горчаков, начальники дивизий генерал-майоры принц Карл Мекленбургский и М. С. Воронцов, большинство полковых командиров. Именно это обстоятельство и дало Толю возможность представить ход сражения на левом фланге весьма произвольно.

М. С. Воронцов в 1836 году, отвечая на письмо А. И.Михайловского-Данилевского, сослался на отсутствие *«письменного документа»*, который подтвердил бы его *«личные воспоминания»*. Однако ж место и время своего ранения указал: *«Находясь лично в центре и видя, что один из редутов на моем левом фланге потерян, я взял батальон 2-й гренадерской дивизии и повел его в штыки, чтобы вернуть редут обратно. Там я был ранен, а этот батальон почти уничтожен. Было почти 8 часов утра».* Кстати, в «Описании...» Толя эта атака названа успешной, что не подтверждается Воронцовым. В автобиографии, написанной для своей сестры К. Пэмброк, он поведал дополнительные сведения о ходе боя: *«...Наши флеши были захвачены после упорного сопротивления, вновь возвращены нами, захвачены снова французами, отбиты нами еще раз и, наконец, потеряны...»* Отсюда нетрудно сделать вывод, что ни о каких восьми атаках на флеши изначально речи не велось. Действительно, русские участники боя выделяют, как правило, три больших атаки. Используя это обстоятельство, можно попытаться определить: какая из этих атак совпала с ранением Багратиона?

Французские источники, в отличие от русских, позволяют детально представить себе бой за Семеновские флеши и хронологию происходивших там событий. Согласно рапортам, письмам и мемуарам французских участников боя за флеши, южное укрепление было взято французами (57-м линейным полком из дивизии генерала Компана 1-го корпуса) около 7 часов утра. Примерно час спустя русские кирасиры прогнали с этой флеши французскую пехоту, но тут же сами были выбиты подоспевшими вюртембергскими батальонами генерал-лейтенанта фон Шелера (из 3-го корпуса маршала Нея), после чего южная флешь окончательно осталась у наполеоновских войск. Остальные две флеши были между 7-ю и 8-ю часами утра захвачены пехотной дивизией генерала Разу (из корпуса Нея), но затем оставлены ею под натиском русской пехоты.

Дивизия Разу потом еще раз атаковала и окончательно захватила северную и центральную флеши, но относительно времени их взятия во французских источниках имеются расхождения. 18-й бюллетень Великой армии утверждает, что это произошло уже в 8 часов утра, причем последующие попытки русских вернуть свои укрепления не увенчались успехом. В то же время генерал П. Пельпор (при Бородине — полковник, командир 18-го линейного полка) вспоминает в своих мемуарах, что северное укрепление окончательно было взято дивизией Разу к 9 часам утра, но французам *«понадобились большие усилия, чтобы удержать его, так как русские возобновляли свои атаки по мере получения подкреплений из своих резервов...».* В то же время вюртембергский генерал фон Шелер в своем рапорте указывает, что войска Нея окончательно овладели флешами к 10 часам утра.

Большинство французских историков Бородинского сражения, как правило, приводят время, указанное в 18-м бюллетене Великой армии (8 часов утра), отмечая, что атака дивизии Морана на Центральную батарею произошла уже после этого, то есть около 9 часов (такую хронологию событий дают, в частности, Шамбре и Пеле). Лишь А. Тьер в своей «Истории Консульства и Империи» указывает: французы окончательно овладели всеми тремя флешами *«почти в 10 часов утра»*, одновременно с взятием центрального редута бригадой Бонами.

Как бы то ни было, наполеоновские войска захватили укрепления на левом фланге русской позиции не позднее 10.00, то есть на два часа раньше, чем это принято считать в русской историографии. Таким образом, источники наполеоновской армии опровергают сложившуюся в отечественной историографии хронологию боя за Семеновские флеши и, в частности, утверждение о том, что эти укрепления пять или семь раз переходили из рук в руки.

Хронологию событий, приводимую французскими источниками, подтверждает и такой важный свидетель, как граф Э. Ф. Сен-При, который в 1812 году был начальником штаба армии Багратиона. В своем дневнике 1812 года он писал: *«Гренадерская дивизия графа Воронцова была почти совершенно уничтожена при обороне флешей. Сам он был ранен и замещен генералом Коновницыным, который во главе своей дивизии отбил флеши... Французы, однако, возобновили атаку, снова овладели флешами, и пришлось двинуть против них резерв гренадер, которые выбили их оттуда в третий раз».* Можно определенно сказать, что Сен-При — единственный из участников сражения, который был не только очевидцем ранения Багратиона, но и указал точное время этого события. Он находился рядом с главнокомандующим и был ранен почти в ту же минуту. В дневнике, который он вел от третьего лица, Сен-При записал: *«...Около 9 часов утра был ранен пулей в ногу князь Багратион, а также граф де Сен-При в грудь».* Это же время он указал в письме Александру I, написанном в тот же день. По поводу же продолжительности боя за флеши там сказано: *«Редуты нашего левого фланга оспаривались с 7 до 10 часов утра».*

Доказательством этому служат и черновики наградных списков *«генералов, отличившихся 26 августа при селе Бородине»*, сохранившиеся в ЦГВИА в фонде Барклая де Толли (№ 103). Так, о М. С. Воронцове в наградном представлении написано: *«...26-го числа у прикрытия батарей, где в 8-м часу утра был уже ранен».* И сама за себя говорит запись, сделанная против фамилии Сен-При: *«во все время сражения находился по званию своему при Главнокомандующем князе Багратионе, но, к сожалению, сей храбрый генерал почти в начале дела был ранен»*, затем конец фразы со слова *«почти»* был исправлен на: *«еще часу в 10 утра».* Правомерен вопрос: если Сен-При полагали раненым в *«начале дела»*, то почему ранение Багратиона следует относить к полудню?

Из документов следует, что с ранением Главнокомандующего 2-й армией оборона флешей не закончилась. Ее возглавил единственный к этому времени уцелевший там генерал-лейтенант П. П. Коновницын. Вот слова из его рапорта (они до сих пор не учтены историками): *«Пехотные полки 3-й дивизии потребованы на левый фланг второй армии, в подкрепление генерала от инфантерии князя Багратиона, куда прибыв были употреблены тотчас к завладению важной высоты, занимаемой неприятелем. Сие было исполнено с совершенным успехом... Послав донести о том князю Багратиону, получил я прискорбное известие, что он ранен...»* В исторических же сочинениях принято считать, что дивизия Коновницына отразила очередную атаку на флеши задолго до ранения Багратиона. В своих воспоминаниях Коновницын писал: *«26-го весьма рано переведен с дивизиею к Багратиону, к деревне Семеновской».*

Военный историк Скугаревский отмечал: *«Когда Понятовский появился против Утицы, дивизии Коновницына уже там не было; следовательно, она выступила до 8 часов утра. Между тем, Богданович и за ним другие писатели говорят, что Коновницын подошел к флешам «около 10 часов». Между Утицами и флешами 1,5 версты. Не мог Коновницын на проход такого расстояния употребить более 2-х часов, да еще — идя на помощь. Очевидно, он подошел к флешам до 9 часов утра».*

Итак, согласно сведениям из дневника Сен-При, Главнокомандующий 2-й Западной армией князь Петр Иванович Багратион был ранен *около 9 часов утра во время контратаки резерва гренадер* (по другим источникам — кирасирской дивизии). (Из текста не совсем ясно: идет ли речь об атаке гренадер дивизии Карла Мекленбургского, составлявшей частный резерв левого крыла, или же о сводной гренадерской бригаде князя Г. И. Кантакузина, пришедшей, согласно рапорту, одновременно с гвардейскими полками?)

VI.

Безусловно, смертельное ранение Багратиона в разгар сражения было тяжелейшей потерей для русской армии. Но слава Багратиона не нуждалась в том, чтобы к ней прибавились лишних три часа пребывания на поле битвы. Так же, как не нуждались в этом и доблестные



К. Ф. Толь.
Гравюра
Т. Райта (1823).

войска 2-й армии, до конца выполнившие свой долг в самый тяжелый час битвы. Если бы не их стойкость и жертвенное мужество, всю русскую армию постигла бы катастрофа.

Нам представляется, что именно это обстоятельство пытался скрыть как в «Реляции», так и в «Описании битвы при селе Бородине» Карл Федорович Толь. Тем самым он стремился оградить главное командование русской армии от основательных нареканий по поводу неудачного расположения войск накануне битвы, сосредоточенных, в основном, на правом крыле, не подвергшемся, как известно, серьезному нападению. Тем более что и сам он чувствовал свою личную ответственность за то, что Кутузов, вопреки мнению многих военачальников, до последнего часа не решался перегруппировать войска, и сделал это лишь тогда, когда преимущество неприятеля против нашего левого крыла сделалось очевидным. И хотя сам Кутузов предполагал, что войска 1-й армии смогут быть подкреплением для войск Багратиона, трагедия последних заключалась в том, что резервы опаздывали к ним на помощь из-за чрезмерной протяженности позиции на правом фланге, что, в конечном счете, привело к гибели 2-й армии, сократив время обороны Семеновских флешей и не дав, на наш взгляд, возможности достигнуть в сражении значительного результата.

«Ошибки не грехи, чтобы в них оправдываться»,— писал А. П. Ермолов. У Кутузова были веские основания к тому, чтобы разместить войска на позиции так, как он их разместил. Проверить правильность или неправильность своих расчетов он мог только в ходе сражения. Те, кто упрекал Кутузова после битвы, забывали о том, что полководец, как любой другой человек, имеет право на ошибку.

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ЛУКАВАЯ ЦИФИРЬ АВАНТЮРИСТА

ПОТЕРИ ПОДЛИННЫЕ И ПРИДУМАННЫЕ



На поле Московской битвы 7 сентября 1812 г.
Литография А. Адама (1827—1833).

С обеих сторон в Бородинской (Московской) битве участвовало около 290 тысяч бойцов;
более 1200 орудий ревело
на поле боя, выпустив за 15 часов до 130 тысяч ядер, гранат и картечных снарядов...
И все же результаты той далекой от нас бойни не оправдали ничьих надежд: Кутузову не удалось остановить наступление французов и защитить Москву, а Наполеон не смог, в свою очередь, разгромить в генеральном сражении основные силы русской армии.

Сам французский император никогда не отказывался от чести победителя «при Москве-реке». Его точка зрения совершенно определенно высказана им в мемуарах, которые он продиктовал на острове Святой Елены:

«Московская битва — мое самое великое сражение: это схватка гигантов. Русские имели под ружьем 170 000 человек; они имели за собой все преимущества: численное превосходство в пехоте, кавалерии, артиллерии, прекрасную позицию. Они были побеждены! Неустрашимые герои, Ней, Мюрат, Понятовский,— вот кому принадлежала слава этой битвы. Сколько великих, сколько прекрасных исторических деяний будет в ней отмечено! Она поведает, как эти отважные кирасиры захватили редуты, изрубив канониров на их орудиях; она расскажет о героическом самопожертвовании Монбрена и Коленкура, которые нашли смерть в расцвете своей славы; она поведает о том, как наши канониры, открытые на ровном поле, вели огонь против более многочисленных и хорошо укрепленных батарей, и об этих бесстрашных пехотинцах, которые в наиболее критический момент, когда командовавший ими генерал хотел их ободрить, крикнули ему: «Спокойно, все твои солдаты решили сегодня победить, и они победят!»

Укажем на явные преувеличения, допущенные Наполеоном. Позиция армии Кутузова при Бородине отнюдь не была «прекрасной»: наряду с достоинствами она «грешила» серьезными недостатками. Что касается численности русских войск, то в день сражения она составляла 155—157 тысяч человек (в том числе 115 302 в регулярных частях) при 624 орудиях. Наполеоновская армия насчитывала около 134 тысяч солдат и офицеров при 587 орудиях, так что превосходство в регулярных войсках (кроме артиллерии) было не на русской стороне.

Известная поговорка о том, что «нигде так много не врут, как на охоте и на войне», в полной мере относится и к императору Наполеону, который следовал распространенному среди военных всех времен и народов обычаю завышать силы и урон противника, занижая при этом свои собственные. В 18-м бюллетене своей Великой армии, составленном 10 сентября в Можайске, он объявил, что французские войска потеряли в Бородинском сражении всего 10 тысяч человек, включая 2500 убитых, в то время, как у русских выбыло 40 или 50 тысяч человек.

«Никогда не видали подобного поля битвы,— было сказано в этом бюллетене.— *На 6 трупов приходились 1 француз и 5 русских».*

Сам Наполеон не скрывал пропагандистского характера этих реляций. Так, отвечая однажды австрийскому дипломату князю Меттерниху, упрекнувшему императорские бюллетени в многочисленных измышлениях, он со смехом заявил: *«Ведь не для вас я их писал; парижане всему верят, и я мог бы рассказать им еще много другого, во что они не отказались бы поверить».*

Сведения о потерях французских войск при Бородине (как их определяют мемуаристы) существенно расходятся. Так, например, главный хирург Великой армии Доминик Ларрей утверждал, что французы потеряли 9 тысяч убитых и 12—13 тысяч раненых, а французский капитан Жиро, состоявший адъютантом при генерале Дессэ, считал, что в наполеоновских войсках из строя выбыло около 15 тысяч человек.

А вот мнение французского генерала Бертезена, командовавшего в 1812 году пехотной бригадой Молодой гвардии: *«Ведомости, представленные частями, доводят наши потери до 22 600 человек, но при этом следует обратить внимание, что полковники пользуются случаем сражения, чтобы скрыть от контроля людей, оставшихся под тысячей разных предлогов в тылу. Учитывая это, я считаю правильным уменьшить цифру потерь на несколько тысяч. Кроме того, среди тех, кто в рапортах указан ранеными, 4[000] или 5000 человек получили лишь царапины и следуют с армией в Москву».*

Но наиболее подробные данные о потерях французов приведены в книге, пожалуй, самого компетентного в этом вопросе очевидца — инспектора смотров Антуана Денье, служившего в кабинете начальника Главного штаба Великой армии маршала Бертье; в ведении этого военного чиновника находились все вопросы, связанные с личным составом войсковых частей и штабов. На основе сведений о потерях всех соединений он составил общую ведомость, согласно которой *Великая армия потеряла при Бородине 49 генералов, 37 полковников и 28 000 прочих чинов (6547 убитых и 21 453 раненых).* Когда эти цифры Денье доложил маршалу Бертье, тот приказал хранить их в секрете, поскольку они слишком отличались от официальных, опубликованных в 18-м бюллетене.

Ведомость Денье была опубликована во Франции лишь в 1842 году, после чего на эти данные стали ссылаться почти все мемуаристы, чьи труды выходили в свет позже. И до сих пор многие западные историки считают их достоверными и точными.

Сопоставим известные ведомости численного состава французской армии на 2 и 20 сентября 1812 года, то есть применим метод, который уже использовали некоторые зарубежные исследователи, в частности немецкий военный историк начала XX века О. Остен-Сакен.

Согласно ведомости от 2 сентября, корпуса Великой армии, принявшие затем участие в Бородинском сражении, насчитывали 135 219 человек. Из этого количества надо «вычесть» гарнизон, оставленный 4 сентября в Гжатске (около 1 тысячи вестфальцев), и прибавить численность двух пехотных дивизий, присоединившихся к главным силам Наполеона 8-го и 11 сентября (около 11 тысяч человек), а также четырех маршевых кавалерийских полков, прибывших в Москву до 20 сентября (около 2 тысяч всадников). Из полученной цифры в 147,2 тысячи человек следует вычесть численность наполеоновских войск, указанных в ведомости от 20 сентября (95775 человек), а также не учтенного в ней 8-го корпуса (около 5700 человек). Полученная разница — **45,7 тысяч человек — представляет собой общую убыль личного состава армии Наполеона за 18 дней.**

Для определения бородинских потерь французов, необходимо из данной цифры исключить потери, понесенные в различных авангардных делах до 5-го и после 7 сентября (около 3 тысяч человек), и приблизительное число больных и отставших, выбывших из строя 3—20 сентября (около 9 тысяч человек, считая в среднем по 500 в сутки). При таком расчете **потери Великой армии при Бородине могли достигать 34 тысяч человек, в том числе около 30 тысяч в день генеральной битвы 7 сентября.**

Есть косвенное доказательство относительной достоверности полученной цифры: надо сравнить ее с точно установленными потерями французов в Ваграмском сражении (5—6 июля 1809 года), сходном по масштабу с Бородинским. При Ваграме войска Наполеона потеряли 33 854 человека (в том числе 42 генерала и 1820 офицеров). Поскольку урон командного состава в обоих сражениях примерно одинаков (1792 человека при Бородине и 1862 человека при Ваграме), то и общие потери, вероятно, были соразмерны. Таким образом, наши подсчеты не противоречат показаниям Денье, основанным на подлинных документах.

Были, однако, и другие подсчеты: некоторые участники «Москворецкой» битвы исчисляли потери наполеоновской армии цифрой, превышавшей 30 тысяч человек. Так, генерал Сегюр в своих мемуарах утверждал, что у французов выбыло из строя около 40 тысяч убитых и раненых. Хотя это было написано уже при Бурбонах и чувствуется желание автора выслужиться перед новыми хозяевами Франции, все же



Мост через р. Колоча у с. Бородино 17 сентября 1812 г. Литография по рис. Х. В. Фабер дю Фора (1827—1831).

На поле Московской битвы 17 сентября 1812 г. Литография по рис. Х. В. Фабер дю Фора (1827—1831).



сведения не лишены известной объективности. *«Действительно, потери были громадны и не соответствовали результату,—* писал Сегюр,— *каждый... оплакивал друга, родственника, брата, потому что жребий пал на самых избранных».*

Но и 40 тысяч Сегюра не предел. К сожалению, в нашей литературе об Отечественной войне 1812 года очень часто встречается цифра 58 478 человек. Она была вычислена русским военным историком В. А. Афанасьевым на основе данных, опубликованных в 1813 году по распоряжению Ростопчина. В основе подсчетов — сведения швейцарского авантюриста Александра Шмидта, который в октябре 1812 года перебежал к русским и выдал себя за майора, якобы служившего в личной канцелярии маршала Бертье. По свидетельству чиновника А. Я. Булгакова, допрашивавшего Шмидта, тот, *«благодаря своей необычайной памяти... исчислил все потери ранеными и убитыми, которые потерпела эта (наполеоновская.—* А. В.) *армия во всех сражениях, предшествовавших занятию Москвы».* Граф Ростопчин, явно заинтересованный в том, чтобы завысить потери неприятеля, не заметил массы несуразностей, содержащихся в данных Шмидта, и поспешил обнародовать их под видом трофейных документов. Из множества ошибок, встречающихся в сведениях швейцарца, достаточно указать одну. В числе корпусов, сражавшихся при Бородине, он назвал 7-й (саксонский) корпус генерала Ренье, якобы потерявший в этой битве 5095 человек. На самом деле указанный корпус никак не мог участвовать в Бородинском сражении, так как в это время действовал на Волыни. Если бы Шмидт действительно служил в штабе Великой армии, он безусловно должен был знать об этом факте.

Отдельные французские части пострадали весьма серьезно. Так, 30-й полк французской линейной пехоты, в котором 23 августа 1812 года насчитывалось 3078 человек, при Бородине был почти истреблен. По воспоминаниям капитана Шарля Франсуа, в этом полку после битвы оставалось всего 268 бойцов, в том числе 11 офицеров.

Серьезный урон понесла 7 сентября наполеоновская кавалерия. Как вспоминал поляк Клеменс Колачковский, на другой день после битвы *«ее эскадроны насчитывали всего по несколько десятков людей».* В числе наиболее потерпевших полков были саксонские кирасирские полки «Телохранителей» и Цастрова, а также 14-й польский, составлявшие вместе тяжелую бригаду генерала Тильмана. В день битвы они участвовали в атаке у деревни Семеновской, где прорвали три каре русской пехоты, затем содействовали взятию Курганной батареи, а под конец еще успели сразиться с кавалергардами и конногвардейцами, опрокинувшими их после жестокой сабельной сечи. Согласно рапорту генерала Тильмана, в этих трех полках выбыло из строя 43 офицера, 540 солдат и 438 лошадей, то есть больше половины всего состава.

Бородинское сражение было отмечено крупными потерями генералитета: в русских войсках убито и ранено 26 генералов, а в наполеоновских (по неполным данным) — 50. Такая диспропорция генеральских потерь объясняется неодинаковой численностью высшего командного состава в противоборствующих армиях. Так, с русской стороны в Бородинском сражении участвовали 73 генерала (не считая 12 отставных генералов, служивших в Московском и Смоленском ополчениях), а у французов только в кавалерии их насчитывалось 70!

7 сентября 1812 года в армии Наполеона погибли 8 генералов, в том числе 2 дивизионных (Огюст Коленкур и Монбрен) и 6 бригадных (Юар, Дама, Компер, Ланабер, Марион и Плозон). Еще четыре генерала * позже скончались от ран, полученных при Бородине.

Особенное сожаление во французской армии вызвала гибель двух отличных кавалерийских генералов — Монбрена и Коленкура.

Луи-Пьер Монбрен, командир 2-го корпуса резервной кавалерии, был смертельно поражен ядром в бок. *«Отличное попадание»,—* успел сказать этот храбрец, прежде чем потерял сознание. Он умер несколько часов спустя на руках военных хирургов, тщетно пытавшихся спасти его жизнь. Наполеон заменил Монбрена дивизионным генералом Огюстом Коленкуром, занимавшим тогда должность коменданта Главной квартиры. Получив повеление императора атаковать русский редут на Курганной высоте, бесстрашный воин ответил: *«Я не замедлю быть там живым или мертвым».*

Встав во главе 5-го, 8-го и 10-го кирасирских полков, Коленкур бросился на Курганную высоту. Несмотря на отчаянную храбрость защитников, русское укрепление было наконец захвачено. Коленкуру этот успех стоил жизни. *«Он умер смертью храбрых, решив исход сражения,—* сказал император,— *Франция теряет одного из лучших своих офицеров»***.

«Эта победа, столь мучительная и так дорого купленная, была неполной,— писал генерал Пельпор (в 1812 году командир 18-го линейного полка),— *она нас опечалила!»* Французские солдаты, по словам Сегюра, *«были поражены таким количеством убитых и раненых и таким незначительным числом пленных, которых было менее восьмисот!.. Убитые свидетельствовали скорее о храбрости побежденных, чем о нашей победе. Если уцелевший неприятель отступил в таком блестящем порядке, гордым и не теряющим мужества, что значило для нас приобретение какого-то поля битвы?»*

В 1912 году французы, с разрешения русского правительства, поставили на Бородинском поле, возле того места, где во время сражения находился командный пункт Наполеона, гранитный монумент, увенчанный орлом. Среди многочисленных бородинских памятников это единственный, который посвящен нашему бывшему противнику. «Погибшим Великой армии» — гласит надпись на нем, напоминая о кровавой цене, заплаченной войсками Наполеона при Бородине.

И хотя Бородино не стало победой русской армии, место этого сражения в исторической памяти народа незыблемо. Но ожесточенное мужество достойных соперников не нуждается в мифологизации.

* Бригадный генерал Ромеф, начальник штаба 1-го корпуса, умер 9 сентября в селе Бородино; бригадный генерал граф фон Лепель, командир вестфальской кирасирской бригады,— 21 сентября в Можайске; дивизионный генерал Тарро, командир 23-й пех. дивизии 8-го (вестфальского) корпуса,— 26 сентября; вюртембергский генерал-майор барон фон Брейнинг, прикомандированный к 14-й легкой кав. бригаде 3-го корпуса,— 30 октября 1812 года.

** Особый драматизм придает гибели 34-летнего Огюста Коленкура то обстоятельство, что перед самым походом в Россию он женился по любви на юной Бланш д'Обюссон де Лафейад, портрет которой в день битвы находился на его груди, под мундиром.

СОМНЕНИЯ В ОЧЕВИДНОМ

ЧЬЯ ПОБЕДА?

А. Валькович.— Все согласятся с тем, что на первый взгляд ни одно сражение так хорошо не изучено, как Бородинское. Уже сложился стереотип, что все известно: и силы сторон, и ход битвы, и ее итоги. При этой кажущейся изученности все же остается немало вопросов. Например, как назвать результат сражения: победой или поражением русских?

Или — соотношение сторон... Прежде считалось, что французы преобладали числом. Однако последние архивные изыскания показали, что русская армия даже превосходила неприятеля, хотя, с другой стороны, в ней было много ополченцев, которые в битве не участвовали.

Итак, силы в какой-то степени равны: 150 тысяч — со стороны русских и 130 — со стороны французов. И вот, при определенном равенстве сил, при самоотверженности и мужестве русской армии, талантливости ее полководцев — такой незначительный результат: неприятель не остановлен, не разбит; наоборот, русские покинули поле битвы.

Еще вопрос: удачно ли Кутузов расположил свои войска на боевой позиции? Считается, что он все предусмотрел... Однако, на мой взгляд, именно из-за чрезмерно растянутой боевой линии мы не успевали вовремя парировать неприятельские удары, резервы запаздывали, а русские теряли одно за другим укрепления...

Насколько можно документально проследить все фазы сражения? Прежние исследователи часто грешили тем, что хорошо владели материалом одной из сторон и явно недостаточно — другой. Дать доподлинную картину боя очень сложно, но, собрав воедино все источники, тщательно их сопоставив, изучив, можно наконец составить достоверную и объективную историю грандиозной битвы. Пришла пора создать фундаментальный труд, своеобразную энциклопедию этого сражения.

Б. Абалихин.— Вопрос о численности русских войск на Бородинском поле не так прост, как может показаться. Они включали регулярные части, казаков и ополченцев. Бесспорна только одна цифра — численность строевых солдат — 116 тысяч. Сложнее обстоит дело с казаками. Корпус Платова в день битвы насчитывал всего 4,5 тысячи сабель. (Возможно, этим и объясняются его нерешительные действия во время рейда на левом фланге французских войск.) Были еще казачьи отряды, но их суммарная численность не превышала 3 тысяч человек, то есть всего казаков было не более 8 тысяч. Главным источником пополнения русской армии современные историки, в том числе и Н. А. Троицкий, считают Московское ополчение. Правда, если быть точным, то в историографии «пальма первенства» в этом вопросе принадлежит Володину. По его подсчетам, в расходе находилось более 18 тысяч ратников этого ополчения, а следовательно, заключал автор, столько человек приняли участие в сражении. Но это очевидное заблуждение: по военной терминологии, «находиться в расходе» означает быть вне строя, а следовательно, и вне боя. Сам Володин указывал, что между 1-й и 2-й армиями было распределено немногим более 8 тысяч ополченцев, а вместе со смоленскими их общая численность составляла 10 тысяч. Плохо вооруженных и необученных ратников историки учитывают, а 15 тысяч нестроевых солдат, находившихся в армии Наполеона, нет. Приведенные цифровые данные показывают, что никакого превосходства в численности у русской армии не было.

Продолжение. Начало на стр. 36.

Не могу согласиться и с мнением Александра Михайловича о том, что боевая линия была чрезмерно растянута, и поэтому русские войска не успевали вовремя парировать удары противника. Кутузов стремился прикрыть Старую и Новую смоленские дороги, ведущие на Москву. Он не знал и не мог знать, куда Наполеон нанесет главный удар. За день до битвы инженерные войска навели 4 моста через овраги, идущие перпендикулярно к позиции, и устроили 15 удобных спусков. Это способствовало довольно быстрой переброске войск с правого фланга на левый и в центр.

Чья это победа? На мой взгляд, ничья. Ни Наполеон, ни Кутузов не добились главных целей. Французский полководец намеревался разгромить русскую армию и заставить Россию заключить выгодный для него мир. Кутузов ставил задачу отстоять Москву. Об этом он впервые писал Милорадовичу 11 августа.

Наполеон прекрасно понимал ситуацию, видел то ожесточение, с каким сражались солдаты русской армии, поэтому он и не ввел в сражение свою гвардию.

А. Васильев.— Для меня здесь нет вопроса. Конечно, это была победа Наполеона, тактическая победа «по очкам», если применять боксерскую терминологию. То, что французы не разгромили русскую армию при Бородине,— неудивительно. При том соотношении сил, какое сложилось перед сражением, Наполеон вряд ли мог рассчитывать на какой-либо иной результат. Его войска ценой огромных усилий сумели отбросить русскую армию с ее первоначальной позиции, захватить большинство полевых укреплений противника и причинить последнему тяжелые потери. Но у них не было сил для широкого маневрирования, для обхода или окружения армии Кутузова. Кроме того, Наполеон прекрасно знал стойкость русских солдат. Это не испанцы или австрийцы... Чтобы разбить армию с такими высокими боевыми качествами, как армия Кутузова, да еще к тому же находившуюся в обороне, Наполеону нужно было иметь хотя бы на 20—30 тысяч солдат больше. А у него всего 134 тысячи человек и 587 орудий против 116 тысяч русских регулярных солдат и 624 орудий (с казаками и ратниками ополчения у Кутузова было около 157 тысяч человек).

Историки пытаются доказать, что Наполеон одержал при Бородине «пиррову победу», так как понес слишком тяжелые, невосполнимые потери. Спору нет, урон французских войск очень велик. Но какая же это «пиррова победа», если армия Наполеона, будучи наступающей стороной, теряет около 30 тысяч человек убитыми и ранеными, в то время как русская армия, обороняясь на позиции, усиленной полевыми укреплениями,— более 40 тысяч?

Успех французскому императору в Бородинском сражении обеспечили резервы. Как известно, он сохранил почти нетронутой свою гвардию (вместе с эскортом Главной квартиры и парков — свыше 20 тысяч человек). На следующий день после битвы к главным силам Наполеона присоединилась свежая итальянская дивизия генерала Пино (6 тысяч штыков). Кутузов же после Бородина мог им противопоставить только егерскую бригаду, бесцельно простоявшую на Масловских флешах, да два мало пострадавших полка гвардейской пехоты (Преображенский и Семеновский).

Все вышесказанное не умаляет доблести и самоотверженной стойкости русских солдат и офицеров, проявленных ими при Бородине. Вряд ли какая-либо другая армия, кроме русской и, возможно, английской, смогла бы выдержать такой страшный артиллерийский огонь, такой мощный натиск и при этом не дрогнуть.

Тем не менее нельзя считать, что Бородино имело ничейный результат. Наши историки, чтобы лишить Наполеона лавров победителя, обычно утверждают, что французская армия в ночь после сражения оставила все захваченные ею у русских пункты и отошла за реку Колочь. Увы, это не так. Как свидетельствуют все французские источники, наполеоновские войска ночевали на поле сражения, сохранив в своих руках и село Бородино, и флеши, и деревню Семеновскую, и Курганную батарею. Лишь часть войск была действительно отведена на ночлег ближе к воде (к Колочи и Семеновскому ручью). Но для прикрытия всех захваченных в сражении пунктов и наблюдения за русской армией были выставлены сильные заслоны.

— Относительно намерений Наполеона после Бородинского сражения не существует однозначного мнения. Считается, что он с одинаковым успехом мог пойти и в Петербург, и на Украину. Как складывались события на театре военных действий в сентябре — октябре?

В. Безотосный.— Действия русских войск определялись новым планом, составленным в Петербурге: окружение французских войск у Березины. В то время, как Наполеон чрезвычайно растянул свои силы и ввел в дело последний крупный резерв (корпус Виктора), у русской стороны на флангах появились свежие регулярные части из Молдавии и Финляндии, что кардинальным образом изменило ситуацию на театре военных действий.

И перед Наполеоном в Москве тоже встал вопрос «что делать?». Он собирался идти на Петербург и на Украину.

Как мне кажется, он намеревался идти на Калугу и затем отступить к Смоленску. Об этом свидетельствует и вся сохранившаяся военно-оперативная документация.

Б. Абалихин.— Родоначальником версии об отходе Наполеона через Калугу на Смоленск является известный немецкий теоретик и военный писатель Карл Клаузевиц. Он писал: *«Отступающий в неприятельской стране, как правило, нуждается в заранее подготовленной дороге...»* Это мнение полностью разделял академик Е. В. Тарле, который утверждал, что *«в Смоленске у Наполеона были готовы запасы, а на юге у него ровным счетом ничего не было».*

Остановлюсь прежде всего на противоречии, содержащемся в высказывании Клаузевица. Если следовать его логике, то и войну Наполеон не мог начинать, так как никакой подготовленной дороги у него в России не было. Не соответствует действительности и мнение о запасах в Смоленске. Главный интендант французской армии генерал Л. де Пюибюск свидетельствует: *«Я могу сказать смело, что и Робинзон на необитаемом своем острове гораздо более нашел пособий, нежели наша армия в Смоленске».*

В 24 томе «Переписки Наполеона», изданной в Париже в 1868 году, содержатся приказы и распоряжения, отданные французским полководцем в конце сентября — начале октября, которые позволяют реконструировать его план на осень 1812 года. На своем правом фланге Наполеон намеревался создать мощную группировку, разгромить объединенные войска Дунайской и 3-й Западной армий и овладеть западными губерниями Украины. Наполеон часть сил стремился переместить со своей операционной линии на юг. Покидая Москву, он заявил: *«Так как в подобных обстоятельствах надо остановиться на плане наименее опасном, я решился на отступление к Киеву».*

Кутузов же считал, что, оставив Москву, Наполеон преследовал цель *«с изнуренным войском... прорваться через Калугу... в губернии Тульскую, Орловскую, Полтавскую и Черниговскую».* Многие французские историки (Шамбре, Жомини, Вандаль, Мадлен, Лависс и Рамбо) также считают, что Наполеон намеревался прорваться в украинские губернии, перезимовать здесь, а весной 1813 года возобновить военные действия.

А. Тартаковский.— По поводу «Петербургского плана», отправленного 31 августа Кутузову с Чернышевым. В литературе его авторство традиционно связывается с Александром I. Между тем в архивных материалах военного ведомства и в фонде Аракчеева имеются указания на причастность к составлению этого плана последнего екатерининского фаворита — Платона Зубова, которого в 1812 году Александр I держал при себе в качестве военного советника. Это пикантное обстоятельство хранилось тогда в строжайшей тайне, не прояснённой и поныне.

Б. Абалихин.— События необходимо рассматривать в пространстве и во времени. А сейчас мы сразу «перескочили» на петербургский план, нарушив хронологию.

Если быть точным, то конкретные боевые задачи Кутузов поставил Чичагову и Тормасову в своих письмах от 6 сентября. Тормасову фельдмаршал предписал охранять украинские губернии, а Чичагова просил присоединить к своей армии корпус генерал-лейтенанта Эртеля, находившегося в Мозыре, и прибывшую из Крыма 13-ю дивизию, овладеть Могилевом-на-Днепре и двигаться по Смоленской дороге на соединение с 1-й и 2-й Западными армиями. Из этого можно заключить, что Кутузов предполагал окружить и разгромить главные силы Наполеона восточнее Днепра. И возможности для этого у него были — 90 тысяч в Главной армии и 75 тысяч солдат в Дунайской.

В. Безотосный.— Этот план был реализован?

Б. Абалихин.— Нет. Его сорвал Александр I. 8 сентября в ставку Кутузова, находившуюся в Красной Пахре, прибыл флигель-адъютант царя полковник Чернышев с рескриптами императора от 31 августа на имя Кутузова, Витгенштейна, Штейнгеля и в «бывшую армию Тормасова», то есть 3-ю Западную армию (дело в том, что специальным рескриптом Александр I подчинил ее, как и Дунайскую армию, адмиралу Чичагову). В царских рескриптах излагался операционный план на вто-

рой этап кампании: армия Чичагова, наступая с юга, должна была встретиться на Березине с корпусами Витгенштейна и Штейнгеля, которые двигались с севера. Указывалась и конкретная дата встречи — 10 октября.

Как же развивались события в действительности? Чичагов, получивший еще в апреле 1812 года именной рескрипт Александра I, в котором ему предоставлялось право быть независимым *«от всякой иной власти, кроме монаршей»*, уговорил Тормасова принять свой операционный план, согласно которому в первую очередь ставилась задача освободить Волынь и часть Гродненской губернии. 10 сентября Дунайская, а 11-го — 3-я Западная армии форсировали реку Стырь и повели наступление. 12 сентября в штаб Чичагова поступило письмо Кутузова от 6 сентября.

На совместном военном совете Чичагов и Тормасов решили сначала выполнить свой план, а затем приступить к выполнению заданий Кутузова. 17 сентября в штаб Дунайской армии прибыл Чернышев с рескриптами императора, но и после этого Чичагов продолжал выполнять свой замысел. 30 сентября войска Дунайской и 3-й армий освободили Брест-Литовск. Только 15 октября он двинулся на Березину, куда и прибыл 10 ноября, то есть на месяц позже, чем предусматривал петербургский план. В этом, на мой взгляд, и заключалась одна из главных причин того, что армия Наполеона не была полностью уничтожена на Березине.

Кутузов долго не отказывался от своего замысла. 1—2 ноября он направил письма Витгенштейну и Эртелю, в которых поделился своим намерением нанести *«главное поражение»* Наполеону *«между Днепром, Березиною и Двиною...»* Зная о рескриптах царя, ни Витгенштейн, ни Эртель не выполнили просьб Кутузова. 3 ноября в штаб главнокомандующего поступил рапорт Чичагова о подходе его армии к Минску. Вот тогда-то фельдмаршал решил разгромить наполеоновскую армию на Березине, в районе Борисова. Срыв первоначального плана привел Кутузова к тому, что Главной армии пришлось вести изнурительное преследование противника, что привело к большим жертвам. Ведь армия Наполеона, отступая, получала сильные подкрепления. На Березину вышло не менее 60 тысяч солдат и офицеров, находившихся в строю.

А. Васильев.— Если быть точным, 40 тысяч.

Б. Абалихин.— Нет, не менее 60 тысяч. Это легко подсчитать. Полностью сохранили свою боеспособность старая гвардия (более 20 тысяч человек) и резервный корпус маршала Виктора, насчитывавший такое же число солдат, не менее 20 тысяч человек находилось в корпусах маршалов Гувиона Сен-Сира и Удино, присоединившихся к Наполеону после поражения под Полоцком.

В. Безотосный.— Вы пытаетесь показать, что замысел Кутузова был лучше, чем петербургский план. Но последний тоже был утвержден Кутузовым, так как Александр I именно ему прислал этот проект на утверждение. И все последующие события говорят о том, что русские начальствующие лица руководствовались в своих действиях этим планом. А если Кутузов в душе был против? И тут возникает проблема моральной ответственности главнокомандующего. Если не согласен, то как можно одобрять план? Ведь речь шла не о личных интересах, мелких обидах, а о судьбе всей страны.

Однозначно можно сказать, что русские войска, в первую очередь на флангах, действовали по Петербургскому проекту, и волей-неволей Кутузов соизмерял свои действия с этим планом.

А. Тартаковский.— Я не думаю, что у них были очень-то принципиальные расхождения.

В. Безотосный.— Идеи-то одни и те же. Различия только в их реализации...

Б. Абалихин.— Не совсем так. Между кутузовским и петербургским планами имелись принципиальные отличия. Прежде всего в рескриптах Александра I неверно оценивалась военно-стратегическая обстановка на театре войны. Царь и его окружение исходили из того, что русская армия, *«преградив успехи неприятеля, удержит и дальнейшее его вторжение»*, а затем приступит *«к наступательным действиям»*. В действительности русская армия, сдав Москву, отступала. Кутузов планировал нанести главный удар по основным силам Наполеона восточнее Днепра до соединения их с резервами и фланговыми группировками. Реализация этого замысла позволила бы закончить войну в короткий срок и с минимальными потерями. Петербургский план предусматривал окружение и разгром армии Наполеона на Березине.

Теперь о моральной ответственности Кутузова. Как видно из рапорта Чернышева Александру I от 10 ноября, главнокомандующий далеко не сразу согласился с планом, предложенным императором. Не надо забывать о том, что в начале XIX века Россия являлась абсолютной монархией, слово царя было законом. Подчинив формально Кутузову все армии и корпуса, Александр I отдавал приказы командирам этих соединений через голову главнокомандующего. Естественно, Чичагов и другие военачальники выполняли волю императора. Все это Кутузов прекрасно понимал. Не случайно он обращался к Чичагову, Тормасову не с приказами, а с письмами. В этом — трагедия Кутузова.

Александр I грубо нарушил утвержденное им накануне войны «Учреждение для управления Большой действующей армией». Это привело к тому, что на втором этапе войны русские войска действовали по двум стратегическим планам: Главная армия — по кутузовскому, фланговые группировки — по петербургскому.

А. Васильев.— Сколько времени в советской историографии господствует точка зрения, что русская армия под руководством Кутузова перешла в контрнаступление, проводится четкая аналогия с битвой под Москвой в декабре 1941 года. Правомерно ли это?

В. Безотосный.— Вы говорите о событиях второго периода войны? Е. В. Тарле (а до него буржуазные русские историки) говорил, что Кутузов создал Наполеону якобы *«режим наибольшего благоприятствования»*. Это так называемая теория «золотого моста» для ухода французов из России. Вторая точка зрения прочно бытует и до сих пор: генерал-фельдмаршал и светлейший князь Кутузов в 1812 году *«загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления»* («Большевик». 1947. № 3. С. 8). В кавычки взяты слова родоначальника этой теории — И. В. Сталина. Эти основополагающие указания подхватили и закрепили в литературе своими работами два тогда еще неизвестных историка Л. Г. Бескровный и П. А. Жилин.

Но давайте посмотрим, был ли в 1812 году контрудар и куда начали наступать русские войска, а заодно проверим, насколько хорошо знал «вождь народов» историю страны, которой он руководил.

Оставив Москву, армия Кутузова совершила знаменитый Тарутинский марш-маневр и заняла очень выгодную по отношению к операционной линии Наполеона фланговую позицию. В Тарутино русская армия отдыхала, копила силы, и Кутузов старался вести войну малыми отрядами, что было весьма эффективно. Но под давлением генералитета 6 октября 1812 года Кутузов решился атаковать стоявший против Тарутино французский авангард Мюрата. Наполеон на следующий день тоже оставил Москву и начал двигаться на Калугу. После чего Кутузов, узнав о направлении марша французов от разведки, организовал переброску своей армии к Малоярославцу, где произошло ожесточенное сражение за город. Но русские оставили Малоярославец. А Наполеон, поняв, что путь на Калугу контролируется русскими, решил отступать по Старой Смоленской дороге. Так где же был контрудар? Под Тарутино? Под Малоярославцем? Куда же наступала русская армия?

Л. Ивченко.— Сам Кутузов определял, что именно Малоярославец есть предел нападения.

В. Безотосный.— Говорить о контрнаступлении в 1812 году можно только применительно к флангам театра военных действий, где действительно русские от обороны перешли к наступлению. Что касается армии Кутузова, то правильнее будет употребление термина «параллельное преследование», так как главные русские силы начали движение проселочными дорогами параллельно пути отступления Наполеона.

А. Валькович.— Что такое контрнаступление? Я обратился к дореволюционным справочникам и такого термина не обнаружил. Его ввели в советское время.

Что же такое контрнаступление? Цитирую БСЭ: «Особый вид наступления оперативного или стратегического масштаба с целью разгрома наступающего противника, ослабленного в предшествующих боях с обороняющимся войском».

Какое же контрнаступление у Кутузова?

Б. Абалихин.— Все имеет свое начало. Мы должны подойти к военному искусству как одной из частей общественного сознания. То, что до 1947 года термин «контрнаступление» не употреблялся в исторической литературе, еще ни о чем не говорит. Многие исторические явления, процессы получили определение значительно позже, чем они появились.

Обратимся к событиям осени 1812 года. Театр военных действий простирался на сотни километров — от Балтийского моря на западе до реки Чернишни на востоке — и затем гигантской дугой изгибался до реки Стырь на западе. Главная армия, отступив к Тарутину, заняла оборону. Развернулась «малая война». Вот этот период, продолжавшийся 35—36 дней, мы с полным правом можем назвать оборонительным.

Было контрнаступление и в чистом виде. Как я уже говорил, фланговые группировки русских войск перешли в наступление почти за месяц до выхода Наполеона из Москвы. Кстати, 24 сентября он получил паническое донесение от генерал-фельдмаршала Шварценберга, командующего войсками его правого фланга, о том, что Дунайская и 3-я армии форсировали Стырь. Тогда же ему стало известно о движении Витгенштейна на Полоцк. Как видно из военной переписки, Наполеон понял: встречным наступлением с юга и севера русское командование стремится перерезать его коммуникации, и с 24 сентября начал готовиться к отступлению.

Где началось контрнаступление во время Сталинградской битвы? Тоже на флангах. 19 ноября 1942 года в наступление перешли войска Рокоссовского, 20 ноября — войска Еременко. И это было за сотни километров от Сталинграда. 62-я и 64-я армии оборонялись, прижатые к Волге.

Я не хочу проводить аналогию войны 1941—45 годов с войной 1812 года. Но когда-то контрнаступление как явление должно было зародиться. И оно зародилось в 1812 году. Необходимо учитывать все военные события, а не только те, которые происходили на московском направлении. Был и контрудар — Тарутинское сражение. Поражение корпуса Мюрата ускорило выход Наполеона из Москвы.

В. Безотосный.— А если бы его не было? Наполеон все равно бы вышел. Через день — два. В Малоярославце столкнулись две армии. К вечеру русская армия оставляет Малоярославец, отступает сначала к Детчино, затем к Полотняному заводу. Это контрнаступление?

Б. Абалихин.— А что Наполеон?

В. Безотосный.— Наполеон маневрировал. Хотел обойти Тарутинскую позицию. Из Москвы на Калугу есть дорога еще через Тарутино. Тогда бы он фактически заходил в тыл к Кутузову. Если б Кутузов вовремя не перебросил войска к Малоярославцу, тарутинская позиция фактически тогда обесценилась бы. Кутузов, узнав о выходе французов из Москвы, проявил максимум энергии и перебросил войска к Малоярославцу. Но потом-то он опять начал отступать. А если бы Наполеон пошел дальше на Калугу? Что сделал бы Кутузов? Я уверен, продолжил бы отступление.

Б. Абалихин.— Зачем Наполеон в обход пустил корпус Понятовского?

В. Безотосный.— Во-первых, чтобы обеспечить отход по дороге от Калуги до Ельни и разведать пути. А потом совершить обходной маневр. Ведь на самом деле русские главнокомандующие на протяжении войны очень боялись обходных маневров, которыми славился Наполеон.

А. Тартаковский.— Надо учитывать, в каком страшном состоянии выходил Наполеон из Москвы. Полный крах. Москва — последняя возможность продиктовать свою волю Александру I, последняя надежда добиться мира.

В. Безотосный.— Русская армия, совершив Тарутинский маневр, действительно заняла фланговую позицию по отношению к операционной линии Наполеона. И она, если по прямой, могла выйти к Можайску на Большую Смоленскую дорогу гораздо скорее, чем французы из Москвы.

— Но, видимо, не только русская сила и храбрость сыграли свою роль в победе над Наполеоном. Огромное, если не первостепенное, значение всегда играло и играет техническое вооружение армии, степень промышленного и экономического развития страны?

Б. Абалихин.— Безусловно, в победе над наполеоновским нашествием экономика сыграла важную роль. По своему военно-экономическому потенциалу, как это ни парадоксально, феодальная Россия превосходила буржуазную Францию. Ее промышленность производила больше, чем французская, вооружения, боеприпасов, пороха и т. п.

А. Васильев.— В России существовали огромные военные заводы. Но качество русского вооружения: ружей, сабель — было хуже французского, немецкого и др. Французские ружья быстрее чинились, все их части, в том числе замки, были взаимозаменяемы. (Такого уровня Россия достигла только к Крымской войне.)

В воспоминаниях офицеров русской армии есть описания, как при первом же ударе сабли отлетали от клинка, штыки гнулись. Русские имели превосходство, например, в артиллерии. За счет деятельности того же Аракчеева. Но в русских орудиях лафет опирался на оси деревянные, у французов — на металлические, вот почему они с большей скоростью передвигались по пересеченной местности, а у русских оси ломались. Говорить о военно-техническом превосходстве не приходится. Уровень в среднем одинаковый. На ход событий больше влияли стратегические, субъективные и моральные факторы.

(Продолжение на стр. 133)









**ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ —
НЕ ЗАВОД, ПОДОЖДЕТ?**

СИГНАЛЫ К БИТВЕ И ВИКТОРИИ...



М. И. Кутузов. Худ. Ф. П. Толстой, 1812 год. Розовый воск. Портрет выполнен известным художником Ф. Толстым накануне отъезда М. И. Кутузова в армию в августе 1812 года. «Я часто видел этого знаменитого военачальника до назначения его главнокомандующим у Логина Ивановича Кутузова, с которым он был близкий родня и дружен. Михаил Илларионович Кутузов с гениальной способностью военачальника соединял любезность, особенно с дамами. По желанию супруги Логина Ивановича — Надежды Никитичны, которая Михаила Илларионовича очень любила, я выполнил его портрет из воска»,— вспоминал живописец о своих встречах с Кутузовым. Долгие десятилетия судьба этого портрета была неизвестной. Он считался утраченным. И лишь в 1964 году холст поступил в музей-панораму «Бородинская битва» из семьи потомков Кутузова.

В 1795 году Кутузов был назначен директором Императорского сухопутного шляхетского корпуса, после смерти Ангальта. Воспитанник корпуса С. Глинка, будущий участник войны 1812 года, так описывает встречу Кутузова с ними.

«Ваше высокопревосходительство! В лице графа Ангальта мы лишились нашего нежного отца, но мы надеемся, что и вы отеческим чувством примете нас к своему сердцу... На полях битв слава увенчала вас лаврами, а здесь любовь ваша к нам будет одушевлять нас такою же признательностью, какую питали мы и к прежнему отцу». Когда я кончил, Кутузов, окинув нас грозным взглядом, возразил:

— Граф Ангальт обходился с вами, как с детьми, а я буду обходиться с вами, как с солдатами.

Мертвое молчание было единственным на это ответом. Он понял, что мы догадались, что слова его были посторонним внушением».

(Записки Сергея Николаевича Глинки. Спб., 1895. С. 114.)

Хладнокровие и неустрашимость князя Кутузова при Бородинском сражении.

Рассказывают, что во время кровопролитного Бородинского сражения, когда ад гремел над головою русского полководца, он быстрым и верным взглядом смотрел с батареи на движения войск, не показывая ни малейшего страха при всех окружающих его опасностях. Видя, что ядра и картечи летят прямо к тому месту, где он находился, он спокойно говорил окружающим его: «Разступитесь, братцы; не стойте толпами!»

Князь Кутузов снискивает любовь своих воинов.

Будучи твердо уверен, что любовь воинов есть путь к несомненному успеху, он старался всячески снискать доверенность и расположение вверенных ему войск, соразделяя с ними труды и суровости климата и непогоды во время движения своего от Тарутина в Мало-Ярославец, он почти ни на минуту не отходил от солдат. При переправе чрез реку, неподалеку от помянутого города, он решительно отказался войти в находящийся близ реки дом, где для него был приготовлен обед, сказав: «Нет! Я ни на шаг не отойду от тех, с которыми должен умереть за Отечество».

Князь Кутузов не любил солдат-грабителей.

Будучи твердым блюстителем порядка и благопристойности, непременных достоинств благоустроенного войска, Князь Кутузов весьма не любил солдат-грабителей. Во все производимые им войны он тщательно старался наблюдать за поступками солдат. Завидя издали солдат, зашедших из рядов в обывательские дома, Князь Кутузов во всю конскую прыть туда пускался, опрометью бросался с лошади, вбегал в жилье, и если усматривал хотя малейшее безчинство, то грозно спрашивал: «Зачем вы сюда зашли? Обижать, грабить обывателей?.. Вон, вон отсюда, солдат не разбойник! Не бесславьте в чужой стране русского!» Но следующий приказ, отданный им армии при вступлении за границу, может гораздо лучше показать, какое отвращение имел Светлейший Князь Кутузов-Смоленский от грабежей и безчинств, нередко производимых другими войсками. «...мы готовимся ныне вступить в соседственные границы вслед за врагом, который, быв поражен нами, едва успевает спасать бегством слабые свои остатки. Нынешняя война, толико бедственная врагам нашим, шедшим поработить нас их игу, кажется, без дальних объяснений представляет всем и каждому ужаснейшие следствия грабежей и беспорядков, до сего времени в истории неизвестных; каждый, возобновя в памяти своей все им виденное, конечно, признает праведный суд Всевышнего, карающего злодеев, грабителей церкви, осквернителей святыни, зажигателей и истребителей домов у мирных граждан и поселян,— извергов, не знающих Бога, ни законов природы, ни человечества.

— Итак, воины! вступая в пределы соседственные, научася столь разительным примером, соблюдите порядок и устройство, обходитесь с жителями, как с ближними, и поражая коварного неприятеля, будьте защитниками мирных граждан.

— Заслужим же благодарность иноземных народов и заставим Европу с чувством удивления воскликнуть: «Непобедимо русское воинство в боях, и неподражаемо в великодушии и добродетели мирных». Вот благородная цель, достойная Героев!»

(Анекдоты или достопамятные сказания о Его Светлости генерал-фельдмаршале князе Михаиле Ларионовиче Голенищеве-Кутузове Смоленском. Начиная с первых лет его службы до кончины, с приобщением некоторых его писем, достопамятных его речей и приказов. Спб., 1814. Ч. 1. С. 105—106; Ч. 2. С. 24, 59, 87—88.)

Волк на псарне.

Известный баснописец И. А. Крылов написал несколько басен, из которых четыре тесно связаны с двенадцатым годом («Волк на псарне», «Обоз», «Ворона и курица», «Щука и кот»).

Спокойно, без раздражения, поэт смеялся и над безрассудной заносчивостью врагов, и над ошибками своих и поддерживал в русском обществе спасительную бодрость. Он один из немногих встал на защиту Кутузова, когда того обвинили в «медлительности» и «нерешительности».

Особенную известность в народе получила басня «Волк на псарне». Все понимали, что Крылов высмеивает попытки Наполеона вступить в мирные переговоры. Всеобщий восторг вызывал ответ ловчего:

«...Ты сер, а я, приятель, сед,
И Волчью вашу я давно
натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе
не делать мировой,
Как снявши шкуру с них
долой».
И тут же выпустил на волка
гончих стаю.

Басня была напечатана в «Сыне Отечества» (1812 г., ч. 1, № 2, октябрь). Вот любопытный рассказ о впечатлении, которое произвела она на современников: «Наполеон после Бородинского отпора пошел ощупью верст 15 в сутки и как бы ожидал другой битвы, столь же страшной и гибельной, как первая. Наши молодые воины также требовали сей битвы и дерзали укорять великого тактика в старости, нерешительности, а иные близорукие называли его просто трусом... Иван Андреевич Крылов, живучи в С.-Петербурге, проник думу Кутузова и прислал ему свою басню «Волк на псарне». Кутузов, зная ропот нетерпеливой молодежи, призвал к себе юных героев и прочитал им басню. Смысл басни пояснил многим то, чего они прежде не понимали, и с той поры, возложив надежду на Бога и опытность седого ловчего, наши богатыри выжидали в Тарутинском лагере первого сигнала к битве и победе».

Знакомый Крылова, И. Быстров, прочитал ему приведенное место. Скромный баснописец нахмурился и сказал: «Все это вздор... Я не Бог... Возможно ли, что я, честный человек, не дипломат, не военный, наперед знал, что сделает Кутузов?.. Смешно... Да и где Кутузов читал басню? Не в Тарутинском же лагере, а после... Скажите, мой милый, в каком-нибудь журнале, что это было не так». Пользуясь сообщениями Крылова, Быстров написал примечания к этой басне, которые появились скоро в печати.

Крылов передал собственноручный список басни жене Кутузова, Екатерине Ильиничне, которая переслала ее мужу. Кутузов действительно прочитал ее офицерам; это было после сражения под Красным. При словах: «а я, приятель, сед», старый главнокомандующий снял фуражку и потряс ею над своей наклоненной седою головою. И не раз потом просил Кутузов читать ему эту басню.

Басни Крылова, поддерживавшие Кутузова, имели неслыханный успех в армии и широких кругах общества. К. Н. Батюшков писал Н. И. Гнедичу: «...в армии его басни все читают наизусть. Я часто их слышал на биваках с новым удовольствием».

АКТ

Ленинград 1933 год сентября 4 дня Комиссия в составе: директора Музея Истории Религии Академии наук СССР — проф. Богораз-Тана В. Т., ученого секретаря музея Баканова В. Л., завед. фондами музея Воронцова К. Ф. в присутствии председателя от ПП ОГПУ тов. Бараздина П. Я. составили настоящий акт о нижеследующем:

Вскрыт склеп, в котором захоронен Кутузов М. И. Склеп находился в подвальном помещении музея. По вскрытии склепа обнаружен сосновый гроб (обтянутый красным бархатом с золотым позументом), в котором оказался цинковый гроб, завинченный болтами, внутри которого обнаружен костяк с остатками сгнившей материи. Слева в головах обнаружена серебряная банка, в которой находится набальзамированное сердце. Весь процесс вскрытия был зафотографирован — было произведено 5 снимков.

Настоящий акт составлен в 2-х экземплярах.

Директор музея
Ученый секретарь
Зав. отд. фондов
Председатель ПП ОГПУ

(Из собрания Музея атеизма).

АЛЕКСАНДР ВИНОГРАДОВ

РОД ФРАНЦУЗСКИХ «КНЯЗЕЙ МОСКОВСКИХ»

Любимец Наполеона I маршал Мишель Ней носил два титула: 18 марта 1808 года он был пожалован в герцоги Эльхингенские, а 7 сентября 1812 года за участие в Бородинском сражении — в князья Московские. Наполеон I, подписывая в «покоренной» Москве указ, конечно, не имел в виду, что титул принца Московского дает право на владение русской столицей. Обычно он давал своим маршалам титулы по названию местности, где они провели удачные сражения.

Титул «князей Московских» потомки Нея носят и поныне. У маршала было три сына. Старший из них унаследовал титул принца Московского. Будучи депутатом Законодательного собрания 1849—1851 годов, он так и значился в депутатских списках — „de la Moskowa“. В дальнейшем титул перешел к другим братьям, затем — к потомкам.

Род Неев находился в тесном родстве с Мюратами. Это объясняется тем, что потомки наполеоновской знати, чувствовавшие себя «изгоями» среди французской аристократии, стремились заключать браки в своей среде.

В настоящее время титул принца Московского носит Мишель Ней — праправнук маршала Нея.



КОГДА И ЗА ЧТО ФРАНЦУЗСКИЙ МАРШАЛ НЕЙ ПОЛУЧИЛ ТИТУЛ КНЯЗЯ МОСКОВСКОГО? НЕУЖЕЛИ ОН ПРОИСХОДИЛ ИЗ РОДА РЮРИКОВИЧЕЙ?

Традиция даровать военачальнику титул по месту одержанной победы сложилась очень давно. В конце XVIII — начале XIX века так были отмечены Суворов, граф Рымникский (1789) и князь Италийский (1799), и Кутузов, князь Смоленский (1812). Во Франции подобным образом награждали многих маршалов и генералов. Например, Луи Никола Даву, герцог Ауэрштадтский (1808) и князь Экмюльский (1809). Маршал Мишель Ней (1769—1815) тоже из числа этих избранных.

Он начал военную службу в гусарском полку девятнадцати лет от роду. Карьера его была стремительной: 1796 — бригадный, 1799 — дивизионный генерал, 1804 — произведен в маршальский чин. Участвовал во *всех* наполеоновских войнах. В 1805 году, командуя 6-м корпусом Великой армии, Ней успешно действовал в районе Эльхингена под Ульмом, за что три года спустя был удостоен титула герцога Эльхингенского. После того, как он возглавил решающую атаку в битве под Фридландом (1807), Наполеон назвал его «храбрейшим из храбрых». В период Отечественной войны М. Ней командовал 3-м пехотным корпусом. В Бородинской битве его корпус действовал на центральном участке сражения. Более 7 часов почти без отдыха Ней участвовал во всех атаках на Семеновские флеши и Семеновский овраг (туда отошли русские после оставления флешей). Корпус понес огромные потери, но его командир проявил немалое личное мужество. За храбрость, проявленную при Бородино, Ней незамедлительно получил титул князя Московского. Это произошло вечером 7 сентября.

После разгрома Наполеона был арестован и расстрелян по приговору военного суда.

В родственных связях с Рюриковичами и Романовыми не состоял.

ТАТЬЯНА ЛАБЗИНА



Одна из атак 3-го корпуса, которую возглавил М. Ней, посвящена гравюра Кенига по живописному оригиналу К. Ланглуа «Битва под Москвой» (1829).

Род НЕЕВ

Мишель Ней
1769~1815
маршал Франции с 1804
1 герцог Эльхингенский
1808~1815
1 принц Московский
1812~1815

Жозеф Наполеон Ней
1803~1857
2 принц Моск.
1815~1857

Мишель Луи Феликс Ней
1804~1854
2 герцог Эльх.
1815~1854

Эдгар Ней
1812~1882
3 принц Моск.
1857~1882

Мишель Ней
1835~1881
3 герцог Эльх.
1815~1881

Наполеон Ней
1870~1928
4 герцог Эльх.
1881~1882
4 принц Моск.
1882~1928

Цецилия
принц
Иоахим Мюрат

Шарль Ней
1873~1933
5 герцог Э.
1882~1933
5 принц М.
1928~1933

Виолетта
принц
Евгений Мюрат

Мишель Ней
1905~
6 герцог Эльх.
1933~
6 принц Моск.

Худ. Евдокимкин В.

Герой? Разбойник?

Я знаком с несколькими версиями истории партизанской войны в 1812 году. Почти в каждой работе натыкаешься на прямые аналогии с подвигами героев Великой Отечественной и всепобеждающую «дубину народной войны». Так ли это на самом деле? И еще. Доводилось слышать, что и всесильный начальник III отделения Александр Христофорович Бенкендорф был в свое время партизаном. Правильна ли эта информация?

Л. Лаптев (Тамбовская обл.)

Принято считать, что партизанская война являлась в России большой новостью и началась якобы с Дениса Давыдова. Тем не менее, в военных кругах имели довольно четкое представление о правилах ведения такого рода боевых действий. Но многие принимали партизан в штыки, так как видели в них *«лишь пагубную систему раздробительного действия армии»*. В результате была оставлена без внимания «Записка», составленная перед Отечественной войной полковником Чуйкевичем, излагавшая различные способы ведения партизанских действий на территории России. Накануне нашествия Наполеона в России издавались и специальные работы по партизанским действиям. Так, в 1811 году была опубликована на русском языке «Малая война», написанная прусским полковником Валентини. Есть основание предполагать, что сочинение Валентини было широко известно в среде русского офицерства. Например, П. И. Багратион собственноручно составил инструкцию Д. Давыдову, направлявшемуся в тыл неприятелю, текст которой почти дословно повторял фразы, рекомендуемые Валентини для составления «оправдательного листа», позволяющего командиру отряда в случае необходимости сжигать дома, уничтожать переправы и мосты, травить посевы и т. д. Багратион брал ответственность за действия Д. Давыдова на себя, согласно правилам, хотя и не изложенным в параграфах Устава, но уже примененным на практике.

Кутузов связал начало «Малой войны» с пребыванием французов в Москве. Согласно его взглядам, «Малая война» включала в себя боевые действия, которые велись небольшими силами в период затишья между сражениями, когда главные силы русской армии стояли лагерем при Тарутине. В отличие от историков, которые до сего дня не решили, кто стал первым партизаном — Д. В. Давыдов или Ф. Ф. Винценгероде, Кутузов в своей переписке называл "зачинателем" «Малой войны» И. М. Вадбольского. Даже своего зятя Н. Д. Кудашева Кутузов послал «разбойничать» на коммуникациях противника.

Несмотря на огромное количество источников, до сих пор не оценен реальный вклад армейских партизан в поражение неприятеля в 1812 году. Неоднозначно можно судить о взаимоотношениях армейских и крестьянских партизан. Армейские отряды играли не только организующую, но и подавляющую роль, удерживая в повиновении русскому правительству народные низы, находившиеся на занятой неприятелем территории. Специальные обобщающие исследования по этой теме еще не написаны. Армейских партизан часто смешивают со стихийным народным движением. Историки ограничиваются простым перечислением подвигов избранной группы героев-партизан — Давыдова, Сеславина, Фигнера (лишь изредка упоминаются И. С. Дорохов, И. М. Вадбольский, Ф. Ф. Винценгероде, Н. Д. Кудашев, А. Х. Бенкендорф).

Л. И.

Крестная сила

ДУХОВЕНСТВО В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Участие духовенства в Отечественной войне 1812 года относится к одной из ярких и незаслуженно обойденных вниманием исследователей страниц истории нашей родины. Предлагаемые читателям документы извлечены из дел Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) Санкт-Петербурга.

Святейшего Правительствующего Синода и Комиссии духовных училищ члену, Армии и Флота обер-священнику и Св. Анны I класса кавалеру Иоаину Семеновичу Державину
Армейской семинарии ученика риторики
Василий Янковского

Покорнейшее прошение[1]

При чтении Высочайших манифестов Его Императорского Величества и призываний Святейшего Правительствующего Синода сердце мое не могло быть хладнокровно, без особенных чувствий. Я ощутил неизъяснимое рвение лететь на поле брани, туда, где решается судьба всеобщего нашего благоденствия, лететь, презирая все будущие опасности. Кровь моя кипит на защиту православной веры, любезного отечества и славы знаменитейших наших предков. Подобно им умру или возвращусь с лавром приятнейшей победы для сограждан моих. Ваше преподобие, это в Вашей власти. Позвольте сие мое желаемое и, как думаю, самое полезное и справедливое предприятие привесть охотно к окончанию.

1812 года, июля 16-го[2].

Господину генерал-фельдмаршалу М. И. Кутузову — генерала-лейтенанта кн. [Д. В.] Голицына 5-го[3].
Рапорт

Генерал-майор Бороздин [Н. М.], командующий под повелением моим в сражении бывшем 26 августа под селением Бородиным, рапортом донес мне, что лейб-гвардии Его Императорского Величества полка полковой священник Василий Ростовецкий при самом начале дела был пред полком в пристойном сану его положении, отслужа молебен Господу Богу и сказав пристояную речь, остался во все время сражения пред полком и исполнял долг свой, приобщая умирающих от ран и трудно раненных. Несмотря на бывшее тогда жестокое около него сражение и сильный огонь, остался до окончания оного и тем подавал пример мужества сражающимся, чему как и сам он, так и вступивший в командование полком после ранения шефа и командира подполковник Костин были личными свидетелями. За что и испрашивает ему, Ростовецкому, монаршего награждения. Я сам, будучи несколько раз личным в сем случае свидетелем прописанной ревности и усердия оного священника в исполнении своего долга и неотлучность пребывания во все времена сражения при полку, почтеннейше представляя о сем Вашей светлости, прошу о награждении священника Ростовецкого за ревностный подвиг и неустрашимость золотым крестом на Георгиевской ленте.

Октября 27 дня 1812 года
На подлинном подписав
генерал-лейтенант князь Голицын.

Милостивый господин мой Иван Семенович [Державин][4].

Генерал-адъютант князь Волконский [П. М.] сообщил мне, что государь император по представлению господина генерала-фельдмаршала князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова Смоленского всемилостивейше изволил пожаловать орден Св. Великомученика Георгия 4 класса священнику 19-го егерского полка Василию Васильковскому[5] за то, что он находясь в сражении при Малоярославце шел впереди полка и примером своего мужества поощрял воинов к быстрому поражению неприятеля, причем он получил рану пулею в голову. Сверх того, отличился он подобным же поступком в сражении при городе Витебске, где тоже ранен в ногу.

Я долгом считаю уведомить Вас, милостивый государь мой, имея честь быть с истинным почтением Вашего высокопреподобия слуга,

князь А. Н. Голицын[6].
Марта 27 дня 1813 г.

Список[7]
Священников разных полков, награжденных медалями[8] **в память 1812 г., установленными за бытиость их того года в сражениях.**

Пехотных полков
1. Минского — Иоаким Шатикович
2. Софийского — Стефаний Пармакович
3. Бутырского — Василий Галченко
4. Томского — Никифор Дмитровский
5. Тобольского — Федор Сперанский
6. Черниговского — Иоан Радышевский
7. Селенгинского — Иоан Еланский
8. Мингрельского — Иоан Богославский
Егерских
9. 18-го — Улиян Заморской
10. 50-го — Иоан Цветаев
11. 34-го — Фирс Никифоровский
12. Мариупольского гусарского полка — Савва Стрелецкий

Ноября 15 дня 1817 года...

Наряду с награждением участников сражений Отечественной войны и заграничных походов 1813—1814 годов серебряными медалями в память 1812 года, по именному императорскому указу от 30 августа 1814 года для священнослужителей, отправляющих церковные службы во все время войны, был учрежден бронзовый наперсный крест на Владимирской ленте. По нашим подсчетам им награждены 244 священника военно-духовного ведомства[9].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЦГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2246. Л. 2—2 об.
2. 13 августа 1812 года В. Янковский и еще 6 добровольцев из числа учеников и студентов армейской семинарии были зачислены унтер-офицерами в Воронежский пехотный полк, в составе которого прошли с боями до Парижа.
3. ЦГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2442. Л. 6—6 об.
4. ЦГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 2446. Л. 1—1 об.
5. В. Васильковский скончался от ран в 1814 году. Считается 1-м кавалером ордена Св. Георгия 4 класса среди священнослужителей.
6. А. Н. Голицын занимал пост обер-прокурора Синода.
7. ЦГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 3116. Л. 2—3 об.
8. Медали в память 1812 года были учреждены именным указом от 22 декабря 1812 года.
9. ЦГИА. Ф. 806. Оп. 1. Д. 3231. Л. 4—11 об.

Публикация **ВИКТОРА ЦВИРКУНА**
(Молдова, Кишинев)

ГАЛИНА ГЕРАСИМОВА

ЭВАКУИРОВАННЫЙ СУВОРОВ

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ БУДНИ ПЕТЕРБУРГА



Лето 1812 года выдалось теплым. Так, утро 12 июня в Петербурге было тихим и немного туманным. Воздух постепенно прогревался, и температура с 18 градусов утром поднялась к полудню до 27. В течение дня ветер был очень слабым, а «сияние солнца», писали газеты, продолжалось «до самого заката».

Открыв популярную «Северную почту», обыватель мог прочитать, что *«с началом здесь навигации привезено сюда множество иностранных товаров и фруктов. Мы с удовольствием видим, что разносчики по-прежнему стали теперь носить по улицам апельсины и лимоны; на кофе цена весьма понизилась...»*

Лишь спустя шесть дней в столице было объявлено о начале французской стороной военных действий. Сообщение это не явилось полной неожиданностью для петербуржцев. Наступления «великих событий» ожидали — «ввиду несомнительных признаков страшной и близкой войны». Во всех слоях общества, как сообщал хроникер, *«одно, одно только высказывалось: желание борьбы, надежда на успех, на возрождение отечественного достоинства и славы имени русского»*. Вместе с тем, были и говорившие о непосильности предстоящей борьбы, *«но их было очень мало, и их считали трусами»*.

Первое время все известия из армии (а они стали регулярно публиковаться в «Северной почте» и «Санкт-Петербургских ведомостях») *«сообщали о ее отступлении в глубь страны»*.

В день своего тезоименитства, 30 августа, Александр I получил известие о генеральном сражении, данном 26 августа. Бородинскую битву торжествовали как великую победу. Однако воодушевление, распространившееся в столице, продолжалось недолго, поскольку вскоре, как писала та же «Северная почта», *«с крайнею и сокрушающею сердце каждого сына отечества печалию»* возвещено было, *«что неприятель сентября 3 числа вступил в Москву»*.

Граф Федор Петрович Толстой — медальер, скульптор, живописец, график, создавший в память Отечественной войны 21 медальон,— вспоминал позднее, что известие о вступлении неприятеля в Первопрестольную «привело в большое уныние нашу столицу». В то же время, другой мемуарист приводит ходившую по Петербургу солдатскую песню, сочиненную вслед за оставлением Москвы:

Град Москва в руках французов.
Это, право, не беда:
Наш фельдмаршал князь Кутузов
Отплатить готов всегда...

Но еще 4 июля в письме графу Н. И. Салтыкову Александр I высказывал серьезные опасения *«о возможности неприятеля пробраться до Петербурга»*. В этой связи император обращал внимание на тщательную подготовку к эвакуации (он считал, что *«до прибытия неприятеля в Петербург дней двадцать необходимо пройдет»*), полагая, что *«второпях сие будет сделано с замешательством и неосновательно»*. Александр составил *«реестр того, что... на первый случай на память пришло»*.

Открывали реестр высшие государственные учреждения и их архивы, «из придворного ведомства» — золотая и серебряная посуда, коллекции Эрмитажа. В списке значился даже *«Сестрорецкий завод с мастеровыми и теми машинами, которые можно будет забрать»*. Предлагалось обдумать вывоз из города «воскового изображения» Петра I, вещи последнего из Монплезира. Александр *«думал также разобрать бережно дом его [Петра], возле крепости [Петропавловской] стоящий»*. Не забыты были и трофеи, хранящиеся в Петропавловской крепости, арсенале; ценности из церквей. Заключали реестр статуя Суворова с Царицынского луга и *«лучшие мраморные статуи из Таврического дворца»*. Александр считал, что все вывозимое следует направлять в Казань, *«куда и императорская фамилия может отправиться в нужном случае»* (чуть позднее, правда, императрица Мария Федоровна говорила, что *«мы все [царская семья] уезжаем в Архангельск»*, а один из мемуаристов считал Вятку *«убежищем [жителей Петербурга] в критический момент»*.

К *«драгоценностям, с которыми не хотим расставаться»*, император причисляет *«обе статуи Петра I-го: большую и ту, которая перед Михайловским замком»*. Организацией вывоза наиболее значимого из столицы занимался князь А. Н. Голицын. Известна легенда, как во время приготовлений к эвакуации памятника Петру работы Фальконе к Голицыну пришел почт-директор Булгаков и рассказал, что во сне ему привиделся оживший «медный всадник», который, встретив на Каменном острове Александра I, изрек: «Бедствие великое грозит тебе; но не бойся за Петербург: я храню его, и доколе я здесь — мой город безопасен». Услышав это, Голицын «решил оставить бронзовое изваяние Петра, как хранителя столицы».

Из Петербурга стали увозить книги Публичной библиотеки; *«сделано было... приготовление вывозить... весь минералогический кабинет и другие драгоценности»* из Горного корпуса. Мероприятия по вывозу из столицы «нужных вещей» не могли остаться незамеченными, и, во избежание паники, вредных слухов и непредсказуемых действий горожан, 20 сентября опубликовано было «по высочайшему повелению» разъяснение, отмечавшее, что *«здешнему городу не предстоит никакой опасности»*, а «некоторые меры» по эвакуации предпринимаются *«единственно для заблаговременной предосторожности, предупреждая замерзание рек»*. Подчеркивалось, что *«промышление о предосторожности не долженствует наводить ни страха, ни уныния»*.

Каким бы сложным и даже драматичным ни представлялось тогда положение Петербурга, город тем не менее оставался столицей Российской империи. Здесь должны были решаться и решались насущные вопросы не только внутренней, но и внешней политики. Сложное внешнеполитическое состояние государства накануне наполеоновского вторжения известно. Россия имела основания опасаться враждебных действий не только с запада.

Лишь в середине июля в Петербург пришло известие о подписании так необходимого мира с Турцией. В воскресенье, 14 июля, *«празднование мира с Портою Оттоманскою возвещено было здесь при восхождении солнца двадцатью одним выстрелом из пушек с крепости»*. В Казанском соборе митрополит Амвросий совершал Божественную литургию, а на *«обеденный стол в Таврический дворец были приглашены обоего пола знатные особы. К вечеру весь город был иллюминирован»*.

В середине двенадцатого года *«пресеклись наши сношения почти со всеми европейскими державами»*. Петербург покидали многие зарубежные дипломатические представители. В конце июня, к примеру, к «отъезжающим» были причислены: *«Граф Буше-Гюннефельдт, Королевско-Вестфальский Чрезвычайный посланник и Уполномоченный министр, с своею фамилиею... и со своими служителями...; Граф фон Фроберг, Королевско-Вюртембергский министр, с советником посольства, частным секретарем и со служителями»*.

В свою очередь, российские представители оставались лишь в считанных странах мира.

Но постепенно усилия дипломатов (подкреплявшиеся со временем военными успехами) привели к возобновлению отношений с другими державами.

27 августа Александр I принял «кредитивную грамоту» от великобританского чрезвычайного посла и полномочного министра лорда Каткарта. А за три недели до этого было сообщено о восстановлении мира с Англией. Манифест «о взаимном размене ратификаций» этого договора состоялся 12 сентября. Союзные договоры были подписаны с Испанией и Швецией.

Наступало время *«выбрать и назначить новых представителей государя в чужих краях»*. К «Великобританскому двору» отъехал граф Лнвен; к «королю Гишпанскому Фердинанду VII» — Татищев; а барон Строганов направился в Швецию.

Аполлинарий Петрович Бутенев, бывший в начале войны в качестве дипломатического чиновника при штабе Багратиона, вернулся в столицу после трехмесячного отсутствия. Облик города показался ему значительно изменившимся. *«Движение на улицах не убавилось, соблюдалась та же чистота... и дрожек было не меньше прежнего; но красивых карет и колясок встречалось уже не так много... по улицам ходили отряды ополченцев... в грубых сермягах, с крестом на серой*

шапке, с простым топором за поясом или в руке с длинною казацкою пикою... иные были снабжены казенными ружьями и достаточно обучены для содержания караулов и отправления гарнизонной службы... Их сельская одежда и вооружение кололи глаз непривычному зрителю в нарядной и великолепной столице нашей».

Эти строки относятся к самым первым числам сентября — накануне выступления из Петербурга ополчения. Начало формирования его в столице относится к середине июля. Принимал и инспектировал тогда ополченцев нередко сам Кутузов.

В начале войны Михаил Илларионович был в отставке; он узнал о неприятельском вторжении в Виленской губернии, в своем поместье Горошки. И хотя никто еще генерала в столицу не звал, он выехал в Петербург. 17 июля на него было возложено *«звание Главного начальника Санкт-Петербургского ополчения».* Его адъютант потом вспоминал, что ополчением Кутузов *«занимался... от всей души, присутствовал при приеме ратников, вооружении и обмундировании их, делал лично наставления... Глядя на него, когда он с важностью заседал в Казенной палате и Комитетах Ополчения и входил во все подробности формирования бородатых воинов, можно было подумать, что он никогда не стоял на высоких ступенях почестей и славы... не предводительствовал армиями...»*

Между тем проблема главнокомандующего требовала неотложного решения. 8 августа государь повелел *«генералу от инфантерии князю Кутузову [в княжеское достоинство он был возведен в конце июля]... быть главнокомандующим над всеми армиями нашими».* А спустя полтора месяца император писал сестре, что в Петербурге *«я нашел все умы настроенными за назначение старого Кутузова: это мнение было всеобщим...»*

11 августа светлейший князь Голенищев-Кутузов выехал к армии.

...После горестных известий первого периода войны *«победные крики из-под Тарутино,—* писал современник,— *внезапно прояснили лица петербургских жителей».* Теперь почти ежедневно в столице получали «приятные известия» из армии, а 25 декабря, в первый день праздника Рождества Христова, в столице был подписан царский Манифест об освобождении страны от французов. В эти же дни Кутузов пишет: *«Война окончилась за полным истреблением неприятеля».*

Прошедшая война не оставила в стороне представителей всех сословий тогдашнего Петербурга. Купцы, мещане, ремесленники внесли свой вклад в формирование ополчения (кто деньгами, кто вещевыми пожертвованиями, кто личным участием). Значительны были денежные пожертвования столичного духовенства. Особо крупные суммы денег на устройство ополчения поступали от дворян.

В сентябре содержавшиеся в городской тюрьме арестанты объявили свое *«желание вступить в военную службу, с тем, чтоб их употребить в первое дело против неприятеля».* На это, по докладу министра юстиции И. И. Дмитриева, император «повелеть соизволил» людей *«простого состояния, судимых за побег, составление фальшивых паспортов, отпускных и т. п. ... отправить немедленно в полки действующей армии против неприятеля».*

Великий князь Константин Павлович, с трудом выдворенный из штаба Беннигсена, тоже решил внести свой вклад в формирование ополчения. Он предоставил 126 лошадей, *«полагая за каждую 225 рублей».* Экономический комитет ополчения нашел, что *«лошади оных не стоят»,* но император приказал лошадей принять. По свидетельству жены тогдашнего Петербургского гражданского губернатора, В. И. Бакуниной, *«45 сапатых застрелены немедленно, чтобы не заразить других, 55 негодных велено продать за что бы то ни было, а 26 причислены в полк».*

Обе императрицы сократили потребление положенных им сумм, *«представляя... что нужно помогать раненым и сиротам».*

Под покровительством императрицы Елизаветы Алексеевны в столице было учреждено «Патриотическое женское общество», целью которого объявлялось *«вспомоществование бедным, от войны пострадавшим, равномерно женам и детям, коих мужья и отцы, находясь на войне, не могут пропитать семейств своих, и вообще всем, никаких способов к содержанию себя не имеющих».* В начале декабря в этом Обществе было почти 100 человек.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна заботилась *«о доставлении возможных пособий пострадавшим от нашествия неприятеля губерниям, покинувшим Москву и разоренным жителям оной, равно как нашим раненым воинам».* Она же распорядилась открыть в Мариинской больнице для бедных особое отделение на 50 кроватей для раненых офицеров, предоставив на это из собственных средств 3 тысячи рублей.

Непосредственным откликом на события войны стали листы политической сатиры, создававшиеся в Петербурге Венециановым, Ивановым и Теребеневым. *«В Петербурге... придумано было новое средство к возбуждению народа против врагов»,—* вспоминал известный русский актер П. А. Каратыгин. Начали *«рисовать и печатать карикатуры на Наполеона и стали кипами рассылать их по всей России. Там вприсядку пляшет Наполеон под русскую дудку, там голодные воины его варят вороний суп. Некто Теребенев прославился в этом деле и в это время. Русские от души начали смеяться».*

Иван Иванович Теребенев, прежде известный в Петербурге как автор декоративной скульптуры для столичного Адмиралтейства, выполнил с начала войны 50 карикатур. При этом он сочинял к ним краткие рифмованные тексты, высмеивавшие французскую армию, прославлявшие храбрость русских солдат. Другому художнику-карикатуристу Андрею Ивановичу Иванову принадлежат 7 сатирических листов на темы Отечественной войны; он же был первым иллюстратором написанного в разгар военных действий стихотворения В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов». Известный русский художник и общественный деятель Алексей Гаврилович Венецианов, организовавший в свое время выпуск «Журнала карикатур», в период 1812—1813 годов создал 24 сатирических листа. На одном из рисунков — ополченец, возвращающийся домой с нанизанными на штык фигурками французских солдат. К рисунку дан шутливый текст: *«Русский ратник, домой возвращаясь, для куриозу ребятишкам бирюлек принес».*

Петербургские же ратники возвращались в столицу в середине июня 1814 года. Ровно через два года после начала войны ополченцы прибыли на Исаакиевскую площадь. Здесь в начале сентября двенадцатого года они принимали свое знамя. Теперь, как писал очевидец, ополченцы *«с гордостью могли сказать, что не постыдили его».*

СЛУХАМИ МОСКВА ПОЛНИТСЯ

Из «осведомительных донесений» московского обер-полицмейстера П. А. Ивашкина

В личном архиве министра полиции А. Д. Балашева сохранилось 11 «осведомительных донесений» московского обер-полицмейстера, генерал-майора Петра Алексеевича Ивашкина, датированных августом — сентябрем 1812 года,— потаенная хроника общественных умонастроений, молвы, военных известий, политических событий, городских происшествий и т. д. Удивительно, но этот уникальный в своем роде источник о повседневной жизни Москвы того времени не привлек к себе внимания историков ни в прошлом, ни в нынешнем веке.

Глава столичной полиции с 1811 года, Ивашкин располагал несравненными по достоверности сведениями о происходившем здесь в 1812 году, но в своих оценках был достаточно трезв и беспристрастен, невзирая на то, что среди «персонажей» его донесений были влиятельные сановники, знаменитые военачальники и сам московский генерал-губернатор (кстати, он не был посвящен в то, что сообщал в Петербург его подчиненный). В одном из своих посланий А. Д. Балашеву Ивашкин писал: «Что я Вашему превосходительству докладываю,— совершенная правда» [1]. И действительно, его донесения выгодно отличаются от официальных писем за 1812 год Ф. В. Ростопчина, не знавшего меры в своей гневливости и оттого предельно тенденциозно освещавшего состояние дел во вверенном ему городе. Желчный и нетерпимый, он оставил в своих воспоминаниях уничтожающие характеристики почти всех сотрудников московской администрации, с которыми имел дело в 1812 году, но об Ивашкине отзывается сравнительно сдержанно и даже с некоторым уважением: *«Начальник полиции генерал-майор Ивашкин — человек честный, но слишком кроткий, состоявший под влиянием жены, боязливый и плохого здоровья, но точный в исполнении приказаний»* [2].

Из «осведомительных донесений» Ивашкина публикуются ниже три отрывка, живо и непосредственно передающие напряженность общественной атмосферы в преддверии нависшей над городом угрозы. Читатель узнает о распространившихся к середине августа 1812 года страшных слухах об измене М. Б. Барклая де Толли — прямом следствии сдачи им Смоленска — и о замене его на посту главнокомандующего 1-й армией Л. Л. Беннигсеном, о надеждах москвичей на возвращение в Москву в это трудное для государства время Александра I и об упованиях на то, что Кутузов «Москву охранит».

Но, пожалуй, наиболее примечательно в донесении от 19 августа сообщение о недовольстве П. И. Багратиона назначением главнокомандующим всеми русскими армиями Кутузова. Вопреки бытующим в исторической литературе представлениям о чуть ли не идиллических между ними отношениях в 1812 году, Багратион, сам претендовавший на пост единого главнокомандующего, весьма недружелюбно воспринял назначение Кутузова, хотя высказывался на сей счет лишь в конфиденциальных письмах к особо доверенным лицам. Откликаясь на только что полученный рескрипт царя об определении Кутузова в армию, 16 августа, накануне его прибытия в Царево Займище, Багратион в раздраженно-запальчивом тоне, не стесняясь в выражениях, писал Ростопчину: *«Хорош и сей гусь, который назван и князем, и вождем. Если особенного повеления он не имеет, чтобы наступать, я вас уверяю, что тоже приведет к вам, как и Барклай (...) Я рад: с плеча долой ответственность, теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабьи и интриги. Я думаю, что и к миру он весьма близкий человек, для того его и послали сюда»* [3]. Позднее Ростопчин вспоминал, что в то время, как *«Барклай — образец субординации — молча перенес уничижение, скрыл свою скорбь и продолжал служить с прежним усердием, Багратион, напротив того, вышел из всяких мер приличия и, сообщая мне письмом о прибытии Кутузова, называл его мошенником, способным изменить за деньги»* [4].

Теперь же, благодаря донесению Ивашкина, выясняется то, чего мы и не предполагали: вражда Багратиона к Кутузову в те же дни получила общественную огласку.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив Спб. филиала Института Российской истории РАН. Ф. 16. Карт. 8. Пакет 229. № 49.
2. Русская старина. 1889. № 12. С. 657.
3. Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812—1815). Спб., 1882. С. 101.
4. Русская старина. 1889. № 12. С. 693.

ДОСЬЕ ВОЙНЫ

П. А. Ивашкин — А. Д. Балашеву
12 августа 1812 года **Москва**

10 августа полученное от к. Багратиона известие, что неприятель в Смоленске и главная ваша квартера в Дорогобуже, привело жителей в чрезмерный страх и уныние, многие празно здесь живущие збираются из Москвы выехать наудачу. В сем деле приписывают военному министру, что не умел распорядить войска, а некоторые полагают, что он изменил и нельзя верить, чтоб можно было отдать Смоленск неприятелю. Все единодушно обрадованы, что князь Кутузов назначен начальником армии в надежде, что он охранит Москву.

С нетерпением ожидаем прибытия Государя Императора в Москву, надеясь, что Ваше превосходительство сюда пожалуете. При теперешнем случае очень нужно императорское здесь пребывание (...)

До сих пор благодаря Бога в народе смирно (...)

Архив СПб филиала ИРИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Карт. 8. Пакет 229. № 38.

15 августа 1812 года **Москва**

Из Москвы чрезмерно много выезжают, более всех едут на Ерославль, Казань и Нижнее. Вчерашнее известие о военных действиях, привезенное адъютантом военного министра Левенштерном, некоторых посевшым выездом остановило.

Говорят, что в военном совете положено севоднишней день дать генеральную баталию и будто ето не по желанию военного министра, о котором генерально все говорят, что он изменил и на место ево назначен командиром в Первую армию Бенексон (...)

До сих пор благодарение Бога в народе спокойно (...)

Архив СПб филиала ИРИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Карт. 8. Пакет 229. № 39.

19 августа 1812 года **Москва**

На сих днях московские жители были в совершенном страхе. Что военный министр уступил неприятелю Дорогобуж и отступил к Вязьме. На вчерашний день услышали, что князь М. Л. Кутузов прибыл к армии и все чрезмерно обрадовались и выезжать из города остановились, быв в твердом уповании, что он спасет Москву.

Господин главнокомандующий приказал изготовить барку, в которой по приложенному у сего реестру отправить в Нижний иностранцев.

Князь Петр Иванович Багратион очень недоволен, что ему дали Начальника, он щитал, что ему отдадут в команду все армии, я слышал, что он об оном писал к своим знакомым.

Архив СПб филиала ИРИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Карт. 8. Пакет 229. № 40.

Предисловие и публикация
А. ТАРТАКОВСКОГО

АНДРЕЙ ТАРТАКОВСКИЙ,
доктор исторических наук

ОБМАНУТЫЙ ГЕРОСТРАТ

РОСТОПЧИН И ПОЖАР МОСКВЫ

Московский пожар 1812 года... Трудно найти в отечественной истории событие, овеянное такой густой дымкой противоречивых легенд. Еще не окончилась война, а правительственная и церковная пропаганда обвинила в сожжении Москвы Наполеона. В противовес этому, в общественной мысли, поэзии, искусстве, мемуаристике пустила глубокие корни версия о самочинных поджогах города русскими — «очистительной жертве за спасение целого народа» (В. Г. Белинский). Высказывалось мнение о заинтересованности в поджогах — во имя неких высших стратегических целей — Кутузова. Получила распространение и версия о стихийном — без чьего-либо преднамеренного умысла — возникновении пожара, художественно воплощенная в великой толстовской эпопее. Между тем, с исторической точки зрения, ни одно из этих разноречивых мнений не может считаться сколько-нибудь доказанным — и по сегодня актуальны слова современника тех событий о «неразгаданной тайне московского пожара»..[1]

Зададимся все-таки вопросом: что же явилось причиной начальных поджогов?

В первых же изданных в горящей Москве бюллетенях Наполеон объявил их делом рук столичного губернатора Ф. В. Ростопчина: по заранее задуманному плану, вывезя из города «огнегасительный снаряд», при помощи своих подчиненных и освобожденных из тюрем уголовников он предал Москву пламени в момент вступления в нее Великой армии. Об этом же с поразительным единодушием свидетельствовали и многочисленные участники наполеоновского похода — мемуаристы и его будущие историки.

Однако в отечественной историографии роль Ростопчина в возникновении пожара представлялась не такой ясной и определенной. Правда, еще в 70-х годах прошлого века важные данные о его причастности к первым поджогам сообщил видный русский историк А. Н. Попов[2]. Но многие первостепенного значения мемуарные, эпистолярные и делопроизводственные источники, погребенные тогда в государственных и частных архивах, оказались ему недоступны и увидели свет лишь спустя десятилетия. После же смерти А. Н. Попова (1877) интерес к исследовательской разработке темы постепенно заглох. Так или иначе, но в 1918 году биограф Ростопчина А. Ельницкий писал о его причастности к пожару как о *«запутанном противоречивыми показаниями и свидетельствами историческом вопросе»*[3]. Таким же неясным он остается и поныне — советские историки большей частью отрицали причастность Ростопчина к пожару или вовсе этот вопрос не рассматривали.

Изрядную долю путаницы внес и сам Ростопчин, который уже после освобождения Москвы от французов и до самой смерти в январе 1826 года не раз менял оценки своей роли в этом событии во всякого рода высказываниях, рассчитанных на публичное распространение. В зависимости от общей политической конъюнктуры, от колебаний общественного мнения в России и Франции, а также в угоду своим честолюбивым устремлениям, он то объявлял Наполеона — в унисон с правительственной пропагандой — виновником пожара, то изображал себя его вдохновителем, в пылу патриотического самопожертвования готовым предать пламени древнюю столицу, то отрекался от славы поджигателя, возлагая всю ответственность на местных жителей, паливших без разбора городские строения.

Противоречивость высказываний Ростопчина создавала предпосылки и для разноголосицы мнений среди историков. Вырванными из контекста, разрозненными и всегда тенденциозными его оценками подкреплялись любые, порою даже диаметрально противоположные, версии.

Мы постараемся избежать этой односторонности и обратимся к свидетельствам Ростопчина, других должностных и частных лиц той эпохи, возникшим не ретроспективно, а синхронно событиям (или в близкое к ним время), памятуя об особой ценности для нас как свежих архивных материалов, так и тех источников, которые были опубликованы в конце XIX — начале XX века и до сих пор еще не привлекались для освещения темы.

«Не доставайся злодею»

На начальных этапах отступления русской армии мало кто в Москве мог помыслить, что не пройдет и нескольких недель, как она станет ареной вторжения наполеоновской армии. Лишь после того, как 10 августа сюда дошла весть о падении Смоленска, которая, по образному выражению С. Н. Глинки, *«огромила Москву»*[4], эта угроза обозначилась достаточно явственно. И только тогда в переписке Ростопчина возникает тема сожжения древней столицы.

12 августа в письме к П. И. Багратиону, мрачно оценивая перспективы развития военных действий после Смоленска, он пишет: *«Народ здешний, по верности к государю и любви к отечеству, решительно умрет у стен московских, а если Бог не поможет в его благом предприятии, то, следуя русскому обычаю: не доставайся злодею, обратит город в пепел, а Наполеон получит вместо добычи место, где стояла столица»*. 13 августа Ростопчин почти дословно повторяет то же в письме к министру полиции А. Д. Балашеву: *«Мнение народа есть следовать правилу: «не доставайся злодею». И если Провидению угодно будет, к вечному посрамлению России, чтоб злодей ее вступил в Москву, <u>то я почти уверен, что народ зажжет город</u> и отнимет у Наполеона предмет его алчности и способ наградить грабежом своих разбойников»*[5].

Одновременное обращение Ростопчина к столь высокопоставленным адресатам исполнено особого смысла. И не столь уже существенно, имели ли место в Москве летом 1812 года подобного рода «поджигательские» настроения или они были вымышлены Ростопчиным. Важнее другое: сама мысль о возможном сожжении Москвы сильно занимала его тогда, была им отчетливо сформулирована и осознана как соответствующая его собственным взглядам на судьбу столицы при вступлении в нее неприятеля. Именно так, кстати, и понял полученное им сообщение Багратион, связывавший инициативу вероятного истребления Москвы не с «народом здешним», а с самим Ростопчиным. *«Признаюсь, читая сию минуту ваше письмо,*— отвечал ему Багратион 14 августа,— *обливаюсь слезами от благодарности духа и чести вашей. Истинно так и надо: лучше предать огню, нежели неприятелю»*[6].

Неделю спустя, в письме к Багратиону от 21 августа, когда со дня на день ожидалось генеральное сражение под Москвой, Ростопчин еще раз со всей определенностью предрекает уготованную Москве участь: если неприятельские войска, одолев русских, приблизятся к городу, то сам выйдет к ним *«на подмогу со 100.000 вооруженных жителей, а если и тогда — неудача, то злодеям «вместо Москвы один пепел достанется»*. А в письме к Балашеву от 27 августа, отправленном сразу по получении известия об отходе русской армии с Бородинской позиции, он уже прямо пишет об этом как о своем намерении: *«если по нещастию столицы спасти нельзя будет, то я оставшееся предам огню»*[7].

Из обширной и хорошо сохранившейся переписки Ростопчина за 1812 год видно, что в августе никому другому, кроме названных выше лиц, об этом намерении он не сообщил, в том числе М. Б. Барклаю де Толли и М. И. Кутузову, которых, по обстоятельствам того времени, должен был бы известить в первую очередь. И в этом улавливается вполне продуманная тактика.

Задумав истребление Москвы в преддверии вторжения в нее неприятеля, Ростопчин, при всех своих властолюбиво-деспотических замашках, предпочитал на себя одного не брать ответственность за столь беспрецедентное предприятие.

Именно поэтому в письмах от 12 и 13 августа он и представил его осмотрительно не как свой собственный замысел, а как проявление стихийно возникшей решимости местных жителей — в случае отрицательной реакции командования армии и правительственных верхов он всегда мог иметь «алиби», прикрывшись «мнением народа». Но и при этом, без риска для престижа, Ростопчин должен был действовать лишь через людей, на которых всецело полагался.

В отличие от внутренне чуждого ему Барклая де Толли (с ним он поддерживал тогда хотя и уважительные, но сугубо деловые отношения) и Кутузова, с которым едва ли вообще был до того знаком, оба адресата цитированных выше писем были людьми, родственными ему по духу и положению в военно-аристократической иерархии. С Багратионом Ростопчин был близок еще с павловских времен по личным связям и по общему строю патриархально-крепостнических воззрений. Как свидетельствовала дочь Ростопчина, Н. Ф. Нарышкина, он *«горячо любил князя Багратиона и рассчитывал на него больше, чем на всех других генералов»*[8]. Тот же, в свою очередь, видя в Ростопчине своего единомышленника, высоко ценил его усилия на посту столичного губернатора. *«Истинный ты русский вождь и барин. Я тебя обожаю и давно чтил и чтить не перестану»* — такого рода признания не раз встречаются в его письмах к Ростопчину за 1812 год[9].

Балашев, незадолго до того принимавший деятельное участие в опале М. М. Сперанского — предмета ненависти и злобных нападок Ростопчина, был в окружении Александра I в 1812 году, пожалуй, наиболее доверенным его лицом. Характерно, что ни в одном из августовских писем к самому царю, где в предельно резких по откровенности тонах отзывался об угрозе занятия Москвы французами, Ростопчин ни разу не обмолвился о возможном истреблении ее русскими. И тут им двигал определенный расчет. Если бы Александр I выразил свое неодобрение, то руки Ростопчина оказались бы связаны, и сама возможность осуществления задуманного дела исключалась. Совсем не то было, когда он оповестил об этом Балашева — его он вообще подробно информировал о всем происходившем в Москве, тот же, со своей стороны, конфиденциально сообщал Ростопчину о важнейших военно-политических решениях Александра I и неизменно поддерживал перед царем ходатайства столичного губернатора. Поэтому для выяснения отношения к ростопчинскому замыслу в правительственных сферах Балашев и был как нельзя более подходящей фигурой.

На Поклонной горе

Наступило 1 сентября — канун сдачи Москвы.

К этому дню русские войска, теснимые неприятелем, вплотную подошли к городу, и в предельно накаленной обстановке в 10 часов утра Ростопчин отправился в штаб Кутузова для выяснения его ближайших планов. Об их встрече мы еще скажем далее. Сейчас же отметим только, что после нее Ростопчин оказался в центре горячих споров о возможности дать сражение у стен города. Здесь он вступил в разговор с командиром 4-й пехотной дивизии, генерал-майором принцем Евг. Вюртембергским, который в своих воспоминаниях так передает услышанное тогда от Ростопчина: *«Если бы меня спросили, то я ответил бы: разрушьте столицу, прежде чем уступить ее неприятелю»*, и сопроводил эту рекомендацию весьма примечательной оговоркой: *«Таково мое мнение как графа Ростопчина, но как губернатор, как человек, обязанный заботиться о благе столицы, конечно, я не могу дать этого совета»*[10].

Тут же Ростопчин увидел А. П. Ермолова и, отведя его в сторону, как пишет тот в своих записках, сказал: *«Если без боя оставите вы Москву, то вслед за собою увидите ее пылающею»*. Здесь Ермолов ростопчинских слов никак не комментирует, но далее, касаясь своего впечатления от охватившего город пожара, ясно указывает, что за ними скрывался собственный почин московского генерал-губернатора: *«Исполнил обещание свое граф Ростопчин»*. В другом варианте воспоминаний Ермолова слова Ростопчина, сказанные ему утром 1 сентября на Поклонной горе, звучат уже вполне утвердительно как выражение его личной решимости сжечь Москву: *«Лишь только вы ее оставите, она, по моему распоряжению, запылает позади вас»*[11]. Адъютант Ермолова П. Х. Граббе также помнил, что в разговоре с ним Ростопчин вел речь о собственном своем намерении *«принести для спасения России новую жертву»*[12].

Показания Евг. Вюртембергского и Ермолова единодушно свидетельствуют, таким образом, что 1 сентября на Поклонной горе Ростопчин высказывался в пользу этой акции, но несколько по-разному обрисовывают его позиции в беседе с каждым из них.

В разговоре с Евг. Вюртембергским он умалчивает о своем давно сложившемся замысле, строго отделяя пожелание сжечь Москву перед вражеским вторжением как мнение частного человека от точки зрения государственного лица — царского наместника в столице, который вообще не вправе давать подобные советы. Перед Ермоловым же Ростопчин не кривит душой и с завидной прямотой заявляет, что Москва будет предана пламени именно по его, Ростопчина, приказу, хотя прежде с ним никогда не встречался (*«до того гордый вельможа не знал меня»*,— подчеркивает в своих записках сам Ермолов этот немаловажный нюанс)[13].

И тут мы снова видим, как Ростопчин, хорошо осведомленный о взаимоотношениях генералов и положении дел в главной квартире, тонко рассчитывает свои ходы. Поездка на Поклонную гору была для него, вероятно, последним шансом прощупать настроения в армии относительно задуманной им акции.

Ведь кроме полученного еще в середине августа одобрительного отклика на нее Багратиона никакими иными сведениями о том, как воспринимается генералитетом его замысел, он не располагал. Обращаться же с этим на Поклонной горе непосредственно к Кутузову он, естественно, не решился.

Не случайно, поэтому, стремясь все же оказать на него какое-то воздействие, Ростопчин вступает в контакт с Евг. Вюртембергским — в ту пору одним из любимцев главнокомандующего. Но не будучи уверен, какая реакция может последовать от Кутузова, он и повел себя со своим собеседником крайне осторожно и уклончиво. В свете же того, что Багратион — единственный из генералов, кто до того поддерживал московского генерал-губернатора в вопросе о предстоящей участи Москвы,— был тяжело ранен в Бородине и как бы «вышел из игры», предельная откровенность Ростопчина с Ермоловым — боевым соратником и другом главнокомандующего 2-й армией — находит свое убедительное объяснение. Ростопчин, надо полагать, надеялся, что ему удастся склонить этого влиятельного генерала и других патриотически настроенных военачальников к идее добровольного пожертвования древней столицей. Его надежды не были столь уж тщетными.

Предупредительные меры

Вернемся теперь вместе с Ростопчиным с Поклонной горы в охваченную тревогой Москву и посмотрим, что же практически он сделал после того для осуществления своего замысла.

Выясним прежде всего, насколько правомерны в этом смысле обвинения в его адрес, впервые прозвучавшие еще в сентябре 1812 года в наполеоновских официозах.

Одно из них, как помним, касалось предусмотрительной эвакуации «огнегасительного снаряда». Историки, стремившиеся отвести от Ростопчина подозрения в причастности к пожару, считали, что вообще *«роль «огнегасительного» снаряда в масштабе событий ничтожна, и ее не следует преувеличивать»* [14]. Но именно «в масштабе событий» и вырисовывается подлинное ее значение, ибо, как было верно замечено, *«лишить город средств защиты от огня — значило готовить его к сожжению»* [15].

Вывоз под утро 2 сентября пожарных труб происходил при таком стечении покидавших Москву жителей и запечатлелся впоследствии в таком числе письменных свидетельств, что даже Ростопчин не мог обойти этого и в своих воспоминаниях признал, что, получив около 8 часов вечера 1 сентября сообщение Кутузова об оставлении столицы, приказал обер-полицмейстеру П. А. Ивашкину вывезти *«все 64 пожарные трубы с их принадлежностями»* [16]. Но в данном случае он явно грешил против истины, ибо «принадлежности»-то его менее всего беспокоили. В предписании Ивашкину от 1 сентября сам Ростопчин особо указал, *«чтоб пожарные команды немедленно были подготовлены к выступлению единственно только с трубами, а пожарные инструменты остаются здесь»*. В донесении Ивашкина министру полиции от 7 сентября тоже сказано, что Ростопчин распорядился отправить из города пожарную команду лишь *«с пожарными трубами, оставя прочие огнегасительные инструменты»* [17]. Такая избирательность может быть верно понята только в свете общей ориентации на лишение города возможностей борьбы с пожаром: в ту эпоху пожарные трубы, т. е. насосы для подачи воды, были основным средством тушения огня, остальной же пожарный инвентарь без насосов мало что мог дать.

Защитники Ростопчина, кроме того, полагали, что вывоз пожарных труб был для него такой же ординарной мерой, как эвакуация любого другого казенного имущества и ничего предосудительного усмотреть в том нельзя [18]. Напомним, однако, что в то время, когда вывозились пожарные трубы — а для этого потребовался не один десяток подвод,— из-за их нехватки в городе были оставлены неизмеримо более важные вещи: государственного значения архивы, дорогостоящая церковная утварь, большие суммы денег, артиллерийское и стрелковое оружие, боеприпасы. Наконец, были брошены на произвол судьбы тысячи русских раненых.

Подтверждается отчасти и другое обвинение, выдвинутое против Ростопчина французскими официозами и мемуаристами,— оно касается выпуска на свободу арестантов, как потенциальных поджигателей Москвы. Кстати, толки о том, что люди этого сорта привлекались Ростопчиным к поджогам, еще осенью 1812 года имели хождение среди пострадавших москвичей. Так, П. Лунин сообщил 18 сентября А. Арбеневу, ссылаясь на «достоверные известия», что *«в день входа неприятеля главнокомандующим и губернатором распущены были и отворены остроги находившимся в оных преступникам, кои, а не французы, грабят и жгут наши дома»*. А. Г. Хомутова вспомнила, что тогда *«никто не сомневался, что пожар был произведен по распоряжению графа Ростопчина: он приказал раздать факелы выпущенным колодникам, а его доверенные люди побуждали их к поджогу»* [19].

Между тем, и в официальной переписке 1812 года, и в публицистических выступлениях, и в воспоминаниях Ростопчин упорно отводил эти обвинения как *«нелепые»*, опровергая их тем, что еще перед оставлением города по его личному предписанию *«преступники»* из *«главной московской тюрьмы»* (т. е. Тюремного замка или острога) были отправлены в Нижний Новгород [20]. Действительно, сохранились документы, подтверждающие, что такое предписание Ростопчиным было отдано, и более 600 арестантов Тюремного замка отправлены из Москвы по назначению. Некоторые историки настолько доверились Ростопчину, что полагали вывоз из Москвы всех обитателей здешних тюрем не подлежащим никакому сомнению, и, таким образом, вопрос об их участии в поджогах отпадал как бы сам собой [21].

Дело, однако, в том, что в Москве тогда, помимо Тюремного замка в Бутырках, где отбывали свой срок осужденные за тяжкие преступления, была еще одна тюрьма — Временная (для подследственных и должников), расположенная у Кремля, на месте нынешнего Исторического музея. Вот участь ее обитателей Ростопчин и скрыл в своих позднейших показаниях.

Уже после войны, в 1813 году, Московский надворный суд решил разобраться в том, что же произошло при вступлении французов в столицу со всеми бывшими здесь арестантами. По сему поводу смотритель Временной тюрьмы Вельдман в апреле 1813 года доносил в Управу благочиния, что под утро 2 сентября *«прислан был по приказанию от его графского сиятельства господина Главнокомандующего адъютант Обрезков, который выпустил при себе всех содержавшихся во Временной тюрьме колодников»*. Заметим, что это было сделано в обход Ивашкина и вообще полицейских инстанций и совершенно неожиданно (еще накануне, 1 сентября, московский гражданский губернатор Н. В. Обрезков, выполняя указания Ростопчина, распорядился арестантов Временной тюрьмы в целях *«охраны и целости»* выпроводить под конвоем из Москвы [22]).

Почему же буквально перед самым выездом из Москвы, когда Ростопчин был обременен, казалось бы, куда более неотложными делами, он находит время вспомнить об арестантах Временной тюрьмы и вопреки ранее принятому решению поручает особо доверенному своему адъютанту В. А. Обрезкову (племяннику гражданского губернатора) лично выпустить их — здесь есть над чем задуматься! Столь спешные и таинственные действия Ростопчина — на фоне намеренного умалчивания о них впоследствии — несомненно обретают некий зловещий смысл. Так появляется еще один косвенный довод в пользу истинности подозрений на его счет. Но мы располагаем и неоспоримыми свидетельствами прямой причастности Ростопчина к организации поджогов.

Секретные инструкции

В 1912 году, в разгар празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны, в Петербурге вышли в свет на французском языке воспоминания дочери Ростопчина, Н. Ф. Нарышкиной (мы на них уже ссылались выше). Странным образом они остались незамеченными и тогда, и позднее (если не считать остро публицистической рецензии С. П. Мельгунова [23]).

Воспоминания, написанные в начале 1860-х годов, были основаны на ее собственных впечатлениях — дневниковых заметках того времени, рассказах самого Ростопчина и старшего брата Сергея — адъютанта Барклая де Толли, находившегося в момент оставления Москвы при отце.

Нарышкина рассказывает, как по наступлении ночи на 2 сентября в ростопчинский особняк на Лубянке *«полицмейстер Брокер привел несколько человек, одни из которых были горожанами, другие — чиновниками полиции. В кабинете отца состоялась тайная беседа в присутствии Брокера и моего брата»*. Приведенные люди *«получили точные инструкции о том, какие здания и кварталы следовало обратить в пепел сразу же после прохождения наших войск через город»*. Мемуаристка называет и *«скромное имя того чиновника, который первым начал осуществлять начертанный план,— это был Вороненко(...), смело приступивший к делу в 10 часов вечера, когда часть неприятельской армии заняла несколько кварталов города; в одно мгновение склады с припасами, нагруженные хлебом барки на реке, лавки со всевозможными товарами(...) — вся эта масса богатств стала добычей пламени, ветер распространил пожар, а так как отсутствовали насосы и пожарники, чтобы остановить огонь, жертва, вдохновленная велением момента, совершилась, и желание моего отца исполнилось»*(с. 168—169).

Замечательно, что этот захватывающий воображение рассказ в главных чертах подтверждается известными историкам данными, расходясь с ними лишь в незначительных деталях.

Прежде всего, упомянутые Нарышкиной лица — это не какие-либо мифические, вымышленные персонажи, а реально существовавшие сотрудники московской администрации, о которых сохранилось немало сведений в архивных и печатных источниках. А. Ф. Брокер был связан с семьей Ростопчина еще с 1790-х годов и, как только тот стал столичным генерал-губернатором, был назначен им на специально учрежденный пост 3-го полицмейстера — с тем, чтобы, по словам самого Ростопчина, *«иметь кого-либо надежного»*. В 1812 году Брокеру, как одному из наиболее доверенных лиц, поручались ответственнейшие и секретные полицейские поручения. Такое же положение при генерал-губернаторе занимал и квартальный надзиратель П. И. Вороненко. И он привлекался тогда к сугубо конфиденциальным делам, выходившим за пределы его непосредственных должностных обязанностей.

В 1836 году военный историк А. И. Михайловский-Данилевский, приступив к сбору материалов для заказанного Николаем I описания Отечественной войны, обратился в губернские учреждения, в том числе и московские, с просьбой присылать ему свидетельства участников событий того времени. Среди тех, кого удалось разыскать Московской управой благочиния, оказался и Вороненко, представивший записку о том, что он делал в 1812 при Ростопчине (ее копия сохранилась в бумагах историка). Среди прочего в ней говорилось: *«2 сентября в 5 часов пополуночи он же* (Ростопчин.— А. Т.) *поручил мне отправиться на Винный и Мытный дворы, в Комиссариат и на не успевшие к выходу казенные и партикулярные барки у Красного Холма и Симонова монастыря, и в случае внезапного вступления неприятельских войск, стараться истреблять все огнем, что мною исполнено было в разных местах по мере возможности в виду неприятеля до 10 часов вечера(...)»* [24]

Четверть века спустя Вороненко не был скован ни ведомственными отношениями той отдаленной эпохи, ни необходимостью сохранения служебной тайны, ни личным авторитетом Ростопчина, которого давно уже не было в живых. Тем большее доверие внушает его скупое и точное в подробностях показание, разительно совпадающее с воспоминаниями Нарышкиной. Достаточно взглянуть на карту Москвы 1812 года, чтобы понять, с каким размахом он действовал, планомерно поджигая в разных частях города значительно отдаленные друг от друга объекты,— они-то и явились, видимо, первыми очагами пожара. Естественно, что эти поджоги, производившиеся, по меньшей мере, в течение пяти часов после вступления в Москву наполеоновской армии и сопряженные с огромным риском, не могли быть физически осуществлены одним человеком. По свидетельству Нарышкиной, Вороненко выполнял поручение Ростопчина *«при содействии некоторых других лиц, имена которых, к сожалению, остались неизвестны»* (с. 181). Ныне мы можем кое-кого из них назвать. Причастны к сожжению Москвы были: следственный пристав, известный московский сыщик Г. Яковлев, частный пристав Арбатской части М. М. Щерба, частный пристав Городской части и еще ряд полицейских чиновников столицы [25].

Небезынтересны и дошедшие до нас признания самого Ростопчина, высказанные без расчета на какую-либо огласку, по горячим следам (еще до того, как он стал публично обличать в поджогах Наполеона). В воспоминаниях той же Нарышкиной приведены запечатлевшиеся в памяти и других потомков Ростопчина слова, сказанные им при выходе из Москвы утром 2 сентября сыну Сергею: *«Посмотри хорошо на этот город, ты видишь его в последний раз, еще несколько часов, и Москвы больше не будет — только пепел и прах»* (с. 175).

По высокопарно-патетическому тону этих слов и однозвучности самой семейной легенды можно было бы счесть их апокрифическими, если бы еще более откровенное признание того же порядка не содержалось в письме Ростопчина к жене, помеченном восемью часами утра 2 сентября. Историки обошли его своим вниманием, поскольку оно не было включено в известные публикации переписки Ростопчина с женой, подготовленные в свое время его младшим сыном А. Ф. Ростопчиным и П. И. Бартеневым. Ввиду саморазоблачительного характера этого письма ближайшие потомки московского генерал-губернатора, видимо, не спешили предать его огласке, и оно увидело свет лишь спустя столетие после событий — в издании все тех же воспоминаний Нарышкиной, затерявшись там среди других материалов.

Письмо Ростопчин отправил перед тем, как, закончив последние приготовления к отъезду, собирался выехать из губернаторского дома. Как ни готов он был к сдаче Москвы, но обстановка массового исхода из города местных жителей и оставления его русской армией глубоко потрясла его, повергнув в сильнейшее душевное смятение, которое явственно выразилось в послании к жене: *«Когда ты получишь это письмо, Москва будет превращена в пепел, да простят меня за то, что вознамерился поступать, как Римлянин, но если мы не сожжем город, мы разграбим его. Наполеон сделает это впоследствии — триумф, который я не хочу ему предоставлять»* (с. 171).

Строго говоря, одного этого письма было бы достаточно, чтобы считать решающую роль Ростопчина в сожжении Москвы окончательно доказанной.

Ростопчин и Кутузов

Но удалось ли Ростопчину осуществить свой замысел в том виде, в каком он был задуман им к концу августа? Чтобы ответить на этот вопрос, следует уяснить внутреннюю, скрытую его суть (выше он был реконструирован лишь с внешней стороны).

Вспомним, что в беседе с Евг. Вюртембергским Ростопчин советовал истребить *«столицу, прежде чем»* она будет уступлена неприятелю. Нарышкина также указывала, что, по его мнению, *«эффект, который мог бы произвести на французов пожар Москвы, был бы вдвойне страшен, если бы огонь вспыхнул перед входом туда Наполеона»* (с. 170). Стало быть, изначальный замысел Ростопчина состоял в сожжении Москвы *до* вступления в нее французов — с тем, чтобы не дать им сколько-нибудь долго продержаться здесь, выдворить их отсюда и таким способом ускорить развязку войны.

Но замысел этот имел под собой и более глубокие — идейно-психологические — основания. Они были связаны с распространенными в помещичьей среде и старинной аристократии представлениями об особой роли Москвы в событиях того времени.

В глазах Ростопчина падение Москвы — «сердца империи», оплота дворянского величия, символа русской государственности — было чревато катастрофой для складывавшегося веками строя, подрывом доверия к правящей династии и социальными потрясениями, от которых Россия никогда уже не оправится. В его переписке за август — октябрь 1812 года эти воззрения выразились с предельной четкостью и полнотой. *«С «впадением» Москвы в руки злодея,—* писал он Кутузову 19 августа,— *цепь, связывающая все мнение и укрепленная к престолу государей наших, разорвется, и общее рвение, разделясь на части, останется бездейственно. Народ русский есть самый благонамеренный. Никто не может отвечать за него, когда древняя столица сделается местом пребывания сильного, хитрого и щастливого неприятеля рода человеческого(...) Какого повиновения и ревности ожидать в губерниях, когда злодей издавать будет свои манифесты в Москве? Каким опасностям подвержен будет император(...)»* [26].

Из всех своих консервативно мысливших современников Ростопчин, пожалуй, с наибольшей — иногда даже преувеличенной — остротой ощущал угрозу крушения феодально-абсолютистских порядков от соприкосновения с наполеоновской армией, все еще остававшейся в сознании определенных слоев дворянского общества наследницей французской революции.

Борьбе с этой угрозой служила, в сущности, вся шумная антифранцузская и вообще ксенофобская пропаганда Ростопчина, взывавшая к суеверию и шовинистическим инстинктам городского простонародья, жестокое преследование исконно живших в Москве иностранцев, гонения на «мартинистов» и т. д.

Для предотвращения этой угрозы, для поддержания «общего рвения» Ростопчин был готов на самые крайние меры. Имея в виду принятый им в 1812 году общий план противодействия французскому влиянию, внук Ростопчина А. Сегюр пояснял: *«Чтобы привести его разом в действие, пожар был наиболее надежным и радикальным средством»* [27]. В этом смысле можно даже сказать, что сожжение Москвы было доведением до логического конца общих агрессивно-охранительных, исступленно-самовластных усилий московского генерал-губернатора в 1812 году.

Относясь к народу с аристократическим высокомерием и глубочайшим презрением как к тупой, грубой и нерассуждающей массе, податливой на всякую провокационную уловку, но не способной на осознанное чувство и самостоятельное патриотическое действие, Ростопчин всерьез полагал, что оно может быть возбуждено только извне, властью посредством какого-либо чрезвычайного, превосходящего все мыслимо возможное, акта. Демонстративное истребление Москвы перед лицом вторжения в нее неприятеля и являлось, на его взгляд, таким именно актом — сигналом беспримерного самопожертвования, пробуждающим в народе ожесточение и ненависть к захватчикам, ставящим преграду любым надеждам на примирение, любым попыткам Наполеона, как писал сам Ростопчин в брошюре-памфлете «Правда о пожаре Москвы», *«сблизиться с русскими, получить доверенность и, наконец, самые услуги»* [28].

Вот этот-то сокровенный замысел и вынашивал он в течение августа и вплоть до вечера 1 сентября был уверен, что ему в полной мере удастся претворить его в жизнь.

Однако тому неожиданно воспрепятствовал Кутузов, отводивший Москве в своих стратегических соображениях совсем не ту роль, какая была уготована ей Ростопчиным.

Кутузов не меньше его был озабочен судьбой древней солицы. Только утром 1 сентября, в результате военных совещаний на Поклонной горе, отвергнувших план нового сражения, Кутузов окончательно решил оставить столицу.

Для обеспечения в этих условиях перелома в ходе войны надо было первым делом оторваться от численно превосходившей и наседавшей со всех сторон наполеоновской армии, вывести русские войска из-под удара, приблизиться к резервам, базам и т. д. Для этого же следовало не просто продолжать отступление, а отступать именно к Москве и через Москву, ибо лишь вступление сюда Великой армии вызвало бы задержку в ее наступательном порыве. На предложение своих приближенных — минуя Москву, отвести войска на Калугу — Кутузов, по свидетельству его ординарца А. Б. Голицына, говорил 1 сентября: *«Вы боитесь отступления через Москву, а я смотрю на это как на Провидение, ибо она спасет армию. Наполеон подобен быстрому потоку, который мы сейчас не можем остановить. Москва — это губка, которая всосет его в себя»*. Идея Кутузова состояла в том, чтобы *«выиграть время и усыпить сколько можно далее Наполеона, не тревожа его из Москвы»* [29]. (Не забудем, что эта идея сформировалась еще до оставления Москвы, тогда же предугадать во всех деталях, как поведет себя Наполеон после вступления в нее, было, конечно, трудно; Кутузов, исходивший из худшего варианта развития событий, признавался в 1813 году тому же А. Б. Голицыну: *«Никто не мог предполагать, что он из упрямства так долго пробудет в Москве»* [30], да еще — добавим от себя — в уже сожженном городе, тщетно ожидая мира с русскими.)

Теперь ясно, что замысел Ростопчина — предать Москву пламени перед вступлением в нее французов (равно как и любые меры по ее сожжению) — вопиющим образом противоречил планам Кутузова, путая все его стратегические карты. Это не только ставило бы в тяжелейшее положение русские войска, воспрепятствовав их отступлению через Москву, но могло бы подтолкнуть Наполеона на совершенно непредсказуемые действия, и прежде всего вынудило бы его скорее выбраться из спаленного и опустевшего города.

Думается, что такая варварская акция вообще не могла импонировать Кутузову по всему его воспитанию, складу его мыслей, чувств и темперамента. Она должна была представляться не только вредной в военном отношении, но и безрассудно-фанатичной авантюрой, таящей в себе неисчислимые бедствия и потери для России,— слишком большой платой даже за те высокие цели, которые как будто бы ею преследовались.

Тем более что об этом замысле Ростопчина Кутузов не просто догадывался, но, как выясняется, располагал вполне точными данными.

Слухи на сей счет просачивались к московским жителям, а от них — в армию. Еще 19 августа 1812 года Д. М. Волконский отмечал в своем дневнике: *«Из Москвы множество выезжает и все в страхе, что все домы будут жечь»* [31]. П. А. Вяземский вспоминал, что накануне оставления Москвы *«о возможности предать город огню и такою встречею угостить победителя»* Ростопчин говорил Н. М. Карамзину и калужскому губернатору П. Н. Каверину [32].

И вряд ли Евг. Вюртембергский утаил от Кутузова совет

Ростопчина сжечь Москву, услышанный им утром 1 сентября на Поклонной горе. Более того, сохранились сведения, что еще в 20-х числах августа в штабных компаниях, в присутствии близких к главнокомандующему генералов и офицеров Багратион охотно читал письма к нему Ростопчина — от 12 и 21 августа, где, как помним, содержались весьма прозрачные намеки на его стремление предать Москву пламени [33]. Невозможно допустить, чтобы столь тревожные и грозные сведения не были доведены до Кутузова, да и сам Багратион не мог не сообщить их главнокомандующему.

Нет поэтому ничего удивительного в том, что, когда Ростопчин около полудня 1-го сентября появился на Поклонной горе,— а к тому времени решение Кутузова оставить Москву уже окончательно созрело,— он сделал все, чтобы дезориентировать Ростопчина относительно истинных своих намерений и сорвать его замысел. К тому же Кутузова не могла не настораживать манера поведения Ростопчина за те две недели, что он состоял с ним в переписке: его безответственные политические заявления, несбывшиеся обещания вооружить 80 тыс. ополченцев, ультимативные, дерзкие и вызывающие по тону угрозы действовать самочинно [34].

Содержание их беседы на Поклонной горе вырисовывается лишь из писем и позднейших воспоминаний самого Ростопчина (она происходила с глазу на глаз, а Кутузов никаких записей о ней не оставил). Опуская подробности, отметим только, что он дипломатически искусно усыпил бдительность крайне взволнованного Ростопчина, заверив его, что непременно даст у Москвы сражение Наполеону не раньше, чем на 3-й день, а в случае неудачи сразу же отойдет с войсками к Калуге [35].

В итоге поездки на Поклонную гору Ростопчин мог твердо надеяться, что для подготовки задуманной им акции остается еще достаточно времени и ничто уже не помешает ее реализации, раз русские войска, при вероятной неудаче, минуют Москву. А это еще более укрепило Ростопчина в убеждении, которое он разделял и раньше: что *«Москва будет сдана неприятелю только после большой битвы под стенами города»* [36].

Нельзя не прислушаться здесь к такому авторитетному очевидцу, как А. Б. Голицын: *«Ростопчин уехал в восхищении и в восторге своем, как ни был умен, но не разобрал, что в этих уверениях и распоряжениях Кутузова был потаенный смысл»* [37]. Добавим, что «потаенный смысл» был и в том, что Кутузов устранил Ростопчина от участия в военном совете в Филях, где он, по своей должности, должен был бы присутствовать — ведь решалась судьба вверенного его управлению города. *«Ростопчину он* (Кутузов.— А. Т.) *не мог доверить своей тайны преждевременно,—* пояснял другой осведомленный очевидец, Н. Б. Голицын,— *зная его односторонний взгляд и запальчивость, если бы кто заговорил о сдаче Москвы без боя»* [38].

И лишь получив к 8 часам вечера 1 сентября известие от Кутузова о немедленном отступлении армии через Москву, Ростопчин понял, что все его расчеты рухнули. *«Ты видишь, мой друг,—* писал он жене 11 сентября,— *что моя мысль поджечь город до вступления в него злодея была полезна. Но Кутузов обманул меня, а когда он расположился перед своим отступлением от Москвы в шести верстах от нее, было уже поздно». «Я в отчаяньи от его изменнического образа действий в отношении меня»,—* в сердцах жаловался он два дня спустя Александру I [39].

Нарышкина подчеркивала, что у Ростопчина *«не хватило времени» «для подготовки всеобщего пожара», «чтобы полностью и одновременно разрушить все кварталы города»,—* он *«хорошо сознавал, что в сложившихся условиях его замысел мог быть осуществлен несовершенно»* и *«сожалел о ловушке, которую подстроил ему Кутузов»* (с. 170, 181).

Ростопчинские же поджоги в ночь на 2 сентября явились не чем иным, как осколком, абортивным результатом этого грандиозного по разрушительной силе, поистине геростратова замысла.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Русский инвалид. 1846, № 270, 3 декабря.
2 Попов А. Н. Москва в 1812 году. М., 1875; Он же. Французы в Москве в 1812 году. М., 1876.
3 РБС. Птг., 1918. Т. Романова — Рясовский. С. 283—284.
4 Глинка С. Записки о 1812 годе. М., 1836. С. 32.
5 Русская старина. 1883, № 12. С. 650—651; Дубровин Н. Отечественная война в письмах современников (1812—1815). Спб., 1882. С. 94.
6 Дубровин Н. Указ. соч. С. 98.
7 Богданович М. И. История Отечественной войны 1812 года. Спб., 1859. Т. II С. 314; Дубровин Н. Указ. соч. С. 114.
8 1812. Le comte Rostopchine et son temps. (Par madame Narichkine nee comtesse Rostopchine). St.Petersbourg. 1912. P. 150 (далее цитируется в тексте с указанием страниц).
9 Дубровин Н. Указ. соч. С. 99—100, 105, 108.
10 Военный сборник. 1848. № 3. С. 42.
11 Записки А. П. Ермолова 1801—1812. М., 1865. Т. 1. С. 210, 215; Давыдов Д. Военные записки. М., 1940. С. 199.
12 Из памятных записок графа П. Х. Граббе. М., 1873. С. 91—92.
13 Записки А. П. Ермолова. Т. 1. С. 210.
14 Полосин И. И. Кутузов и пожар Москвы. Исторические записки. М., 1947. Т. 34. С. 124, 141.
15 Холодковский В. М. Наполеон ли поджег Москву? // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 35.
16 Русская старина. 1889. № 12. С. 717—718.
17 Бумаги Щукина. М., 1897. Ч. I. С. 96; ЦГАМ. Ф. 46. Оп. 8. Т. 1. Д. 373. Л. 6.
18 Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 г. М., 1839. Ч. 2. С. 411—412.
19 Русская старина. 1873. № 12. С. 992; Русский архив. 1891. № 1. С. 327.
20 Записки А. П. Ермолова. Т. 1. Приложения. С. 224; Русская старина. 1889. № 12. С. 273; Сочинения Ростопчина. Спб., 1853. С. 207—211, 231, 237—238.
21 См., напр.: Бумаги Щукина. 1901. Ч. У1. С. 5—7; Михайловский-Данилевский А. И. Указ. соч. Ч. 2. С. 410—411.
22 ЦГАМ. Ф. 105. Оп. 4. Д. 11. Л. 1—5; Ф. 48. Оп. 8. Т 1. Д. 368. Л. 553; Бумаги Щукина. 1897. Ч. II. С. 211—213; Ч. VI. С. 4—5.
23 Голос минувшего. 1915. № 7—8. С. 244—250.
24 ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 3465. Ч. 11. Л. 203—207.
25 Современник. 1859. № 5. С. 79—80; Русский архив. 1864, 2-е изд. М., 1866. С. 702, 753; ЦГАМ. Ф. 46. Оп. 8. Ч. 1. Д. 379. Л. 2; Чтения в МОИДР. 1859. Кн. II. Смесь. С. 88; Биржевые ведомости. 1864. № 93.
26 Русская старина. 1870. № 9. С. 305.
27 Segur A. Vie de comte Rostopchine, gouverneur de Moscou en 1812. Paris, 1872. P. 188.
28 Сочинения Ростопчина. С. 219, 221.
29 Военский К. Отечественная война 1812 года в записках современников. Спб., 1911. С. 68, 73.
30 Там же. С. 73.
31 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 141.
32 Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Спб., 1882. Т. VII. С. 99.
33 Русский инвалид, 1846, № 270; Давыдов Д. Указ. соч. С. 197; ОР ГПБ. Ф. 859. Карт. 27. № 1.
34 Апухтин В. Р. Московская губерния в Отечественную войну. М., 1912. С. 17; Кизеветтер А. А. Исторические отклики. М., 1915. С. 171.
35 Русская старина. 1889. № 12. С. 714, 715; Русский архив. 1892. № 8. С. 551; 1901. № 8. С. 462.
36 Русская старина. 1901. № 3. С. 602.
37 Военский К. Указ. соч. С. 69.
38 Северная пчела. 1858. № 201.
39 Русский архив. 1901. № 8. С. 472; 1892. № 8. С. 538.

ИГОРЬ УЛЬЯНОВ,
ОЛЕГ ЛЕОНОВ

ЭТИШКЕТЫ, ЭПОЛЕТЫ, ВЫПУШКИ...

Жарким летом 1812 года на Смоленской дороге можно было наблюдать величественное зрелище движения сотен тысяч вооруженных людей. Современному читателю мундиры того времени могли бы показаться карнавальными из-за разнообразия и богатства цветовых сочетаний, но в 1812 году они органично вписывались в окружающий быт.

Пойдем навстречу армии... Бесконечной волной движется кавалерия. Вот замелькали синие шапки с красными околышами, синие куртки и шаровары. У многих всадников бороды; из-под козырьков выпущены чубы. Идут донские казаки... Вооруженные саблями, пиками и пистолетами казаки в то время были лучшей легкой кавалерией в Европе. Во всех операциях армии они вели разведку и охраняли главные силы. Казачий полк удвоенной численности (десять сотен) носил название Атаманского. Он выделялся голубой отделкой формы (в прочих донских полках — красная).

В отличие от них гвардейцы лейб-гвардии казачьего полка носили алые полукафтаны с желтыми петлицами и шерстяными эполетами, синие шаровары, черные смушковые шапки с красным шлыком и с белым султаном.

Издалека видны уланы в шапках с квадратным дном, темно-синих куртках и панталонах. Для каждого полка — особое сочетание цветов суконного верха шапки, воротника, лацканов, обшлагов, погон куртки, лампасов панталон и полос на темно-синем кушаке. На куртке предусмотрены шерстяные эполеты. Кроме са-



бель и пистолетов, почти всем (исключая офицеров, унтер-офицеров, трубачей и карабинеров) полагались пики с флюгерами, различающиеся цветами по полкам. Крышка офицерской лядунки (кавалерийской патронной сумы) обшивалась серебряным галуном.

Схожесть формы русских улан с польскими использовалась некоторыми командирами для обмана противника, хотя путаница иногда возникала и в русском лагере, но еще чаще при встречах с крестьянами.

Лейб-гвардии уланский полк отличали от армейских полков по петлицам на воротнике и обшлагам куртки, восьмиконечной звезде на лядунке и изображению гвардейского орла на шапке.

А вот и гусары. Традиционное представление расходится с реальностью. Действительно, нравы иных компаний гусарских офицеров отличались особой бесшабашностью. Но основную массу гусар составляли солдаты, набранные обычными рекрутскими наборами: единственным их отличием был оригинальный мундир. Еще Козьма Прутков говорил: «Хочешь быть красивым — поступи в гусары».

Гусарская форма состояла из доломана, ментика, чакчир (серых походных панталон), коротких сапог с цветными кисточками и кивера. Доломан и ментик (короткая куртка, отороченная мехом) были расшиты шнурами. Ментик в теплую погоду носился на левом плече, а в холодную надевался в рукава. На чакчирах вышивались так называемые «венгерские узлы». Кивер (головной убор в виде цилиндра или усеченного конуса) имел черную с оранжевой каймой кокарду с пуговицей в центре и петлицей, а также белый султан (у унтер-офицеров верх султана был черный с оранжевой полосой). Этишкет на кивере плелся из желтого или белого шнура. К поясу крепилась сабля и ташка (гусарская сумка на трех ремнях) с изображением императорского вензеля. Костюм гусара дополнял цветной кушак с перехватами. Часть полков в 1812 году имели на вооружении, помимо сабель, пистолетов и мушкетов (карабин с раструбом на конце ствола), еще и пики, причем «пикинеры» не носили ментик на плече.

Полки различались по цветам доломанов, ментиков, чакчир, кушаков, ташек, шнуров и расшивки.

Офицерский мундир отличался лучшей выделкой всех деталей, шнуры и обшивка могли быть позолочены (или посеребрены), мех на ментике — из дорогих. Вокруг шнуровки на доломане и ментике и на воротнике доломана шла обшивка из галуна (у обер-офицеров) или из бахромы (у штаб-офицеров и генералов).

Лейб-гвардии гусарский полк носил красные долома-



ны с синими воротниками и обшлагами, синие чакчиры и красные ментики, желтый кушак с синими перехватами; шнуры, расшивка, этишкет, пуговицы — тоже желтые. И при парадной форме часть офицеров продолжала носить на плечах «барса» (шкуру, обшитую серебряным галуном) с серебряными когтями и с серебряным медальоном-застежкой. (Заметим, что только офицерам легкой кавалерии разрешалось отпускать усы.)

Следом за легкой кавалерией движется тяжелая (драгуны и кирасиры). Уланы и гусары использовались для охранения, разведки и быстрых атак на ослабленного противника. Поэтому сюда подбирали невысоких подвижных людей и небольших лошадей (до 1 метра 47 сантиметров в холке). Тяжелая кавалерия применялась для таранного удара — люди и лошади были крупнее (лошади 1,51—1,47 м в драгунских и 1,60—1,51 м в кирасирских полках).

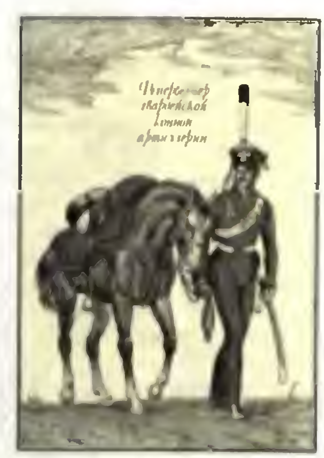
На дороге наконец-то замелькали темно-зеленые (почти черные) мундиры, кожаные каски с невысоким гребнем из конского волоса, латунным налобником и подбородочной чешуей.

Это драгунские полки — самая многочисленная русская кавалерия. На налобнике — изображение двуглавого орла. Красный гребень у музыкантов и черный у остальных чинов. Отвороты мундирных фалд у всех полков красные, а погоны, воротник и обшлага — полкового цвета. На вооружении у них палаши и драгунские ружья со штыками.

Драгун лейб-гвардии драгунского полка отличали красные лацканы, желтые петлицы на воротнике и обшлагах мундира. На каске — изображение андреевской звезды, причем у офицеров она была серебряной накладной с эмалированной серединой.

А за ними — кирасирские полки, элита русской кавалерии. Рослые всадники с густейшими бакенбардами и усами. Их белые колеты (короткие куртки с фалдами) отличались по полкам цветом погон, воротника, обшлагов и отделки фалд. Каски подобны драгунским, с андреевской восьмилучевой звездой в гвардейских полках и с орлом в армейских, кроме Орденского полка, где на касках красовалась георгиевская четырехлучевая звезда. Для парадного строя кирасиры надевали белые лосиные штаны и высокие ботфорты, в походе — общекавалерийские серые панталоны навыпуск и короткие сапоги. Все строевые чины, кроме музыкантов, носили черные железные кирасы с красной суконной опушкой и латунными плечевыми застежками в виде чешуи.

Особенно выделялись гвардейские кирасирские полки — кавалергардский и лейб-гвардии конный. Ма-



сти их лошадей различались по эскадронам: 1-й и 5-й эскадроны — гнедые, 2-й — рыжие, 3-й — серые, 4-й — вороные. В дальнейшем такой подбор лошадей по полкам войдет в русской кавалерии в систему.

По дороге движется конная артиллерия — все артиллеристы в конном строю. Их мундиры сходны с драгунскими, только цвет отделки мундира черный, но не красный. По черному воротнику, обшлагам, отворотам фалд шла красная выпушка... Чины гвардейских конно-артиллерийских рот носили вместо каски кивер с красным этишкетом и с белым султаном. На кивере крепился гвардейский орел со скрещенными пушками, а на воротнике — гвардейские петлицы...

Но вот, наконец, и пехота. Как и кавалерия, она делилась на тяжелую (линейную) и легкую. Егерские полки (легкая пехота) действовали, как правило, в рассыпном строю.

Мундиры пехоты — фрачного типа со стоячим воротником.

В походе полки сложно отличить друг от друга. Только погоны (иногда воротник) позволяли в то время точно установить принадлежность пехотинца к определенному полку. Погоны в гвардии были красные без шифровки, в гренадерских полках — красные с шифровкой из начальных букв названия полка (например, в Московском гренадерском — буква «М» с точкой), в пехотных и егерских — разных цветов с шифровкой по номеру дивизии. В пехотную дивизию входили 2 пехотные и 1 егерская бригада (по 2 полка в каждой). Для каждого полка пехоты предусматривался свой цвет погон: 1-й — красный, 2-й — белый, 3-й — желтый и 4-й — темно-зеленый с красной выпушкой; егерские: 1-й — желтый, 2-й — светло-синий. Шифровка вышивалась красным шнуром на желтых и белых погонах и желтым шнуром на погонах других цветов.

В тяжелой пехоте воротник, обшлага и отвороты фалд были красные, в легкой — зеленые с красной выпушкой. В гвардии и в лейб-гренадерском полку на воротнике и на клапанах рукавов нашивались петлицы. Петлицы на воротнике имели также офицеры Московского, Киевского и Таврического гренадерских полков. Воротник лейб-гвардии Семеновского полка был синего цвета.

Мундиры только двух полков — лейб-гвардии Литовского и лейб-гвардии Финляндского имели лацканы.

Унтер-офицерские мундиры расшивали золотым галуном по краю воротника и обшлагов. А мундиры барабанщиков, флейтистов и музыкантов — желтой (в гвардии) и белой (в армии) тесьмой.



На шею нижние чины надевали черный суконный галстук.

В 1812 году полки состояли из трех батальонов по четыре роты в каждом. Одна рота в батальоне любого полка называлась гренадерской (гренадерский и стрелковый взводы). Три остальные — в зависимости от вида пехоты: в Гвардии и в гренадерских полках — фузелерными, в пехотных полках — мушкетерскими, в егерских — егерскими. Только в лейб-гренадерском полку все роты — гренадерские.

Головным убором в пехоте служил кивер с белым этишкетом. На кивере крепился репеек (деревянный овал или круг, обтянутый сукном), по цвету которого можно было определить роту или взвод. Репейки унтер-офицеров состояли из четырех секторов (верхний и нижний — серые, боковые — белые).

На гвардейских киверах изображался гвардейский орел, в гренадерских полках и ротах — граната с «тремя огнями», в мушкетерских и егерских ротах — граната с «одним огнем».

Пожалуй, главное отличие гвардейских, гренадер-

ских полков и гренадерских взводов — высокие черные султаны из конского волоса. Султан музыкантов был красный, а унтер-офицеров — черный с белым верхом и вертикальной оранжевой полосой.

Павловский же гренадерский полк за отличия в войне 1806—1807 годов получил право носить гренадерские и фузелерные шапки старого образца с высокими медными налобниками, а офицеры полка — обычный гренадерский кивер.

Вне строя использовались либо фуражные шапки типа современных бескозырок, либо колпаки с кистями. Их расцветка в большинстве случаев позволяла различить полк и даже роту.

Летом пехота носила одинаковые панталоны из белого полотна с козырьками, закрывающими почти всю ступню. Часто встречались походные неуставные шаровары из ткани любой расцветки. В холодную погоду солдаты надевали суконные панталоны с кожаными крагами до колен (белые — в тяжелой пехоте и зеленые с красной выпушкой по бокам — в легкой). Все виды штанов натягивали поверх коротких сапог.

В холодную и дождливую погоду, а также на биваках пехотинцам полагалось ходить в шинели. Длинная широкая шинель с хлястиком, погонами и воротником, как на мундире, существенно отличалась от современной только пятью складками на спине. В походе шинель скатывалась через левое плечо. Два конца скатки стягивал ремешок на середине правого бедра. При себе полагалось иметь также ранец, патронную суму на перевязи и портупею для холодного оружия.





Ранец изготовляли из крашеной черной кожи, либо из телячьей шкуры. Пара плечевых ремней, стянутых еще одним ремнем на груди, надежно фиксировала ранец. К ранцу крепилась жестяная манерка (фляга). Но многие солдаты в походе носили так называемые «сухарные сумки». Патронная сума из черной кожи служила для ношения патронов и кремней для ружья и перекидывалась на перевязи через левое плечо. На патронной суме крепились изображения гренад: с «тремя огнями» в гренадерских полках и ротах, с «одним огнем» — в мушкетерских. В егерских ротах на сумах стоял номер полка, а в гвардии — особые бляхи с андреевской звездой. Портупеи, несмотря на «Высочайше конфирмованный» образец, чаще всего были без пряжек, ширина их колебалась в зависимости от ширины плеч владельца и наличия в полку необходимых материалов.

В тяжелой пехоте все кожаное снаряжение должно было быть белым, а в легкой пехоте — черным. (Несколько полков, «переведенных» из мушкетерских в егерские, продолжали при егерской форме носить белое кожаное снаряжение.)

Холодное оружие (тесак, штык, кортик) носили обязательно в деревянных, обтянутых некрашеной кожей ножнах. Часть унтер-офицеров продолжала пользоваться алебардами.

В качестве огнестрельного оружия использовались различные системы гладкоствольных и нарезных кремневых ружей, изготовленных в России, Англии, Австрии, Швеции и Пруссии.

В походе на многие вещи пехотинцы надевали чехлы. Черные чехлы закрывали кивера, ножны тесаков и штыков, в холст могли зашиваться воротники гвардейских мундиров, зачехляли и замок ружья. Солдаты, сражавшиеся с французами, заимствовали у них и чехлы на патронные сумы.

Офицерский мундир отличался качеством выделки, более длинными фалдами, наличием сзади карманных клапанов. Вместо погон носили золотые эполеты с золотым полем в гвардии и в лейб-гренадерском полку. В армейских полках цвет поля эполет и шифровка соответствовали погонам нижних чинов.

На офицерском репейке крепился императорский вензель, а сзади на кивере — шестиконечная звездочка с крючком для этишкета. На талии офицеры повязывали шарф из серебряных нитей с кистями.

Оружием для офицера служила пехотная шпага в деревянных ножнах, обтянутых некрашеной кожей.

Тяжелая пехота имела знамена (по 6 на полк) и «фурьерские значки» (по 1 на роту). Для охраны знамен в каждом батальоне выделялась специальная знаменная группа из унтер-офицеров...

Мундиры пехотного образца носили также пионерные, морские полки и пешая артиллерия. Цвет отделки мундиров был черный у пионеров и артиллеристов и зеленый — в морских полках.

Киверная кокарда в виде гренады под скрещенными пушками выделяла пешую артиллерию. На их красные погоны нашивалась шифровка, обозначающая номер и название роты. У гвардейской пешей артиллерии на кивере крепился орел со скрещенными пушками.

1-й пионерный полк имел красные погоны с цифрой «1», а 2-й пионерный — белые погоны с цифрой «2». Цвет металлического прибора полков был белый, на кивере крепилась гренада об одном огне.

Этишкеты и в артиллерии, и в пионерных полках были красные.

Морские полки носили мундиры егерского образца, но с белыми выпушками. Гренады с тремя огнями украшали кивера моряков...

Так выглядела армия России, вступившая в противоборство с объединенными силами Европы в лето 1812 года. *(См. стр. 12—13.)*









МИХАИЛ СОКОЛЬСКИЙ

САМОСОЖЖЕНИЕ

1.

Из всех событий 1812 года самые долговременные и далеко идущие последствия, не исчерпавшие себя и по сей день, имел московский пожар.

Воздействие его на историю отнюдь не ограничивалось непосредственной стратегической или психологической ролью его в той далекой войне. Не случайно он всегда представлял собой такую благодарную тему для поэтов, беллетристов и популярных историков, не случайно он окружен столькими легендами.

Пожар был не только частным, конкретным событием. Он стал, каковы бы ни были его подлинные причины, историческим актом и символом. С военной точки зрения, пожар сыграл роль героической легенды — не более того. В истории же России он стал вехой. Вехой, определившей ее дальнейший путь.

2.

На протяжении столетий последняя суть всех переживаемых Россией и ее народом бурь, в особенности же всех бесчисленных внутренних конфликтов и коллизий, заключалась в противостоянии двух цивилизаций, развившихся в одном народном организме. Именно в этом состояла уникальность русской эволюции в мировой истории цивилизаций.

Европейская по генетике и культуре первосущность восточнославянских племен отнюдь еще не ставилась под сомнение принятием особой ветви христианства. Даже когда вследствие деятельности Александра Невского, монгольского нашествия, возвышения Москвы и завоевания ею при активной поддержке Церкви значительной части восточной Руси представление о противоположности и несовместимости русского и европейского миров, православия и «латинства» сделалось краеугольным камнем всей структуры религиозного, цивилизационного и конкретно-политического мышления больших масс русских людей,— даже и тогда еврорусское начало, еврорусское самосознание продолжало жить. Оно жило в многовековой борьбе Новгорода за свою независимость и исконную западную ориентацию, в эпопее зарождения, расцвета и отчаянного сопротивления русско-литовской государственности, в ранних разноликих духовных движениях — от южнорусской культуры «Слова о полку Игореве» до северорусской ереси «жидовствующих». Но со временем московская идея, московское начало, московские исторические тенденции все решительнее стали брать верх. Во все более жестком изоляционизме ничего не меняла даже православно-лютеранская солидарность в борьбе с католичеством в XVI и XVII веках, одним из следствий которой стала растущая, хотя отнюдь не массовая иммиграция немцев. Присутствие их лишь подчеркивало сугубую закрытость русского мира, постепенно превращавшегося в своего рода «нормальную» внеевропейскую, отгороженную от всей ойкумены цивилизацию.

Но в сокровенных глубинах народной памяти, в самом подсознании общества не могли не тлеть хотя бы какие-то искры того, еврорусского, первоприродного заряда. Именно это коренное наследие национальной психики было высвобождено усилиями Петра I — и не столько реформами его, сколько созданием новой столицы, Санкт-Петербурга. Исторический этот акт, в свою очередь, стал переломным не столько потому, что открывал «окно в Европу», сколько потому, что подрывал абсолютное главенство Москвы, а тем самым абсолютное господство московской идеи. Путь от наивысшей монолитности и исключительности московской, замкнутой, централистской структуры мышления до возникновения нового, двухполюсного строя национальной духовной жизни оказался коротким. И неудивительно. Ведь за двумя полюсами, Санкт-Петербургом и Москвой, стояли все те же два древних начала.

По самой логике исторического развития наивное, чисто подражательное, внешнее западничество Петра Великого должно было смениться качественно более высокой формой. Это было неизбежно. Но живая динамика духовной эволюции России в XVIII веке превзошла по своей интенсивности и плодотворности едва ли не все сходные примеры в истории цивилизаций. Смелые, пусть и не очень многочисленные пока манифестации нового западничества, не наивно-подражательного уже, не внешнего, а подчеркнуто интеллектуально-творческого, хотя еще во многом дилетантского, характерны даже для первой половины века. Начиная же с опубликования весной 1762 года великих проектов реформ Дмитрия Волкова — прежде всего Манифеста о вольности дворянства, давшего решающий толчок стержневому процессу выделения и кристаллизации подлинной духовной элиты,— еврорусское возрождение приобрело исторические масштабы.

Кульминации своей это движение достигло в эпоху екатерининского Просвещения, когда критически воспринятые и своеобразно, действительно творчески преломленные философские идеи, художественные стили, этические постулаты и экономические учения современной Европы сделались достоянием самых широких кругов образованного дворянства, сделались их символами веры, источником жизненных импульсов, привычной питательной средой умов. Важнейшей особенностью этого явления стало широкое географическое его проникновение, вездесущность его: далеко от Санкт-Петербурга оно вносило столичный, западнический дух и в губернские центры, и в заштатные городки, и в помещичьи усадьбы, но самым существенным, исторически значимым было постепенное разжижение и потеснение старомосковского мироощущения, старомосковской ментальности в самой же златоглавой Москве.

Так произошло чудо: страна, которая на пороге XVIII века еще выглядела замкнутым ареалом почти «нормальной» внеевропейской цивилизации, к концу того же века превратилась в почти «нормальную», почти органическую часть великой цивилизации Европы.

Поэтому можно говорить о далеко идущей «нормализации» русской национальной жизни. русской культуры, русского самосознания на том историческом рубеже, имея в виду, что «норма» равнозначна первоистоку. «Нормой» была Европа.

3.

Пожалуй, наиболее показательным моментом тогдашних идейных и духовных процессов стал психологический резонанс революционных событий во Франции.

Совершенно естественно, что свержение и казнь короля, а затем якобинский массовый террор вызвали всеобщий ужас, имевший как классовые, так и общегуманные мотивы. Но стоит подчеркнуть, что во многих дошедших до нас высказываниях явственно ощущается также понимание антипросвещенческого, в каком-то смысле антиевропейского характера разыгравшейся исторической драмы. Философские декларации французских революционеров отнюдь не обманули мыслящих людей России, они распознали их мнимую философичность и не отшатнулись из-за них от подлинных плодов Века Разума, не сочли эти плоды ядовитыми.

Но вместе с тем распространился страх перед бунтарскими наклонностями русской народной души, наклонностями, оставившими такой мучительный след в отечественной истории и еще на памяти того поколения столь зловеще проявившимися в пугачевщине. У некоторой части общества страх этот породил болезненную мнительность и по отношению к различным феноменам русской духовной жизни, казавшимся хотя бы какой-то своей гранью потенциально опасными, подтачивающими устои, дестабилизирующими.

Дестабилизирующими — это важно подчеркнуть — именно Российскую империю конца XVIII века, подтачивающими именно ее социальные, моральные и идейные устои. В наше время, когда изоляционистская и имперская идеологии видятся — и правильно видятся — в равной мере антизападными да и антизападническими, легко впасть в заблуждение и перенести то же видение и на другие времена. Но в екатерининской и послеекатерининской России имперское мышление означало мышление петербуржское, западническое, оно было диаметрально противоположно старомосковскому мироощущению, ностальгии по московскому гетто.

Поэтому, например, паническое преследование такого глубоко просвещенческого по корням и сути движения, как масоны, ни в коем случае не объяснялось антизападными тенденциями, антизападной настроенностью двора. Оно было единственно результатом того страха и той мнительности, о которых только что говорилось и которыми заражены были как раз видные вельможи из ближайшего окружения императрицы, а прежде всего она сама.

Болел, как известно, острыми приступами этой болезни и начинающий государственный деятель Федор Васильевич Ростопчин.

Но все это не означает, что тревожные события в Европе не могли, пусть на уровне общественного подсознания, возродить кое-где смутную надежду на спасительную силу былых устоев, прежней направленности народных дум и чувств — того, давно ушедшего образа русского мира.

Чтобы подобная инстинктивная настроенность могла стать реальным, осознанным фактором национальной жизни и национального духа, требовался, однако, какой-то сильный толчок, нужно было какое-то глубокое потрясение.

4.

Самой тяжелой из всех ошибок, самым роковым из всех упущений Наполеона при подготовке к кампании 1812 года было игнорирование внутрирусских психополитических и психоисторических процессов. Он находился в плену устоявшихся стереотипов, и одним из таких стереотипов, унаследованных средним европейцем от минувших веков, являлось отождествление русской земли с Московией. Этот стереотип преувеличивал центральность самого понятия Москвы в политическом мышлении и политических эмоциях современного — и осовременившегося — русского человека, в особенности европейски образованного дворянина. Наполеон и представить себе не мог, что санкт-петербуржский император, спокойно сидя в своей столице, не захочет даже вступать в переговоры с завоевателем Москвы.

О том, что Наполеон основывал стратегический план свои именно на «здравом», но обусловленном лишь мыслительной инерцией, довольно-таки примитивном расчете, свидетельствуют все исторические источники. И все же он, надо думать, чисто интуитивно надеялся еще и на совершенно другой эффект московского похода.

В разных концах его империи становилось неспокойно. Среди больших и не столь больших народов, недовольных оккупационным бременем — бременем и моральным, и материальным,— впервые во весь рост поднялся призрак национализма. И наибольшую опасность он представлял как раз для нового, не освоившегося еще хозяина, Наполеона. Вполне естественно, что император французов ощутил потребность в какой-либо идее, годной для заклинания грозного призрака. А такой идеей по логике вещей могла быть только идея европейская.

Готовясь к наступлению, Наполеон включил в Великую армию солдат самых различных национальностей и даже целые нефранцузские части, и делалось это отнюдь не только ради увеличения боевой мощи войска. Поход на Москву должен был стать европейским делом. Для этого имелись, несомненно, достаточные психологические основания.

Инстинктивное чувство некой «угрозы с востока», заложенное в генах европейской цивилизации, возможно, начиная с древних греко-персидских войн и ставшее одним из самых существенных элементов всего европейского мироощущения после великих нашествий — арабского, монгольского и турецкого,— с какого-то момента включило в качестве неотъемлемой составной части «гена страха» и понятие «Москва». Давно миновали времена тотального наступления Ивана III на свободные города и княжества западной Руси, на Литву и ганзейский Новгород, времена вторжения Ивана IV в прибалтийские земли и Алексея Михайловича в польские пределы, а неясная тревога, порождаемая звукосочетанием «Москва» в душах людей этого старого и столь уязвимого континента, не исчезла еще полностью. Простая логика, сознательная или подсознательная, должна была натолкнуть Наполеона на мысль об использовании этого психологического факта.

И ни в коем случае нельзя, исходя из всем известных результатов, просто констатировать, что интуиция на этот раз обманула Наполеона.

Ибо никому не известно, как повернулись бы события, если бы не пожар Москвы.

Пожар повернул самое «европейскую идею» против Наполеона. Имя Москвы из вечной туманной угрозы вдруг превратилось в боевой лозунг дня. Далекое пламя неожиданно претворило полуподспудное «национальное пробуждение» в общеевропейский порыв.

Но если в восприятии миллионов людей пожар, вне всякого сомнения, был сознательным историческим актом, то за ним, естественно, представлялся и сознательный организатор. А таковым, по всем обстоятельствам, мог быть один лишь Ростопчин.

Однако эта роль Ростопчина явствует не только из многочисленных прямых и косвенных доказательств и свидетельств. Она вытекает и из самой его психологии, из всех идейных, политических и психополитических установок того типа людей, к которому он принадлежал.

Еще задолго до 1812 года в высшем свете обеих столиц притчей во языцех стала особая, неистовая подозрительность и враждебность графа по отношению к «вредным» для России влияниям, и было весьма вероятно, что он как раз и являлся одним из тех, кого безотчетно влекло к казавшимся теперь такими надежными стародавним, «подлинно русским» устоям.

Поэтому побудительные мотивы его действий виделись — и должны были видеться — уже современникам как вполне логичный ряд мыслей и эмоциональных импульсов: на переднем плане конкретный замысел (пожар воспламенит русские сердца, приведет к мобилизации всех народных сил и разгрому Наполеона), затем — пожар, как Легенда, надолго зажжет в народе великий патриотизм, а патриотизм, безотносительно ко всем битвам и войнам,— самоцель, он сильнейшее средство против крамолы, оздоровитель внутренней жизни; наконец — самосожжение Москвы ради России озарит новым ореолом потускневший древний образ этого города-символа, обратит вспять процесс европейской «нормализации», приведет к постепенной «депетербургизации» русского духа, к возрождению и возобладанию московского начала. Огонь должен был сжечь российский XVIII век.

Насколько отчетливо все эти соображения были в действительности осознаны и осмыслены самим Ростопчиным, никому, естественно, знать не дано.

Тем более никому никогда не узнать, насколько Ростопчин предвидел или предчувствовал подлинные исторические масштабы своего деяния.

Московский пожар, обращенный пафосом своим к народам не одной России, но и других стран и цивилизаций, положил начало тому гигантскому по историческому значению, роковому по последствиям феномену, который и в отечественной, и в иностранной литературе получил название «русский мессианизм».

Название это неточное. Прежде всего потому, что оно не улавливает глубинной сути явления, его корней и его смыслов. Значительно точнее, а главное, содержательнее был бы другой термин — «московский мессианизм». Ибо право на мессианство зиждилось на московской идее.

Даже те первозачатки национально-мессианской идеологии, которые можно отыскать в «допожарных» веках, были не только политически, но и идейно, и психологически тесно связаны именно с Москвой. Это относится и к знаменитому тезису Филофея, и ко всей «третьеримской» пропаганде, и ко всем мистическим волнам внутри русского православия. И все-таки эти устремления и движения, сколь бы значимым ни было их влияние на состояние народного духа, еще не представляли собой ни по нацеленности, ни по мировоззренческому заряду, ни по философскому самоистолкованию подлинных провозвестников национального мессианизма, каковым он предстал в развитой и выраженной своей форме — в форме XIX—XX столетий.

Именно исторический акт освящения пожаром превратил Москву, хотя она — повторим — уже издавна была не только городом, но и отвлеченным понятием, мистическим началом, духовной концепцией, в носительницу ряда разноликих притязаний на спасение человечества, в некий эсхатологический или хилиастический символ.

Речь идет и на самом деле о целом ряде разноликих притязаний — ибо славянофильская, неославянофильская, вселенско-церковная, большевистская, советско-империалистическая ипостаси московского мессианизма являлись, в «генной» глубине своей природы, метаморфозами одного и того же начала, но вместе с тем, по логике эволюции, диалектически отрицали друг друга. Объединяло же их, не в последнюю очередь, и общее упование на ореол Москвы, на магическую силу московского имени. И в таком смысле все эти исторические течения — дети московского пожара.

5.

«...как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось...»

Пушкин несомненно был убежденным и последовательным петербуржцем, петербуржцем до мозга костей. Судьба определила ему роль завершителя и вместе с тем самого яркого выразителя цивилизационной миссии екатерининского Просвещения. Но это, конечно, ни в коем случае не означает, что в тех знаменитых строках он просто равнялся на общественное настроение, что они не шли из самых глубоких недр его души. Только: из всего контекста ясно, что для него в этом звуке отозвались прежде всего события 1812 года, отозвался прежде всего пожар. В критические для России годы, когда поэт создавал главное свое произведение, было еще вполне естественно воспринимать московский пожар лишь как патриотическую акцию, Москву как символ русской военной славы. В сердце Пушкина продолжался русский XVIII век.

Но уже подрастали те юноши, для которых символ славы превратился в символ веры. Ранние славянофилы истолковывали московское жертвоприношение как призыв к воскрешению московского прошлого, к воссозданию московского царства, а главное — его духовных, психологических основ. Но эти основы виделись им, на чье детство пал отблеск всколыхнувшего Европу пожара, вовсе не как мироощущение гетто, а как органическая вера в обладание единой истиной, которую Москва предназначена нести всему человечеству, другими словами — как мироощущение мессианское. Реставраторские их устремления объяснялись не столько ностальгией по реальной допетровской старине, сколько мечтой с новым возвышением Москвы воздвигнуть новый символ истины, новый град истины.

Эти стремления были огрублены, схематизированы и политизированы позднейшей волной славянофильства, в особенности же неославянофилами второй половины века. Из символа исконной истины Москва для них сделалась символом исконной русскости. Мессианство их стало агрессивным, право на него выводилось не из истории и не из идей, а фактически исключительно из расовых особенностей. Соответственно реагировали и европейцы: там слово «Москва» постепенно приобретало вновь былое, зловещее звучание, вновь становилось синонимом «угрозы с востока». Для них пожар погас. В России же воспоминания о 1812 годе, о пожаре и всенародном восстании против французов, по-особому окрашенные славянофильской трактовкой, стали одним из ферментов того странно-экзальтированного, лихорадочного состояния интеллигентской души, которое Владимир Соловьев хлестко назвал народопоклонничеством.

Тот христианско-гуманистический мессианизм, который сам Владимир Соловьев пронес, пусть в менявшейся форме, через все перипетии своего бурного идейного пути, на первый взгляд не имел никаких точек соприкосновения с московским пожаром как историческим актом или символом. Но это не совсем так. Вся духовная атмосфера, в которой родились стремления к экуменическому воссоединению христианства, а то и религиозной интеграции всего человечества (примерно в те же годы развернула свою деятельность и Блаватская), была атмосферой московской мессианской идеи, восходившей именно к семантике пожара. Эти стремления представляли собой последний шанс, последнюю попытку мирного и человечного осуществления связанных с пожаром мессианских заветов, и неудача их стала одной из психологических причин триумфа большевизма.

Большевистская революция состояла, собственно, из двух акций: подготовительная, политическая, была проведена 7 ноября 1917 года, а решающая, национально-структурная,— 12 марта 1918. Но перенесение столицы в Москву не только коренным образом меняло структуру народной жизни, все ее духовные, культурные, экономические, геополитические, психополитические аспекты. Оно меняло роль и место России в мире, роль и место ее народа в человечестве. Столь мистическое учение, как марксизм, закономерно получило в качестве мирового центра догмотолкования и проповеди такое овеянное мистикой место, как Москва. И это очевидное превращение Москвы в исходный пункт небывалого иноцивилизационного нашествия, к тому же поддержанного какой-то частью одурманенных, отчаявшихся или люмпенизированных людей внутри самой европейской цивилизации, должно было у подавляющего большинства европейцев возбудить куда больший ужас, содрогание, волю к сопротивлению, чем когда-то наполеоновская оккупация. Так спустя сто с лишним лет многократно опосредованное уже действие московского пожара получило диаметрально противоположную направленность.

От полутора десятилетий собственно большевистского, коминтерновского мессианизма советско-империалистический период отличался, между многим прочим, и тем, что неуемная жажда экспансии и господства, облеченная во все те же идеологические, мессианские одежды, искала себе обоснование в прошлых, действительных или мнимых, не в последнюю очередь военных заслугах тысячелетней России перед другими народами. А для превознесения и возвеличения этих заслуг едва ли не самый впечатляющий, во многих отношениях идеальный пример представляло собой самопожертвование Москвы в 1812 году. Покорение должно было освящаться символом давнего освобождения.

Москва, именно Москва оказывалась извечным и вечным городом-героем! Неудивительно, что это стало исторической догмой, закрепленной усилиями многолетней советской пропаганды.

6.

Но был момент в нашем недавнем прошлом, когда воспоминания о Москве 1812 года приобрели жгучую актуальность.

Несомненно, Гитлер, развязывая войну, исходил из дико-фантастических, бредовых предположений, и в частности, совершенно искаженно представлял себе всю психополитическую ситуацию и в России, и в Советском Союзе, и в Европе, и в мире. Тем показательнее те колебания и дискуссии, которыми сопровождалось планирование дальнейшего стратегического наступления вермахта в августе 1941 года. Генералы в большинстве своем предлагали продолжить без промедления движение на Москву, но фюреру не давала покоя судьба Наполеона, и он настоял на том, чтобы предварительно были проведены операции по уничтожению ленинградской и киевской группировок советских войск. Немецкие военные историки впоследствии трактовали это «отклонение от расписания» как ошибку, решающим образом повлиявшую на исход войны.

Но среди советского населения, да и в армии, где, естественно, никто не подозревал о сомнениях и спорах в германском верховном командовании, ассоциации с наполеоновским походом были иными. Не без помощи, по-видимому, специально распространяемых, целенаправленных слухов множились догадки, что непрерывные поражения наших войск — лишь ловушка для Гитлера, что это — жертвоприношение ради заманивания вражеских полчищ в гибельную глубь России, а требования стоять насмерть, дескать, рассчитаны, пусть хотя бы частично, на обман противника — когда обескровленные фашистские армии войдут в Москву, их там ждет катастрофа, если не в результате пожара, то в результате грандиозного взрыва или затопления. Как ни наивны были подобные пареллели с 1812 годом, они несомненно сыграли тогда немалую психологическую роль, поддерживая дух людей. Однако...

Сталин, действовавший так бездарно, с таким преступным нежеланием учитывать реальность, вдруг предстал величайшим мудрецом, не только творчески применявшим тактику Кутузова, но и умело камуфлировавшим общеизвестный стратегический план. Более того. Он, изза патологической мнительности своей просто побоявшийся покинуть стократно проверенное пространство Кремль — дача, рисовался теперь в массовом воображении героем, готовым при предстоящем великом повторении исторического подвига подвергнуть опасности и собственную, столь драгоценную, жизнь. Но главное, в то время как миллионы людей и в самом деле незаметно жертвовали жизнью — если не за советскую власть, то за Отечество,— Сталин, сумевший искусной психополитикой отождествить Москву с собой и слить свой образ с образом Москвы, использовал символ московского пожара для осияния собственной личности ореолом московской мессианской идеи, для придания себе статуса историоносного Мессии.

7.

Прошло ровно пятьдесят лет с тех знаменательных августовских дней 1941 года, и в августе 1991-го Москва вновь надолго сделалась центром мировых событий. Но одновременно навсегда ушла в небытие «московская идея», московская мессианская претензия.

Пожар Москвы как исторический акт и как символ отступил в прошлое. Его нельзя снова зажечь. Но попыткам гальванизировать его, вероятно, конца не будет...



Личные походные вещи, участника Отечественной войны 1812 г. офицера русской армии П. А. Никитина



В коллекции музея-панорамы «Бородинская битва» среди предметов декоративно-прикладного искусства хранится редчайший экспонат — декоративный платок, выполненный в 1813 году по заказу прусского правительства на одной из английских фабрик. Платок-сувенир, изготовленный в количестве всего нескольких тысяч, должен был вручаться в Австрии и южной Германии по случаю победы в знаменитой битве народов под Лейпцигом (1813).

Заказ был принят, платки уже погрузили на торговое судно, но оно затонуло, а с ним — и весь «тираж» платка. Осталось лишь несколько образцов — они-то и разошлись по частным коллекциям, а затем попали в музеи.

На платке размером 91×78 см нанесено 10 сатирических рисунков, повествующих о жизни Наполеона.

Самый крупный — «Подмостки европейской сцены. Декабрь 1812 года» — помещен в центре. На сцене изображен удирающий Наполеон. Слева от него — Александр I и шведский король. Справа — обнажает меч прусский король. Рядом с ним, на коленях, с молитвенно сложенными руками, Иероним Бонапарт, король вестфальский. Несколько поодаль стоят австрийский император и князья Рейнского союза. Вокруг сцены — люди: они внимательно следят за происходящими событиями, оживленно жестикулируют, кидают вверх шляпы.

Платок поступил в музей из частного собрания.

Генерал Дюрок — обер-камергеру Монтескью.

Вы видите, что все наши приготовления для зимы в Москве бесполезны и что все наши надежды на удовольствия и театр исчезли, но однако не совсем, ибо мы возим с собою комическую группу и, если она не останется на дороге, будем иметь удовольствие на зимних квартирах иметь комедию. Мы совершенно не знаем, где это будет. Это зависит от происшествии и движении неприятеля...

ЦГВИА. Ф 154. Оп. 1. Д. 92. Л. 46.

6 августа 1812. Генерал П. П. Коновницын — супруге.

При Смоленске

Мы вчера имели из сильнейших дел каковое может быть с 4 часов утра до 11 часов ночи. Смоленск удержали, он стоит много нам, а больше французам.

ЦГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3593. Л. 28.

9 августа 1812. Неизвестный из армии — А. И. Ноинскому.

Я, кажется, сюда приехал по пустякам. У нас идет так неудачно, что я не смею уже думать более получить какое-либо награждение, которое бы от меня никак не ушло, естьли бы дела пошли хорошо.

ЦГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3593. Л. 33.

9 августа. Неизвестный из армии — С. И. Есакову.

Лагерь при Соловьевой переправе через Днепр.

Повторяю тебе еще то, что я во многих письмах говорил. Согласитесь со всею семьею быть готовым на всякое время, могущее быть неприятным, к отъезду. Мы по сю пору не дрались как надо, армия вся цела, но, верно, Богу угодно нам назначить было так, как оно теперь идет. Но при всем не теряйте твердости, она необходима, уповайте на Бога, но будьте готовы.

ЦГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3593. Л. 32.

ВОПРОС — ОТВЕТ

КЕМ И КОГДА БЫЛА НАПИСАНА ПЕРВАЯ ИСТОРИЯ ВОЙНЫ 1812 ГОДА?

«Обозрения» и «описания» войны появились уже в начале 1813 года, но ни одна из этих работ не давала целостного представления о ней.

Первым обстоятельным трудом явилось «Историческое описание войны 1812 года», вышедшее анонимно (СПб., 1813). Ее автором был капитан лейб-гвардии Егерского полка, адъютант командира 3-й пехотной дивизии П. П. Коновницына Дмитрий Иванович Ахшарумов (1792—1837). По окончании 1-го кадетского корпуса он участвовал в кампании 1806—1807 годов и в войне с Турцией (1809—1811). Участник Отечественной войны и заграничного похода. За дело под Малоярославцем был награжден орденом св. Георгия 4-й степени, за сражение под Люценом произведен в полковники. В 1820 году ушел в отставку в чине генерал-майора.

По свидетельству современников, в декабре 1812 года Ахшарумову было поручено написать историю войны «по воле князя Кутузова». Он «пользовался многими документами, которые не для всех известны». Среди военного шума, в минуты малых досугов он создал яркий военно-политический очерк, одобренный командованием и цензурой.

Ахшарумов не только обстоятельно и кратко (вся книга имеет 294 стр.) изложил фактическую сторону войны, но и высказал свои «мысли и замечания». Он отметил, что «сочинение сие не писано для военного искусства, а есть гораздо более историческое, нежели военное описание».

Отсутствие ссылок на источники отчасти умаляет значение его труда, но по правдивости и искренности он остается замечательным. И очень жаль, что книга незаслуженно забыта.

А. И. Михайловский-Данилевский, будущий официальный историограф Отечественной войны, разбирая на страницах «Отечественных записок» в 1820 году русские сочинения о 1812 годе, писал: «Сие описание войны есть лучшее из вышедших по сие время на нашем языке... Военные происшествия повествуются беспристрастно, ясно и почти всегда согласно с истиной».

НАДЕЖДА ШВЕДОВА

1. Знамя 7-го полка линейной пехоты. Вестфалия.

2. Орел и знамя 8-го полка легкой пехоты (образца 1811 г.). Франция.

3. Орел и знамя 2-го полка линейной пехоты (образца 1804 г.) Франции.

4. Орел и знамя пеших гренадеров королевской гвардии. Италия.

5. Орел и штандарт 30-го драгунского полка (образца 1804 г.). Франция.

6. Орел и штандарт 11-го конноегерского полка (образца 1811 г.). Франция.

7. Орел и знамя 4-го пехотного полка. Великое герцогство Варшавское.

8. Лейб-знамя лейб-пехотного полка. Гессен-Дармштадт.

1. Штандарт Кавалергардского полка (образца 1800 г.)

2. Цветное знамя лейб-гвардии Семеновского полка (образца 1800 г.).

3. Полковой штандарт Московского драгунского полка (образца 1797 г.).

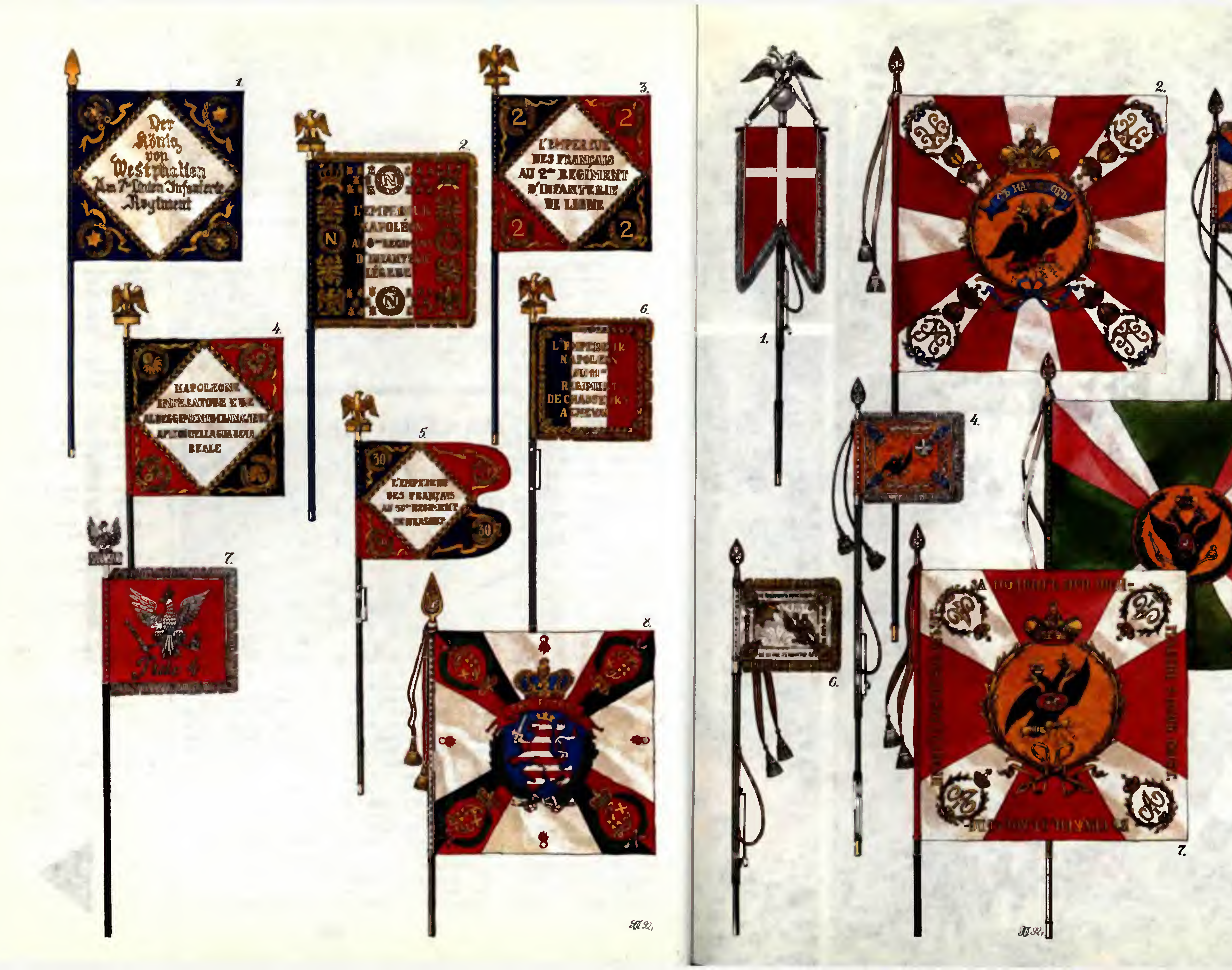
4. Эскадронный штандарт Екатеринославского кирасирского полка (образца 1797 г.).

5. Цветное знамя Псковского пехотного полка (образца 1797 г.).

6. Полковой Георгиевский штандарт (образца 1807 г.).

7. Цветное Георгиевское знамя Киевского гренадерского полка (образца 1807 г.).




1.
Der König von Westphalen
Am 7ten Linien Infanterie Regiment
2.
L'EMPEREUR NAPOLÉON
3.
2
L'EMPEREUR DES FRANÇAIS AU 2me REGIMENT D'INFANTERIE DE LIGNE
4.
NAPOLEONE IMPERATORE E RE
REALE
5.
30
L'EMPEREUR DES FRANÇAIS AU 30me REGIMENT
6.
7.
8.
1.
2.
СЪ НАМИ БОГЪ
3.
4.
5.
6.
7.











На 90-летии председателя общества потомков участников Отечественной войны 1812 г. Казачкова В. А.

И ПОМНИТ ВСЯ РОССИЯ ПРО ДЕНЬ БОРОДИНА





Москва.
8 октября 1812 г.
Литография по рис.
Х. В. Фабер дю Фора
(1827—1831).

ПРАВДА ЛИ, ЧТО В 1812 ГОДУ В МОСКВЕ БЫЛО СОЗДАНО ГОРОДСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ТИПУ НЫНЕШНЕЙ МЭРИИ?

Организация московского муниципалитета была предпринята Наполеоном для водворения порядка в городе. Подобные органы управления создавались в большинстве русских городов, занятых неприятелем.

Возглавил его интендант Москвы и московской провинции Лессепс. Жители Москвы (как русские, так и эмигранты) под любыми предлогами пытались уклониться от сотрудничества с неприятелем, поэтому большая часть из 87 членов правления были поставлены на должность принудительно. В муниципалитете преобладали эмигранты из числа московских жителей, которые заняли почти все ответственные посты. 20 мест принадлежало русским купцам, 15 — чиновникам, 2 — дворовым людям и 1 — вольноотпущенному.

Заседания муниципалитета проходили в сохранившемся доселе доме знаменитого полководца П. А. Румянцева (угол Армянского переулка и Маросейки). 16 и 17 сентября состоялись первые организационные заседания. Городским головой был назначен купец П. И. Находкин. При вступлении в должность он заявил: *«...Прежде чем вступить в исполнение своих обязанностей, я должен официально объявить, что ничего не стану делать против веры и моего государя. Иначе мы скорее умрем, чем не исполним долга, который в наших глазах есть первый и священный...»* Так же поступили многие другие члены правления. Членам муниципалитета предписывалось носить красную ленту на левой руке и через плечо, полицейским комиссарам — белую ленту вокруг левой руки. Городскому голове, помимо красной ленты, полагался белый пояс.

Муниципалитет состоял из шести отделов, которые возглавлялись товарищами городского головы. На каждый из отделов возлагались определенные функции: попечение о бедных, привлечение на работу ремесленников, очистка и ремонт улиц, дорог и мостовых, безопасность и спокойствие жителей, обеспечение французской армии продовольствием и квартирами. Особый отдел составляла муниципальная полиция.

Основную функцию городских властей составляло продовольственное и квартирное обеспечение армии. Муниципалитет попытался собрать в специальные магазины оставшиеся в городе запасы, призвать крестьян привозить продукты в город для продажи, организовать специальные отряды во главе с членами правления для закупки провизии на селе. Однако все эти меры полностью провалились, в том числе и потому, что большая часть деятелей муниципалитета всячески пыталась уклониться от возложенных на них обязанностей. Полицейскому управлению неоднократно поручалось выяснить, *«по какой причине гражданские чиновники не являются к своим должностям»*.

Отчаянное положение москвичей, разрушенный и разграбленный город, деморализованная, раздетая и голодная армия — все говорило о том, что попытка Наполеона поправить положение с помощью муниципалитета потерпела неудачу.

Русские власти тщательно следили за деятельностью муниципальных органов. На улицах Москвы было расклеено объявление, изданное русским полицейским управлением за подписью министра полиции С. К. Вязмитинова. *«Известно,*— говорилось в нем,— *что неприятель учреждает в Москве некоторые на французский образец присутственные места или начальства, стараясь разглашать, что делается это для восстановления порядка и спокойного в ней пребывания жителей. Между тем солдаты его продолжают расхищать и производить всякие насилия и грабительства. Для прикрытия сих неистовств успел он страхами и соблазнами преклонить некоторых русских принять на себя обязанности быть членами сих учреждаемых от него обществ... Правительство почитает за нужное объявить всенародно:*
1) Что оно прилагает всевозможное попечение о помощи и призрении разоренных от неприятеля, скитающихся без пристанища людей;
2) Что сим предварительным извещением надеется спасти простоту от позднего раскаяния в легковерности, дерзость же, постыдящуюся нарушать долг и присягу, устрашить правильным и неизбежным наказанием».

И вправду, членов московского правления ожидали суровые кары. Специально созданная следственная комиссия занималась разбором «деятельности» этих лиц в муниципалитете. На заседании Сената в 1814 году *«чиновники и разного звания люди, бывшие при неприятеле в разных должностях»*, были обвинены в измене Родине и преданы суду.

ИРИНА ЕЗЕРСКАЯ

Возрождая традиции благотворительности в России, мы невольно обращаемся к ее истории, хранящей немало ярких, порой неожиданных и курьезных, но все же волнующих примеров человеческого милосердия и участия.

АЛЕКСЕЙ НЕВСКИЙ

БОСТОННАЯ ПОДАТЬ

«Отечеству служить есть первый мой закон»,—
Твердит Ликаст важнейшим тоном.
А как же служит он? —
В танцклубе за бостоном.

В. Л. ПУШКИН

...К началу 1814 года окончательное поражение Наполеона было предрешено. Русские газеты сообщали о победах союзных войск в Швейцарии, Франции и Голландии. Проблемы военного времени уступили место вопросам мирного обустройства жизни. Средства, выделенные правительством пострадавшим и обездоленным, были недостаточными, а потому всячески поддерживались частные пожертвования. Об этом писалось и в очередном, девятом «Письме из Москвы в Нижний Новгород» в патриотическом журнале «Сын Отечества». Интриговало отсутствие в публикации имени автора, хотя афористичность языка обнаруживала изрядный литературный опыт. Автор предложил остроумную идею, реализация которой смогла бы принести значительный доход и позволила бы оказать помощь десяткам страждущих. Решив добиться *«величайшего действия способами самыми простыми, легкими и удобными»*, он построил свой расчет на привреженности русского общества к карточным играм, особенно к бостону. Ни указы правительства, ни многочисленные эпиграммы и сатиры на игроков не могли искоренить в России страсть к карточным баталиям, сотрясавшим светские салоны и казармы, залы дворцов и комнаты для прислуги.

Но автор «Писем» вовсе не спешил разоблачить «общественное зло». Вычислив, что в России в день играется 1000 бостонов, создатель проекта предложил, чтобы *«игрок за каждую выигранную игру откладывал по одной фишке в особливое блюдечко для бедных»*. Он рассчитал, что в день это может дать 6000 рублей дохода, следовательно, в год — 2 190 000 рублей. *«Ах! Если бы проект мой был принят!* — говорилось в заключение.— *Воздвигну себе монумент хотя из карт, но прочнее меди и пирамид; имя мое навсегда останется на дне каждой коробочки с фишками!»*

Не правда ли, изложенный план не более чем грустная шутка, призванная показать, сколь малым нужно пожертвовать человеку состоятельному для пользы неимущего?

Однако уже в следующем томе «Сына Отечества» издатели опубликовали отклик человека, назвавшего себя «любителем благотворительности и бостона». *«В прошедший четверток,*— рассказывал неизвестный,— *наши три комплектные партии, распечатав карты, готовились сесть за дело, как принесли третью книжку «С[ына] О[течества]». Любопытствуя узнать что-нибудь новенькое, мы рассудили сначала пересмотреть ее. Вдруг пырь в глаза — бостон! Мы не поленились, прочли статью сию вслух и тут же, с искреннею благодарностию к незнакомому, к почтенному ее сочинителю, положили единогласно принять его предложение. Выменяв по окончании игры скопившиеся на блюдечке марки на деньги, всего тринадцать рублей шестьдесят копеек, препровождаем оные при сем, просясь вас, Милостивые Государи, употребить их по вашему благоусмотрению.— Для почину в пользу бедных играли мы в сей день двойную против обыкновенного ценою — по гривне».*

Всего за несколько дней в редакцию поступило 35 рублей 25 копеек. Их передали в Санкт-Петербургское женское патриотическое общество.

С той поры рубрика «Бостонные подати» стала постоянной в журнале. В ней



сообщалось о пожертвованиях, как правило, анонимных.

Иногда отправители указывали, для кого посылали они свою *«бостонную пошлину»*. Так поступили *«Псковской губернии Островского уезда сельские жители»*, которые собрали за картами 25 рублей и просили потратить их в пользу инвалидов.

Однако большинство жертвователей доверяли распределение полученных сумм журналу, откуда они отправлялись в общественные благотворительные организации и людям, оказавшимся в бедственном положении. О том, сколь своевременной бывала такая помощь, свидетельствует письмо вдовы поручицы Анны Астафьевой. Не имея ни пропитания, ни дров для обогрева жилища, *«прося и бывая отринутой»*, она, благодаря бостонной подати, вдруг в несколько дней настолько поправила свое положение, что могла *«на довольное время быть обеспеченной»*. *«Я теперь уверена,*— писала Анна Астафьева,— *что дети мои охотно положат жизнь свою за Отечество, ибо они увидят, что благотворительные сограждане обратили внимание на мать их и призрели несчастную».*

Извещения о бостонных податях печатались в журнале на протяжении 1814—1815 годов. Сообщая о посылке 7, 12, 100, 230 рублей, люди не переставали удивляться плану *«незнакомого, который подал мысль посредством суетного занятия помогать страждущим своим собратьям»*.

Кто же создал этот необычный проект? Автор «Писем из Москвы в Нижний Новгород» — Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, дипломат и литератор, член Российской Академии. Русский посланник в Гамбурге и Мадриде, после Аустерлица он вышел в отставку. Был знаком с М. И. Кутузовым. Переводил античных поэтов. В момент написания «Писем» два его сына-офицера, участники сражений при Бородине, Тарутине, Малоярославце, находились вместе с действующей армией в заграничном походе. Младшему сыну только-только сравнялось 7 лет.

В январе 1826 года братья Матвей и Сергей Муравьевы-Апостолы будут арестованы при подавлении восстания Черниговского полка и осуждены: Сергей — на казнь, Матвей — на ссылку. Младший, Ипполит, застрелится, не желая сдаваться в плен. А Иван Матвеевич покинет Россию, умрет во Флоренции весной 1851 года.

Так окончит свои дни человек, писавший в январе 1814 года: *«Пока есть на свете люди беднее меня, непросвещеннее, пока есть такие, у которых все сгорело, тогда как у меня только часть,— я до тех пор буду иметь средства пройти небезмолвно путем жизни. Счастлив, кто так живет!»*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сын Отечества. 1814. №№ 3, 4, 8, 11, 13.

НЕ СУДЬБА...

Гвардия всегда являлась парадным фасадом империи, опорой политической власти. Она считалась средоточием лучших национальных сил, интеллектуальной и культурной элитой общества. Гвардию берегли, на гвардию надеялись.

В день Бородина войска гвардии, входившие в 5-й пехотный и 1-й кавалерийский корпуса, а также в 1-ю кирасирскую дивизию, составляли резерв армии. Но в отличие от французских гвардейцев, так и не принявших участия в сражении, русские сыграли в нем выдающуюся роль.

26 августа гвардейские егеря первыми вступили в бой, сдерживая натиск французской пехоты на Бородино. Вскоре на помощь Багратиону двинулись лейб-гвардии Измайловский и Литовский полки. Для последнего — самого молодого полка гвардии — этот день стал и днем боевого крещения. Они не дали уничтожить левый фланг русских, расстроенный непрерывными атаками наполеоновской армии. А после взятия Семеновских флешей, отступив на новый рубеж обороны, измайловцы и литовцы преградили путь вражеской кавалерии.

Старейшие гвардейские полки — Преображенский и Семеновский,— подкрепляя центр позиции, 14 часов подвергались орудийному обстрелу. Лейб-гвардии Финляндский, направленный на левый фланг, пресекал до позднего вечера попытки французов обойти русские порядки. В боевой линии гвардейских батальонов успешно действовали и гвардейцы-артиллеристы, нанося страшный урон врагу.

Когда же пал последний опорный рубеж обороны — батарея Раевского, в контратаку бросились кавалергарды и конногвардейцы, спасая отходившую пехоту, ликвидируя прорыв неприятельской конницы.

До темноты продолжались артиллерийские и кавалерийские дуэли, но Наполеон не смог разгромить русскую армию, и в значительной степени благодаря упорству и жертвенной стойкости гвардии.



Официальный, сухой документ, составленный спустя три недели военными медиками, по своей трагической определенности кажется более красноречивым, чем тома бесчисленных описаний.

Но и этот список еще долго оставался незавершенным. Одни, как полковник Р. М. Таубе и капитан А. Г. Огарев, не оправятся от тяжких ран. Другие, как егерский полковник И. А. Петин, погибнут на полях Европы... А оставшихся в живых ждали разные судьбы — прекрасные и трагические.

Портреты М. Е. Храповицкого и И. Ф. Удома — командиров бесстрашных измайловцев и литовцев — и сегодня украшают Военную галерею Зимнего дворца...

17-летний прапорщик А. С. Норов станет министром и яростным критиком эпопеи «Война и мир», а конногвардейский ротмистр А. Ф. Орлов — шефом жандармов и начальником III отделения...

К движению тайных организаций окажутся причастны Н. А. Летюхин, П. П. Трубецкой, И. И. Полиньяк, А. Я. Миркович; А. Ф. Бриггена ждет тюрьма и ссылка. П. И. Пестель, награжденный за Бородино золотым оружием, в 1826 году будет казнен...

Но это уже другая история, а тогда, в сентябре 1812 года, оставив Москву, считая потери и собирая силы, русская армия отступала к Тарутину.

СПИСОК

о потерях гвардейских частей в сражении при Бородине, представленный штаб-доктором 5-го пехотного корпуса П. Т. Канельским главному военно-медицинскому инспектору русских армий Я. В. Виллие *.

ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКА

Убиты
полковник Баранцов
капитан Шапочников
штабс-капитан Путятин
Ранены
полковник Стрекалов контузиею
капитан Тухолка контузиею в левую ногу ядром тяжело
штабс-капитан Шкурин контузиею в правую титку
поручик Кишинской контузиею в голову
поручик Ушаков контузиею в ногу
поручик Обольянинов оторвана левая нога
поручик барон Пирх ранен ядром в левое плечо

Итого раненых — 7

СЕМЕНОВСКОГО

Убиты
поручик граф Татищев 1-й
прапорщик Оленин 1-й
Ранены
полковник барон Дедамас ранен в левую руку пулею
баталионный адъютант поручик Жадовской контузия ядром в ногу
подпоручик Нарышкин контузия ядром в ногу и живот
прапорщик Оленин 2-й контузия ядром в грудь, труден

Итого раненых — 4

ИЗМАЙЛОВСКОГО

Убиты
поручик Санрасон
подпоручик Самсонов 1-й
Ранены
полковой командир полковник Храповицкий в левую ляшку картечью на вылет
полковник Козлянинов картечью у левой руки два пальца оторваны
полковник Мусин-Пушкин картечью получил контузию в левый бок
капитан Мартынов контузия в руку и ногу ядром
штабс-капитан Круглов контузия в грудь
(штабс-капитан) Масленицкий ранен картечью в левую руку
поручик Бахметьев картечью в левую руку контузия
поручик Быков 1-й в голову черепом от бомбы
(поручик) Аргамаков перешибло бомбою ногу, умер
поручик Евреинов ранен пулею в левую руку
(поручик) Васьков ранен пулею в левую руку на вылет

* Данные о потерях среди нижних чинов гвардейских частей не публикуются. Они составляли примерно 3 600 человек.

поручик Козлянинов ранен в ногу картечью
подпоручик Кавелин ранен в ногу ядром и в руку картечью
подпоручик Синерцов картечью в левую руку
(подпоручик) Летюхин 1-й ядром оторвало левую ногу, а у правой пятку
подпоручик Васильчиков 2-й контузия черепом бомбы в пятку
(под)поручик фон-дер Бриген контузисю в грудь
прапорщик Скаржинской контузисю в голову
(прапорщик) Афросимов контузисю в левую ногу
(прапорщик) Кашинцов ранен пулею в левую руку
(прапорщик) Васильчиков 3-й пулею в правую руку на вылет

Итого раненых — 21

ЕГЕРСКОГО

Убиты
штабс-капитан князь Грузинской
(штабс-капитан) Левшин 2-й
(штабс-капитан) князь Голицын
поручик Ховен
на другой день после сражения померли
прапорщики Леонтьев
Киселев 1-й
Жилин
Ранены
полковник Макаров в левую руку пулею
(полковник) Рихтер контузию ядром
(полковник) Мациен контузиею картечью
(полковник) Делагард в живот пулею
капитан Петин в левую ногу
(капитан) Пенской 3-й в грудь пулею
(капитан) граф Сент-Приест 3-й три контузии получил
штабс-капитан Свечин в правую ногу
(штабс-капитан) Барышников в правую руку
поручики Левшин 3-й в грудь ранен
Бистром контузиею
Сухтелен в левую руку контузиею
баталионный адъютант Репнинский три раны тяжелых
поручик Корсаков в правую ногу
(поручик) Кривцов в правую руку
подпоручик Хлопов в левую руку и грудь
(подпоручик) Фролов-Багреев 2-й в щеку на вылет
(подпоручик) Гедерштерн в грудь
(подпоручик) Волков в правую ногу
прапорщик Бутурлин в правую ногу и в крестец
(прапорщик) Ермолаев в правую ногу
(прапорщик) Штраидман в правую ногу
(прапорщик) Щепотьев в правую руку

Итого раненых — 23

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ

Убиты
подпоручик Василий Павлов
прапорщик Илья Каналенской
Ранены
полковник барон Таубе оторвана правая нога
капитан Алексей Вельяминов контузиею в ногу
штабс-капитан Александр Базиленич контузиею в плечо
штабс-капитан Николай Демидов контузиею в левое плечо
поручик князь Михайла Горчаков 2-й контузиею в плечо
поручик Григорий Карабин контузиею в руку и ногу
(поручик) Борис Глухов ранен в руку с повреждением кости
поручик Алексей Гарданов ранен в ногу ядром
подпоручик Сергей Сумороков ранен в затылок

(подпоручик) Пармен Стахович контузиею в ногу
(подпоручик) Николай Зларковской контузиею в грудь и левую ногу
подпоручик Андрей Baксмут контузиею в лопатку
прапорщик князь Петр Трубецкой контузиею в ногу
подпоручик Иван Баранов ранен в руку с повреждением кости
прапорщик Алексей Рюль оторвана правая нога ядром
прапорщик Авраам Норов ранен в правую ногу с повреждением кости

Итого раненых — 16

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННОГО ПОЛКА

Ранены
полковник Арсеньев в левое плечо контузиею
ротмистр Орлов пикою в бок и голова порублена
штабс-ротмистр граф Тишкевич разрублено правое колено саблею
Умер 27 августа (Так в тексте. Приписка должна относиться к штабс-ротмистру Сонцову.— *Прим. ред.*)
штабс-ротмистр Сонцов пикою в бок и картечью в голову
поручик Миркович 1-й ядром в ляжку
(поручик) Шарлемон пикою в бок и саблею в левое плечо
поручик Свежинский контузиею в плечо
корнет князь Голицын 3-й контузиею в грудь

Итого раненых — 8
корнет князь Голицын 4-й убит

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАВАЛЕРГАРДСКОГО ПОЛКА

Убит
полковник барон Левенвольде
Ранены
полковник Каблуков 1-й раною руки от сабли
ротмейстер Бороздин ранен в левую ногу картечью с переломом кости (т. е. ротмистр)
(ротмистр) Уваров 2-й голова и рука порублена
поручик барон Арбс Говен разрублена рука
корнет Шереметьев легкою порубленною раною в лицо
(корнет) Языков 1-й пулею в ногу
(корнет) фон Шмидтен ранен пулею в колено
(корнет) Пашков контузиею поясницы

Итого раненых — 8

ЛИТОВСКОГО ПОЛКА

Убиты
подполковник Шварц
подпоручик Карабин 1-й
Ранены
полковой командир полковник Удом пулею в правую руку
подполковник Тимофеев пулею в ногу
(подполковник) Угрюмов картечью в щеку
капитан Арцыбашев 1-й картечью в верхнее плечо
(капитан) граф Полиньяк контузиею в голову
(капитан) Самбурской пулею в ногу
(капитан) Кишкин пулею в руку
(капитан) Назимов пулею в левую бровь
(капитан) Брезовский контузиею в голову
штабс-капитан Мичурин пулею в левую ногу
(штабс-капитан) Дурасов картечью в ногу
(штабс-капитан) Габбе пулею в грудь
(штабс-капитан) Алексеев 1-й контузиею в ногу и грудь
поручик Исленьев пулею в левую ногу
(поручик) Уваров в правую руку
(поручик) баталионный адъютант Вердеревский пулею в ногу
(поручик) Неверовский контузиею в ногу
(поручик) Аничков пулею в руку

(поручик) Адамов пулею в правую ногу
(поручик) Рагозин контузия легкая
(поручик) Пущин ядром в ногу, сему сделана операция
подпоручик батальонный адъютант Неелов контузия в ногу
подпоручик Острожской контузия в левую руку
(подпоручик) Юкичев контузия в ногу
(подпоручик) Даньдон контузиею в грудь
(подпоручик) Ворнаховский ранен пулею в правый бок
(подпоручик) Веревкин пулею в грудь
(подпоручик) Гаршковский пулею в ногу и контузиею в грудь
прапорщик Борзов пулею в ногу
(прапорщик) князь Жевахов пулею в грудь на вылет
(прапорщик) Ипаиов пулею в верхнее плечо
(прапорщик) Вилинбахов контузия легкая
прапорщик барон Герсдорф пулею в голову легко
(прапорщик) Пестель картечью в ногу
(прапорщик) Пущин пулею в левую ногу
(прапорщик) Ушаков картечью в руку

Итого раненых — 36

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ФИНЛЯНДСКОГО ПОЛКА

Убиты
подпоручик Великопольской
(подпоручик) Шепинг 2-й
прапорщик Титов
Ранены
полковник Жерне легко ранен в ногу
капитан Огарев тяжело ранен в бедро картечью
штабс-капитан Рать 4-й в руку на вылет пулею
(штабс-капитан) Волков Меньшой в ногу пулею легко
(штабс-капитан) Ахлестышев легко ранен в ногу
поручик князь Шаховской в бедро ранен картечью и кость переломлена
подпоручик Марин в плечо тяжело ранен
(подпоручик) Веселовской в руку пулею легко
прапорщики Страхов в руку пулею тяжело
Саковнин ядром ногу оторвало
Страхов 3-й в плечо пулею
Марковской в ногу пулею легко

Итого раненых — 12

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННОЙ АРТИЛЛЕРИИ

Убиты
капитан Захаров
поручик барон Вольф
подпоручик Павлов
Ранены
капитан Раль пулею в ногу
подпоручик Бартоломей ранен в грудь картечью
(подпоручик) Дивов контузия в ногу

Итого раненых — 3

Штаб-доктор Кавельский

Л[ейб]-г[вардии] уланского, драгунского и гусарского полков потому число убитых и раненых не означено, что помянутые полки не принадлежат к 5-му корпусу первой Западной армии.

Яков Виллие

ЦГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 97. Л. 109 об.-116. Подлинник.

Публикация **АЛЕКСАНДРА КАПИТОНОВА**







Парад старой гвардии перед кампанией 1812 г.

Сдача Ульма 20 октября 1805 г. Художник Тевехин.

Командир роты конных егерей Робер Дьедоне. Художник Т. Жерико.

ДЖУЧИ ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ,
доктор исторических наук

В ночь на 23 октября 1812 года, когда последние отряды Великой армии Наполеона покидали предместья Москвы, в Париже происходили события, вошедшие в историю как второй заговор генерала Мале. Внешне они были настолько эффектны и неожиданны, что, казалось, могли быть созданы только фантазией писателя. По образному выражению министра полиции Франции Савари, Париж, думая, что под ним гранитная скала, вдруг почувствовал себя на вулкане.

ПОКОЙНИК НЕ УМЕР!

Октябрь 1812: республиканский заговор в Париже

Справка: *В 1808 году за попытку организовать республиканский заговор против Наполеона был арестован и посажен в парижскую тюрьму Ла Форс генерал Мале. По своим убеждениям Мале — граф из рода Перигоров, отдаленный родственник Талейрана — оставался якобинцем, подлинным рыцарем республики. «Он искренне вошел в революцию,— писал Савари, весьма далекий от сентиментальности,— и исповедовал ее принципы с большим жаром. Для заговора обладал характером, который имели древние греки и римляне»* [1].

I

В шесть часов вечера 22 октября 1812 года Мале поужинал и сел играть в карты с известными роялистами братьями Полиньяками, маркизом де Пюивер и другими монархистами, в разное время арестованными наполеоновской полицией. Генерал был абсолютно спокоен и настолько хорошо владел собой, что постоянно выигрывал. После игры Мале вернулся к себе, еще раз просмотрел приготовленные документы и в 11 часов вечера вместе с Лафоном [2], священником-роялистом, вышел во двор. Накрапывал небольшой дождь. Мале первым перелез через стену тюремной больницы, за ним — священник с толстым портфелем, набитым бумагами будущего правительства. Началась ночь, которой предстояло войти в историю [3].

Оказавшись на свободе, Мале на приготовленной квартире переоделся в генеральский мундир. Там к нему присоединились два сторонника — Рато и Бутро. Лафон под благовидным предлогом исчез и в заговоре участия не принимал. Мале сразу произвел Бутро в комиссары полиции, а Рато сделал своим адъютантом. Все трое оседлали коней и отправились к казармам 10-й когорты национальной гвардии.

Прибыв туда, Мале вызвал командира когорты полковника Сулье и вкратце объяснил ситуацию: император Наполеон погиб 7 октября под Москвой, Сенат, получив это известие, собрался и провозгласил Республику. Потом Мале выступил перед солдатами, от имени нового правительства пообещал поощрения и отпуска. Его короткая, но достаточно энергичная речь закончилась призывом: «Да здравствует нация!» В прокламации генерала говорилось: «...тиран погиб под ударами мстителей! Он получил то, что заслуживал от Родины и человечества... Граждане, в этот день, někoнеж запомнившийся, мобилизуйте всю вашу энергию, чтобы сорвать с себя постыдное ярмо. Уничтожайте тех, кто станет на вашем пути, поддерживайте тех, кто присоединится к вам... Умрем, если надо, за нашу родину, за нашу свободу» [4]. В казармах Парижской гвардии повторилась та же сцена. Два батальона приступили к выполнению приказов генерала.

Как потом выяснилось, у Мале были далеко идущие планы: он намеревался в районе Булонь-на-Марне собрать армию в 50 тысяч человек во главе с известным генералом Лекурбом и встретить Наполеона, когда тот победителем или побежденным возвратится во Францию [5].

К заговору генерал подготовился прекрасно: его документы и приказы были написаны столь искусно, что этому удивлялся впоследствии сам Талейран. Например, Сулье он демонстрировал постановление об образовании нового правительства с печатями и подписями членов Сената.

Тем временем Мале освободил из тюрьмы трех республиканских офицеров: генералов Лагори и Гидаля и полковника Бокшана. Лагори он произвел в министра полиции, Бокшан стал префектом департамента Сены, Гидаль — начальником охраны Сената.



К семи часам утра были арестованы министр полиции Савари, префект Парижа Паскье и начальник особого отдела министерства полиции по раскрытию заговоров Демаре. Всех троих взяли прямо с постелей и отправили в камеры Ла Форс.

Париж уже почти принадлежал Мале. Военный министр бежал. Полковник Сулье занял ратушу и готовил с помощью... префекта департамента Сены графа Фрошо, в прошлом якобинца, зал для заседания Временного правительства. Полицейские чиновники под руководством Бутро организовали проверку архивов префектуры. Были закрыты все парижские заставы. «Планы Мале,— писал в своих мемуарах Савари,— осуществлялись безукоризненно. Ему подчинились банк, казначейство, два батальона, ни один из которых не оказал сопротивления» [6]. Лагори и Гидаль во всех красках описывали смерть Наполеона: «Это произошло в Кремле, когда там находились наши войска. Армия отступает в смятении. Русские уже в Варшаве». На многих солдат это произвело впечатление.

Сам Мале отправился к коменданту Парижа генералу Юленю, известному бонапартисту, командовавшему в 1804 году расстрелом герцога Энгиенского. Сообщив коменданту о смерти императора под Москвой и образовании нового правительства, объявил его арестованным. Юлень потребовал предъявления документов. «Охотно»,— сказал Мале и, выстрелив ему в голову, крикнул: «Вот мои документы».

Затем заговорщики двинулись к главному штабу. Солдат генерал оставил у подъезда, а сам, взяв адъютанта Рато, поднялся к начальнику штаба полковнику Дусе. Это была роковая ошибка. У Дусе находилось около десятка офицеров, причем некоторые из них знали Мале. Генерала арестовали, связали и показали с балкона солдатам, сообщив, что Наполеон жив. Войска вернулись в казармы. После этого сравнительно легко разделались с другими руководителями заговора: Лагори был взят у себя в министерстве, Гидаль — в префектуре полиции. В ратуше арестовали графа Фрошо, а полковнику Сулье при аресте с улыбкой сказали словами героя популярной пьесы: «Покойник не умер». Военный министр вернулся в столицу из своего укрытия.

II

Заговор посеял тревогу в правительстве. «В его [Мале] власти,— рассуждал позднее Савари,— могли оказаться казначейство и почта. Получая эстафеты из армии, он узнал бы о печальном исходе войны, и ничто не помешало бы ему арестовать императора, если бы он прибыл один или с охраной. Опасность, угрожавшая общественному мнению и спокойствию, была велика: волей-неволей нам пришлось убедиться, что далеко не во всем мы были сильны. Что особенно поразило всех, так это та легкость, с которой армия поверила в смерть императора, и то, что никто не вспомнил при этом о его сыне» [7].

Правительственную комиссию по расследованию «дела Мале» интересовали размеры заговора, его разветвления. Но на вопрос председателя суда Дежана: «Кто были ваши сообщники?», Мале дал замечательный ответ: «Вы и вся Франция, если бы я победил!» Официально сообщили: Мале — одиночка и добился такого феерического успеха лишь благодаря хитроумно задуманному плану. Правда, понес наказание не только он: 30 октября 1812 года на Гренельском поле расстреляли 14 человек. Они умерли мужественно. Генерал сам командовал расстрелом, воскликнув перед смертью: «Да здравствует Республика!»

Известие о заговоре пришло к Наполеону в трудное для него время — 6 ноября 1812 года. Начались заморозки, Великая армия несла тяжелые потери и, отступая, оставляла за собой страшный след из убитых солдат, павших от истощения лошадей, брошенных орудий. Прибывшая из Парижа депеша от министра полиции привела императора в отчаяние. Правда, в первую минуту Наполеон сдержал себя, лишь обратившись к маршалу Дарю: «Ну, а если бы мы остались в Москве?» (Дарю предлагал Наполеону перезимовать в Москве.) Затем поспешил уйти.

«Как только он очутился наедине с самыми преданными ему офицерами, все его чувства сразу вылились в восклицаниях, выражавших изумление, обиду, гнев. Несколько минут спустя он приказал позвать других офицеров, чтобы посмотреть, какое действие на них произведет такое странное известие. Он увидел беспокойную грусть, растерянность и уверенность, что прочность его власти поколебалась. Он мог видеть, как офицеры подходили друг к другу с печальными вздохами, говоря, что, значит, великая революция 1789 года, которую все считали закончившейся, еще не закончилась» [8],— вспоминал позднее адъютант императора граф Сегюр.

Все последующие дни Наполеон не переставал думать о заговоре. Арман де Коленкур в мемуарах рассказывал, что ему в эти дни говорил император: «Раб — дурак, ему достаточно показать большой печатный бланк с поставленной на нем печатью! Но как был обойден и обманут Фрошо, человек умный, человек с головой? Он старый якобинец. Должно быть, его еще раз соблазнила республика...»

Не пощадил Наполеон и военного министра: «Кларк, который распинается передо мной в своей преданности, не потрудился даже надеть сапоги, чтобы поспешить в казармы, привести войска к присяге Римскому королю и вытащить Савари из тюрьмы... Как полагаться на подобных людей?» [9] А главное, Наполеона беспокоило впечатление, которое эти события могли произвести в Европе.

Однако, прибыв в Париж, Наполеон в конце концов согласился с официальной версией министерства полиции: нельзя было в минуты поражений рассказывать миру о республиканском заговоре, зревшем в армии и обществе.

III

Через три года после описываемых событий, когда Наполеон только готовил побег с Эльбы, в Париже увидело свет анонимное произведение «История тайных обществ в армии». В нем рассказывалось, что будто бы во время наполеоновской диктатуры в стране существовало тайное, в основном республиканское, общество «филадельфов», членами которого в разное время были известный генерал Моро, полковник Уде и, наконец, заговорщик Мале. Опираясь на силы общества, Мале дважды — в 1808 и 1812 годах — пытался ниспровергнуть Империю и восстановить Республику. С гибелью генерала «филадельфы» прекратили свое существование.

В обществе к книге отнеслись скептически. Когда же стало известно имя автора (им оказался писатель и академик Шарль Нодье), сомнения еще больше возросли — Нодье был слишком увлекающимся, пылким и вдохновенным человеком. «Для него все в жизни драма или роман... Любое имя вызывает в его памяти образ, а образ порождает вскоре целое полотно» [10],— говорил Проспер Мериме.

Однако уже в XIX веке некоторые историки (П. Грюссе) считали, что «филадельфы» реально существовали, а Ш. Нодье был их членом. Эта версия нашла неожиданное подтверждение в исследованиях итальянского историка А. Саитта — биографа Ф. Буонарроти. В одном из архивов он обнаружил «Список имен великих людей», составленный революционером незадолго до смерти, где об Уде сказано: «Создатель общества филадельфов, боровшихся с тиранией Бонапарта», а о Мале: «Республиканец-демократ, восставший из глубины тюрьмы во имя защиты народа и его прав» [11].

Может, Мале и не был одиночкой, но эту тайну генерал унес с собой в могилу.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Mémoires du duc de Rovigo. T. VI. Paris, 1828. P. 17.
2. Lafon. Histoire de la conspiration du général Malet. Paris, 1814.
3. О заговоре Мале 1812 г. см.: Hamel E. Histoire des deux conspirations du général Malet. Paris, 1873; Melchior-Bonnet B. La conspiration du général Malet. Paris, 1963.
4. Grousset P. La conspiration du général Malet. Paris, 1869. P. 101.
5. Ibid. P. 106—107.
6. Mémoires du duc de Rovigo. T. VI. P. 31—32.
7. Ibid. P. 39—40.
8. Граф де Сегюр. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона. М., б.г. С. 364—365.
9. Арман де Коленкур. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 225—226; В ЦГВИА в фонде А. А. Аракчеева (Ф. 154. Оп. 1. Д. 92) хранится папка, содержащая копии пяти писем Наполеона по поводу заговора Мале, написанных 11 ноября 1812 г. Однако неизвестно, как эти копии попали к А. А. Аракчееву.
10. Проспер Мериме. Шарль Нодье // Собр. соч. в 6 т. М., 1963. Т. 5. С. 155—156.
11. Saitta A. F. Buonarroti. Roma, 1950-1951. V. 1—2. V. 2. P. 45.

ВАСИЛИЙ ВЕРЕЩАГИН

СЫНЫ СТЕПЕЙ

Неоконченный цикл картин Василия Васильевича Верещагина (1842—1904) был посвящен 1812 году: «Наполеон I на Бородинских высотах», «Возвращение из Петровского дворца», «Зарево Замоскворечья», «Маршал Даву в Чудовом монастыре», «Мир во что бы то ни стало!», «Не замай,— дай подойти!», «На большой дороге. Отступление, бегство...» и т. д.— всего 20 полотен, созданных в последние 15 лет жизни. Но мало кто знает о той громадной исследовательской работе, которую провел Верещагин. Собирая материал, фактуру этих картин, он представлял свое, оригинальное осмысление войны.

В 1895 году, еще до шумного успеха первых полотен этой серии, Верещагин опубликовал солидное историческое исследование «1812. Наполеон I». Отвергая «игру в одни ворота», он намеренно акцентировал внимание на «французском» восприятии событий прошлого, основное правило «батального» реализма находил в известных словах Наполеона: «После битвы нет врагов — есть только люди...» Предлагаем вашему вниманию отрывок из этого исследования.

Выступившая из Москвы неприятельская армия скоро всецело поступила на попечение казаков, окруживших, провожавших ее до самой границы и далее и надоевших ей на этом долгом пути до такой степени, что вскоре французская нация, а за нею и вся Европа, без ужаса не произносили слова «казак», сделавшегося синонимом варварства, бессердечия, алчности, вероломства и жестокости. В сущности, казаки, преследуя и истребляя по мере своих сил неприятеля, только исполняли свою прямую обязанность, и если дело не обошлось без проявлений жестокости и алчности, то, наоборот, бывали случаи и гуманнейшего отношения их к своим врагам.

«Казаки,— говорит Constant,— как будто созданы для того, чтобы составлять с лошадью одно целое. Ничего нет смешнее походки их, пеших: ноги, привыкшие бить по лошадиным бокам, какие-то выгнутые, похожие на железные клещи; когда они сойдут на землю — сейчас видно, что им не по себе. Лошади маленькие, с длинными хвостами, и, по-видимому, очень послушные. Когда император выезжал в Гжатск, за ним ехало двое этих варваров. Он приказал дать им водки — они выпили ее, как воду, и смело подставили снова свои стаканы, дескать: еще!»

Отдельные отряды и обозы очень страдали от казаков; так, на Можайской дороге 300 человек их напали ночью на лагерь обоза в 350 фур, шедших под прикрытием четырех кавалерийских полков и двух батальонов пехоты, и так перепортили все упряжки повозок, что те не могли двигаться далее.

Но с Вяземского сражения пехота русская, шедшая стороною для перегораживания французам пути впереди, не показывалась на большой дороге, и арьергард Нея опять имел дело только с казаками, «надоедливыми насекомыми», по выражению Сегюра. На своих маленьких лошадках, хорошо подкованных и приученных бегать по снегу, они не покидали отступающую армию.

«В довершение беспорядка нашего отступления, которого одного было довольно, чтобы нас погубить,— говорит Буржуа,— казаки ежеминутно налетали на нас... Как только наши завидят их, так сейчас бросаются в стороны, одни очертя голову, другие в некотором порядке, под прикрытие вооруженных групп, кое-где державшихся... Число бредших отдельно было так велико, что казаки брали далеко не всех, а выбирали своих пленных; они забирали только тех, что казались получше одетыми и обещали какую-нибудь поживу, других же пропускали, будто не замечая...»

Платов совершенно расстроил, почти уничтожил отряд принца Евгения, убил более 1500 и взял в плен 3500 человек, захватил 62 пушки, знамена и множество багажа.

Наполеон назвал казаков в одном из своих бюллетеней: «Презренная кавалерия, только шумящая, но неспособная прорвать роту стрелков, сделавшаяся страшною только при данных обстоятельствах». Он не знал или не принимал во внимание, что казацкое войско совсем отлично от регулярной кавалерии, что казаки сражаются только тогда, когда наверное рассчитывают одержать победу,— ему было нужно видеть того казака, который, нарядившись в мундир его «храброго из храбрых» маршала Нея, преспокойно справлял свои казачьи обязанности, чтобы понять, сколько наивной удали в этих «сынах степей».

Констан пресерьезно уверяет, что Неаполитанский король имел большое влияние на «этих варваров», т. е. казаков. Один раз будто бы императору говорили, что они хотят провозгласить Мюрата своим гетманом, и Наполеон, посмеясь этому предложению, ответил, что не прочь поддержать избрание. Будто бы Неаполитанский король своею осанкою и своим богатым театральным костюмом очаровывал казаков и... один взмах его огромной сабли обращал в бегство целые орды «этих варваров».

Автор «Journale de la guerre» рассказывает о том, что, несмотря на свое критическое положение во время отступления, они искренно посмеялись над одним из налетевших на них казаков, схватившим тюк тонкого полотна и бросившимся с ним наутек: так как он успел схватить кусок за один конец, а французы держались за другой и не выпускали из рук, то полотно продолжало все развертываться до тех пор, пока «варвар» не скрылся в лес.

В захваченном казаками собственном обозе Наполеона всего больше понравились им и офицерам бутылки с буквами N и императорскою короной — в бутылках было старое Шато-Марго!

Интересны захваченные казаками походные кровати Наполеона, находящиеся теперь в Москве, в Оружейной палате: одна побольше, расставлявшаяся в городах и местах более долгих остановок, другая небольшая — для повседневного употребления. Чехлы на кроватях — лилового шелка, снабжены карманами для книг, бумаг и приходящих ночью донесений.

После множества павших на казаков обвинений — частию, вероятно, справедливых,— может быть, нелишне будет привести несколько свидетельств самих французов, указывающих на казачье добродушие.

«Наша артиллерия была взята в плен в битве (под Тарутином),— говорит автор «Походного журнала»,— артиллеристы обезоружены и уведены. В тот же вечер захватившие их казаки, празднуя победу и уже изрядно выпившие, вздумали закончить день — радостный для них и горький для нас — национальными танцами, причем, разумеется, выпивка была забыта. Сердца их размягчились, они захотели всех сделать участниками веселья, радости, вспомнили о своих пленных и пригласили их принять участие в веселье. Наши бедные артиллеристы сначала воспользовались этим приглашением только как отдыхом от своей смертельной усталости, но потом, мало-помалу, под впечатлением дружеского общения, присоединились к танцам и приняли искреннее участие в них. Казакам так это понравилось, что они совсем разнежились, и когда обоюдная дружба дошла до высшей точки — французы наши оделись в полную форму, взяли оружие и после самых сердечных рукопожатий, объятий и поцелуев расстались с казаками — их отпустили домой, и таким образом артиллеристы возвратились к своими частям».

Вот еще рассказ пленного солдата морской гвардии: «Пока мы грелись около нескольких сосновых полешков, подошел казак, высокий, худой, сухой, до того свирепый видом, что мы невольно попятились. Он подошел к нам по-военному и стал что-то говорить, но мы не понимали: вероятно, он спрашивал о чем-нибудь. В нетерпении на то, что мы ничего не поняли, он сделал знак недовольства, обеспокоивший нас; однако, заметивши это, он в ту же минуту придал своему лицу доброе выражение и, увидев, что одежда моего приятеля была в крови, выказал желание осмотреть его рану и сделал знак следовать за ним.

Он свел нас в ближайшую избушку. Вышла женщина, которой он приказал постлать соломы и согреть воды, а сам ушел, дав понять, что воротится. Она бросила нам немного соломы, но позабыла о воде, а мы не смели слишком настойчиво напоминать ей. Когда он воротился, то прежде всего спросил жестом: ели ли мы? Мы отрицательно покачали головами. Вероятно, он потребовал от женщины, чтобы она дала нам поужинать, и за ее отказ крепко стал бранить ее. Тогда она показала ему чашку с каким-то варевом и, по-видимому, уверяла его, что больше у нее ничего нет. Казак стал шуметь, даже грозить, но безуспешно: она поставила только греть воду для нас. Он опять ушел и скоро воротился с куском соленого свиного жира, на который мы набросились, несмотря на то, что он был сырой. Пока мы ели, казак смотрел на нас с видимым удовольствием и рукою показывал, чтобы мы не наедались сразу.

Когда мы понасытились, он снова что-то стал говорить женщине, как мы поняли, насчет нашей перевязки. Он требовал от нее тряпок, но та отговаривалась, отбивалась со словами: «Нема, нет». Тогда почтенный воин, взявши ее за руку, заставил перерыть все углы избы, но ничего не добыл. Рассерженный таким упрямством, он вынул свою саблю: крестьянка закричала, а мы, тоже подумавши, что он убьет ее, бросились к его ногам. Он улыбнулся нам, как будто хотел сказать: «Вы меня не знаете, я хочу только попугать ее».

Женщина вся дрожала, но все-таки ничего не давала; тогда он снял сюртук, скинул рубашку, разрезал ее саблею на бинты и стал перевязывать наши раны. В продолжение этой работы он все время говорил, вставляя в свою речь много польских и немецких слов; но если это бормотанье было нам мало понятно, то самые поступки хорошо указывали на благородство его чувств. Он старался, кажется, дать нам понять, что знаком с войной уже более 20 лет (ему было около 40), что он был во многих больших битвах и понимает, что после победы нужно уметь быть милостивым к несчастным. Он показал на свои кресты, как бы давая понять, что такие доказательства храбрости налагали на него известные обязанности. Мы только радовались этому великодушию, и он мог, конечно, прочитать на наших лицах выражение нашей благодарности. Я хотел бы ему сказать: товарищ, будь уверен, что твое благодеяние никогда не изгладится из нашей памяти. Только двое здесь свидетелей твоего человеколюбия, потому что эта женщина не оценит его,— но скажи нам твое имя, чтобы мы могли передать его и другим нашим товарищам.

Он стоял на коленях, но потом, уставши, сел на пол, посадив меж ног моего товарища, подставившего ему свою раненую спину; он вымыл, вычистил рану плеча с величайшим старанием и, как будто спрашивая моего совета, намеревался, с помощью дрянного ножичка, у него бывшего, вытащить засевшую пулю. Он попробовал открыть края раны, но приятель так вскрикнул, что казак остановился и, упершись в его голову своей головой, видимо стал извиняться за причиненную боль. Я не утерпел перед таким нежным вниманием и, схвативши его руки, крепко пожал их: собравши в голове все, что знал польских, русских и немецких слов, я хотел было говорить, но не мог — от умиления глаза мои были полны слез!

«Добре, добре, камарад!» — сказал он мне, торопясь окончить перевязку, для которой, кажется, боялся, что не хватит времени. Когда пришел мой черед, добрый казак осмотрел рану и, положивши указательный палец на палец мизинца, показал, что она не более нескольких линий в глубину и что она закроется сама собою,— должно быть, удар пики был смягчен одеждой.

Он еще возился с нами, когда один из его товарищей позвал его с улицы: Павловский! — так узнал я его имя — и он ушел, сопровождаемый нашими благословениями.

Мы уж думали, что не увидим более этого бравого казака, но он пришел на другой день очень рано и осмотрел перевязки наших ран. Он принес нам также по два русских сухаря, выразивши сожаление, что не мог сделать большего...»

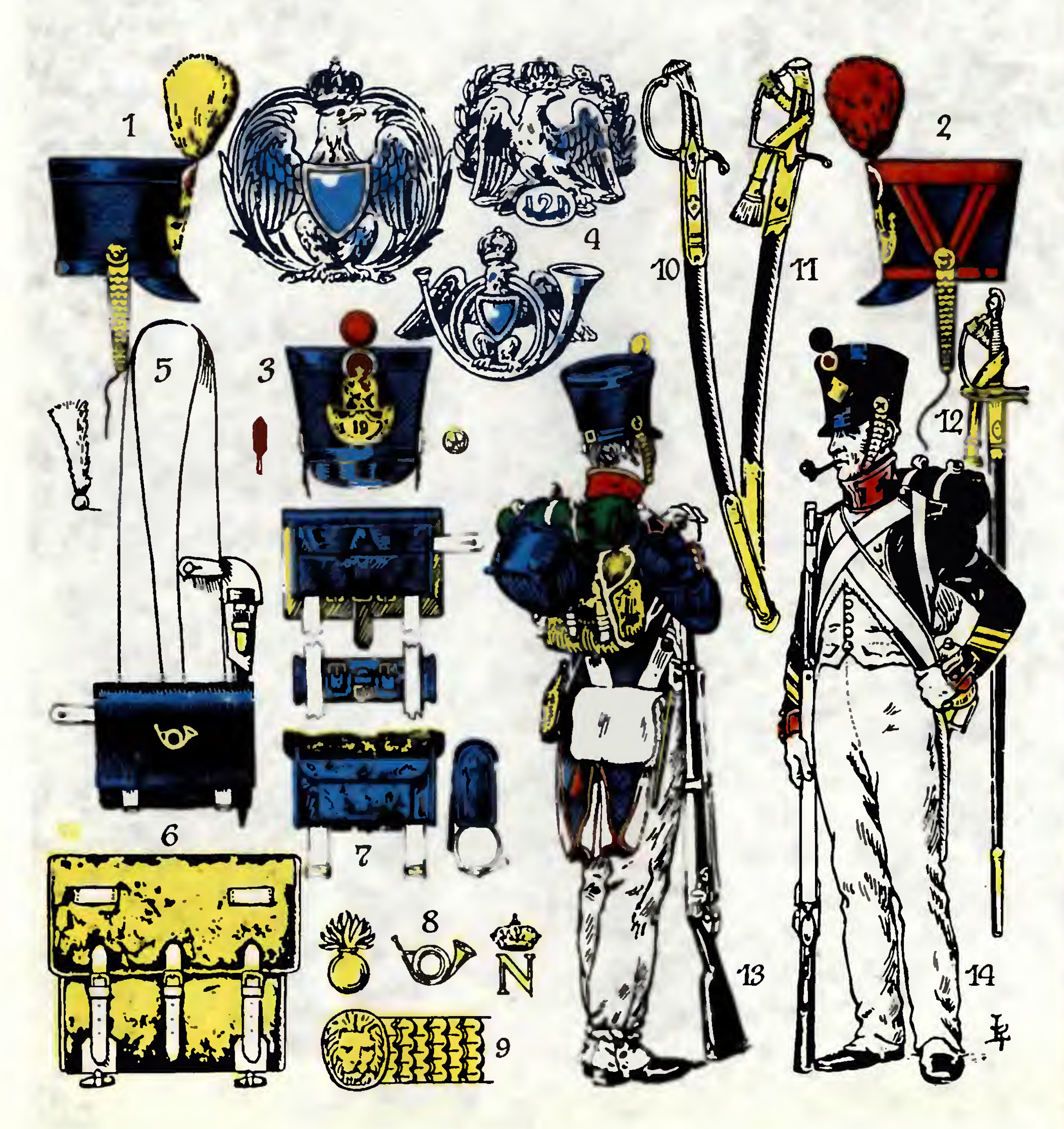
Публикация
ВЯЧЕСЛАВА КОШЕЛЕВА, АЛЕКСАНДРА ЧЕРНОВА
(Череповец)



В покоренной Москве (Поджигатели) Художник В. Верещагин. 1897—1898 гг.

АНРИ де КРЕССЭ

РЕГЛАМЕНТУ ВОПРЕКИ



19 января 1812 года Наполеон утвердил обширный регламент по обмундированию и вооружению пехоты, составленный полковником Барденом. Впервые строго и точно, до мельчайших деталей, расписывалась униформа и экипировка, причем многие чисто декоративные элементы обмундирования отменялись, а оставались лишь самые практичные вариации покроя, расцветок и знаков отличия. Вместо длиннополого «мундира французского типа» вводился новый, укороченный, из грубого синего (очень темного, так называемого синего «императорского» цвета) сукна с белыми лацканами, застегивающимися на крючки и пуговицы (всего на нем имелось 22 маленьких и 8 больших медных пуговиц). Воротник — алый, суконный, обрамлен синей выпушкой. Рукава мундира, несмотря на предписанный модой крайне узкий покрой, были относительно просторными и оканчивались алыми обшлагами, обрамленными белой выпушкой. Небольшие погончики с алой выпушкой удерживали ремни патронной сумы и, когда таковая носилась,— полусабли.

Фалды мундира отныне укорачивались — до 32 см, а отвороты с 1807—1808 годов делаются пришивными, становясь чисто декоративной деталью. Украшения на них говорит о принадлежности к определенному роду оружия и звании их владельца: рядовые фузилеры имели синие буквы «N», увенчанные коронами.

Под мундиром фузилер должен был носить короткий жилет, а точнее, суконную курточку с рукавами, погончиками и небольшим воротником.

Основной головной убор — кивер, высотой 19 см, из фетра, покрытый сверху толстой, черненой и вощеной, кожей (изнутри — отделка из мягкой кожи, холщевая «внутренняя шапочка»). Довольно громоздкий головной убор удерживался с помощью «чешуи» — кожаного подбородочного ремня, обшитого четырнадцатью латунными «чешуйками». Спереди кивер украшала массивная штампованная бляха с орлом, номером полка и трехцветной кокардой из гофрированного полотна или кожи. Увенчивалось это внушительное сооружение помпоном определенного цвета:

у 1-й роты (любого полка, любого батальона)	— зеленый
у 2-й роты	— голубой
у 3-й роты	— авроровый
у 4-й роты	— фиолетовый.



Солдат облачался в белые панталоны своеобразного покроя, которые удерживались подтяжками.

Башмаки французского пехотинца напоминают современные полуботинки со шнурками; поверх надевались короткие (до середины икры) гетры из плотной ткани (парадные — черные шерстяные, обыкновенные — из серой холстины).

На марше, особенно в ненастную погоду, солдат надевал шинель, которая при полной форме носилась в скатке, а кивер покрывал чехлом из вощеного холста.

В качестве экипировки — патронная сума через правое плечо на широком (7 см) беленом кожаном ремне, ножны для штыка и ранец — из коровьей шкуры шерстью наружу. Он был невелик по размеру, поэтому регламент 1812 года предписывал носить через плечо флягу и холщевый мешок для хлеба (конечно, когда туда было что класть).

Оружие пехотинца — гладкоствольное ружье с ударно-кремневым замком модели 1777 года — весило около 4,56 кг (со штыком — почти 5 кг). Калибр ружья был весьма велик — 7 линий (15,8 мм), а пули достаточно тяжелы — вес каждой свыше 24 г. Дальнобойность ружья составляла не более 200 туазов (около 400 м), фактически же, относительно точный огонь велся всего лишь с 200 шагов.

В каждом батальоне, кроме четырех рот фузилеров, были еще две «элитные» — гренадерская и вольтижерская — из наиболее дисциплинированных, храбрых и опытных солдат. Готовясь к атаке, гренадеры становились в голову колонны, а вольтижеры рассыпались в цепь перед фронтом и по флангам. Именно поэтому в гренадеры брали более рослых солдат, а в вольтижеры, напротив, тех, кто пониже.

Разумеется, элитные роты имели свои знаки отличия. Гренадерам полагались красные вышитые гранаты на отворотах фалд, красные эполеты и — почет! — полусабля с красным темляком. Вольтижеры имели право носить желтый султанчик на кивере, желтый с красной выпушкой воротник мундира и желтые охотничьи рожки на отворотах фалд.

Однако этому регламенту полностью не следовали. Причин было много: и несогласованность подрядчиков, и условия военного времени — с трудностями снабжения, и гигантская разбросанность наполеоновской армии — от берегов Тахо до Днепра, от цветущих холмов Далмации до туманных равнин Голландии. «Полковники имели большую склонность изменять регламентированную униформу, оттого происходила пестрота,... она придавала каждой части свое лицо, сразу запоминавшееся и помогавшее узнать ее издали»,— так описывал свое впечатление от униформы солдат в 1812 году лейтенант Бургуэн из штаба генерала Делаборда.

Солдаты носили мундиры старого типа (схожие по покрою с регламентным, только их фалды были длиннее, и, главное,— разрез спереди, оставляющий видимым жилет). Воротник такого мундира имел белую выпушку. Кивер оставался с ромбической бляхой, но без этишкета — украшения из переплетенного шнура.

Самыми своеобразными считались униформы элитных рот. Головной убор: практически ни в одном полку не было исполнено положение регламента о маленьком султанчике. Почти все гренадеры и вольтижеры сохранили свои громадные пышные султаны — гренадеры красного, а вольтижеры — желтого (иногда желто-зеленого, красно-желтого и т. п.) цвета. Остались и этишкеты. Наперекор всем регламентам вольтижеры продолжали носить яркие эполеты разных цветовых комбинаций с желтым.

Униформа унтер-офицеров почти ничем не отличалась от рядовых. Единственным знаком капралов были два галуна авророго цвета на обоих рукавах выше обшлага. Сержанты имели один такой же галун, но золотой, старшие сержанты — по два.

Офицеры заметно отличались от рядовых. Прежде всего они не носили ни ружья, ни ранца, ни патронной сумы; к тому же на их мундиры и аксессуары шли более дорогие ткани.

Неотъемлемой частью офицерского мундира были эполеты из золотых нитей. На левом плече у младших офицеров носился эполет с тонкой бахромой, на правом — без бахромы (так называемый контр-эполет). Старших офицеров отличали эполеты с толстой бахромой, позолоченные пуговицы и украшения, нагрудный знак с серебряным орлом, шпага или сабля с золотым темляком, белые лайковые перчатки. Вместо башмаков и гетр — сапоги из черной кожи.

Таков, в самых общих чертах, облик французского солдата в канун похода 1812 года. В его униформе сохранилось немало от революционной эпохи и времени ранней империи. Но Великая армия 1812 осталась на полях России, и многие ее традиции уже не возродились в новых полках, наскоро набранных для новой кровавой войны. *(См. также с. 16—17.)*

СОБИРАЛСЯ ЛИ НАПОЛЕОН ОТМЕНИТЬ КРЕПОСТНОЕ ПРАВО В РОССИИ?

Еще в 1806—1807 годах в России распространялись слухи о намерениях Наполеона отменить крепостное право. Накануне войны в страну было заброшено немало прокламаций о «воле», якобы наступающей вместе с наполеоновской армией. Специальные агенты получили от министра иностранных дел Франции Маре задание *«найти среди казаков какого-либо смелого, который бы отважился организовать восстание и повторить историю Пугачева»* [1].

Толки об освобождении проникли и в подневольную среду. Например, среди московских дворовых людей ходил слух, что с приходом Наполеона все крепостные станут вольными, а *«помещики будут на жалованьи»*. Наполеоновская пропаганда о «воле» внушала страх и правительству, и дворянству. Летом 1812 года Н. Н. Раевский писал: *«Я боюсь прокламаций, чтобы не дал Наполеон вольности народу, боюсь в нашем крае беспокойства»* [2].

В ходе кампании 1812 года французский император неоднократно возвращался к *«освободительным»* замыслам. Об этом свидетельствуют как люди из его ближайшего окружения (Сегюр, Коленкур), так и другие очевидцы и участники событий. Сам Наполеон, уже будучи в ссылке на острове Св. Елены, заявил: *«Я провозгласил бы свободу всех крепостных в России и уничтожил бы крепостнические права и привилегии дворянства. Это создало бы мне массу приверженцев»* [3].

Самый ранний из известных источников, где нашла отражение антикрепостническая пропаганда,— это «Ответ французского гренадера», вышедший из-под пера Наполеона. Большая часть этого памфлета отводится критике крепостнических порядков в России. *«Недалеко то время, — говорится в нем, — когда мы дадим свободу вашим братьям, уничтожим рабство в Российской империи и восстановим вас в ваших правах...»* [4] «Ответ французского гренадера» широко распространялся в западной переодической печати. Впервые он был опубликован в Париже 25 июля (6 августа) 1812 года.

Днем раньше, будучи в Витебске и получив от командира IV корпуса Е. Богарне сведения о восстании крестьян в Велижском уезде, Наполеон потребовал сообщить подробности: его интересовало, произошло ли это восстание в коренной России и *«какого рода декрет или прокламацию можно было бы издать, чтобы возбудить восстание крестьян в России и привлечь их на свою сторону»*.

Была ли издана Наполеоном подобная антикрепостническая прокламация на территории России? Ответ на этот вопрос мы находим в книге известного поэта П. Шаликова «Историческое известие о пребывании французов в Москве», вышедшей в 1813 году. Это единственный источник, свидетельствующий о том, что, находясь в Москве, французский император напечатал такую прокламацию (впервые на это обратил внимание А. Г. Тартаковский). Поэт находился в Москве во время пребывания в ней французов. От одного из наполеоновских генералов он получил текст воззвания, который и опубликовал в своем издании. При сличении текста московской прокламации и «Ответа французского гренадера» становится ясно, что перед нами один и тот же документ, но переведенный на русский язык. Прокламация была напечатана в Москве в самое критическое для Наполеона время, когда его голодная и деморализованная армия вынуждена была оставить столицу. Цель появления прокламации, как считают большинство историков, запугать дворянство новой пугачевщиной, оказать давление на правящие круги и лично Александра I, склонить их к подписанию мира. А. Коленкур свидетельствует, что составление антикрепостнической прокламации *«было одним из средств, которое он [Наполеон] пускал в ход, чтобы посмотреть, не*



даст ли угроза какого-нибудь результата. Он хотел, если возможно, напугать неприятеля», чтобы добиться переговоров [5].

Ту же цель преследовало распоряжение — доложить ему об истории пугачевского движения, найти кого-либо из знатного русского рода для воцарения на престол, попытаться призвать татар к борьбе за национальное освобождение, обещая им в этом поддержку.

Все декларации Наполеона о воле остались лишь многообещающими фразами. Генерал наполеоновской армии А. Дедем так объясняет отказ Наполеона отменить крепостное право в России: *«Я полагаю, что император мог бы возбудить восстание в русских губерниях, если бы он хотел дать волю народу... но Наполеон был уже в то время не генерал Бонапарт, командовавший республиканскими войсками. Для него было слишком важно упрочить монархизм во Франции, и ему трудно было проповедовать революцию в Европе»* [6].

Выступая 20 декабря 1812 года на заседании сената Франции, Наполеон заявил, что мог бы поднять против России основную массу ее населения, провозгласив отмену крепостного права, *«но когда я узнал грубость нравов этого многочисленного класса русского народа, я отказался от этой меры, которая обрекла бы множество семейств на смерть, разграбление и самые страшные муки»*.

Н. А. Троицкий верно указывает на заблуждение Наполеона относительно русского крестьянства, на его уверенность в том, что *«они столь же темны, сколь и бесправны»*. По мере того, как французская армия продвигалась в глубь страны, вера крестьян в освобождение быстро рассеялась.

Интересно, что некоторые французские историки видят в отказе Наполеона отменить креспостное право в России одну из главных причин его поражения. Император не решился применить столь сильнодействующее лекарство.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 220.
2. Казаков Н. И. Наполеон глазами его русских современников// Новая и новейшая история. 1970. № 5. С. 42.
3. Сироткин В. Г. Официальная военно-политическая публицистика Франции и России в 1804—1815 гг.// Бессмертная эпопея. М., 1988. С. 232.
4. История СССР. 1968. № 2. С. 34.
5. Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. М., 1943. С. 195.
6. Французы в России. 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев. М., 1912. Т. 1. С. 81.

ИРИНА ЕЗЕРСКАЯ,
главный хранитель музея-панорамы «Бородинская битва»

Генерал Раевский был насмешлив и желчен. Один из наших генералов, не пользующийся блистательной славой, в 1812 году взял несколько пушек, брошенных неприятелем, и выманил себе за то награждение. Встретясь с генералом Раевским и боясь его шуток, он, дабы их предупредить, бросился было его обнимать; Раевский отступил и сказал ему с улыбкою: *«Кажется Ваше превосходительство принимает меня за пушку без прикрытия»*.

(Пушкин А. С. Table Talk)

* * *

Здесь нелишне привести один случай тонкости Кутузова: все знали, что он при покорении Крыма был раиен и что пуля, вошедшая в висок, вышла в переносье, повредив несколько наружный вид глаза; от этого носился слух, что он будто худо видит. Такое мнение ему хотелось, да и непременно нужно было, опровергнуть. Для того он заблаговременно тайно послал несколько казаков к опушке леса расстоянием от дороги с лишком за версту. В этом же месте, недалеко от Царева-Займища, мог бы показаться смелый неприятельский разъезд. Вместе с тем Кутузов сам ехал шагом верхом по большой дороге, окруженный всем огромным своим штабом и многими генералами и офицерами, любопытствовавшими и видеть его, и насладиться присутствием столь многолюбимого и уважаемого своего полководца. Но вдруг Кутузов остановился, стал смотреть на едущих людей по упомянутой опушке и спросил: *«Кто бы это мог быть?»* Приближенные начали уверять, что это неприятельские разъезды, но он, пристально посмотря, отвечал: *«Нет, это казаки, пошлите справиться»*, и продолжал спокойно путь свой. Вскоре посланные адъютанты воротились, удостоверяя, что это действительно казаки, а не французы, и с того времени сомнение о слабости зрения главнокомандующего исчезло. Вот как действует уместная хитрость, долженствовавшая иметь столь благоприятные и полезные последствия.

(Муравьев А. Н. Записки).

* * *

Проехав Кремль, мы увидели 2 батальона Московского гарнизона, оставлявшего Москву с музыкою. Милорадович обратился к командовавшему гарнизоном генерал-лейтенанту Брозину со следующими словами: *«Какая каналья велела Вам, чтобы играла музыка?»* Брозин отозвался, что когда гарнизон оставляет крепость по капитуляции, то играет музыка — так сказано в уставе Петра Великого.— *«А где написано в уставе Петра Великого,—* возразил Милорадович,— *о сдаче Москвы? Извольте велеть замолчать музыке»*.

(Щербинин А. А. Записки).

* * *

В начале одного из бывших при Полоцке сражений граф Витгенштейн поставил пехоту свою, состоящую по большей части из ополчения, в боевой порядок и приказал построить позади ее несколько батарей. По устроении оных, велел он войскам своим отступить и навести неприятеля на пушки. Регулярные войска повиновались, но ополчение не хотело на то согласиться. *«Нас привели сюда, чтоб драться, а не для того, чтоб отступать!»* Другой, третий адъютант повторяют сие приказание — тщетно! Храбрые ратники, еще не знакомые с воинскою подчиненностию, не хотят слушаться. Наконец, приезжает и сам генерал. *«Ребята,—* говорит он,— *не одним вам драться с неприятелем. Вчера мы его гнали, а сегодня моя очередь отступать. Позади вас поставлены пушки; если вы не отойдете, нельзя будет стрелять». «Изволь, батюшка,—* отвечали они,— *что нам заслонять пушки! А от неприятеля не отступим!»* Они отошли с досадою, говоря генералу: *«Ты велел, ты и отвечай!»* Неприятели вдались в обман, приступили. и сильный картечный огонь положил на месте тысячи, а остальных обратил в бегство; наши закричали: *«Вперед!»* — и ополчение, подобно лютым львам, бросилось на неприятеля. Вечером, по окончании дела, один офицер спросил у ратника: *«Что ж, братец! Не лучше ли вам отступить!» — «Вестимо, батюшка!—* отвечал он,— *а вперед попроси генерала, чтоб он пушки-то прятал не позади нас, а впереди»*.

(Анекдоты достопримечательнейших происшествий, случившихся в течение нынешней войны с французами... собранные Филиппом Синельниковым).

* * *

Французы пожар Москвы и все гибельные его последствия для Великой армии приписывали, как известно, варварству графа Ростопчина. В Париже нарисовали и выгравировали его портрет, на котором он был изображен каким-то чудовищем, с длинною, всклокоченною бородою. Ростопчин, оставив службу, приехал жить в Париж. Из любопытства пошел он в картинную лавку посмотреть на дивное свое изображение.

— *Есть у вас портрет Ростопчина?*— спросил он купца.

— *Есть, вот он.*

— *Похож ли на подлинник?*

— *О! Как две капли воды! В этом я могу вас уверить моею честию.*

— *Хорошо, я покупаю 10 экземпляров; только советую вам более дорожить вашею честью, потому что подлинник этого портрета перед вами: да, я сам граф Ростопчин.*

(Богуславский. Записки).

* * *

Граф Милорадович при занятии Дрездена употребил хитрость, устроив так, что авангард в течение трех дней разными отрядами проходил через Дрезден, дабы тем увеличить число войск в глазах жителей. Отряд графа Сент-При из кавалерии и пехоты в три разные дня имел три торжественные входа в город. Генерал Милорадович каждый раз выезжал навстречу войскам, сопровождаемый блестящим и многочисленным конвоем: жители толпились на улицах и кричали «ура!». Такое троекратное прохождение войск показало авангард весьма многочисленным, что по тогдашним обстоятельствам было весьма полезно.

(Анекдоты и черты из жизни графа Милорадовича).

* * *

Когда кончилась кампания 12 года, ополченцы возвратились домой, а крепостные к своим господам; за тех, которые не возвратились, правительство выдало рекрутские квитанции, и одна дама, очень образованная по времени и обществу (даже крепостные отзывались о ней, как о доброй женщине), у графини на именинах, за обедом, не краснея, позволила себе сказать в разговоре о прошедшей кампании: *«Вообразите, какое счастие Ивану Васильевичу: он отдавал в ополчение девять человек, а возвратился всего один, так что он получил восемь рекрутских квитанций и все продал по три тысячи, а я отдавала двадцать шесть человек, и, на мою беду, все возвратились — такое несчастье!»* При этих словах ни на одном лице не показалось даже признака неудовольствия против говорившей. Все согласились, а некоторые даже прибавили: *«Да, такое счастье, какое Бог дает Ивану Васильевичу, немногим дается»*.

Тут кто-то приехал из гостей, и разговор наш кончился. Во всем этом разговоре нет ни слова лжи, а святая истина, и я счел обязанностию занести его в мои записки.

(Щепкин М. С. Записки актера).

Публикация **В. НЕВСКОЙ**

АЛЕКСАНДР ИЛЬИН-ТОМИЧ

КТО ПРИДУМАЛ РУССКОГО СЦЕВОЛУ?

К ИСТОРИИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО МИФА



«...Помещать все, что может ободрить дух народа и познакомить его с самим собою». Так объяснял в письме к Вяземскому 29 октября 1812 года задачу нового петербургского журнала «Сын Отечества» Александр Иванович Тургенев. И добавлял восторженно: *«Какой народ! Какой патриотизм и какое благоразумие! Сколько примеров высокого чувства своего достоинства и неограниченной преданности и любви к отечеству!»*

«Сын Отечества», которому в этот момент шла четвертая неделя от роду, с задачей справлялся неплохо. Переводные антинаполеоновские статьи и громкие патриотические вирши. Сводки с полей сражений и вести из тыла — в первые два года издания трудно найти в журнале материал, не связанный с войной. Мощное давление единой темы уравнивало жанры. В «Сыне Отечества» военных лет нет «высокого» и «низкого». И журнальные задворки — отдел «Смесь» с подзаголовком «Известия, замечания и пр.» — не менее важны для читателя, чем пламенно-публицистическая передовая. Так, в «Смеси» 4-го номера (а «Сын Отечества» выходил еженедельно) рядом с рассказом о геройской смерти при Бородине артиллерийского капитана Захарова находится коротенькая заметочка, которая имела далеко идущие последствия.

«В армии Наполеона (как у нас на конских заводах) клеймят солдат, волею или неволею вступающих в его службу. Следуя сему обыкновению, французы наложили клеймо на руку одного крестьянина, попавшегося им в руки. С удивлением спросил он: для чего его оклеймили? Ему отвечали: это знак вступления в службу Наполеона.— Крестьянин схватил из-за пояса топор и отсек себе клейменую руку.— Нужно ли сказывать, что сей новый Сцевола был Русской? Одна мысль служить орудием Наполеону или принадлежать к числу преступных исполнителей воли тирана, подвигла его к сему геройскому поступку. Что б сделал сей Русской, если б Провидение представило ему случай быть Курцием своего Отечества?»

Гай Муций Сцевола — древнеримский герой, который в ответ на угрозы пленившего его царя этрусков Порсены продемонстрировал презрение к боли и смерти, положив правую руку на пылающий жертвенник.

Через два месяца после заметки, в начале 1813 года, вышла в свет знаменитая гравюра Ивана Ивановича Теребенева (1780—1815) «Русский Сцевола» с пометой «Из журн. Сын Отечества. Кн. 4. Стр. 168». Тут же появилась гравюра И. А. Иванова (1779—1848), запечатлевшая этот же эпизод. Композиционное решение Теребенева (крестьянин отрубает себе руку, по бокам корчатся от удивления два французских солдата) вскоре было повторено в нескольких анонимных листах (один раз в сопровождении четверостишия, над которым потрудился И. Тупылев:

Вотще Порсена Рим громами потрясает.
Кай Муций твердостью один его спасает.
Кто ж, кто поколебать возможет тот престол,
Который держит тьмы Сцевол?).

Скульптор В. И. Демут-Малиновский изваял статую «Русский Сцевола» (1813), а теребеневский лист тем временем скопировали в Германии и Англии; в России же сюжет стал украшать граненые стаканы, молочные кружки и даже фарфоровый чайный сервиз.

Талант Теребенева (*«любимого всеми артиста, которого остроумные и единственные у нас в своем роде произведения дойдут без сомнения до потомков наших вместе с незабвенными происшествиями последней войны с Наполеоном»*) придал статус исторической истины событиям, описанным в журнальной заметке. *«Всем известна история смоленского крестьянина, замеченного на руке, чтобы быть узнанным, который отрубил ее одним ударом топора»,*— писал Ф. В. Ростопчин в своей «Правде о пожаре Москвы». История эта на некоторое время превратилась в один из основных символов нашего народного сопротивления. Пушкин заставляет княжну Полину из «Рославлева» восклицать: *«Никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжет свою столицу».*

Другие заметки из «Смеси» во многом разделили судьбу истории «Русского Сцеволы». Они неизменно вызывали к жизни оперативно изготовлявшиеся «картинные» аналоги, которые моментально распространялись по всей России.

Хроникальные заметки «Сына Отечества» до сих пор не вызывали сомнения в своей достоверности ни у историков, ни у искусствоведов, ни у литературоведов. Заглянем между тем в неопубликованные пока мемуары М. А. Дмитриева: *«Сын Отечества» кроме известий о войне отличался тогда патриотическими статьями всякого содержания и мелкими анекдотами, которые все клонились к тому, чтобы больше и больше возбудить ненависть и вместе презрение к французам. Эти анекдоты не только удерживались у всех в памяти и повторялись, но даже служили основанием к карикатуре. Все они большею частью были выдуманы, но принимались за правду: им верили, и они производили свое действие, для которого они предназначались, т. е. ненависть и презрение к народу, оскорбившему наше собственное народное чувство. Я узнал уже после, спустя много лет, их настоящее происхождение, узнал от Александра Ивановича Тургенева...»*

«Тургенев, Воейков, Греч и другие,— продолжает мемуарист, — *собирались вместе после выхода неприятеля из Москвы и начали выдумывать эти анекдоты, случившиеся будто в Московской и Смоленской губерниях на обратном пути неприятеля. Так распространился рассказ о русском Сцеволе; о том, как старостиха Василиса перевязала голодных французов и привела на веревке к русскому начальнику; как один казак победил нагайкой троих артиллеристов и отнял у них пушку; как голодные французы на требование хлеба услышали от старухи, что у нее осталась одна коза, приняли это слово за козак и убежали из деревни. Все это было ко времени и производило сильное действие.*

С той же целию начали появляться в Петербурге карикатуры, которые брали себе сюжетом или эти самые анекдоты, или другие выдуманные происшествия» [1].

Указанный Дмитриевым коллектив авторов требует подробного рассмотрения.

В уже цитированном нами письме Тургенева к Вяземскому выражается твердая уверенность, что *«Москва снова возникнет из пепла, а в чувстве мщения найдем мы источник славы и будущего нашего величия. Ее развалины будут для нас залогом нашего искупления, нравственного и политического; а зарево Москвы, Смоленска и пр. рано или поздно осветит нам путь к Парижу. Это не пустые слова, но я в этом совершенно уверен, и события оправдают мою надежду. Война, сделавшись национальною, приняла теперь такой оборот, который должен кончиться торжеством севера и блистательным отомщением за бесполезные злодейства и преступления южных варваров».* Публикуя через полвека это письмо, адресат его счел необходимым заметить: *«Вероятно, не многие из политических и государственных людей того времени так спокойно и так верно смотрели на совершающиеся события, так здраво оценивали последствия и плоды, которые Россия могла бы извлечь из нагрянувшего на нее бедствия, и так метко указывали на развязку этой потрясающей и кровавой драмы».* Судя по всему, этот оптимизм (редкий для послепожарной осени 1812 года) вполне разделял и издатель «Сына Отечества» Николай Греч. В первом же номере нового журнала он напечатал стихи И. Кованько о занятии Москвы французами:

Побывать в столице — слава.
Но умеем мы отмщать:
Знает крепко то Варшава
И Париж то будет знать.

«Эти стихи,— вспоминал Греч (1839),— *повлекли с самого начала гонение на «Сына Отечества». Паркетные умники утверждали, что не хорошо хвастать так бесстыдно и хвалиться несбыточными мечтаниями. Они не видели, что не должно хвастать в счастье, а ободрять дух народа в беде можно всеми способами, только не ложью и не обманом».* Совпадение взглядов Тургенева и Греча на задачи «Сына Отечества» лишний раз подтверждает возможность их контактов осенью 1812 года. А. Ф. Воейков был причастен к литературному кружку тарутинского лагеря (центру армейской «спецпропаганды»), и его участие в «Сыне Отечества», возможно, указывает на то, что направление журнала было согласовано не только с высокими гражданскими инстанциями (министр народного просвещения А. К. Разумовский), но и со штабом Кутузова.

Все писавшие о сатирических листах 1812—1813 годов считали их позднейшей популяризацией «культурного» текста. Но и Греч, и Воейков должны были быть хорошо знакомы с Иваном Теребеневым по петербургскому «Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств», в котором последний состоял восемь лет (до марта 1811 года). Учитывая давний художественный интерес Теребенева к фигуре Сцеволы (о своем эскизе древнеримского героя он говорил еще осенью 1806 года в письме к А. Х. Востокову), мы можем предположить, что художник принимал *непосредственное участие* в разработке журнальных сюжетов «под картинку». (Это объяснило бы, кстати, ту удивительную оперативность, с которой появлялись его листы.)

Сотрудникам «Сына Отечества», *которые «ободряли дух народа»*, конечно, не удавалось обходиться без *«лжи и обмана»*... Многие их истории вызывают законное сомнение.

Опыт многих войн убеждает, что такого рода пропагандистская деятельность, как правило, не скована преклонением перед фактом. Вот и в случае с «анекдотами» 1812 года крайне трудно отличить реальные события войны и вымысел во благо спасения Отечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. Отдел рукописей Государственной библиотеки России. Ф. 178 (Муз. собр.), М., 8184 — I. Л. 57 об.—58.

СЕМЕН ЭКШТУТ,
кандидат философских наук

РАСПРЯ

В начале 1825 года Денис Давыдов разразился эпиграммой:
Полячки, с Русскими вы не вступайте в схватку:
Мы вас глотнем в Литве, а вы...м в Камчатку.

Согласитесь, эти строки не делают чести знаменитому поэту-партизану, и напечатаны они были лишь один-единственный раз (Давыдов Д. В. Полное собрание стихотворений. Л., 1933. С. 121). Удивительно другое: сам он и не думал их стыдиться или от них отказываться. Что двигало им?

Война 1812 года была Отечественной не только для русских, но и для поляков. Одни воевали за свободу и независимость России, другие — за возрождение Польши. Трагедия была в том, что они воевали друг с другом. И это было уже далеко не первое столкновение двух славянских народов. Долгие годы разрешалось говорить только о светлых страницах русско-польских отношений. Между тем взгляд современников событий начисто лишен идиллического, сусального начала. Сначала мы обратимся к российским источникам.



Конец полякам. Неизвестный художник (XIX в.).

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

А. С. ПУШКИН
«Клеветникам России»

I

На протяжении жизни одного поколения русские войска не раз сражались с поляками, побеждали их и вступали в Варшаву. 24 октября 1794 года суворовские войска штурмом овладели Прагой — укрепленным предместьем польской столицы. Обсуждая с парламентерами условия сдачи города, Суворов со словами «Покой, покой!» бросил на землю свою шпагу. 29 октября городские власти поднесли Суворову ключи от города, и русские войска с музыкой вошли в Варшаву. Суворов проявил исключительную терпимость к побежденному неприятелю. Варшавянам были гарантированы безопасность имущества и личная безопасность, забвение прошлого и недопущение злоупотреблений со стороны войск. Суворов отпускал по домам польских генералов и офицеров, давая им открытые листы и рекомендательные письма, неоднократно просил за военнопленных, добиваясь их освобождения. *«Все предано забвению. В беседах обращаемся как друзья и братья. Немцев не любят. Нас обожают»* (А. В. Суворов — П. А. Румянцеву. 17 ноября 1794 года. Суворов А. В. Письма. М., 1986. С. 284). Прощание Суворова с отрекшимся от престола последним польским королем Станиславом Августом *«не обошлось без слез»* (Там же. С. 288). Суворов был убежден в том, что победителям следует проявлять великодушие и умеренность, но его действия вызвали нескрываемое раздражение Петербурга, и вскоре фельдмаршал был отозван в столицу.

«Со времени уничтожения Польши, с 1794 года, исчезло имя ее с лица земли и не существовало поляков. В 1807 году заключенный с Францией мир в Тильзите произвел на свет герцогство Варшавское, вместе с надеждою распространить его, в случае несогласия между соседствующими державами. Наполеон исчислил меру страха, коим господствовал он над сердцами царствующих его современников... и дал надежду возрождения Польше. Воспламенились умы, и в короткое время все употреблены усилия надежде сей дать вид правдоподобия!» (Записки А. П. Ермолова. 1798—1826 гг. М., 1991. С. 135).

Как известно, в результате трех разделов Польши — в 1772, 1793 и 1795 годах — к России отошли белорусские, литовские, украинские и латышские земли. Польские дворяне, проживавшие на этих территориях, не могли примириться с утратой национальной независимости. Они ждали только благоприятного случая для отделения от России и видели в Наполеоне сына революции — человека, готового восстановить Польшу в границах 1772 года.

За стремление обрести независимость поляки заплатили многочисленными рекрутскими наборами и участием во всех войнах, которые вел Наполеон,— тысячами человеческих жизней и потоками крови на ратном поле. Однако возрождение Польши не состоялось, а территория бывшего Польского государства стала ареной ожесточенных боевых действий и была сильно разорена.

Герцогство Варшавское было создано Наполеоном из части прусских и австрийских земель, некогда принадлежавших Польше, и *«приняло деятельное участие в войне 1812 г. против России»* (П. Я. Чаадаев). Территория герцогства стала базой для сосредоточения Великой армии Наполеона перед вторжением в Россию. 5-м корпусом этой армии командовал князь Юзеф Понятовский, военный министр Варшавского герцогства и племянник последнего польского короля Станислава Августа. Понятовский умело командовал польскими войсками и после битвы под Лейпцигом был пожалован маршалом Франции. Он храбро воевал и бесстрашно прикрывал со своим корпусом отступление всей французской армии из Лейпцига: *«польские войска были часть истреблены, а часть потоплены, и сам главнокомандующий, решившись переехать вплавь через реку, бывши подстрелен, погряз в волнах»* (1812 год: Воспоминания воинов русской армии. Из собр. Отд. письм. источников Гос. Ист. музея. М., 1991. С. 62—63).

Поляки, сравнительно недавно ставшие российскими подданными, при вторжении наполеоновской армии в пределы Белоруссии и Литвы восторженно встречали французов и переходили на их сторону. Были случаи, вспоминал Денис Давыдов, *«когда поляки убивали одиночных русских солдат, отставших от своих частей при отступлении»* (Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1982. С. 235, 241).

Многие поляки успешно вели разведку в местах расположения отступающей русской армии. В июне 1812 года русские войска захватили экипаж французского генерала Себастиани и в его портфеле нашли заметки, в которых были указаны числа и места, день за днем, передвижения русских корпусов. В разглашении секретных сведений заподозрили поляков, служивших в Главном штабе 1-й армии. Под благовидным предлогом по высочайшему повелению из армии были высланы три флигель-адъютанта императора — графы Браницкий, Потоцкий и Влодек. (Впоследствии они оправдались и продолжали делать успешную придворную карьеру.) Слухи об этих событиях в продолжающей отступать армии дошли до Москвы и дали повод для недоброжелательного обсуждения поведения поляков на русской службе. Их положение было двусмысленным: с одной стороны, надо было воевать против своих соотечественников, с другой — в каждом офицере польского происхождения видели потенциального изменника. Однако эти нескрываемые и не всегда справедливые подозрения так и не переросли в явные репрессии. Наказанию подвергались лишь те поляки, вина которых была доказана.

В дневнике поручика лейб-гвардии Семеновского полка Александра Чичерина содержится запись о казни дезертира. Корнет Нежинского драгунского полка Городецкий, поляк по национальности, умышленно отстал от своего полка при отступлении русской армии. Когда наполеоновская армия была изгнана из пределов России, Городецкий был арестован и по приговору военного суда расстрелян перед строем. *«Сердце мое разрывалось, страшная дрожь охватила меня всего... Мое сердце привыкло уже к более жестоким зрелищам, но страшные приготовления к этой казни, мрачное молчание всей толпы, ужасные мысли о том, что должен был испытывать сей несчастный, сдавили мне грудь, черные мысли вызвали слезу на глазах»* (Дневник Александра Чичерина. М., 1966. С. 102). Глубокое потрясение от этой казни испытал и ротный командир А. В. Чичерина капитан П. С. Пущин, будущий гене-

рал-майор и декабрист. *«Это зрелище расстроило меня на весь день»* (Дневник Павла Пущина. С. 79).

В дневнике Александра Чичерина несколько раз с негодованием говорится о поляках, *«преданных французам, бесчестных и мятежных». «Поляки все-таки очень подлы»*,—пишет он в письме от 6 декабря 1812 года из Вильно, а 5 января 1813 года в дневнике заключает о поляках: *«Они стоят так низко, так неумны, что, мне кажется, сей народ весьма обделен природой»* (Дневник Александра Чичерина. С. 84, 107, 263—264).

Полонофобию А. В. Чичерина не следует рассматривать как нечто из ряда вон выходящее: аналогичных взглядов придерживались многие русские патриоты. Более того, в 1812 году русский патриотизм нередко был неразрывно связан с антипольскими настроениями. Национальная гордость россиян была, несомненно, уязвлена сдачей Москвы и пребыванием в ее стенах поляков — союзников французского императора. Ситуация усугублялась тем, что поляки однажды уже побывали в Москве в годы Смутного времени. Молва настойчиво обвиняла их в разнообразных бесчинствах, в осквернении московских святынь.

«Вообрази: теперь открывается, что величайшие неистовства совершены были в Москве немцами и поляками, а не французами. Так говорят очевидцы, бывшие в Москве в течение шести ужасных недель» (М. А. Волкова — В. И. Ланской. 31 декабря 1812 г.//Каллаш В. В. Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912. С. 279).

«Нам сказывали тогда (только не приводилось мне проверить этого события), что в дни дозволенного грабежа жителей произошел следующий страшный случай: священник церкви Св. Софии, что на Лубянке, узнавши в один день, что французы собираются ограбить его церковь, он поспешил туда, облачился, взял в руки крест, выйдя из церкви, запер ее и стал стражем на паперти. Действительно, вскоре явилась кучка польских мародеров и начала требовать от священника ключей церковных; он им сказал: что только через труп мой войдете в храм, а живой ключей не отдам. Поляки русскую, отказную речь священника поняли и, поспешая на святотатство, совершили злодейство: обороняющегося крестом Подвижника убили и по следам святой крови ворвались в церковь. Две возрастные дочери этого священномученика, известившись о своем несчастии, прибежали в отчаянии к убитому родителю и обратили тут на себя преступные взоры убийц, которые, схватив их, поволокли было в церковь; но девицы не с человеческою силою вырвались из рук извергов и, как легкие серны, побежали к Охотному ряду; поляки погнались за ними, увидя близкую за собой погоню, они удвоили быстроту и, успев добежать до Каменного моста, бросились обе в реку» (Е. А. Харузин. Мелкие эпизоды из виденного и слышанного мною и из моих детских воспоминаний, пережитых мною в годину двенадцатого года при занятии французами Москвы. 1872)*.

II

1 января 1813 года русская армия при барабанном бое и под звуки военного марша перешла границу и вступила на территорию герцогства Варшавского, а 26 января вошла в Варшаву. Возникло несколько вполне естественных вопросов. Как поступать с поляками западных губерний империи, почти поголовно присягнувших Наполеону? Что делать с территорией герцогства Варшавского, армия которого продолжала сражаться на стороне врагов России, а жители враждебно встретили русских и угрожали им всеобщим восстанием? Какими мерами — строгостью или снисхождением — добиваться успокоения? Мстить ли полякам — или же великодушно простить их и предать все забвению?

Даже после разоренной войной России нищета польских деревень поразила русских офицеров: *«Везде царствовала бедность со всеми печальными ее изображениями, во многих местах хижины без покрытых кровлей, в других местах целые деревни без жителей, которые, будучи гонимы страхом и не имея чем себя пропитать, оставили свои жилища»* (1812 год: Воспоминания воинов русской армии. С. 55). Многие поляки неприязненно встретили русскую армию. *«Мы удалились более трехсот верст от границ наших, но никто не встретил нас как своих избавителей. ...каждый шаг нашей армии вперед отлагал час восстановления Польши»* (Михайловский-Данилевский А. И. «Журнал 1813 года»//1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 317, 318).

Для Д. В. Давыдова поляки всегда были непримиримыми врагами, а Варшава — *«горнилом козней, вражды и ненависти к России»* (Давыдов Д. В. Военные записки. М., 1982. С. 241). Он не считал нужным особенно церемониться с поляками и не гнушался пользоваться случаем брать у тех силой все, что было необходимо для нужд его отряда. Один польский помещик в разговоре с П. С. Пущиным *«не переставал жаловаться на повреждения и притеснения, которые ему причинил партизан Давыдов, проходя через его владения»* (Дневник Павла Пущина. С. 90). В это время Д. В. Давыдов служил в авангарде и не успел получить приказ, по которому поляки не считались более обитателями враждебной страны. Александр I повелевал войскам соблюдать величайший порядок и оказывать снисхождение полякам. Уже в начале 1813 года Александр I думал о присоединении герцогства Варшавского к России и не хотел усугублять вражду между двумя славянскими народами. Даже упорные слухи о том, что около 60 тысяч человек вооружились топорами и готовятся восстать в тылу русской армии, не заставили Александра I прибегнуть к строгим мерам. Войскам было приказано, *«держать ухо востро и принять меры предосторожности против местного населения... Ввиду этого пришлось выставить караулы, несмотря на то, что бедные солдаты изнемогали от усталости»* (Там же. С. 84). Слухи о подготовке восстания не подтвердились.

Стремясь сблизить русских с поляками и забыть взаимные обиды, Александр I не покушался на национальную самобытность поляков и не требовал от них забвения своего исторического прошлого. Однако уже в конце 1812 — начале 1813 года император столкнулся с почтительным, но достаточно твердым противодействием М. И. Кутузова, стремившегося к русификации края, к превращению Варшавы и Вильны в обычные губернские города. *«Знаете ли Вы убийственные слова Фельдмаршала, Вашего отца? При его вступлении в Вильну поляки пришли и бросились к его ногам. «Встаньте,— сказал он им,— помните, что вы русские»* (А. С. Пушкин — Е. М. Хитрово. 9 декабря 1830 года. Москва. Пушкин. Письма. 1826—1830. Т. II. М.; Л., 1928. С. 493).

Подобные взгляды были близки и понятны генералитету русской армии. Барклай де Толли, Багратион, Глебов, Дорохов, Ермолов, Коновницын, Кульнев, Луков, Неверовский, Раевский — все они в молодости сражались с поляками. По подсчетам известного историка В. М. Глинки, среди 332 генералов, портреты которых помещены в Военной галерее Зимнего дворца, 39 человек принимали участие в Польской кампании 1794 года. Никто из них не мог оставить поляков безнаказанными и забыть их «злые обиды». Все помнили о вероломстве польских шляхтичей: поляки, обласканные перед началом войны Александром, мгновенно нарушили свои клятвы и с приходом Наполеона перешли на его сторону. Склад ума, характер чувств и мышления, дворянский кодекс чести — все протестовало против прощения подобного коварства. Практически никто не хотел воздать «народным врагам» по правилам христианской нравственности: добро за зло. Не только генералы и офицеры, но и значительная часть русского дворянского общества ожидала от Александра примерного наказания изменников, *«столь нагло и неблагородно отплативших ему за его милости в самом скором времени»* (Волконский С. Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 190). Но император не был склонен к мести и злопамятству. Для генералитета русской армии поляки были и оставались врагами, с которыми они воевали уже не первый раз в жизни, а царь хотел положить конец «старинной вражде» двух народов.

Кутузов предложил Александру I конфисковать имения польских помещиков, сражавшихся с оружием в руках в составе наполеоновских войск против России или связанных с французами. Он намеревался использовать конфискованные имения для награждения русских генералов и офицеров, отличившихся в войне с Наполеоном. Этот план не был реализован, так как Александр I объявил всем полякам амнистию.

Вот строки из секретного письма от 29 марта 1813 года Кутузова литовскому генерал-губернатору А. М. Римскому-Корсакову: *«Всех тех (поляков.— Ред.), кои окажутся виновными в разглашении неблагоприятных для нас слухов или в других каких предприятиях, одним словом, всех тех, кои будут участниками в видах мятежа, тотчас предавать военному суду и в пример другим наказывать смертью».*

Русская армия уже три месяца воевала в Европе, военные действия шли с переменным успехом, и Кутузов считал, что склонное к мятежам польское население западных губерний России *«...требует в нынешних обстоятельствах крутых с собою поступков»* (Русская старина. 1897. Кн. IX (сентябрь). С. 682—683).

Итак, уже в конце 1812 — начале 1813 года снисходительное отношение к полякам сочеталось с мерами строгости. Это сочетание было во многом противоестественным: систематический порядок в управлении завоеванным герцогством Варшавским полностью отсутствовал. *«У нас же, по новости ли нашей или по непостоянству, свойственному русскому характеру, во всем были крайности, от чего происходил беспорядок, и владычество наше казалось нестерпимее ига французов...»* (Михайловский-Данилевский А. И. «Журнал 1813 года». С. 330).

III

Закончились наполеоновские войны, большая часть герцогства Варшавского была присоединена к России под именем Царства Польского. «По манию царя» Царство Польское уже в 1815 году получило конституцию, провозгласившую свободу печати, неприкосновенность личности и независимость судов. Была сформирована польская армия, одетая в национальный мундир, и восстановлены польские ордена Белого Орла и Святого Станислава. Александр короновался польской короной. Неограниченный монарх — император и самодержец всероссийский — одновременно стал конституционным польским царем: его власть ограничивалась конституционной хартией, в верности которой Александр принес особую клятву «пред Богом и евангелием». Царство Польское фактически стало государством в государстве.

«Я радовался тому, что на свете стало одной конституцией больше, если только можно сказать, что в этом царстве действительно существовала конституция» (Тургенев Н. И. Россия и русские. Т. I.: Воспоминания изгнанника. М., 1915. С. 68). Конституция постоянно нарушалась как самим императором, так и его



Князь Ю. Понятовский.

братом Константином Павловичем — главнокомандующим польской армией и фактически наместником Царства Польского. На это поляки ответили легальной оппозицией царю в сейме — органе народного представительства, состоявшем из двух палат (Сената и палаты депутатов),— и возникновением тайных обществ. Поляки боролись за соблюдение своих прав и стремились к возрождению Речи Посполитой в границах 1772 года, то есть до первого раздела, к возвращению всех утраченных земель. Последнее вызвало нескрываемое и острое раздражение русского общества и сделало крайне непопулярными все мероприятия Александра, направленные в пользу поляков: возрождение Польши стало связываться с пересмотром границ империи.

Итак, закончились наполеоновские войны, но не утихла взаимная вражда русских и поляков. Слишком сильны были обоюдные обиды на протяжении последних двух веков: ни русские, ни поляки не могли забыть

Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых.

А. С. Пушкин. «Бородинская годовщина».

Примирение двух народов и на этот раз не состоится и будет оставлено на долю «времен грядущих».

* Автор выражает искреннюю признательность А. Г. Тартаковскому, указавшему ему на этот источник.

АНДЖЕЙ НЕУВАЖНЫ
(Республика Польша)

ВТОРАЯ ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА...

Совсем недавно многие «неудобные» страницы польско-русских отношений попросту замалчивались. Но это не значит, что теперь следует безоговорочно принимать на веру обильно цитируемые в статье Семена Экштута свидетельства русских мемуаристов. Многие приводимые там высказывания просто необходимо соотнести с общей картиной причин и результатов участия поляков в кампании 1812 года.

Начнем с 1794 года, когда Суворов захватил Варшаву после учиненной русскими солдатами жестокой резни вооруженных защитников и мирных жителей Праги (правобережной части польской столицы). Обильно пролитая кровь породила в польских сердцах враждебное чувство к русским, которое полностью сохранилось к моменту нападения Наполеона на Россию.

Третий раздел Польши (1795) положил конец существованию Речи Посполитой, объединявшей польскую корону и Великое Княжество Литовское со времен Люблинской унии 1569 года. А. П. Ермолов совершенно не прав в своем утверждении, что будто бы после 1794 года «не существовало поляков». На деле они никогда не оставляли надежды вернуть своей Родине свободу и использовали любую возможность борьбы против поработителей в любой точке Европы. Именно на рубеже XVIII и XIX веков появился образ поляка — вечного революционера и знаменитый лозунг «За нашу и вашу свободу!», начертанный позднее на знаменах повстанцев 1830—1831 и 1863—1864 годов. В 1797 году в Италии при поддержке генерала Бонапарта были сформированы польские легионы генерала Яна-Хенрика Домбровского, просуществовавшие под разными названиями до 1807 года. Песня этих легионов — «Еще Польша не погибла, коль живем мы с вами,— все, что отнял у нас недруг, мы возьмем клинками» — и поныне национальный гимн Польши.

Наполеон справедливо считал польский вопрос козырем в политической игре с Россией — возрождение польского государства автоматически вело к войне со всеми державами, поделившими Речь Посполитую. Созданное в 1807 году (и расширенное в 1809 за счет Австрии), герцогство Варшавское стало послушным сателлитом Франции, хотя и гордилось своими конституцией, парламентом и армией.

Это четырехмиллионное государство, кроме всего прочего, должно было платить французам часть репараций, наложенных на бывшие прусские земли, а континентальная блокада, закрытие границ с Россией и Данцигского (Гданьского) порта негативно отразились на польской торговле. Тем не менее герцогство смогло выставить в 1812 году более 100 000 солдат для Великой армии (14-миллионная Рейнская конфедерация дала Наполеону 120 000).

Армия герцогства включала в себя не только добровольцев из шляхтичей, но и новобранцев из крестьян (и до, и после 1812 года польский крестьянин крайне неохотно брался за оружие). Благодаря демократическим традициям легионов Домбровского крестьянин получал недоступные ему ранее возможности — он мог обрести личную свободу и даже получить по окончании службы государственную должность; награжденный за военные заслуги приобретал все избирательные права. Его не могли подвергнуть телесным наказаниям: любой офицер, оскорбивший его действием, должен был идти под суд. В этом причина высокого самопожертвования простых польских солдат в войсках Наполеона — нередко безо всякого жалованья, а то и без сапог, они служили Родине, ценой собственной крови спасая своего французского союзника.

Для большинства поляков война 1812 года тоже стала Отечественной — только разгром Российской империи мог возродить Речь Посполитую.

Александр I четко осознавал эти стремления. Еще в 1811 году по совету князя Адама Чарторыского он пытался уговорить военного министра герцогства Варшавского князя Юзефа Понятовского порвать с Францией в обмен на соединение территории герцогства и части бывших восточных земель Речи Посполитой. Понятовский немедленно известил об этих планах Наполеона.

В России поляки сражались храбро, сохранив до конца похода почти все свои орудия и знамена. На русской земле остались тысячи польских могил, а корпус Понятовского был практически уничтожен (но в 1813 году поляки быстро сумели его возродить). Источники не подтверждают особенной склонности польских солдат Великой армии к насилиям и грабежам — подобные деяния были присущи всем участникам той войны, не исключая и русских. В свою очередь, вступление российской армии в герцогство Варшавское в январе 1813 года также не дает примеров какой-то особенной жестокости по отношению к полякам. Опасаясь повстанцев, русские генералы в целом сумели поддержать порядок (конфискация съестных припасов и лошадей считалась нормой). «Природная ненависть» скорее была делом рук русских «контрпропагандистов», чем реальным фактом. Нищета поляков была следствием неурожая 1811 года, а главное — пребыванием на польских землях сотен тысяч французских, а затем и русских солдат (в некоторых департаментах герцогства русские оккупационные власти умудрились собрать налоги и фураж на 15 лет вперед).

Вообще-то антипольские цитаты сами по себе еще ни о чем не говорят — того же Александра Чичерина «подлые поляки» и евреи в Плоцке спасли от смерти и поставили на ноги. Не совсем понятно и удивление мемуаристов по поводу действий поляков — мог ли кто-нибудь в те времена ожидать иного после полувека насилий, унижений и разделов?

Почти самоубийственная смерть под Лейпцигом князя Понятовского закрыла наполеоновскую главу польской истории. С тех пор не утихает «вечный» спор о результатах наполеоновских походов для Польши и поляков. Одни, как знаменитый вождь повстанцев 1794 года Тадеуш Костюшко, утверждали, что поляки стали лишь пушечным мясом для осуществления личных амбиций императора, другие продолжали считать Наполеона подлинным воскресителем Польши. «Бог с Наполеоном, Наполеон с нами». Это строки Адама Мицкевича из великой поэмы «Пан Тадеуш»:

Рожденный в рабстве,
закованный еще в пеленках,
Я в жизни лишь одну весну
такую видел.

Несомненно, что Наполеон при решении польского вопроса руководствовался циничными политическим расчетом. Но никто не сделал полякам больше добра, чем он. Наличие конституции и парламента в герцогстве Варшавском принудило Александра I сохранить эти привилегии при создании в 1815 году Царства Польского. Хотя царю по итогам Венского конгресса и не удалось получить всю территорию бывшего герцогства, он тоже заслужил благодарность поляков: основные польские земли сохранились как единое целое. Четвертого раздела Польши не последовало. В 1813—1815 годах (так же как и в 1944-м) Польша была силой принуждена сменить свою политическую ориентацию — с западной на восточную — и принять российское господство. В одном мемуаристы абсолютно правы: любая форма угнетения — жестокая или «бархатная» — никогда не убивала мечту о восстановлении независимой Польши.

ЛИЦА или МАСКИ?



— Война 1812 года не случайно стала в народном сознании Отечественной. Что же скрывается за возвышенной лексикой? Не так давно всех российских патриотов было принято делить не иначе как по классовому принципу...

<u>В. Безотосный.</u>— По этому вопросу мне хотелось бы вступить в полемику с автором одной из лучших работ по истории войны Н. А. Троицким (1812: Великий год России. М., 1988). Он считает, что дворянство в целом было патриотично только на словах. В среде духовенства оказалось больше всего предателей. Единственный, кто проявил себя до конца патриотично,— так это народ.

Но что такое «народ», «народный», «народная война»? Эти термины нельзя рассматривать упрощенно.

Троицкий к народу отнес все население, кроме господствующих классов. Народ отождествляется им с крепостным крестьянством, которое, руководствуясь исключительно национальными интересами и патриотизмом, поднялось как самая сознательная сила на врага. В книге приведены факты 67 антикрепостнических бунтов. Но ведь на их подавление отправлялись воинские команды, вместо того, чтобы воевать с «супостатом». Часто крестьяне вместе с французскими дезертирами громили барские усадьбы или выдавали наполеоновским войскам «патриотов»-дворян. Вряд ли эти деяния можно отнести к разряду патриотических. Троицкий писал, что крестьяне — единственное сословие, которое до конца сознательно вело борьбу с Наполеоном. Этот тезис вызывает у меня возражение в силу того, что патриотизм — позиция гражданская, а крепостной крестьянин фактически был рабом. Как раб может быть гражданином?

Патриотизм в высоком понимании этого слова — отношение свободного гражданина к своей свободной Родине. У крестьян в 1812 году в силу несвободности и ужасающей неграмотности отсутствовало чувство гражданственности. Огромна роль православного духовенства, использовавшего религию как важнейший инструмент идеологического воздействия на массы. Нельзя недооценивать и дворянство. Весь офицерский корпус состоял из дворян, которые на деле доказывали свою

Окончание. Начало на стр. 36, 72.

любовь к Родине, проливая кровь на полях сражений. Из всех сословий именно дворянство было более всего заинтересовано в победе над Наполеоном, так как боялось, что «корсиканец» может объявить волю крепостным. Именно дворянство являлось в тот период главной цементирующей силой российского государства. Я считаю, что крестьянское движение — часть национального движения, но не патриотического.

Л. Ивченко. — Разве русский крестьянин не мог быть патриотом?.. А как быть с блестящим высказыванием Дениса Давыдова, что *«нравственное чувство раба возвысилось до патриотизма свободного человека»?*

Не все оказывали неприятелю вооруженное сопротивление, на это были ведь способны единицы, самая сильная часть нации. И «лишать» русских крестьян патриотизма — дерзко, да и неправильно.

Понятие «отечественная война» придумали не мы. Оно пришло к нам от тех, кто в 1812 году отстоял Отечество... И нам ли оценивать правомерность называть эту войну «отечественной»?..

В. Дунаевский. — Одна из причин поражения французской армии в том, что она не была так тесно сплочена, как русская. Здесь же прозвучало желание опорочить крестьянство. Крестьянские выступления начались сразу же после вступления армии Наполеона на русскую землю. Отечество у всех одно. И если человек живет на этой земле, естественно, он ее защищает, он — патриот.

А. Немзер. — Рабства в России все же не было. Нельзя воспринимать радикальную риторику Радищева как точные социологические суждения. Но дело не в этом. Отменить словосочетание «отечественная война» нельзя, потому что это определение в некотором роде мифопоэтическое. Это акт самосознания культуры. Мы можем придумать 25 опровержений (думаю, все они будут несостоятельными) — все равно война будет отечественной.

Если же отвлечься от процесса национального самосознания (и неизбежной мифологизации), то все равно скептицизм потерпит фиаско. Мы мало осмысливаем грандиозную роль православного духовенства в войне; употреблять, толкуя о значении пастырского слова, выражение вроде «агитация», «пропаганда», на мой взгляд, антиисторично. Огромное большинство россиян были православными: осмысление войны в религиозном плане, естественно, способствовало национальному подъему.

С другой стороны, так ли уж актуален в нашем разговоре вопрос о крепостном праве? Если бы войны всегда выигрывала та держава, в которой нет крепостного состояния, то войны вообще вести не надо было бы. Итог известен заранее. В то же время я бы не акцентировал на слове «патриотизм», говоря о крестьянстве. Надо различать живую реакцию на насилие и отрефлексированное гражданское чувство, которым обладало дворянство — движущая сила армии. Русские офицеры за годы антинаполеоновских войн и «позорного» послетильзитского мира вынесли твердое убеждение: Наполеон — враг. Любопытно, что одни из них мыслили Наполеона революционером, другие — могильщиком свободы, но врагом он так или иначе оставался. Культурный «бонапартизм» начала века (такого рода настроения были, например, у Карамзина в период редактирования «Вестника Европы») совершенно выветрился.

Б. Абалихин. — Нельзя согласиться, что крестьяне защищали только помещиков. В начале века в России было 9 процентов так называемых «капиталистых» крестьян, владевших небольшими мануфактурами, мельницами и т. п. Некоторые крестьяне были богаче своих помещиков. Так что крестьянству было что защищать.

Нельзя отказывать крестьянам и в патриотизме. Листовки походной типографии Главного штаба постоянно отмечали это. А вот что писал 14 августа Багратион Ростопчину: *«Смоленская губерния весьма хорошо показывает патриотизм, мужики здешние бьют французов как свиней, где только попадаются в малых командах...»* Правда, длительное время мы стыдливо замалчивали тот факт, что партизанское движение носило ожесточенный характер: крестьяне жгли и резали французов, закапывали их живыми в землю... Фрагмент из письма Багратиона передает накал борьбы.

— А что можно сказать об идеологии в войне? Какой вклад ввела так называемая «надстройка» в успехи России?

А. Тартаковский. — Говорить об участии православной церкви в правительственной пропаганде 1812 года вполне правомерно. Вспомним о ее месте в государственной системе России начиная с Петра I. Манифесты в связи с войной читались с амвонов по всей стране. Сами же священники, даже средних и малых приходов, сочиняли свои проповеди на злобу дня, откликаясь на те или иные события военной жизни. Словом, церковь была накрепко включена в механизм официальной, мирской идеологии.

В. Безотосный. — А как Вы оцениваете ростопчинские афишки? Это действительно была пропаганда? Эти афиши распространялись по значительной территории Московского губернаторства. Но я нигде не встречал анализа их влияния на русское общество.

А. Немзер. — Я давно об этом думаю и не понимаю социального адреса ростопчинских афиш. Дело в том, что граф Ростопчин, может, и был выдающимся интриганом и даже политическим дипломатом, даже своеобразным концептуальным политическим мыслителем, а вот писателем он был плохим и не знающим точно, к кому он обращается. Это стилизация непонятно чего. Я думаю, что какой-то отклик афиши должны были иметь и как-то были включены в общую систему идеологического воздействия. Именно в общую систему, организованную достаточно сложно: манифесты, написанные Шишковым, церковная проповедь, «солдатский» фольклор письменного (интеллектуального) происхождения (вроде песен Ф. Глинки или И. Кованько) и, наконец, не в последнюю очередь деятельность литераторов-карамзинистов в «Сыне Отечества» и в походной типографии Кайсарова при Главном Штабе армии. Здесь есть над чем подумать. Крайне интересно было бы еще раз просмотреть «Сына Отечества» и оценить стратегию его редакции. Какую роль играло изобретение сюжетов, поэтизация подвигов и лиц (например, партизанского движения и конкретно Д. В. Давыдова — приятеля наших «Пропагандистов»), обращение к «испанской» теме (а отчасти и к германскому опыту, там ведь была интересная антинаполеоновская словесность)? Легенда о войне складывалась в ходе самой войны: Н. Н. Раевский, как мы знаем по записям Батюшкова, дивился «римскому» антуражу, возникшему вокруг его действий в бою при Дашковке. При этом он вовсе не был скромником или человеком, чуждающимся эффектов (это видно из тех же записей Батюшкова) — он просто был не готов к такой роли. Ситуация для легендотворчества нормальная и обычно приносящая успех. При этом не только в конкретный момент. Выиграв войну идеологически один раз, русская культура не смогла остановиться и выигрывала эту идеологическую войну простоянно. (Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Толстой — наши сегодняшние недоумения: как отличить историческую конкретику от мифологизации?)

А. Тартаковский. — Ростопчинские афиши хорошо изучены в литературе. На кого они были рассчитаны? Прежде всего на «низы» населения, на малограмотного обывателя, «чернь», или, как бы мы сейчас сказали, на люмпенизированные городские слои. Дворянство — а тем более просвещенная его часть — ростопчинские афиши всерьез не воспринимало. Крестьяне чувствовали их фальшь. На этот счет сохранилось немало мемуарных свидетельств.

Л. Ивченко. — В одном из писем к Ростопчину князь Багратион написал: *«Я читал и слезами обливался, какой ты есть прямой российский барин».* Вопрос только в том, насколько Багратион был искренним. Несколько слов по поводу идеологических основ войны, будто русское общество было настроено антибонапартистски благодаря литературным приемам и царским манифестам. Но идеологически оно было готово к сопротивлению гораздо раньше. Существовала определенная вековая традиция побед русских воинов. В отличие от европейских армий, у россиян, когда они терпели поражение, не возникало психологической угнетенности. Наоборот, они хотели реванша, были готовы вновь и вновь к встрече с Бонапартом. Мы говорим, что войска Наполеона устали, выдохлись и хотели отдыхать в Париже. А ведь русский офицерский корпус воевал столько же, если не больше, но все равно был готов к борьбе до победного конца. Вся многовековая традиция российская была за них.

А. Тартаковский. — Еще несколько слов о патриотизме 1812 года и отечественном характере войны. Эта тема затрагивалась сегодня в дискуссии. Неверно, по-моему, для той эпохи противопоставлять патриотизм разных сословий: принижать дворянский патриотизм, поскольку-де его носителем являлся эксплуататорский класс, и вовсе отрицать патриотизм крестьян на том основании, что у них «отсутствовало чувство гражданственности». Проблески гражданского и даже политического сознания в крестьянской и солдатской среде уже в 1812 году проявлялись достаточно отчетливо, хотя потом и заглохли. Я отнюдь не пренебрегаю социальными различиями в патриотизме. Но не надо их абсолютизировать, иначе мы снова дойдем до вульгарно-социологического абсурда, который господствовал в нашей науке не одно десятилетие.

1812 год впервые в истории России нового времени пробудил повсеместно чувство общности национальной жизни, единения перед лицом смертельной опасности множества людей самых разных состояний. Этот мощный общенациональный порыв дал себя знать в полной мере с момента вступления неприятеля в коренные русские земли и стойко держался до конца войны — всего какие-то 4—5 месяцев, но для дальнейших судеб страны они значили куда как больше, нежели десятилетия мирного, обыденного существования. 1812 год — сказочная, эпическая пора русской истории, и именно так он воспринимался пришедшими вслед за тем поколениями. Без национального начала нет ни самого 1812 года, ни всей последующей духовной жизни русского общества, в том числе и великой эпопеи Л. Н. Толстого.

Именно такой смысл вкладывали современники в понятие «отечественная». Некоторые же наши историки ошибочно полагают, что это понятие было искусственно привнесено в историографическую традицию официальными установками николаевского царствования и появилось чуть ли не в 1830-х годах. Между тем бытование термина «отечественная» применительно к войне с Наполеоном уже в саму эту эпоху не миф, а документально фиксируемая реальность. Впервые на страницах печати термин «отечественная» возник в вышедшей в 1813 году книге Д. И. Ахшарумова «Историческое описание войны 1812 года» и в историко-публицистических сочинениях Ф. Н. Глинки 1814—1815 годов. Оба они принадлежали, кстати, к передовым, предекабристским, кругам русской офицерской молодежи. Не надо путать естественное и здоровое национальное чувство с узурпацией национальной идеи великодержавно-монархической идеологией.

— По марксистско-ленинской традиции, роль личности в истории у нас принижалась, а роль народных масс, напротив, завышалась. И тем не менее, все знают Кутузова, Багратиона, Давыдова... Какова была роль военачальников в Отечественной войне и насколько достоверны наши представления о них?

Л. Ивченко. — В работе Троицкого говорится о письме Сталина военному историку Разину. Вождь пишет: «Кутузов был на две головы выше Барклая де Толли». В 1987 году на конференции в ЦГВИА я услышала, что существовала сталинская установка, поэтому сталинисты поднимают на щит Кутузова, а теперь надо отдать должное Барклаю...

Ни к чему перетаскивать лавры от одного монумента к другому. Кутузов в этом не виноват. У нас ведь нет ни одной стоящей его биографии. Мы до сих пор не можем соотнести его ни с одним западным военным талантом. Не можем оценить уровень развития его интеллекта. Его переписка, все документы возволяют предположить, что перед нами не обычный генерал, а генерал первой десятки. Но в чем своеобразие его таланта? Мы знаем только, что он говорил на шести языках...

В 1807 году в беседе с историком Нибуром Барклай сказал, что если бы была война, он бы заманивал императора Наполеона. И все говорят: как это ново. А по сути дела — кампания Кутузова в 1805 году не получила соответствующей оценки, хотя он предложил тогда тот же вариант заманивания, сорванный вмешательством Александра I.

В 1812 году Кутузов смог реализовать то, на что был способен. У нас получается так: Кутузова или Багратиона мы осуждаем по их переписке за то, чего они не делали,— за их намерения. Барклая мы хвалим за то, что он не успел выполнить, то есть тоже за намерения. Как тут решить, кто из них прав? Троицкий решил пошатнуть авторитет Кутузова. И предложил на него здраво взглянуть. Во время польской кампании он, оказывается, подавлял восстание польских конфедератов. Но кто его не подавлял? Разве не было там Суворова? Назовите хоть одного полководца, который бы не участвовал в польских кампаниях. Тот же Петр Иванович Багратион... Мы все считаем, что Суворов его заметил под Очаковым. Но известно, что Суворова-то при штурме Очакова не было. Багратиона же заметили в польскую кампанию 1794 года.

Мы не можем определить значение того или иного военачальника, не знаем взаимоотношении между группировками русских генералов; наконец, отбрасываем такое понятие, как кастовость. У нас Барклай де Толли — генерал от инфантерии, светлейший князь Кутузов — генерал от инфантерии, граф Милорадович —

генерал от инфантерии. И тем не менее, эти люди стоят на разных ступенях военной иерархии, никак не связанных с воинским званием.

Б. Абалихин.— Мне бы хотелось продолжить эту тему. До сих пор у нас нет полной биографии ни одного полководца, равной биографии Наполеона, написанной Тарле или Манфредом. О Кутузове как о генерал-губернаторе Киева — ни строчки. А это ведь интереснейшая полоса его деятельности.

Хотел бы заметить, что Барклая мы судим и хвалим не за то, что он не сделал, а за то, что он действительно совершил, осуществив в труднейших условиях отступательный маневр русской армии 1812 года, причем замысел этого отступления впервые был высказан им еще в 1807 году.

В поисках противоречий между военачальниками той эпохи мы иногда заходим слишком далеко и не видим того, что их сближало. Багратион летом 1812 года позволял себе по отношению к Барклаю вещи, выходившие за рамки всякой субординации и всякого приличия. Но когда он узнал, с каким геройством сражается Барклай при Бородине, то с рыцарским великодушием воскликнул: «Спасение армии в его руках... Господь, да сохранит его!»

В. Безотосный.— Мне бы хотелось продолжить этот ряд: российский император Александр I. один из образованнейших людей в России, выдающийся дипломат и не менее выдающийся интриган, в начале царствования — либерал, в конце — консерватор. Превалируют, в основном, негативные характеристики. Зато вокруг Кутузова, с подачи Сталина, сложился настоящий культ: любые его действия толковались как гениальные, хотя он был нормальным человеком — «слуга царю, отец солдатам». Прочитаешь иных авторов и невольно приходишь к мысли, что если бы дожил Михаил Илларионович до 1825 года, то наверняка возглавил бы восстание на Сенатской площади. Так же однобоко, до образа «временщика», сужена фигура талантливого военного администратора Аракчеева. Остаются невыясненными причины нелюбви к Барклаю со стороны большинства генералов, хотя объяснение есть: его досрочное производство в 1809 году в генералы от инфантерии за боевые заслуги. А большая часть корпусных командиров в Отечественную войну до этого времени были по чину старше военного министра и считали себя обойденными. Весьма интересно и соперничество генеральских группировок во время войны, борьба главнокомандующих с генеральской оппозицией. В целом в отношении «героев» необходимо отойти от идеализации или шельмования и придерживаться принципа «Богу — Богово, кесарю — кесарево».

А. Валькович.— У нас сложился стереотип: царедворец лукавый, хитрый лис — Кутузов; сухой, холодный Барклай, и тут же, как противовес, горячий Багратион. В то же время недооценивается глубина противоречий между ними. Известно, что у Наполеона были проблемы с «командой» его маршалов, они нередко между собой враждовали, порой давали сопернику возможность проиграть сражение, дабы доказать его несостоятельность.

То же самое, те же отношения мы увидим, когда обратимся к истокам неприязни Раевского, Остермана, Толстого, Багратиона и других к Барклаю. Барклай для них — выскочка, пользовавшийся поддержкой Ольденбургских...



Переход через р. Березину 28 ноября 1812 г. Литография по рис. Х. В. Фабер дю Фора (1827—1831).

Все историки — сыны своего времени, своей эпохи. Но они должны служить истине и служить беспристрастно. Получается же так, что кому-то более дорог Кутузов, кому-то — Багратион; кто-то выполняет социальный заказ... Задача же — быть выше всего этого, а иначе получится по Черчиллю: «История — та проститутка, которая отдается тому, кто больше платит». Наша задача — установить истину. А это мы можем сделать только по документам.

А. Немзер.— Вопрос не в том, все ли мы знаем о Багратионе, хотя, наверное, кое-что мы все-таки знаем и узнаем еще. Мы будем «упираться» в определенные маски Багратиона, и Барклая, и Кутузова, и Раевского, и Давыдова, и нечего на это сердиться. Все они чрезвычайно важны как факторы нашего духовного сознания. Если сорвем эту маску, увидим не правду, а то, что на самом деле ей не противоречит. Дело не в том, чтобы перестать восхищаться героями 1812 года, а в том, чтобы понять и осмыслить механизм складывания такой вот маски, такого мифа.

А. Тартаковский.— Разве перед вами не стоит проблема адекватности или неадекватности мифа?

А. Немзер.— Конечно, стоит. Я знаю точно, что я так же ограничен, как и все предшествующие историки, и еще я знаю, что мифы на пустом месте не возникают и всякое представление о герое из чего-то складывается. Если я не могу проследить конкретные механизмы создания мифа, то должен признавать его не мифом, а объективной истиной.

А. Тартаковский.— Я хотел бы ответить на прозвучавший здесь вопрос о том, мог ли Наполеон, последовательно сокрушавший в завоеванных странах Европы феодально-средневековые институты, провозгласить и в России освобождение крестьян. Некоторые историки полагают, что в 1812 году такого рода устремлении уже не были свойственны Наполеону, а те или иные его антифеодальные высказывания неправомерно расцениваются лишь как проявление социальной демагогии. Если вспомнить известные слова Пушкина о Наполеоне: *«мятежной вольности наследник и убийца»*, то акцент здесь явно делается на этой второй его ипостаси. Объясняется же данный феномен тем, что к моменту похода в Россию давно обозначилось перерождение политической системы Наполеона из республиканской в откровенно монархическую, в личную военно-деспотическую диктатуру императорского типа, возобладание во всех его действиях династически легитимных интересов и т. д. Объяснение это, верное лишь в самом общем виде, представляется неполным и упрощенным. Оно не позволяет понять, например, почему, будучи уже императором, Наполеон в 1807 году ввел в герцогстве Варшавском «Гражданский кодекс», уничтоживший крепостную зависимость крестьян и сословные перегородки, а в 1808 году в Испании декретировал отмену феодальных прав, привилегий церкви, инквизиции монастырей.

Еще сложнее дело обстояло с Россией. В первой половине кампании мысль об объявлении «вольности» в коренных русских землях не покидала Наполеона, всерьез обсуждавшего в своем окружении способы антикрепостнической агитации и развязывания крестьянских восстаний,— следы этих намерений сохранились в его деловой переписке и в воспоминаниях его приближенных. *«Надлежало подкупить крестьян обещанием свободы и привлечь на нашу сторону, возмутив их более или менее повсеместно»* (Ф. Сегюр). Разговоры на эту тему со знающими положение дел в России людьми и с самими крестьянами Наполеон вел и в Витебске, и в Смоленске, и в первые дни пребывания в Москве.

Конечно, как и прежде, антифеодальные акции не играли для Наполеона сколько-нибудь самостоятельной роли, а были подчинены политико-стратегическим расчетам. Провозгласив освобождение крестьян и привязав их к своему режиму, он, вероятно, намеревался подорвать боеспособность русской армии, парализовать силы национального сопротивления. Для этого ему совсем не нужен был административный аппарат, ибо речь шла не о практическом проведении в жизнь антикрепостнических мер на местах, а именно и только о *провозглашении* этого акта. Естественно, что Наполеон испытывал при этом сильнейшие колебания и в конце концов вовсе отказался от каких-либо планов на сей счет, чреватых непредсказуемыми социальными последствиями. Отказ этот совершился, видимо, не позднее конца второй декады сентября под непосредственным впечатлением пожаров и крестьянского партизанского движения, принявшего широкий размах и крайне ожесточенный характер. По возвращении в Париж, в речи Сенату Наполеон признавался, что *«мог бы вооружить против»* России большую часть населения, *«провозгласив освобождение рабов»*, но отринул эту меру, *«увидев огрубление этого многочисленного класса русского народа»*. В последние две недели пребывания в Москве, когда после возвращения Лористона из Тарутина обнаружилась окончательно тщетность надежд добиться мира с русскими, антикрепостнические и подобные им лозунги Наполеон попытался использовать совсем в иных целях. Есть сведения, что он распорядился составить прокламацию об освобождении крепостных. Остававшимся в городе дворянам подкидывали изданное еще в начале войны воззвание Наполеона к русским войскам с резко антикрепостническими выпадами. Был пущен слух, что выходцы из «низших классов населения» обратились к Наполеону с ходатайством о даровании «вольности» и кто-то даже видел эту бумагу с крестьянскими подписями. Поговаривали, будто французы собираются возмутить казанских татар, посулив им поддержку в избавлении от гнета царизма и отделении от России; что Наполеон возымел желание иметь под рукой кого-либо из потомков старинных удельных князей, могущих претендовать на русский престол. С этой целью поручил написать проект прокламации от имени князей Долгоруких, низлагавшей «немецкую династию узурпаторов Романовых». Запугав господствующие слои русского общества угрозой внутренних волнений, антипомещичьего бунта и свержения царствующей династии, Наполеон хотел побудить Александра I к прекращению войны. Но все это, как мы знаем, было тщетным.

— Важным остается вопрос о значении и последствиях Отечественной войны 1812 года.

В. Безотосный.— Победа русского оружия привела к окончательному поражению Наполеона в 1814 году. Впервые среднепоместные дворяне, одетые в офицерские шинели, получили возможность за государственный «кошт» путешествовать по Европе, увидеть и сравнить Европу с русскими порядками. Увидеть и задать вопрос: от чего они освобождали Европу? Многие сделали выводы не в пользу крепостной России и задались другими вопросами: «что делать?» и «кто виноват?», и в конце концов оказались в среде декабристов. Именно 1812 год послужил первоначальным толчком создания революционного движения в России.

Многие известные русские деятели XIX века считали, что «гроза двенадцатого года» пробудила Россию, и не только в плане революционного движения. Именно на послевоенный период приходится расцвет русской литературы и искусства, начинают быстрее развиваться элементы капиталистических отношений в промышленности. Если говорить о внешней политике, то в 1815 году был заключен Венский мирный договор, зафиксировавший границы государств и незыблемость монархий. Образовался «Священный союз» (союз монархов), активно подавлявший революционные взрывы, при этом не последнюю роль играла Россия. Тут можно спорить, что было лучше для Европы: не знать более 30 лет войны при незыблемости общественных устоев или через потрясения быстро двигаться по пути прогресса. Что же касается России, то победа над Наполеоном законсервировала социально-экономические отношения. И, на мой взгляд, отсрочила отмену крепостного права, хотя этот вопрос уже стоял на повестке дня в царствование Александра I.

Но историческая наука не любит сослагательного наклонения: что было бы, если бы... Хотя очень заманчиво иногда пофантазировать. История досталась нам такой, какой сделали ее наши прадеды. Задача потомков — знать их деяния, принимать их таковыми, как они были, и, опираясь на опыт прошлого, не повторять предшествующих ошибок.

Материалы круглого стола подготовила

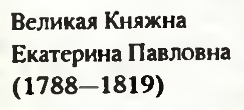
ТАТЬЯНА МАКСИМОВА













Великая Княжна
Екатерина Павловна
(1788—1819)

Княгиня
Екатерина Павловна
Багратион
(1788 —1857)

Графиня
Екатерина Петровна
Шувалова
(1743—1816)

Княгиня
Екатерина Федоровна
Долгорукая
(1769—1849)

Надежда Дурова
(1783—1866)
Первая в России
женщина-офицер

СВЕТЛАНА МИКЛАШЕВСКАЯ

«Я пришел дать вам мир...»



На акварели Ф. Малека, хранящейся в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве, запечатлено торжественное вступление союзных войск в Париж 19 (31) марта 1814 года. Хотя она украшает экспозицию зала № 2 уже более 30 лет, но место действия и персонажи, изображенные на ней, до сих пор не исследовались.

Этой целью — атрибутировать акварель — мы и задались.

В 3-м часу ночи 31 марта 1814 года была составлена и подписана капитуляция Парижа. Одна из статей гласила: *«Город Париж передается на великодушие союзных государей»*.

А утром Александр I, прусский король Фридрих Вильгельм, главнокомандующий союзной армией Шварценберг, сопровождаемые свитой из тысячи генералов и офицеров, приветствовали проходившие церемониальным маршем войска.

И хотя основное действие проходило на Елисейских полях, художник изображает площадь Согласия — символ Парижа. Одна из красивейших в городе, она расположена между садом Тюильри и Елисейскими полями. Эта площадь была свидетелем многих событий: здесь казнили Людовика XVI, Марию-Антуанетту, Шарлотту Корде, жирондистов, Дантона и, наконец, жертв термидорского переворота во главе с Робеспьером. И вот теперь, 31 марта 1814 года, она встречает победителей.

Все внимание художник сосредоточил на центральной группе. Впереди — Александр I, на серой лошади по имени Эклипс, подаренной ему, кстати сказать, Наполеоном. Справа от него — Фридрих Вильгельм, на груди — оранжевая лента и звезда прусского ордена Черного орла; слева — Шварценберг, со звездой и лентой австрийского ордена Марии-Терезии. Еще правее — русский военачальник с голубой андреевской лентой, прусским орденом Красного орла и австрийским — Марии-Терезии. Скорее всего это Барклай де Толли, хотя портретного сходства нет. Правда, настораживает отсутствие шведского ордена Меча... И все же впереди, со Шварценбергом, мог быть только он...

Во втором ряду должны были быть командующие союзными армиями, крупные военачальники, а идентифицировать их не представляется возможным. Парадные мундиры, ленты, ордена, светское великолепие! Но именно они-то и выдают незнание художником атрибутики. А это, в свою очередь, затрудняет узнавание исторических лиц, «вычисление» их по костюмам и орденам.

Как же реагировали французы на это событие? Они *«смотрели на все безразлично и мечтали лишь избавиться от нашествия варваров, налогов, войн и вздохнуть от деспотизма»*, — читаем у одного из очевидцев. Толпа парижан за спинами французских гвардейцев изображена безликой массой.

Австрийский художник Малек не был единственным живописцем, изобразившим событие по горячим следам. Известна картина М. Воробьева — художника, состоявшего при Главной квартире русской армии, гравюры Шарлеманя, Югеля, Ругендаса. Глядя на них, чувствуешь грозную силу победителей, настороженность парижан, крикливый ажиотаж роялистов. У Малека же — это радостный, долгожданный день, день спокойствия и мира.

Два дня спустя на площади Согласия солдатам была зачитана прокламация, подписанная Александром I, предоставлявшая им свободу. А 10 апреля, в Светлое Воскресенье, здесь отслужили молебен в благодарность за воцарившийся мир. В этот день сотни французов освободили из тюрем, открыли городские ворота.

На следующее же утро после вступления в Париж Александр и Фридрих Вильгельм осматривали город. Любезно раскланиваясь с парижанами, русский император говорит: *«Я пришел дать вам мир и торговлю»*.

НИКОЛАЙ УЛЬЯНОВ

АЛЕКСАНДР I — ИМПЕРАТОР, АКТЕР, ЧЕЛОВЕК

Уже дважды (№ 3, 1990; № 2, 1991) наш журнал обращался к наследию русского историка Николая Ивановича Ульянова (1904—1985). Сегодня — продолжение знакомства. Мы предлагаем отрывки из публицистического сочинения Ульянова «Северный Тальма», посвященного Александру I. Этот мастерски сделанный очерк императорской личности выделяется нетривиальной трактовкой ключевых событий его царствования, и в частности войны с Наполеоном. Многие мысли этой работы отнюдь не бесспорны, но искренний протест против казенного патриотизма и связанного с ним прославления победоносных войн делает честь историку Ульянову. Выражаем признательность Надежде Николаевне Ульяновой за любезное содействие, оказанное при подготовке настоящей публикации.



Эпизод сражения под Лейпцигом. Неизвестный художник (сер. XIX в.).

Александр I.

*Он взял Париж и создал наш лицей *.*
ПУШКИН.

31 марта 1964 года исполнилось 150 лет с того дня, когда русский император Александр I, в сопровождении короля прусского и австрийского генерала Шварценберга, вступил в Париж во главе гвардии и союзных войск. Зрелище было одним из самых редких. Весь Париж высыпал на улицу; тротуары, окна, крыши домов полны были народом, с балконов махали платками. Александр нисколько не преувеличивал, когда рассказывал потом князю А. Н. Голицыну: *«Все спешило обнимать мои колена, все стремилось прикасаться ко мне; народ бросался целовать мои руки, ноги, хватались даже за стремена, оглашали воздух радостными криками, поздравлениями».*

Французы, действительно, проявили род экстаза. *«Que L'Empereur Alexandre est beau, comme il salue gracieusement! Il faut qu'il reste à Paris ou qu'il donne un souverain qui lui ressemble»***.

Это был лучший день в его жизни. Ни торжественая встреча в Лондоне и в Амстердаме, ни фимиамы, курившиеся в Германии, не могли затмить парижского триумфа. Два месяца пребывания во французской столице были сплошным купанием в лучах славы и почестей. Он блистал в салоне мадам де Сталь, танцевал в Мальмезоне с императрицей Жозефиной, посещал королеву Гортензию, беседовал с учеными, поражая всех своим образцовым французским языком. Выходил и выезжал без охраны, охотно вступал в разговоры с народом на улице, и всегда его сопровождала восторженная толпа. Популярность его была такова, что к ней возревновал Луи XVIII, посаженный на трон милостию Александра.

Казалось бы, русское национальное самолюбие удовлетворено было полностью; все, как будто, сделано для оправдания известной фразы: *«Покорение Парижа явилось необходимым достоянием наших летописей. Русские не могли бы без стыда раскрыть славной книги своей истории, если бы за страницей, на которой Наполеон изображен стоящим среди пылающей Москвы, не следовала страница, где Александр является среди Парижа».*

Но у многих современников, особенно участников парижского взятия, зрелище «Александра среди Парижа» породило чувство не гордости, а обиды. Блистал один царь, армия же, претерпевшая столько лишений и вознесшая его на небывалую высоту, поставлена была в самое унизительное положение. В то время, как союзное начальство создало для прусских и австрийских солдат вполне приличный режим, с русскими обращались, как с сенегальцами, стараясь прятать от взоров парижан. *«Победителей морили голодом и держали как бы под арестом в казармах,* — писал участник кампании Н. Н. Муравьев, известный впоследствии под именем Карского.— *Государь был пристрастен к французам и до такой степени, что приказал парижской национальной гвардии брать наших солдат под арест, когда их на улице встречали, отчего произошло много драк».* Не мало оскорблений претерпели и офицеры. Стараясь приобрести расположение французов, Александр, согласно Муравьеву, *«вызвал на себя ропот победоносного своего войска».*

Во второй свой приход в Париж, после знаменитых «Ста дней», в 1815 году, он нанес этому войску еще более чувствительную обиду. Заметив во время церемониального марша гвардейской дивизии, что некоторые солдаты сбились с ноги, он приказал двух заслуженных командиров полков посадить под арест. Само по себе это еще не представляло ничего необычного; одиозность заключалась в том, что арестовывать провинившихся должны были англичане, и содержаться они должны были не на русской, а на английской гауптвахте. Напрасно Ермолов умолял лучше в Сибирь их сослать, чем подвергать такому унижению русскую армию. Император остался непреклонен.

До офицеров часто доходили презрительные отзывы государя о своих подданных; каждого русского он считал либо плутом, либо дураком. Никаких заслуг за ними не признавал. Когда во время смотра русской армии при Вертю герцог Веллингтон отозвался о ней с чрезвычайной похвалой, Александр во всеуслышание заметил, что всем обязан исключительно иностранным офицерам, состоявшим у него на службе. Казалось, в нем воскресли замашки его гольштейн-готторпского деда Петра III. Обнаружилась резкая разница в обхождении с русскими и с иностранцами. Полковник Михайловский-Данилевский свидетельствует об обворожительной любезности царя всякий раз, когда у него бывали иноземцы, и о резкой перемене тона, как только они уходили. С оставшимися русскими Александр начинал обращаться, как помещик со своей дворней после отъезда гостей.

Принимая с наслаждением овации парижан, он не захотел приветствий и рукоплесканий своего собственного народа. В Петербурге воздвигались к его приезду триумфальные арки, сооружался фейерверк и иллюминация, но он еще с дороги прислал высочайший рескрипт на имя петербургского главнокомандующего Вязьмитинова с запрещением каких бы то ни было встреч и приемов. Приехал в Петербург в семь часов утра, с таким расчетом, чтобы его никто не видел. Только когда прибыла морем гвардия, высадившаяся у Ораниенбаума, он не мог отказать ей в почетной встрече, каковая и состоялась 11 августа 1814 года.

* * *

Со стороны русских государственных деятелей не мало было возражений против похода на Париж. Сам главнокомандующий М. И. Кутузов считал его делом антирусским и пребывал, по этому поводу, в постоянных противоречиях с императором. Насколько эти противоречия были остры, можно судить со слов чиновника Крупенникова, находившегося в комнате умиравшего фельдмаршала, в Бунцлау, и слышавшего последний разговор его с царем.

— Прости меня, Михаил Илларионович!

— Я прощаю, государь, но Россия вам этого никогда не простит.

В конце 1812 года Кутузов напомнил Александру его клятву: не складывать оружия до тех пор, пока хоть один неприятельский солдат останется на его территории. *«Ваш обет исполнен, ни одного вооруженного неприятеля не осталось на русской земле; теперь остается исполнить и вторую половину обета — положить оружие».*

Вместе с адмиралом Шишковым, графом Румянцевым и несколькими другими сановниками, Кутузов принадлежал к той части русского общества, которая считала ненужной и вредной окончательную гибель Наполеона. Полагали, что истребление Великой армии — достаточно хороший урок для корсиканца, чтобы у него не появилось желания снова двинуться в Россию. С ним теперь можно заключить выгодный, почетный мир, но никак не добиваться полного исчезновения его с европейской арены. Оно освободило бы исторических врагов России — Австрию, Пруссию, Англию.

Еще под Малоярославцем, задолго до окончательного изгнания неприятеля, Кутузов откровенно признался своему врагу, английскому генералу Вильсону, что усматривает задачу не в уничтожении противника, а только в выпроваживании его из русских пределов и в воздержании от дальнейших военных действий. *«Я вовсе не убежден, будет ли великим благодеянием для вселенной совершенное уничтожение императора Наполеона и его армии. Наследство его достанется не России или какой-нибудь другой из держав материка, а той державе, которая уже теперь господствует на морях, и тогда преобладание ее будет невыносимым».*

Главнокомандующий с самого начала войны вел борьбу с союзническим влиянием, пустившим в Петербурге и в армии такие корни, что многие офицеры смотрели на события нерусскими глазами.

«Мы никогда, голубчик мой, с тобой не согласимся, — сказал он раз одному из своих генералов,— *ты думаешь только о пользе Англии, а по мне, если этот остров сегодня пойдет на дно моря, я не охну».*

Вряд ли он смотрел так далеко вперед, как это думает Е. В. Тарле, приписывая Кутузову род предвидения тех дней, когда европейцы будут *«лить кровь внуков и правнуков тех русских солдат, которых теперь хотят погнать для освобождения Европы от Наполеона»*, но, несомненно, старый воин умел трезво оценивать факты и чужд был политических фантазий. Лучше всех зная, что такое Наполеон и что такое война, он считал верхом легкомыслия идею преследования противника за пределами России.

Все наиболее осведомленные историки, вроде Н. К. Шильдера, полагают, что общественное мнение в России было на стороне главнокомандующего. Говорили, что Россия и без того совершила чудо и что теперь, когда отечество спасено, ей незачем приносить жертвы для блага Пруссии и Австрии, чей союз хуже откровенной вражды. Дошло до того, что Пензенская губерния, сформировавшая свое ополчение для борьбы с вторгшимся в Россию неприятелем, не пожелала отправить его в заграничный поход.

Один император, поддерживаемый раболепным хором придворных да союзническими дипломатами, настаивал на преследовании и низложении «тирана».

В какой-то мере, Александр может считаться предшественником русского «западничества» 30—40-х годов, по крайней мере, его лексикона и фразеологии. Именно с похода 1813 года слова «Европа», «мир», «вселенная», «человечество» стали произноситься с той декламационной напыщенностью, которая так привилась впоследствии. Первые слова Александра к собравшимся во дворце генералам, по прибытии в Вильно в декабре 1812 года, были: *«Вы спасли не одну Россию, вы спасли Европу».* Когда князь М. Ф. Орлов явился к маршалу Мармону с предложением сдаться на капитуляцию, он отрекомендовался *«флигель-адъютантом его величества императора всероссийского, который желает спасти Париж для Франции и мира».* Тот же Орлов, по поводу притязаний России, сказал, что она хочет *«ничего для себя и всего для мира».*

В то время, как Австрия, Пруссия, Англия шли под своими национальными знаменами и откровенно преследовали национальные интересы, Александр представлял себя благодетелем и освободителем «вселенной».

Прусский король, не успев еще выступить в поход, приготовил счет на 94 миллиона франков в возмещение поставок для наполеоновской армии в 1812 году. После победы союзники забирали у Франции порты, крепости, корабли, пушки, военное имущество и припасы, отхватывали территории на Балканах и в Италии — Александр не брал ничего. Он держался так, что никому в голову не приходило, что это царь самой бедной страны, чья столица обращена в пепел, чьи восемь губерний разорены дотла, чья и без того слабая экономика подорвана, чей народ истекает кровью после небывалой в истории войны. О бедствиях этой страны он ни разу не обмолвился. Не любил и вспоминать об этом. *«До какой степени государь не любит вспоминать об Отечественной войне!»* — замечает барон Толь в своих записках. *«Сегодня годовщина Бородина»,* — напомнил он императору 26 августа 1815 года; Александр с неудовольствием отвернулся от него.

Михайловский-Данилевский, постоянно находившийся при царе, оставил в своем дневнике такую запись под 1816 годом. *«Непостижимо для меня, как 26 августа государь не только не ездил в Бородино и не служил в Москве панихиды по убиенным, но даже в сей великий день, когда все почти дворянские семьи в России оплакивают кого-либо из родных, павших в бессмертной битве на берегах Колочи, государь был на балу у графини Орловой. Император не посетил ни одного классического места войны 1812 года — Бородина, Тарутина, Малоярославца, хотя из Вены ездил на Ваграмские и Асперигские поля, а из Брюсселя в Ватерлоо».*

Звание русского царя, казалось, меньше всего удовлетворяло Александра. *«Бог ниспослал мне власть и победу для того, чтобы я доставил вселенной мир и спокойствие».*

Для снискания восторгов и кликов парижской толпы этот язык был самым верным, но у испытанных политиков, особенно таких, как Меттерних и Талейран, он не мог не вызвать насмешки. «Вселенная» скоро дала урок своему освободителю, превратив антинаполеоновскую коалицию в коалицию антирусскую.

Для того же Талейрана, в первые дни по взятии Парижа, каждое слово Александра было законом; он даже жить пригласил его к себе в дом; но уже через месяц царь переехал от него в Елисейский дворец. Талейран объединил против него всех недавних его союзников. Луи XVIII, корчивший из себя Людовика XIV, начал демонстративно оказывать своему благодетелю знаки пренебрежения — развалился, при первом же свидании, в кресле, предложив императору стул; за обедом, когда лакей собирался сначала Александру налить супа, заорал *„pour moi s'il vous plaît!“* *.

Наиболее обязанная Александру европейская страна, Пруссия, меньше чем через десять лет забыла его благодеяния, а в эпоху Бисмарка, Трейчке, Вильгельма II самый факт участия России в освобождении Германии замалчивался либо отрицался вовсе. О том, как благодарила Австрия,— всему миру известно.

* * *

Уже в дореволюционной русской историографии не много было споров по поводу оценки похода 1813 года.

Большинство авторов считало его одним из самых

* Эта строка у Пушкина звучит так: «Он взял Париж, он основал Лицей» («19 октября 1825 года»).

** «Как прекрасен император Александр, как любезно он приветствует! Желательно, чтобы он остался в Париже или дал бы нам государя, подобного себе» (фр.)

* мне, пожалуйста (фр.).

неразумных предприятий с русской точки зрения. Полагали, что вред изменения европейского равновесия не в русскую пользу и тот страх перед русским колоссом, который перешел в ненависть, были прямым результатом парижского похода. Что касается советской историографии, то она этим сюжетом никогда не занималась. В эпоху Покровского исходили из ленинского определения антинаполеоновской коалиции как «разбойничьих государств».

Но в полуторастолетнюю годовщину взятия Парижа сочли, видимо, неудобным приписывать дело освобождения «разбойникам», тем более что сам К. Маркс называл войну 1813—1814 годов «освободительной». Неудобно клеймить и непрошенного освободителя Александра в такое время, когда вся внешняя политика СССР — сплошное непрошенное освободительство, сплошное отрывание куска хлеба у собственного народа, ради миллиардных затрат на вооружение Кубы, Индонезии и прочих экзотических стран, о существовании которых русский мужик слыхом не слыхал. Пришлось реабилитировать взятие Парижа и причислить его к лику «прогрессивных» явлений. Зато произведена была перестановка действующих лиц: Александра отодвинули на задний план и едва удостоили упоминания, тогда как инициативу преследования Наполеона и избавления от него Европы, вопреки всем данным, приписали... Кутузову. Главным же героем сделали «революционный германский народ».

Не забудем трагического положения русских историков в СССР и не станем возлагать на них ответственность за такую фантастику.

* * *

Александр буквально за волосы втащил союзников в Париж.

Такая настойчивость не может не привлечь к себе особого внимания. Почему из всех врагов Бонапарта один Александр проявил полную беспощадность и методичную последовательность в его уничтожении?

Сам Наполеон начал присматриваться к царю только после трагического оборота войны 1812 года. До тех пор лучший комплимент, сказанный им по адресу Александра, гласил, что он не так глуп, как о нем иногда думают. Лишь взяв Москву и наткнувшись на железную непримиримость Александра, Наполеон увидел в нем противника, непохожего на тех, с которыми приходилось иметь дело дотоле. Когда же выяснилось намерение Александра идти на Париж и обнаружилось, что ни тяготы похода, ни поражения, ни предательство союзников, ни соблазнительные предложения самого Наполеона не способны его остановить и заставить пойти на сговор, Наполеон понял, что это и есть его подлинный смертельный враг. Усталый, искусанный, он неуклонно добирался до его горла.

В исторической литературе давно отмечен фанатизм этой загадочной ненависти и существует немало попыток ее объяснения. Самое неудачное то, которое исходит из экономических и политических интересов России. У России не было реальных поводов для участия в наполеоновских войнах. Европейская драка ее не касалась, а у Наполеона не было причин завоевывать Россию. Веди она себя спокойно, занимайся собственными делами, никто бы ее пальцем не тронул.

Не более убедительна и другая точка зрения, объясняющая войны России с Директорией и бонапартистской Францией реакционными склонностями русских царей. Только война Павла I могла бы подойти под такое толкование и то с трудом. Александр же меньше всех походил на борца с революционной заразой, он еще до вступления на престол поражал иностранцев негодующими речами против «деспотизма» и преклонением перед идеями свободы, закона и справедливости. Конечно, цена его либерализма известна, и вряд ли приходится возражать тем историкам, которые считали его маской, но такая маска годится для чего угодно, только не для борьбы с революцией. Гораздо вернее, что у него не было никаких принципов и убеждений.

В разговорах с бароном Витролем, за две недели до взятия Парижа, он высказался в пользу учреждения республики во Франции. Он не любил Бурбонов. Но когда Талейран сказал ему, что возможны лишь две комбинации — Наполеон или Людовик Восемнадцатый, он согласился на Людовика, хотя никогда не скрывал антипатии к старой династии.

Десятого апреля он одарил роялистов трогательным спектаклем, собрав русскую армию на теперешней Place de la Concorde, «где пал кроткий и добрый Людовик Шестнадцатый». Там было совершено торжественное молебствие, при стечении парижской публики и всего знатного, что было в столице.

Республика или Бурбоны — царю было безразлично. Лишь бы не Наполеон. Еще за неделю до капитуляции Парижа он сказал Толю: *«Здесь дело идет не о Бурбонах, а о свержении Наполеона»*.

Это и есть ключ к тайне его вражды и непримиримости. *«Наполеон или я, я или он, но вместе мы не можем царствовать»*,— сказал он полковнику Мишо в 1812 году, а сестре своей, Марии Павловне, еще задолго до того внушал: *«В Европе нет места для нас обоих. Рано или поздно, один из нас должен уйти»*.

Есть основание думать, что свержение Наполеона было мечтой и делом его жизни и захвачен он был этой идеей с начала своего царствования, если не раньше. Альбер Сорель полагает, что уже в период мемельского свидания план сокрушения Наполеона начал складываться в голове царя.

Он, безусловно, понимал невозможность поединка с величайшим полководцем всех времен и искал союзников. Конечно, он знал коварство прусского короля, его мелкие проделки, вроде заключения в 1806 году двух тайных союзов одновременно с Францией и с Россией; знал и терпел такие же проделки в 1813—14 годах, но прощал все и спасал своего партнера, как мог, понимая, что без жертв и без отпущения грехов никаких союзов создать и удержать невозможно. Во имя заветной цели, он постоянно закрывал глаза на коварство своих друзей.

В Вене, во время знаменитого конгресса, разыгрался единственный в своем роде случай. 3 января 1815 года Меттерних, Талейран и Кестльри заключили тайный договор против России, предусматривающий войну и создание 450-тысячной армии, для которой Англия, Франция и Австрия обязались выставить по 150 тысяч каждая. Князь Шварценберг начал разрабатывать план войны с Россией. Александр оказался изолированным, и у всех, кто еще недавно заискивал перед ним, появилась гордая осанка и металл в голосе. Отсылая своему королю договор на ратификацию, Талейран писал о нем, как о величайшем успехе Франции.

И вдруг, 7 марта прибыла эстафета из Генуи, известившая об отплытии Бонапарта с острова Эльбы. Разом все переменилось. Снова понадобились русские штыки и русские гренадеры, и Меттерних, и Талейран появились опять в приемной у Александра. Но вот, 8 апреля, император получает бумагу из Парижа от Наполеона. Луи XVIII бежал из Тюильри с такой поспешностью, что забыл на столе в своем кабинете тайный договор, присланный ему Талейраном. Наполеон любезно отослал его русскому императору, которому представлялся теперь исключительный случай достойно проучить своих двуличных друзей. Он мог нанести чувствительный удар их моральному престижу и уехать из Вены с видом жертвы союзнических интриг, мог доставить себе удовольствие, оставив их одни на один с корсиканским львом, и даже — заключить с ним дружественное соглашение, которое тот предлагал через королеву Гортензию и которое подсказывалось всей создавшейся обстановкой. Без всяких усилий и жертв с своей стороны он мог занять самое видное место в Европе, избавившись от роковых друзей и получив прекрасного союзника в лице врага.

Но вот что произошло. Призвав к себе барона Штейна и дав ему прочесть трактат, Александр сказал: *«Я пригласил к себе также князя Меттерниха и желаю, чтобы вы были свидетелем нашего разговора»*. Когда вошел Меттерних, Александр спросил — *«известен ли вам этот документ?»* Пока растерявшийся князь придумывал, что ответить, император заявил: *«Меттерних, пока мы оба живы, об этом предмете никогда не должно быть разговора между нами. Теперь нам предстоят другие дела. Наполеон возвратился, и поэтому наш союз должен быть крепче, нежели когда-либо»*. С этими словами он бросил бумагу в горевший камин.

Ни Меттерних, ни Талейран, конечно, не в состоянии были объяснить такого жеста главы государства; они были политиками, а политику в поступке Александра трудно найти. Что же в нем было?

Была прежняя одержимость враждой к Наполеону чисто личного свойства.

* * *

Одну из причин этой вражды подметил великий князь Николай Михайлович в своем труде об Александре I. Бонапарт, еще в бытность свою Первым Консулом, затронул самую чувствительную рану Александра — напомнил ему отцеубийство, каковое напоминание никогда ему не было прощено. Такое соображение очень важно иметь в виду, но вряд ли оно объясняет всю силу страсти, с которой царь добивался уничтожения противника. Ему и собственные подданные, вроде Яшвиля, делали такие напоминания, но ничему, кроме простой опалы, не подвергались.

Вражда его к Наполеону — род ревности к чужой славе, встречающийся в шекспировских драмах,— что-то вроде соперничества Тулла Ауфидия с Кориоланом или принца Генриха с сэром Перси Хотспер.

Я принц Уэльский; и не думай, Гарри,
Что впредь со мной делить ты будешь славу:
Двум звездам не блистать в одной орбите,
И принц Уэльский вместе с Гарри Перси
Не могут властвовать в одной стране.

Американская и французская революции открыли эру честолюбцев. Старый абсолютизм Бурбонов, Габсбургов, Романовых свободен был от этого новомодного греха. Монархи так высоко стояли над народом, что воздававшиеся им почести рассматривались как должное, да и приносились не в воздаяние их личных заслуг и талантов, а в знак преклонения перед помазанничеством Божиим. Государям и в мысль не приходило добиваться «популярности» у своих подданных. Что же до генералов и министров, то они заботились о монаршей милости, а не о любви народной. Только революционная эпоха, выведшая массы на сцену, поставила проблему популярности и породила культ героев. Двадцатидвухлетние генералы стали бить седовласых фельдмаршалов, военными громами начали повелевать не графы и герцоги, а бывшие конюхи. Разом упали в цене чины, титулы, пышные звания, уступив место таланту и дарованию. Появились никому прежде не ведомые Вашингтоны, Мирабо, Робеспьеры, Бонапарты, чьим украшением стала не грудь, увешанная орденами, а собственный гений. С тех пор не знаки отличия, а гул молвы, овации и рукоплескания сделались мечтой всех честолюбцев. Ослепительный восход звезды Наполеона породил их в невиданном количестве. Юношество всех стран бредило карьерой чудесного корсиканца, и в этой толпе были не одни безвестные Жюльены Сорели. Император всероссийский Александр Павлович смело может быть отнесен к их числу. Он тоже был захвачен величественной эпопеей нового Цезаря и жаждой такой же славы, такого же блеска, в котором выступал перед всем миром Наполеон. Соперничество и соревнование были истинной причиной его неприязни. Эту тайну своего сердца выдал он в день вступления в Париж, когда он, как ему казалось, сравнялся наконец в славе с Наполеоном. *«Ну что, Алексей Петрович, скажут теперь в Петербурге?* — обратился он к Ермолову.— *Ведь, право, было время, когда у нас, величая Наполеона, меня считали за простачка»*.

Кокетничая скромностью и смирением, Александр, на самом деле, никому не прощал непризнания за ним выдающихся качеств. Сестре своей Екатерине Павловне он писал из Эрфурта в 1808 году: *«Бонапарт воображает, что я не что иное, как дурак. Смеется тот, кто смеется последним»*.

* * *

Для повелителя необъятной империи с населением в 36 миллионов человек существовало много способов прославиться без войны, без участия в европейских распрях. Кольбер снискал мировую известность одним только поднятием финансовой и экономической мощи Франции. Ришелье, также, велик стал во всем мире единственно тем, что создал в своем отечестве сильную монархию. Но у Александра не было своего дела, особенно в России. Как все тщеславные люди, он думал не о деле, а о почестях и, как все тщеславные, не любил чужих подвигов.

Он завидовал всем героям Отечественной войны. К памяти Кутузова питал откровенную неприязнь, ответил отказом на приглашение Фридриха-Вильгельма осмотреть памятник Кутузову, воздвигнутый королем в Бунцлау, где скончался победитель Наполеона. Говорили, что опала адмирала Сенявина объясняется тем, что его победа над французским флотом и войсками слишком резко выделилась на фоне поражения самого Александра под Аустерлицем.

Если столь ревнивое отношение проявилось к отечественным героям, то что сказать про того, кто своей мировой славой отравил душу и помыслы русского царя? Сразиться, победить, вырвать эту славу — вот сон, снившийся ему днем и ночью. Он ждал первого случая, чтобы схватиться с Наполеоном, и когда в 1804 году монархическая Европа всколыхнулась по поводу расстрела герцога Энгиенского, Александр реагировал резче всех — выслал из Петербурга французского посла Эдувиля, а в Париже выступил с нотой протеста. После этого он действует в Лондоне и в Берлине, как самый нетерпеливый и горячий участник антифранцузской коалиции.

* * *

Тактика его соперничества с Наполеоном продумана

была и выполнена артистически. Ее можно назвать гениальной. Александр понимал, что сорвать с Бонапарта лавры полководца — вещь немыслимая, и никогда не пытался этого делать. Ни под Аустерлицем, ни в дни великого нашествия, ни в походе на Париж не впадал он в соблазн принять на себя командование. Когда ему, однажды, посоветовали это сделать, он грациозно отклонил предложение: *«Все люди честолюбивы; признаюсь откровенно, что и я не менее других честолюбив... Но когда я подумаю, как мало я опытен в военном искусстве, в сравнении с неприятелем моим, и что невзирая на добрую волю мою, я могу сделать ошибку, от которой прольется драгоценная кровь моих детей, тогда, невзирая на мое честолюбие, я готов охотно пожертвовать моею славою для блага армии. Пусть пожинают лавры те, которые более меня достойны их»*.

Затмить Наполеона и привлечь к себе внимание мира он собирался не как полководец, а как «Агамемнон» — предводитель царей и народов. Его заботой было — как можно меньше походить на своего соперника. Там, где Наполеон говорил «Моя воля», Александр говорил «Провидение»; Наполеон говорил «война», Александр — «мир». Гордости и самовлюбленности врага противопоставлены были скромность и смирение. Он не приказывал, как Наполеон, а деликатно просил, но так, чтобы эта просьба исполнялась охотнее и быстрей, чем приказание. Наполеон хотел, чтобы перед ним трепетали, Александр ставил задачей быть любимым. *«Увидим, что лучше: заставить себя бояться или любить»*,— сказал он в Вильне, в декабре 1812 года, замышляя поход на Париж. Отсюда джентльменское обращение с врагами и со всеми чужеземцами вообще.

Союзники часто становились в тупик, не будучи в силах понять поведение «Агамемнона». Так, Кестльри, за месяц до взятия Парижа, с тревогой доносил лорду Ливерпулю об «опасном рыцарском настроении» Александра. *«В отношении к Парижу,*— писал Кестльри,— *его личные взгляды не сходятся ни с политическими, ни с военными соображениями. Русский император, кажется, только ищет случая вступить во главе своей блестящей армии в Париж, по всей вероятности для того, чтобы противопоставить свое великодушие опустошению собственной его столицы»*.

Вступая в Париж, он отменил оскорбительный обряд поднесения ключей города и сделал все для пощады национального самолюбия жителей. Он спас Лувр от расхищения и Вандомскую колонну от ярости роялистов. Позднее, в 1815 году, он воспротивился намерению прусского генерала Блюхера взорвать Иенский мост через Сену. В то время, как Наполеон отдал приказ через генерала Жирардена, при отступлении своих войск из Парижа, взорвать гренелльский пороховой погреб, отчего половина столицы могла взлететь на воздух, Александр предложение капитуляции мотивировал желанием спасти Париж от бомбардировки.

Это желание нравиться чужим народам — отличительная черта Александра I. Можно подумать, что знаменитые конституционные мечтания юных лет рассчитаны были на завоевание популярности в Европе. Идея предстать перед нею более свободолюбивым, чем Наполеон, заключала одно из средств борьбы с ним. Только этим и можно объяснить, что, не дав русскому народу никакого государственного преобразования, он щедро раздавал конституции Ионическим островам, Финляндии, Польше, да не какие-нибудь, а самые либеральные, самые «передовые». Он же настоял и на даровании «Хартии» французам при воцарении Луи XVIII.

* * *

Само собой разумеется, чтобы соперничать с Наполеоном, надо было самому быть недюжинным человеком, и Александр впоследствии получил высокую оценку от своего противника. *«Русский император,*— говорил Наполеон,— *человек несомненно выдающийся; он обладает умом, грацией, образованием. Он легко вкрадывается в душу, но доверять ему нельзя... Это настоящий грек древней Византии»*.

Кроме огромных дипломатических способностей и умения неуклонно стремиться к поставленной цели, он отличался еще одним несравненным даром, которым, пожалуй, никто из деятелей его времени не обладал,— искусством привлекать и очаровывать людей. *«Это сущий прельститель»*,— сказал о нем Сперанский. Не отдельных лиц, но целые народы умел он располагать к себе и держать под обаянием своей личности. Сам Бонапарт, по-видимому, испытывал на себе силу его чар, признавшись: *«Быть может, он меня лишь мистифицировал, ибо он тонок, фальшив и ловок»*.

Из всех прозваний, данных Александру,— «Сфинкс», «Блестящий метеор севера», «Коронованный Гамлет» — самым метким надо признать то, которое дал Наполеон: «Северный Тальма». Тальма — знаменитый актер того времени. Действительно, вся жизнь этого человека была сплошная игра, сплошной ряд перевоплощений и эффектных сцен. Поражать, изумлять, производить впечатление — было его страстью.

Жителей Вены в 1815 году он привел в неистовый восторг, встав во главе гвардейской части и салютуя обнаженной шпагой императору Францу. Никто лучше его не умел заставить говорить о себе в желательном для него смысле. Так, слухи о его склонности к католицизму поддерживались искусно разыгранными сценами, вроде той, когда он вдруг опустился на колени перед католическим прелатом князем Гогенлоэ. Был также случай в маленьком польском местечке, когда священник, войдя в пустой костел, увидел перед амвоном молитвенно склонившегося русского офицера, оказавшегося императором всероссийским.

До какой степени игра проникала всю его жизнь, можно судить по эпизоду в Вильно в 1812 году. Два офицера, боясь опоздать на церемонию во дворце, после которой должно было состояться богослужение в присутствии императора, решили пройти в зал кратчайшим путем через пустую церковь. Лакей остановил их: там государь. Что же государь может делать в пустой церкви? Он репетирует богослужение. Вопрос о том, как стоять в церкви и какую принять осанку, имел не меньшую важность, чем указ о вольных хлебопашцах.

И, конечно,— костюм. Ни один из русских царей не был внимателен к своей наружности больше, чем Александр. Черный мундир он носил единственно потому, что это выгодно оттеняло белизну его лица. Все мемуаристы отмечают перемену, происшедшую в главной квартире в Вильно, когда туда прибыл император. Во время тарутинского сидения и всей эпопеи преследования Наполеона сам Кутузов и весь штаб вели спартанский образ жизни, простота в одежде дошла до предела: офицера порой трудно было отличить от солдата.

С приездом царя и его свиты опять заблистали мундиры, аксельбанты, шитье, плюмажи. Император выходил всегда подтянутый, аккуратный, блестящий. Таким он прошел через всю Европу. На поля сражений являлся разодетым, как на бал, и вел себя там, как на подмостках. Принимая под Кульмом шпагу от взятого в плен маршала Вандама, он бесподобно, по всем правилам классической драмы, разыграл эту сцену.

С. П. Мельгунов абсолютно прав, говоря, что *«Александр останется в истории фигурой поистине примечательной, ибо такого артиста в жизни редко рождает мир, не только среди венценосцев, но и простых смертных»*.

Историки лишь в XX веке начали обращать должное внимание на актерскую черту в облике Александра I, но и те из них, которые это делали, как М. В. Довнар-Запольский и С. П. Мельгунов, далеки были от мысли видеть в ней разгадку «сфинкса». Между тем, вряд ли будет ошибкой сказать, что все обличья, которые попеременно надевал на себя этот человек в продолжение своего царствования, были театральными масками. Подобно тому, как отдельным людям он стремился говорить то, что им было приятно, так и перед всем миром любил предстать в том одеянии, которое было модно. В эпоху Конвента и Директории он был чуть не якобинец, после уничтожения республики, когда из всего ее наследства уцелела, главным образом, идея конституционализма, он стал ее ревностным поборником. И позднее, после низложения Наполеона, когда мистицизм становился повальным увлечением, он устраивает во время смотра русской армии близ Вертю настоящий триумф баронессе Крюденер — тогдашней богородице мистических салонов Европы.

«Царственный мистик», каким он становится в последнее десятилетие своего правления, был все тем же «северным Тальма», только в новой роли. И все эти роли были не русского, а западного репертуара, да и разыгрывались, главным образом, перед западной публикой. Как провинциальный актер, рвущийся откуда-нибудь из Харькова на столичную сцену, Александр стремился на Запад.

Думается, что французы и поляки особенно любезны были его сердцу как раз потому, что это — самые «театральные» народы, наиболее падкие до внешнего блеска, красивой фразы и позы. Именно у них он пользовался наибольшим успехом. Барону Витролю он сказал, что после взятия Парижа у него не будет других союзников, кроме французского народа. К французам он прежде всего и ревновал своего противника. Говорят, когда пришло известие о возвращении с Эльбы, Александр взволнован был не фактом нового появления Бонапарта в Европе, а восторженным приемом, оказанным ему парижанами. Давно ли Париж целовал стремена ему, Александру? И вот, целует их сопернику. Предательство Меттерниха и Кестльри — ничто, в сравнении с такой изменой.

* * *

В успехе Александра его актерский талант сыграл, примерно, такую же роль, какую военный гений — в возвышении Бонапарта. Но надо ли пояснять разницу между двумя этими словами? Сейчас, через полтораста лет, подвиг Александра выглядит пиротехническим эффектом, пустой вспышкой. Он не сделал свою страну более великой, чем она была, и даже не указал ей истинного пути к величию. За разыгранной им феерией кроется историческая трагедия России.

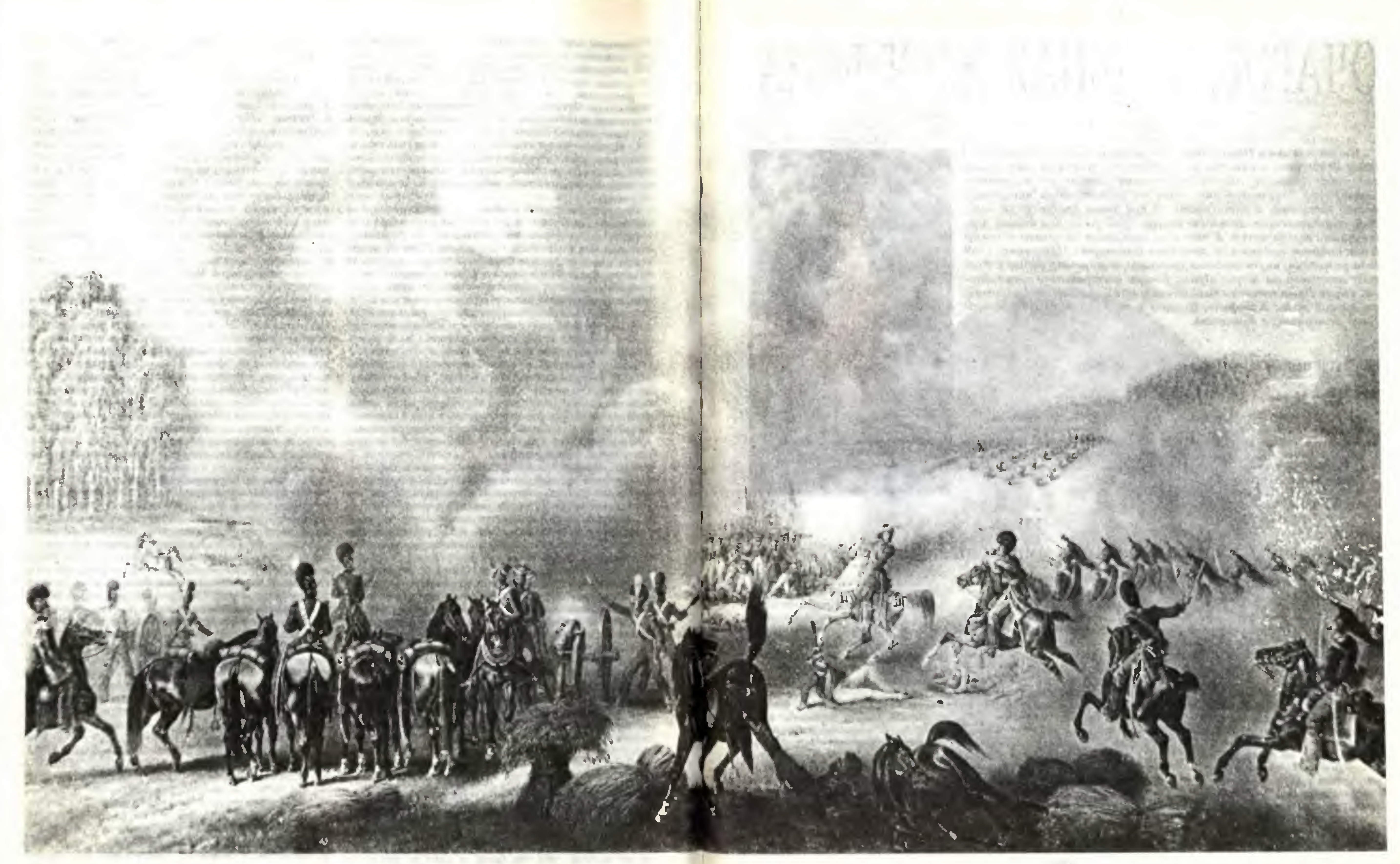
Сделавшись при Петре державой европейской, она усвоила во многом ложный взгляд на свой европеизм — не поняла, что ее победы должны одерживаться не под Кульмом и Лейпцигом, а на полях лицейских. Хотя она, в течение XVIII века, сделала изумительные успехи в усвоении культуры, они все еще были недостаточны, чтобы покрыть путь, пройденный Европой за тысячу лет. Никакие взятия Берлинов и Парижей не в состоянии были сделать ее европейской страной, пока не взята приступом собственная Чухлома. Ее называли «страной будущего», но она любила забегать вперед и делать в настоящем то, что могло быть сделано только в будущем. В своем положении неофита она не имела никаких специальных интересов на Западе, и до наступления культурной и экономической зрелости ей надлежало воздерживаться от политической активности в семействе великих держав. Вместо этого, она постоянно вовлекается в чужие распри и всеми действиями обнаруживает отсутствие у нее собственной доктрины внешней политики. Такая доктрина была у допетровской Руси, она есть у СССР, но ее не было у императорской России. Дипломатические и военные демарши никогда серьезно не обдумывались. Сегодня приходило на ум послать русскую армию в Пруссию, против Фридриха II, завтра в Италию для изгнания французов, послезавтра приказ: *«Донскому и Уральскому казачьим войскам собираться в полки, идти в Индию и завоевать оную»*. Огромная страна шла на поводу у чужой дипломатии, становилась жертвой политических фантазий, а то и родственных связей царей с голштинскими, ольденбургскими, вюртембергскими, мекленбургскими домами.

Величайшим образцом ненациональной, негосударственной внешней политики останутся войны Александра с Наполеоном. Уже в 1805 году, когда они начались по инициативе русского императора, все мыслящие люди охвачены были тревогой. *«Никогда не забуду своих горестных предчувствий,*— писал Карамзин,— *когда я, страдая в тяжкой болезни, услышал о походе нашего войска... Россия привела в движение все силы свои, чтоб помогать Англии и Вене, то есть служить им орудием в их злобе на Францию, без всякой особенной для себя выгоды»*.

Национальная выгода подменялась личной прихотью государя, а здравый смысл — тщеславием. Насколько русская политика на Востоке вытекала, за редким исключением, из жизненных интересов и реальных задач империи, настолько участие в европейских делах не имело под собой рационального основания. И как знать, не от того ли погибла императорская Россия, что вступила в мировую войну не во имя своих, а чужих интересов?

Публикация
ВЯЧЕСЛАВА КОШЕЛЕВА,
АЛЕКСАНДРА ЧЕРНОВА

Впервые опубликовано: «Возрождение» (Париж), 1964, № 154 (в том же году в Вашингтоне появилось отдельное издание).



Мюрат в битве под **Островно**. Литография по рис. **Х. В. Фабер** дю Фора (1827—1831).

ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ ЖОЗЕФИНА

«Мы все глядим в Наполеоны...» — колоссальная фигура императора французов неизменно притягивает к себе вот уже почти два века. Диапазон мнений необычайно широк: от пламенных панегириков бонапартовому гению до исступленных проклятий вослед сатаноиду и антихристу. И при этом практически каждый «наполеоновед» наделяет своего героя теми или иными черточками сверхчеловека. А что если вернуться на грешную землю и посмотреть поближе на личность Бонапарта Наполеона, 1769 года рождения, корсиканского уроженца, к моменту войны с Россией женатого на Марии-Луизе, дочери австрийского императора? Перед Вами своеобразный коллаж из писем самого Наполеона, его первой жены Жозефины Богарне и воспоминаний императорского камердинера Констана.





ИМПЕРАТОР НАПОЛЕОН – ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ-ЛУИЗЕ.

Смоленск. 11 ноября 1812.

Мой добрый друг! Ты видишь, что мы на много шагов уже приблизились друг к другу. Я отправляю младшего Монтескью в Париж. Время холодное, 4—5 градусов, земля покрыта снегом. Мое здоровье хорошее, я думаю о тебе. Я сочту за счастье скорое с тобой свидание, ты в этом не сомневаешься, потому что знаешь, как нежно я тебя люблю.

Обними моего сына.

ЦГВИА. Ф. 154. Оп. 1. д. 92. Л. 1.

ПИСЬМО ИМПЕРАТРИЦЫ ЖОЗЕФИНЫ К ИМПЕРАТОРУ НАПОЛЕОНУ

Наварра, 19 апреля 1810 года.

Сир!

Я получила через моего сына уверение, что Ваше Величество согласились на мое возвращение в Мальмезон и что Ваше Величество соблаговолит дать мне средства, которые я испрашивала на то, чтобы привести в подобающий вид замок в Наварре.

Эта двойная милость, Сир, рассеивает, в известной степени, беспокойство и даже страхи, которые сообщились мне вследствие длительного молчания Вашего Величества. Я боялась, что буду полностью изгнана из Вашей памяти, но вижу, что я в ней осталась. Таким образом, сегодня я менее несчастна и даже счастлива настолько, насколько это возможно для меня теперь.

В конце месяца я поеду в Мальмезон. Раз Ваше Величество не видит препятствий к этому, то должна Вам сказать, Сир, что я не использовала бы так сразу свободу, которую Ваше Величество предоставляет мне, если бы дом в Наварре не требовал немедленного ремонта для сохранения как моего здоровья, так и здоровья тех, кто в нем проживает. Я ненадолго останусь в Мальмезоне и уеду оттуда, чтобы отправиться на воды, но во время моего пребывания в Мальмезоне, Ваше Величество, можете быть уверены, что я буду жить там так, как если бы я находилась в 1000 лье от Парижа. Я принесла большую жертву, Сир, и с каждым днем все сильнее чувствую ее величину. Однако эта жертва станет такой, какой она должна быть: Ваше Величество не будет обеспокоены в своем счастье выражением моих сожалений.

Я буду постоянно молиться, чтобы Ваше Величество были счастливы. Быть может, я снова попрошу встречи с Вами, но уверяю, Ваше Величество, что я буду соблюдать мое новое положение строго и молча. Доверяясь тем чувствам, которые Ваше Величество испытывает ко мне, я не стану требовать для них новых доказательств. Я буду ждать всего от справедливости и доброты Вашего Величества.

Ограничиваюсь только тем, что прошу милости Вашего Величества найти способ иногда напоминать и мне, и тем, кто меня окружает, что я сохранила небольшое место в Вашей памяти и большое место в Вашем уважении и Вашей дружбе. Это облегчит мои горести, не нарушая никоим образом то, что для меня превыше всего, а именно: счастье Вашего Величества.

Жозефина.

ОТВЕТ ИМПЕРАТРИЦЫ ЖОЗЕФИНЫ НА ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА

из Компьена от 21 апреля 1810 года.

Тысяча, тысяча благодарностей за то, что ты не забыл меня. Мой сын привез мне твое письмо. Я прочла его с жадностью, однако затратила на это довольно много времени, потому что не было в нем ни одного слова, которое не заставляло бы меня плакать, но это были слезы умиления! Я как бы вновь нашла в нем свои чувства такими же, какими они будут всегда. Есть чувства, как сама жизнь, и они могут завершиться только вместе с ней. Я буду в отчаянии, если мое письмо от 19 апреля не понравилось тебе. Я не помню точно его выражений, но знаю, какое тяжелое чувство продиктовало мне его. Это была печаль от того, что у меня не было вестей от тебя.

Я написала тебе, когда уезжала из Мальмезона, и с тех пор сколько раз хотела написать тебе! Но я чувствовала причины твоего молчания и боялась беспокоить тебя своим письмом. Твое письмо было для меня бальзамом. Будь счастлив. Будь счастлив на столько, на сколько ты заслуживаешь этого. Так говорит мое сердце. Ты дал мне сейчас долю счастья, и доля эта велика. Ничто не может быть для меня более ценно, чем свидетельство твоей памяти.

Прощай, мой друг, я благодарю тебя столь же нежно, как буду любить тебя.

Жозефина.



ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КОНСТАНА, КАМЕРДИНЕРА ИМПЕРАТОРА НАПОЛЕОНА

...Добрая, чувствительная свыше всякой меры, щедрая до расточительности, императрица Жозефина словно окружала счастьем всех, кто был рядом с ней. Она сильно и нежно любила мужа, и ничто не могло разрушить это острое, как и в момент любовного признания, чувство. Жозефина оставалась единственной любимой женщиной императора, и она заслуживала этого. Как приятно было наблюдать согласие этой августейшей пары! Император часто целовал Жозефину в шею, в лицо и, любовно пошлепывая ее, шептал: «Моя толстенькая». Все это, однако, не мешало ему время от времени изменять жене, но тем не менее он никогда не забывал о своих супружеских обязанностях. В свою очередь, императрица мучила себя желанием понравиться мужу, угадать все его намерения и сделать больше того, что он желал. Она даже дала несколько поводов для ревности супруга во время Египетской кампании: например, император, получив какие-то нескромные сообщения, имел с императрицей довольно серьезные объяснения, которые окончились не без криков и резкостей. Однако вскоре после этого воцарилось спокойствие, и с тех пор император не мог сопротивляться нежности и прелести. У императрицы была удивительная память, она хорошо играла на арфе и пела с большим вкусом. Ее отличал такт, умение здраво и точно судить обо всем. Мягкий и ровный характер позволял быть всегда внимательной и к врагам, и к друзьям; она всякий раз приносила с собой умиротворение. Когда император ссорился с братьями или еще с кем-то, императрица говорила лишь несколько слов — и все улаживалось. Когда она просила для кого-то помилования, император редко не удовлетворял ее просьбу, какова бы ни была серьезность проступка. Я могу привести тысячи примеров испрошенных таким образом прощений. Как известно, императрица отличалась редкой щедростью — она часто раздавала милостыню. Многие эмигранты жили только на ее благодеяния. Поддерживая оживленную переписку с сестрами милосердия, которые ухаживали за больными, императрица посылала им массу разных вещей. Лакеи отправлялись повсюду, чтобы приносить помощь бедным, исходившую от неистощимого желания Ее Величества делать добро. Кто только не получал все эти подарки и благодеяния, раздаваемые столь щедро! А с какой грацией раздавались эти подарки! Невозможно представить себе ту степень любви и преданности, с которой императрица относилась к королеве Гортензии и принцу Евгению. И дети ее воздали Жозефине по заслугам — в мире, наверное, не было более счастливой матери. Она гордилась своими двумя детьми и часто говорила о них с энтузиазмом, который кажется вполне естественным для тех, кто знал королеву Голландскую и вице-короля Италии.

Для Жозефины развод был тяжелым испытанием, она никогда не переставала любить Наполеона. После этого события, столь ужасного для сердца императрицы, которое никогда уже не успокоилось после этого, она больше не покинула Мальмезон, разве что совершила несколько путешествий в Наварру. Каждый раз, когда я возвращался в Париж с императором, моей первой заботой было отправиться в Мальмезон. При этом письмо от императора я привозил редко — он писал Жозефине только по случаю больших событий. «Скажите императрице, что я чувствую себя хорошо и желаю ей, чтобы она была счастлива»,— вот что почти всегда говорил император, видя, что я собираюсь отправиться туда. Когда я приезжал, императрица тотчас же бросала все, чтобы поговорить со мной. Часто я оставался с ней на целый час или даже на два. Все это время она спрашивала только об императоре. Мне нужно было рассказывать обо всем, что он претерпел в путешествии — был ли он печальным или веселым, хворал или чувствовал себя хорошо. Она плакала над мельчайшими деталями. Тысячу раз давала мне всякие рекомендации, как ухаживать за его здоровьем, объясняла мне, какими заботами я должен его окружить, не забывая, впрочем, расспросить и обо мне, и о здоровье моей жены, которая была ее протеже. Затем она отпускала меня с письмом к Его Величеству, прося рассказать императору, насколько счастлива она будет, если тот соблаговолит ее увидеть.

Перед отправлением в русскую кампанию императрица, обеспокоенная войной, удвоила число своих советов. Она подарила мне свой портрет со словами: «Мой добрый Констан! Я рассчитываю на вас. Если император заболеет, вы ведь расскажете мне об этом. Только ничего от меня не скрывайте, я его так люблю!» Без сомнения, у императрицы была бы тысяча способов узнать новости от Его Величества, но я уверен, что, если бы она даже получала сто писем в день от людей, которые окружали императора, она бы все их прочла с той же жадностью. Когда я возвращался в Сен-Клу или в Тюильри, император спрашивал меня, как чувствует себя Жозефина, нашел ли я ее веселой. Он с удовольствием получал письма, которые я привозил, и тотчас же спешил их открыть...

Александр I и Наполеон. Свидание в Тильзите.







ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ПО ДЕЛАМ АРХИВОВ ПРИ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ
РУДОЛЬФА ПИХОИ

АРХИВ НА ЯУЗЕ

Судьба Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА) — главного хранилища документов по военной истории Отечества — драматична. К сожалению, место архива в анналах нашей документальной памяти определяют не только храниимые документы. Многое зависит от вещей, казалось бы, второстепенных: истории фондов архива, его комплектования, помещения, в котором он располагается.

Почти полтора века находится архив в Петровском дворце на Яузе, или, как за три века привыкли называть его москвичи, Лефортовском дворце. И, конечно, беды дворца отражаются на сохранности документов архива, а беды архива — на судьбе дворца. Он был построен к возвращению Петра I из Великого посольства в конце XVII века. Здесь умерли Франц Лефорт и император Петр II, здесь заседали «верховники», вырабатывая «кондиции» ограничения самодержавной власти Анны Иоанновны. Здесь же в страшные годы XVIII века был чумной госпиталь, спасший, правда, дворец от сноса. Восстановленный в конце XVIII века М. Казаковым, он начал жить второй молодостью, но... в сентябре 1812 года солдаты Великой армии Наполеона заняли помещение дворца, и буквально в считанные дни на месте уникального памятника российской архитектуры остались обгорелые стены. Это место стало прибежищем разбойников, наводивших ужас на ночных прохожих Лефортовской и Басманной частей. 29 августа 1816 года граф Аракчеев осмотрел развалины и доложил императору о бедственном состоянии бывшего дворца. По высочайшему повелению началось восстановление руин.

В 1867 году во дворец из Кремля перевели Московское отделение архива Главного штаба; после Октября 1917-го из Петрограда потянулись обозы и баржи, груженные уникальными документами Военно-учетного архива. Вместе с обширными материалами первой мировой войны они стали основой фондов современного ЦГВИА.

К сожалению, часть материалов дореволюционных архивов в 20-х — начале 30-х годов была варварски уничтожена: сотни подвод с документами вывозились в качестве макулатуры или поступали на развесочные фабрики.

По иронии судьбы в архив попал значительный комплекс документов Великой армии Наполеона с автографами французского императора, которые он оставил во время пребывания в разоренной Москве. Здесь же документы высшего руководства армии и государства, оперативная документация, материалы, раскрывающие роль непосредственных участников событий: переписка, дневники, наградные документы, формулярные списки офицеров и солдат. Ни один исследователь 1812 года не может обойтись без этой источниковой базы.

Вот донесение атамана М. И. Платова князю Багратиону о знаменитом сражении 10 июня при местечке Мир: *«Поздравляю ваше сиятельство с победою, и победой редкою над кавалерией... сильное сражение продолжалось часа четыре грудь в грудь, так что я приказал придвинуть гусар, драгун и егерей. Генерал-майор Кутейников подошел с бригадой его и ударил в правый фланг неприятеля моего, так что из шести полков неприятельских едва ли останется одна душа, или может несколько спасется. Я вашему сиятельству описать всего не могу, устал и лежачи пишу на песке... У нас урон велик, но не велик по сему родному делу...»*

А это приказ начальника артиллерии 1-й Западной армии графа Кутайсова, отданный в день Бородинского сражения — последний день его жизни: *«Подтвердить от меня во всех ротах, чтобы оне с позиций не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Сказать командирам и всем гг. офицерам, что, отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно только достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции. Артиллерия должна жертвовать собою; пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор, и батарея, которая таким образом будет взята, нанесет неприятелю вред, вполне искупающий потерю орудий»*.

Интересны записки М. И. Кутузова. Если 7 сентября он пишет Барклаю де Толли о своем намерении возобновить Бородинское сражение: *«Из всех движений неприятельских вижу, что он не менее нас ослабел в сие сражение, и потому, завязавши уже дело с ним, решил я сегодняшнюю ночь устроить все войско в порядок, снабдить артиллерию новыми зарядами и завтра возобновить сражение с неприятелем»*, то после многостороннего анализа, подсчета потерь, он принимает решение оставить поле битвы, сообщая об этом Ф. В. Ростопчину 8 сентября.

Сохранились интереснейшие документы по истории партизанского движения. Например, письмо Герасима Курина историку Михайловскому-Данилевскому, собравшему обширнейший многотомный материал с записками и мемуарами очевидцев событий. Курин описал несколько сражений своего отряда с французами день за днем.

С 1987 по 1991 год в архиве проведены масштабные работы по рассекречиванию фондов. Особый интерес представляют материалы отдела Генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (1905—1917), содержащие ценнейшие данные о военном потенциале России, составе ее Вооруженных сил, международных отношениях, размещении русских военных заказов за рубежом, деятельности русских военных атташе. Не менее любопытны и документы фонда Военно-учетного архива (ф. ВУА, ныне ф. 846) о различных сторонах деятельности русской разведки и контрразведки за период с 1800 по 1913 год. Здесь хранятся инструкции для агентуры, документы вербовки, сведения о содержании лазутчиков, шифры и ключи к ним, материалы о борьбе со шпионажем.

Сегодняшняя жизнь архива связана с многоплановой работой над воссозданием славных традиций отечественной истории: публикации документов, очерков, подготовленных сотрудниками архива, экскурсионная работа, обслуживание читального зала и многое другое. Архив выступил одним из учредителей Ассоциации военно-исторических клубов России и вместе с ней активно готовится к празднованию 180-летней годовщины Бородинской битвы.

Надеюсь, что читателей «Родины» не оставят равнодушными материалы, подготовленные нашими молодыми, но уже завоевавшими известность учеными.

ВЛАДИМИР РЫБИН,
директор ЦГВИА

5 августа 1812 г. Главнокомандующий 3-ей армией А. П. Тормасов — П. П. Гормасову.
Из Ратно

После Кобринского дела ходили за неприятелем и нашли его 30-го пр[ошлого] августа между Пружанами и Кобрином. 31-го было генеральное сражение и хотя неприятель был втрое сильнее нас, но после 10 часов упорной битвы мы не уступили ни шагу. Наши дрались как богатыри. Ламберт на левом фланге, Щербатов на правом предупреждали все намерения неприятеля и всегда отражали его атаки с успехом; мы были в центре или лутче сказать везде. Артиллерия наша действовала как нельзя лутче, словом втрое нас сильнее неприятель потерял гораздо более нас, и мы ночевали на месте сражения. На другой день, по известиям, что неприятель потянулся к Бресту, мы сделали марш назад и потом еще несколько, чтоб предупредить неприятельские покушения на Волынскую губернию. Между тем, в ожидании точных известий о его направлении, мы пробудем несколько дней здесь, что весьма нам нужно, целую неделю биваков в самую дурную погоду так нас измучили, что нельзя изобразить.

ЦГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3593. Л. 24—25.

Октября 04.10.1812
г. Белой

Донесение предводителя дворянства Бельского уезда Колесова военному министру

Из числа пожертвованных ныне Бельским благородным сословием во времянное ополчение людей возвращаются многие из армии в домы свои, разглашая по уезду, что они были в плену и французами отпущены, где находясь рассеивают разные нелепости и от того возникают почти мятежи; почему я предписал земской полиции появившихся в уезде ратников тотчас высылать в город Белой, где, определив к ним из числа дворян чиновника, содержу их на продовольствии сельских запасных магазинов и не отпущаю боле в деревню, чтобы не могли они собратий своих подвигнуть к дальнейшему возмущению. По каковым обстоятельствам Вашего сиятельства покорнейши прошу в отправлении их куда следует предписать.

Предводитель дворянства Колесов
Отметка: 16 окт.
ЦГВИА. ВУА. Д. 580. Л. 48.

Публикация **С. ШВЕДОВА**

Рапорт динабургского уездного стряпчего Витебскому губернскому прокурору от 27 июня 1812 г.

Казенные крестьяне старосты динабургского донесли мне, что проходящие разные полки, команды, гусары, казаки, рекрутские партии и прочие чины делают нападения на крестьянские домы с устрашимостью, сперва домогаются денег и оные, у кого найдутся, отбирают, также берут разные вещи, скот и лошадей, словом, разграбляют все пожитки крестьянские. И при том деревни Васардишелы крестьянин Пантелей Никитин объявил с добавлением, что казенные крестьяне от такового нападения решились совокупно бежать. А ныне таковое обстоятельство требует законной помощи со стороны земской полиции, по каковому предмету, по долгу моему в нижний земской суд и отнесся с испрашиванием в сем случае принятия законных мер для прекращения такового, о чем Вашему Высокоблагородию честь имею почтеннейше донести.

Подлинный подписано уездным стряпчим Локционком

верно: директор департамента министерства юстиции граф З(неразборчиво)

ЦГВИА Ф. 1. Оп. 1. Д. 2564. Л. 2.

Армейский чиновник Пейрулель — Леру, биржевому маклеру в Париже.

Вы видели из журналов, что мы оставили Москву 19-го октября. Она была не что иное, как груда развалин. Оставляя ее, взорвали царский дворец и зажгли здания, к которым прежде не прикасалось пламя. Мы справедливо отплачиваем этим варварам.

Боине — матери в Кастре.

Мы прошли самую скверную и бесплодную дорогу; лошади, падавшие на дороге, тут же съедались.

Балари — жене.

Я никогда не буду в состоянии описать тебе положения, в котором мы находимся со времени выступления нашего из Москвы. Мы беспрестанно в тревоге от неприятеля и казаков, сопровождающих нас днем и ночью, среди мертвых и умирающих, без жизненных припасов и в местах, уже за три месяца совершенно разоренных.

ЦГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 92. Л. 36 об.—37.

1 августа 1812 г. Ротмистр Л. А. Нарышкин — обер-гофмаршалу А. Л. Нарышкину
На биваках близ деревни Суковой

Я вырвался на несколько часов из Глуши, где стоят наши полки, составляющие авангард под командою графа Палена, любезнейший, милой мой батюшка, и нахожусь теперь у Воронцова, который от нас в восьми верстах.

Князь Багратион сегоднешной день отступил с своею армиею обратно к Смоленску, мы же стоим уже четвертой день близ деревни Глуши, между первой и второю армиею, чтоб итти к той, которая нас потребует. Всякой час ожидали мы повеление двинуться в какую-нибудь сторону, и по сие время все там же стоим. Французы, повидимому, атаковать нас не хотят, а патрули их делают разные насилства и мерзости с нашими жителями, а особливо ругаются над законом, ломают и тычут пиками в образа, и делают конюшни из церквей. Не худо бы было зделать это известным во всей России, чтоб этим еще более разсердить народ, чтоб он употребил все меры отмстить сим злодеям за закон, над которым они ругаются.

После последнего дела, которое мы имели с ними, мужики столь раздражены на этих извергов, что, ходя по полю с дубьями, убивали раненых, которых они находили на поле.

ЦГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3593. Л. 23—23 об.

Прочитав название публикуемого документа, вероятно, кто-то с грустью подумает о молодом, непременно молодом, офицере, погибшем близ Парижа в последней битве долгой войны с французами. Действительно, жаль убитого офицера, особенно жаль, что лишился он жизни, когда война завершалась, а впереди ждали триумф, знакомство со столицей мира и возвращение со славой в родные места...

Но не грусти, читатель, автор писем не был убит. И само их название всего лишь мистификация. Это опыт критической истории войны, составленный ее участником в виде писем к абстрактному другу — дань традиции, восходящей к XVIII веку.

В прошлом столетии этот труд не издавался, с ним знакомились по спискам, а участники тех достопамятных событий хранили его в своих библиотеках. Только в 1912 году он стал известен широкой публике после издания в «Военно-историческом сборнике» (№№ 1—2) по списку, принадлежащему генералу П. М. Капцевичу. Но, удивительная вещь, одна из первых попыток критического осмысления войны до сих пор оставалась вне поля зрения исследователей. Более того, никто не дал себе труда установить имя автора.

...Среди дел на первый взгляд хорошо изученного архива Дениса Давыдова находится и один из списков «Трех писем»[1]. Голубая бумага с водяными знаками 1816 года, писарский почерк, знакомый текст. Впрочем, не совсем знакомый. Обилие исправлений, уточнений, добавлений, сделанных другой рукою на полях многих вымаранных листов, значительно преобразили текст.

Этот свободный, размашистый почерк, безусловно, принадлежал Денису Давыдову. Но зачем ему понадобилос «редактировать», казалось бы, чужой текст? Ответ мы нашли, сопоставив «Три письма» с незавершенным трудом знаменитого воина-поэта — «Опытом критической военной истории 1812-го, 13-го и 14-го годов».

К составлению «Опыта...» Давыдов приступил вскоре по окончании военных действий, в апреле 1814 года[2], работал над ним и в последующее время. «Пишу, что я видел в течение 1812, 1813 и 1814 годов и уже кончил первую часть, то есть до занятия Москвы. Занимаюсь теперь отступлением — обширное поле брани!!! Есть где погулять на чужой счет!» — сообщал он в сентябре 1815 года своему приятелю Закревскому[3].

При сопоставлении «Опыта» и «Трех писем» поражает и схожесть плана изложения событий, и множество разделов, совпадающих текстуально. «Опыт» дает ответ и на вопрос, почему именно три письма, а не два или четыре. «Вторжение в Россию разделяется на три эпохи, — пишет Давыдов, — первая от вступления в границы до занятия Смоленска, вторая от Смоленска до овладения Москвою, третия от Москвы до перехода Березины...»[4] Фактически, оставшийся незаконченным «Опыт» послужил основой для «Трех писем», где более подробно освещен ход событий, больше критического анализа военных действий.

Восстанавливая историческую справедливость, мы публикуем журнальную подборку авторского варианта прежде анонимного произведения, что, несомненно, расширит наше представление о творческом наследии «одного из самых поэтических лиц русской истории».

ДЕНИС ДАВЫДОВ

ТРИ ПИСЬМА

на 1812 года кампанию, писанные русским офицером, убитым в сражении при Монмартре. 1814-го года





ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Ты любопытен знать, почтеннейший друг мой, общий ход событий достопамятного 1812 года. Удаленным от круга действий, он представляется как волшебная опера, в которой гром, молния, морские волны, мгновенная перемена декораций, все восхищает зрителей! Но находящийся на сцене часто видит: и жестяные лучи, и полотняные волны, и хрубкие колеса, и ржавые блоки, коими движется сия (в некотором расстоянии) очаровательная механика.

Не оставляя от первого выстрела до занятия Москвы, а потом до берегов Рейна сцену сей кровопролитной драмы, наблюдая бдением критика от начала до конца все ее действие, я более, может быть, другого в состоянии удовлетворить твое любопытство. Не ожидай красноречия, я солдат и пишу по-солдатски, но как солдат люблю истину, и потому многие из деяний, описанных в журналах и реляциях, представятся в другом виде в рассказе моем, посвященном дружеству и чуждом раболепству.

Прежде, нежели войдем в подробности, обымем целое. Мы увидим с одной стороны государство, хотя обширное, но малолюдное в сравнении с своею обширностию, с истощенною казною после нескольких браней, противных ее выгодам, и пятилетнего препядствия в торговле; занятое войнами с двумя сильными восточными державами, угрожаемое на севере завистливым соседом, не готовое к бою на западных границах своих, где армии им собираемые, едва достаточны противоборствовать авангарду армий, на него посягающих. А с другой — все вооруженные силы Европы, предводительствуемые опытнейшими начальниками и величайшим полководцем в летописях вселенной; силы, движимые непоколебимым уверением в победе, неизменно украшавшей шестнадцать лет сряду знамена их предводителя.

Вот какое взаимное было положение государств, одних восставших с духом алчности и насилия, другого предпочитавшего гибель постыдному покою! (...)

* * *

13-го июля Мюрат, подкрепленный 4-м корпусом, атаковал Остермана и Палена; корпус Докторова и дивизия Коновницина подошла на подпору. Битва сия продолжалась два дни! Наши отступали к Витебску, где все ожидали генерального сражения; по оправдательному письму ген[ерала] Барклая видно, что и он склонен был на сие пагубное предприятие, ибо он говорит: «мое намерение было сражаться при Витебске, потому что я чрез сражение сие достигнул бы важной цели, обращая на сию точку внимание неприятеля, останавливая его, и доставляя тем к[нязю] Багратиону способы приближиться к 1-й армии». Но он, кажется, не принял в уважение, что неприятель, занимая его при Витебске, одним или двумя корпусами, мог обратить все силы свои к Смоленску, и что по овладению им сим городом, все способы к соединению обеих армий пресекутся.(...)

К счастию, на 15-е число ге[нерал] Барклай проник опасности и вследствие сего армия предприняла того дня отступление. Оставя без подпоры вступивший уже тогда в дело арьергард гр[афа] Палена, она следовала тремя колоннами к Смоленску: 1-я чрез Рудню, а 2-я и 3-я чрез Поречье.(...)

26-го числа с вечера, обе армии поднялись с места и направились 1-я в Ведро, а 2-я в Катань, оставя отряд на дороге к Поречью для наблюдения над вице-королем италийским. Намерение наше было воспользоваться развлеченным положением неприятельской армии, и чрез поражение Нея и Мюрата разорвать ее линию. Мысль похвальная! Но, к нещастию, нерешительность и тут председательствовала в совете! Страх наш простирался до того, что при стремлении нашем к Рудни, мы опасались действия вице-короля от Поречья на наш правый фланг, тогда как всякое неприятельское движение, сколько было опасно от юга, столько благоприятствовало от севера, ибо обращало нас (хотя и против воли нашей) к выгоднейшему положению — к заслонению изобильнейшаго края отечества.

Грусно и смешно сказать, что в совете положено было ни под каким предлогом не отходить более трех переходов от Смоленска, хотя бы случилось совершенно истребить корпуса Мюрата и Нея и тем разрезать надвое неприятельскую армию! Зачем же было двигаться с места? Зато исполнение соответствовало соображению! 27-го атаман Платов и ген[ерал]-лейтенант граф Пален соединенно разбили при дер. Инкове несколько полков неприятельской кавалерии, под командою генерала Сабостияни и Монбрюна находившихся.

Тем началось и кончилось великое предприятие! Остальное время армии вместо наступления ходили с места на место, выбирая позиции к сражению и даже (неизвестно по каким причинам) два раза возвращались к Смоленску и обратно приходили к Рудни.

Между тем французская армия 29-го июля предприняла движение к Росасне, и 5-й корпус подвинулся из Могилева в Романово. Мюрат и Ней заняли позиции на правом берегу Днепра против дер. Холиной. ...Тот же день (3 августа.— *А. В.*) вся кавалерия Мюрата, подкрепленная 3-м корпусом (Нея), подошла к Красному и атаковала ген. Неверовского, который геройскою неустрашимостию изгладил проступок без пользы защищать пустой город и без надежды на подкрепление отступать 45-ть верст, окруженным всею кавалериею. Отряд сей ночевал в 5-ти верстах от Смоленска.

Что же предпринимал Барклай при быстром стремлении неприятеля к сему городу, угроженному занятием прежде возвращения обеих армий?

Проходя, так сказать, ощупью девять дней вдоль правого берега Днепра, он 4-го числа в разстройстве бежал с армиями к Смоленску, приказав ген. Раевскому, находившемуся ближе других к городу, подкрепить ген. Неверовскаго и защищать Смоленск до прибытия армии. (...)

В сей день (4 августа. — *А. В.*) был жестокой приступ; Бонапарте, пользуясь несоразмерностию сил с своей стороны, употреблял всю мощь свою дабы занять город прежде прибытия наших армий, но непоколебимость духа и искусная защита Раевского заменила малочисленность войск его, и поправила сколько-нибудь нелепую нашу прогулку к Рудни. Обе армии прибыли ночью на высоты против города, где остановились на несколько часов. (...)

Вечером (5 августа. — *А. В.*) старшие генералы езди-ли к главнокомандующему умолять его, чтобы хотя день замедлить здачею города, взяв в уважение несметную потерю неприятеля, котораго даже резервы состояли в огне два дни сряду. Все прозьбы и предложения были тщетны; Барклай приказал оставить Смоленск и решился отступить к Дорогобужу.

Я не против сего отступления. Но должно было еще 4-го числа взвесить выгоду и невыгоду удержания Смоленска. Естьли оно представляло первое, то надлежало не уступать города и погрестись под стенами онаго. Естьли представляло второе, то следовало отступить к Соловьеву еще в ночь на 5-е число и не терять даром несколько тысяч храбрых, которыя сразились бы в другом месте с большею пользою! (...)

ПИСЬМО ВТОРОЕ

(...) 17-го августа прибыл в Царево-Займище новой главнокомандующий к[нязь] Кутузов и приездом своим возвысил дух в армии, видимо упадший от беспрерывных и безполезных пожертвований жизни и покоя в течение двухмесячного действия. Все чины явно оскорблялись хотя неизбежному, но столь продолжительному отступлению без генерального сражения. все его требовали... и может быть светлейший неосторожно пожертвовал пользою общею для угождения великодушному желанию гордых воинов! Он бросил взор на Бородинские равнины и определил их театром наижесточайшей и кровопролитнейшей битвы в летописях вселенной. (...)

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

(...) Итак покамест Наполеон находился в Москве, армия наша в укрепленном лагере при Тарутине, усиливаясь многочисленною милициею, прибывающими из резервов и депо свежими войсками и с Дону доброконными полками, в избытке всех жизненных и военных потребностей, коих транспорты покрывали Тульскую и Калужскую дорогу до глубины Малороссии, готовилась к великим предприятиям. (...)

6-го числа октября Мюрат был атакован при реке Чернишне. Атака ведена была на левой фланг и тыл неприятеля десятью казацкими полками и 20-м егерским полком под командою ген[ерала] г[рафа] Орлова-Денисова, с подкреплением трех легких кавалерийских гвардейских полков и одного драгунского под начальством генерала барона Меллера-Закомельского. 2-й, 3-й и 4-й пехотные корпуса боковым движением вправо усиливали натиск Орлова и Меллера. План атаки был превосходен! Естьли бы в последующих повелениях было более точности, тогда Мюрат и авангард его погибли бы несомненно! При всем том, он отступил не без урона, оставя 1000 человек пленными, 38 орудий, большой парк, весь обоз авангарда и свой собственной.

Успех сей пробудил Наполеона, представя ему меру силы и духа русской армии. (...)

Генерал Дорохов, занимавший Боровск, 9-го числа уведомил о усилении неприятельскаго 4-го корпуса в Фоминском, но полагал в рапорте своем, что корпус сей ни к чему более не назначен как для сделания связи авангарда французской армии с Большою Смоленскою дорогою?! Вследствие чего 6-й корпус (Докторова) определен был согласно с отрядом Дорохова нечаянно напасть на французской корпус и принудить его к отступлению. Неутомимый Сеславин открыл как силы, так и настоящее направление неприятеля, и немедленно уведомил о сем Докторова, находившагося в селении Аристове на марше к Боровску, но покамест дошло о сем донесение до главной квартиры, Наполеон занял Боровск. Положение наше было критическое! Малейшая медленность отверзала бездны нещастия! Оставался один пункт — Малой Ярославец; судьба России, французской армии и, может быть, Европы решалась его обладанием. Ген[ерал] Ермолов, находившийся в качестве начальника Главного штаба 1-й армии при Докторове, предложил ему пути к Малому Ярославцу. Докторов колебался. Ермолов взял на себя ответственность и повел корпус форсированно к сему городу, но, прибывши к нему в ночь на 12-е число, нашел его хотя слабо, но уже занятым неприятелем. В 5 часов завязалось дело, которое с приближением обеих воюющих армий сделалось весьма значительным. Бонапарте подвинул в огонь весь 4-й корпус (вице-короля), поддерживая его 5-ю и 3-ю дивизиею 1-го корпуса. С нашей стороны подкрепили Докторова 7-м и 8-м корпусом. Битва усилилась; город был занимаем и уступаем семь раз сряду, до самой полночи, и, наконец, остался в руках неприятеля. (...)

По всем расщетам пункт Мало-Ярославца совершал приговор одной из двух армий, не взирая на то, по общему удивлению, 14-го числа оба великие предводители перенесли назад главные свои квартиры! Наполеон, оставя вовсе Мало-Ярославец, отошел в Боровск, а светлейший в с[ело] Гончарово, повелев двум казацким отрядам не терять из виду неприятеля, и поспешнее доносить о его движении. (...)

Неприятель после Мало-Ярославца нигде уже не воспрещал нашему движению, а поспешно следовал по опустошенному им пути к Смоленску. Окруженный партизанами и легкими отрядами, ни денно, ни ночно не имея спокойствия, лишаясь в следовании своем парков, орудий и обозов, и теряя великое число пленными, усталыми, бродягами и убитыми, он таким образом прибыл к с[елу] Федоровскому, что перед Вязьмою, где 22-го числа был атакован всеми преследующими его отрядами, подкрепленными авангардом армии. (...)

Прибывши 28-го числа в Смоленск, он оставил город сей 1-го ноября, и 3-го занял гвардиею г[ород] Красный, неотступно тревоженный на пути своем партизанами, действовавшими в промежутках колонн и отбивавшими обозы, орудии и целыя взводы пехоты. 4-го числа армия наша расположилась на ночлег не доходя 5-ти верст до Краснова, близ большой дороги. 5-го числа она двинулась на поражение неприятеля. (...)

Авангард ген. Милорадовича, состоявший из 2-го и 7-го корпусов и 2-го кавалерийского, находясь при большой дороге у селения Мерлина, допустил приближение корпуса Давуста к Красному, куда в то время двинулся 3-й корпус и 2-я кирасирская дивизия. Неприятель остановился и приготовился к бою, но стремление войск наших столько было дружно и решительно, что Давуст принужденным нашелся предпринять отступление, которое потом обратилось в бегство. (...)

Еще корпус ф[ельдмаршала] Нея оставался в Смоленске и только 5-го числа утром долженствовал оставить город сей, вследствие чего г[енерал] Милорадович получил в подкрепление 8-й корпус и повеление, занявши селение Чернышню и Сырокоренье, ожидать неприятеля; прочие же войска обратились в преследование за главными силами Наполеона, следующими поспешно в Оршу. 6-го числа около трех часов пополудни казаки открыли неприятеля, приближавшегося к нашей позиции с твердым намерением пробиться сквозь оную. Отпор был жестокой и соразмерен нападению. Два раза маршал Ней возобновлял атаку и два раза в расстройстве оставлял поле сражения! Но, наконец, общий натиск кавалерии и пехоты нашей довершил поражение французов, большая часть их положила оружие, но маршал с остальными войсками перешел Днепр при Сырокоренье и успел чрез несколько дней соединиться с Бонапартом! Число пленных простиралось до 100 офицеров, 12000 рядовых и 27 орудий. Естьли б атаман Платов, следующий чрез Катань, успел в тот день прибыть против Сырокоренья, или село сие было бы занято Милорадовича войсками вследствие предписания, то, без изменения, и сам маршал не избегнул бы участи своего корпуса.

Однако атаман, отбивши у вице-короля еще 112 орудий под Смоленском и занявши город сей 5-го числа утром, оставил в нем 20-й егерский полк с сотнею казаков, и, отправя вслед за маршалом Неем генерала Денисова с двумя казачьими полками и 6-ю ескадронами драгун при двух орудиях, сам с 15-ю полками казаков, конною донскою артиллериею и с 1-м егерским полком взял направление на Катань к Орше правым берегом Днепра. Польза движения сего была ощутительна, но время уже было упущено! (...)

15-го числа вся Белостокская губерния освободилась от неприятеля. 1-го января главная квартира ИМПЕРАТОРА и светлейшего перешла в Мерич. Войска же продолжали преследование, стараясь направлением своим отделить австрийския и саксонския войска от 20-ти тысячной французской армии, следовавшей почти без артиллерии и в совершенном разстройстве, частию на Торунь, и частию на Данциг.

Вот тебе, почтеннейший мой друг, естьли не красноречивое, то по крайней мере точное обозрение 1812 года кампанию!

Предисловие и публикация
АЛЕКСАНДРА ВАЛЬКОВИЧА

ПРИМЕЧАНИЯ

1 ЦГВИА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 24. Общий объем — 70 листов.
2 ЦГВИА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.
3 Сборник ИРИО. СПб, 1890. Т. 73. С. 510—511.
4 ЦГВИА. Ф. 194. Оп. 1. Д. 31. Л. 66 об.

«И ВСЕ Ж НЕ ВИДЕЛ МИР ДОСЕЛЬ ЧУДЕС ТАК МНОГО!»

ЖОЗЕФ ДЕ МЕСТР О РОССИИ

«Граф де Местр точно должен быть великий мыслитель: о чем бы ни говорил он, все очень занимательно, и всякое замечание его так и врезывается в память, потому что заключает в себе идею, и сверх того, идею прекрасно выраженную. (...) Я не хотел бы остаться с ним неделю один с глазу на глаз, потому он тотчас бы из меня сделал прозелита. Ума палата, учености бездна, говорит как Цицерон, так убедительно, что нельзя не увлекаться его доказательствами»[1].



Сардинский посланник в России Жозеф де Местр (1753—1821), чьему красноречию литератор С. П. Жихарев дал столь высокую оценку, не знал русского языка и имел весьма туманные представления о нашей словесности, однако его жизнь и творчество оказались тесно связаны с Россией. Проведя здесь четырнадцать лет (1803—1817), он создал книгу под названием «Санкт-Петербургские вечера», а сочинения его впоследствии оказали заметное влияние на многих, притом весьма несхожих, русских писателей. Реминисценции из Местра можно разглядеть и в пушкинском «Медном всаднике», и в «Философических письмах» Чаадаева. Взгляды Местра на войну стали одним из источников «военных» глав «Войны и мира», а Тютчева современник-мемуарист назвал *«православным графом де Местром»*[2]. Однако рядовой русский читатель по сей день считает Местра исключительно *«кровавым террористом»*[3], суть же его взглядов остается непонятной, а его впечатления от российской жизни — почти никому не известными. Между тем донесения, которые сардинский посланник регулярно отсылал в Кальяри королю Виктору Эммануилу I и его министрам, рисуют любопытнейшую картину петербургских нравов.

Нескольких примеров, надеемся, будет достаточно, чтобы дать читателю представление о Местре как «летописце» русской жизни в 1812 году.

«Кутузов — замечательный полководец, но лишь тогда, когда Император удаляется от армии, ибо в противном случае маршал превращается в царедворца, который льстит вместо того, чтобы воевать, и даром растрачивает свои силы. Такой характер особенно опасен в России, где действие монарха на умы подданных иное, нежели в прочих странах. <...> Здесь почтение к властям бессловесно. <...> Взбреди — как это ни невероятно — российскому императору на ум сжечь Санкт-Петербург, никто не скажет ему, что деяние это сопряжено с некоторыми неудобствами, что даже в холодном климате нет нужды в столь большом костре, что этак, пожалуй, из домов вылетят стекла, обои почернеют, а дамы перепугаются, и проч.; нет, все промолчат; в крайнем случае — подданные убьют своего государя (что, как известно, нимало не означает, чтобы они не питали к нему почтения) — но и тут никто не проронит ни слова»[4].

«Ни в чем так не ошибся Наполеон, как в своей оценке характера и расположения русской нации. <...> Все книги наперебой толкуют о русском деспотизме и русском рабстве. Могу вас заверить, однако, что нигде человек не пользуется такой свободой, как в этой стране, жители которой поступают, как им вздумается. Крайности сходятся, и самовластительное правительство порождает немало республиканских свобод. Из сего проистекают сочетания, понятные лишь тому, кто наблюдал их вблизи. Табель о рангах создает аристократию чина, умеряющую претензии аристократии родовой, и обезоруживает гордыню тех новых родов, что разрушили государство у нас. Если человек может достичь всего, чего желает, продвигаясь по служебной лестнице от чина к чину, он ничуть не заинтересован в войне с государством. Рабство имеет свои выгоды и вовсе не отменяет национального воодушевления. Бонапарт думает, что имеет дело с французскими или итальянскими буржуа, каких мы во множестве видели прежде; он жестоко заблуждается» (XII, 195).

Или: *«По замечательному стечению обстоятельств Москва, покинутая двором, сделалась предметом еще большего почитания, ибо здесь собрались фрондеры, укрепляющие национальный дух и почти независимые от влияния двора, этому духу враждебного. Что такое Петербург в сравнении с Москвой? Большая дача, по духу не столько русская, сколько парижская, где на коленях у суетности резвятся всевозможные пороки»* (XII, 281).

Вспомним, наконец, и знаменитое предсказание Местра: *«Если русская нация, усвоив наши опасные новшества и найдя в них вкус, решится сопротивляться всякому ущемлению того, что она назовет своими конституционными правами, если какой-нибудь университетский Пугачев возглавит некую партию, а народ вместо своих азиатских вылазок примется за революцию на европейский лад,— тогда свершится нечто настолько страшное, что одна мысль об этом лишает меня дара речи»* (XII, 59—60).

Такая категория, как дух нации, интересовала Местра чрезвычайно, ибо он был уверен, что подлинные конституции не пишутся «нарочно» некими законодателями для всего человечества вообще, но *«зарождаются и растут в таинственной глубине жизни»*[5], коренятся в природе того или иного народа, а потому *«всякая нация имеет то правительство, которого заслуживает»* (XII, 59).

К тому же Местр был убежден, что исход любой войны определяется соотношением нравственных, а не физических сил, и поэтому характер народа выступает в качестве первостепенного фактора: *«Мало какое из сражений проигрывается физически,—* пишет он 2 (14) сентября 1812 года. — *Вы стреляете, я стреляю: разве кто-то из нас обладает особенными преимуществами? Да и кому известно число убитых? Почти всегда сражения проигрываются нравственно; истинный победитель, равно как и истинный побежденный,— тот, кто считает себя таковым»* (XII, 220—221). Местр видит издержки русского патриотизма: *«Из всех народов в мире русские всех ревнивее относятся к заслугам чужестранцев; маркизу Паулуччи они отдавали должное скрепя сердце, а некто умудрился сказать: «Пусть лучше мы покоримся французам — лишь бы своим спасением не были мы обязаны итальянцу» — мысль, разумеется, прекраснейшая и разумнейшая»* (XII, 215). Но не менее ясно он видит и положительиое значение этого патриотизма: *«В продолжение нынешнего героического 1812 года русские снискали славу чистую и неоспоримую — славу народа, обладающего редкостным общественным духом, безграничным самоотвержением, неколебимой преданностью»* (XII, 285).

В основе философских построений Местра лежала мысль, что человек слишком слаб и греховен, чтобы оставаться свободным, и потому его индивидуальный разум обязан склониться перед неким авторитетом, в частности перед духом народа. Именно народам, а отнюдь не отдельным личностям, Бог, по убеждению Местра, открывает свою волю, избрать же на земле правильный путь может лишь тот, кто умеет эту волю хотя бы отчасти угадывать. Поэтому история для Местра, последователя христианских историков XVII века, не просто перечень событий, но урок, преподанный Провидением, урок скрытый и мало кому внятный, но тем не менее нуждающийся в разгадывании.

Взгляды Местра на взаимоотношения человека и истории лучше всего, пожалуй, выражает отрывок из его письма от 30 июля 1807 года к графу д'Аваре: *«Человек должен действовать так, как будто способен на все, и смиряться так, как будто не способен ни на что. Вот в чем состоит, как мне кажется, фатализм мудрости. Если человек упадет в реку, он непременно должен плыть, ибо если он не будет плыть, то непременно утонет; но из этого еще не следует, что он приплывет туда, куда хочет, поскольку у потока свои права. Мы все погружены в поток, а в революционную эпоху он мчит свои воды еще быстрее. Будем же плыть, господин граф, и, если нам достанет сил (в чем я вовсе не уверен), мы приплывем к неведомым берегам»* (X, 448).

С одной стороны, Местр убежден, что в истории ничто не свершается случайно, что все в ней является претворением божествениого замысла. И французская революция, и Наполеон — орудия Провидения, бичи Божии, ниспосланные французскому народу за его грехи. Сколько бы люди ни уверяли себя, что революции начинаются и кончаются по их воле, на самом деле, убежден Местр, все решается не их властью: *«Я знаю наверное, что все, что должно пасть, падет, как уже пало все, что должно было пасть, сколько бы ни старались люди его поддержать»* (IX, 364—365). Однако — и в этом гибкость местровской концепции — *«величайшее преступление против благодати — чересчур полагаться на нее»*. Эту фразу, услышаиную из уст русской католички С. П. Свечиной в ее парижском салоне, 30 сентября 1835 года занес в свой дневник А. И. Тургенев, сопроводив ее следующим комментарием: *«Глубокая мысль графа Местра, особливо для тех, кои, не действуя собственными силами, надеются на благодать свыше»*[6]. Потому-то, предупреждает Местр, Наполеон напрасно так доверяет своей «звезде»: *«Те, кто слишком полагаются на звезды, в конце концов остаются в дураках»* (XII, 206).

Постичь волю Провидения подчас очень трудно: *«Если бы голос свыше сказал российскому императору: «Согласны ли вы потерять двенадцать провинций, семь миллионов подданных, двадцать четыре миллиона рублей дохода? Согласны ли, чтобы столица ваша погибла в огне? Тогда я предам в вашу власть Бонапарта и его армию»,— то император отвечал бы — и не мог бы ответить иначе: «Клянусь честью! это чересчур дорого!» — однако Провидение решило дело за него»* (XII, 275).

Провидение готовит смертным удивительные «сюрпризы»; недаром 5 (17) июля 1812 года в письме к сыну Родольфу (который, между прочим, сражался против французов в рядах русской армии и был ранен в ногу на Бородинском поле) Местр цитирует строки из трагедии Расина «Гофолия»: *«И все ж не видел мир досель чудес так много!»* Выигрывает же тот, кто, не удивляясь чересчур и не отчаиваясь, пытается разгадать Господню волю, но при этом не бездействует и не опускает рук,— иначе говоря, будучи погружен в поток, повинуется его течению, но все-таки плывет и сам.

Донесение сардинскому послу в Лондоне графу де Фрону, которое публикуется в этом номере и в котором Жозеф де Местр подводит некоторые итоги закончившегося этапа войны, дает выразительное представление о философии истории, которую исповедовал автор «Санкт-Петербургских вечеров», и о его отношении к войне.

ВЕРА МИЛЬЧИНА

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Жихарев С. П. Записки современника. М., Л., 1955. С. 318, 390.
[2] Литературиое наследство. М., 1989, Т. 97. Кн. 2. С. 45 (слова И. С. Гагариа).
[3] Герцен А. И. Собр. соч. в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 341.
[4] Maistre J. de. Ocuvres complètes. Lyon, 1886. T. XII. P. 180; далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страиицы.
[5] Карсавин Л. П. Жозеф де Местр // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 98.
[6] РО ИРЛИ. Ф. 309. № 305. Л. 134.

«НАПОЛЕОНА СГУБИЛА МОСКВА»



ЖОЗЕФ ДЕ МЕСТР — ГРАФУ ДЕ ФРОНУ

Санкт-Петербург, 17(29) декабря 1812 г.

Я оставил Наполеона на другом берегу Березины[1]. Переправа через эту реку стоила ему многих тысяч человеческих жизней и почти всего добра, награбленного в Москве. Не успел он ступить на правый берег, как приказал уничтожить мост. Ему напомнили обо всех, кто еще не успел переправиться через реку. *«Что мне до этих уродов! Пусть выпутываются, как могут!»* — отвечал он. Прелестный ответ. Здесь многие гневаются на адмирала Чичагова и утверждают, что он должен был, оставив Минск, куда он, впрочем, по всеобщему убеждению, добрался слишком поздно, остановить и захватить Наполеона[2]. У адмирала много врагов, они было замолкли, смущенные его семейными несчастьями и благосклонностью к нему императора, но по сему поводу вновь подняли голос и высказали множество нелестных слов. Его Величеству случилось обронить в очень тесном кругу: *«План не удался»*, однако он не произнес ни единого слова лично об адмирале и ни чем не выразил ему своего неудовольствия, то ли оттого, что адмирал в самом деле не виноват, то ли оттого, что он по-прежнему имеет влияние на императора, а государь желает поддержать своего ставленника. Насколько я могу судить, в отваге и стремительности натиска русские не имеют себе равных. А в том, что именуется «маневром», они, на мой взгляд, несколько отстают, и не думаю, чтобы последние события опровергли это мнение.

Итак, Наполеон переправился через Березину подле маленького городка Студенка 29 ноября (по новому стилю) и продолжал двигаться в сторону Вильно, преследуемый, как и прежде, по пятам русскими войсками. О дороге от Березины до Вильно скажу лишь одно: французы потеряли около тридцати тысяч человек и четыреста пушек. Почти наверное известно, что Наполеон побывал лишь в предместье Вильно, а в сам город не входил. Вообще касательно избранного им пути и мер, предпринятых для собственного спасения, мнения расходятся. Более или менее точно известно, что из Вильно он выехал, имея подле себя из приближенных только своего пасынка вице-короля, Мюрата и Бертье, что сам он был в простом фраке без знаков различия, Евгений же, напротив,— в парадной форме и что свиту их составляли пятнадцать польских уланов и четырнадцать неаполитанских гвардейцев. Впрочем, ни за одну из этих деталей я не поручусь, да и вообще, ведя речь о грандиозных событиях, следует обращать внимание лишь на движения масс и великие результаты. Французы не верили, что русские атакуют Вильно так стремительно, и, не зная истинного положения дел, приняли русский авангард за французский арьергард (коего не существовало), а один из адъютантов Даву, высланный на разведку, был чрезвычайно поражен, оказавшись в плену. Быстрота натиска принесла русским прекрасные плоды: французы не успели причинить городу никакого ущерба и не сожгли ни одного склада. Русские нашли в Вильно огромное количество всевозможных припасов. Они продолжали гнать французов до города Ковно, что стоит на берегу Немана, и по пути захватили от пяти до шести тысяч пленных и двадцать две пушки — потому только, что, как говорят при дворе, *двадцать третьей не сыскалось.* Гродно занят; русские идут на Варшаву и Кенигсберг. Но, поскольку доселе неизвестно, какое решение примет Наполеон, как поступит он с полутора тысячами полураздетых и голодных бойцов, перешедших с ним через Неман, и как поступят народы, по чьей территории ему предстоит двигаться, с ним самим, русским придется остановиться.

25 июня сего года Наполеон вторгся в Россию с 480 тысячами человек; затем к ним присоединилось еще сто с лишним тысяч; триумфально преодолев огромное пространство, отделяющее Москву от границ России, он сжег или обрек на сожжение древнюю столицу; он повергнул в ужас Россию и Европу; он вынудил русского императора признать, что пребывание в Санкт-Петербурге небезопасно и следует отправить из города все самое ценное; он привез с собою женщин, детей, множество рабочих, дабы основать в Москве французскую колонию; он отложил торжественное вступление в Санкт-Петербург до будущей весны; он был уверен в своих силах и проч.; и вот, 10 декабря того же года, то есть спустя три месяца после своего вступления в Москву, он покидает Вильно, подобно подлому разбойнику, не имея ни денег, ни солдат. Он ошибся во всем, а ведь рассуждал весьма здраво. Вот великое происшествие, которым я не устаю восхищаться.

Во время злосчастных встреч в Эрфурте и Тильзите он уверился — и не без оснований — в своем влиянии на русского императора. Он говорил, прежде чем начать последнюю войну: *«Александр — ребенок, я заставлю его плакать кровавыми слезами».* Он повторил это в письме, оригинал которого попал в руки императора. Кровавыми слезами, застывающими на морозе, пришлось плакать ему самому — но кто мог это предвидеть? Вот каков был ход его размышлений: *1) Мой гений подавляет гений Александра; русский император не посмеет мне противиться. 2) Я прерву переговоры внезапным наступлением, и он потеряет голову. 3) Я отрежу один или несколько корпусов, которые русские столь неосторожно рассеяли на пространстве в восемь тысяч верст, и захвачу их вместе со складами. 4) Я дам большой бой, и это вынудит робкого русского монарха сложить оружие. 5) Я посулю всем крестьянам свободу, и всеобщее восстание охватит страну. 6) Я отрежу князя Багратиона от Барклая де Толли, и, поскольку в России, как и повсюду, прямой путь — самый короткий, они уже никогда не смогут соединиться. 7) Дабы спасти свою столицу, русские дадут бой, и это погубит их окончательно, ибо мы несомненно превосходим их во всем, а особливо в том, что касается кавалерии. 8) Москва, населенная многочисленной и богатейшей знатью, доставит мне столько сокровищ, что я без труда довершу покорение России и Европы. 9) Если в конце концов я все же потерплю неудачу, канцлер меня поддержит, и я заключу мир*[3]. Каждое из этих положений само по себе вполне правдоподобно; собранные вместе, они выглядят весьма убедительно, и тем не менее ни одно из них не оправдалось.

Император сказал: *«Я помню, что говорил Наполеон в Эрфурте: «На войне все решает упорство; оно-то и помогает мне побеждать». Я докажу ему, что не забыл его уроков».* И знать, и народ действовали с одинаковым самоотвержением. Слова «подати», «контрибуции», «вспоможения» и проч. слишком слабы; даже слово «пожертвование» не подходит здесь в полной мере; каждый отдавал все, что имел, не ропща. Но погубила Наполеона Москва; прислушайся он к советам своих генералов, убеждавших его миновать столицу и последовать за фельдмаршалом в Калугу, Россия (или по крайней мере ее часть) погибла бы, ибо войска

фельдмаршала существенно уступали числом французской армии, сумятица же в них царила такая, что после Бородинской битвы в армии обнаружилось семнадцать тысяч мародеров, по которым в конце концов пришлось открыть огонь, а Кутузов в секретном письме, с которым мне довелось ознакомиться, сообщал: *«Армия моя доставляет мне больше хлопот, нежели неприятель».* Однако Наполеону угодно было войти в Москву. Три чувства внушили ему это решение: гордость, надежда на добычу и желание с наибольшими удобствами заключить мир — и все три его обманули. Более всего поразило Наполеона отсутствие в Москве каких бы то ни было властей. Он три дня прождал депутации: никто не явился. В крайнем изумлении он спрашивает: *«Но где же московские власти?»* — *«Их нет!»* — *«А губернатор?»* — *«Уехал, предварительно отперев двери тюрьмы и забрав с собою пожарные трубы.»* — *«А сенат?»* — *«Исчез и он.»* — *«Но из низших чинов, военных или гражданских, из духовенства и купцов кто-нибудь остался в городе?»* — *«Все уже далеко отсюда.»* — Одним словом, самым значительным лицом, оставшимся в Москве, оказался директор некоего сиротского приюта, не захотевший покинуть своих бедных воспитанников. Его отыскали, приодели и представили Наполеону. В этом-то блестящем обществе он и въехал в великую столицу.

Пустота Москвы крайне затрудняла его сношения с жителями окрестных деревень, без которых он, однако ж, не мог обойтись; он изволил послать туда гонцов, дабы оповестить крестьян, что все спокойно, что они могут везти в город свой товар и получить за него верную цену и проч., однако крестьяне истребили гонцов — кстати, русских по крови,— а на рынок ничего не привезли. В то же самое время Москва загорелась[4]. И в пламени ее, надо признать, сгорело Наполеоново счастье. Ришелье, наставляемый Макиавелли, не мог бы измыслить ничего удачнее этой страшной меры. С досады Наполеон предал военному суду два десятка несчастных, коих произвел в поджигатели, и расстрелял восемь или девять из них, хотя они просто-напросто выполнили приказ законной власти. Тем не менее, в упорстве своем он не желал покинуть разоренную столицу. Ему доставляло удовольствие жить в Кремле и сочинять там свои бюллетени. Что творилось в этом адском уме? Этого мы, вероятно, никогда не узнаем, во всяком случае не узнаем до конца. Иные полагают, что фельдмаршал князь Смоленский, которого недаром прозвали *хитрым лисом*, провел Наполеона — а это не безделица; что слух, будто бы он отвечал Наполеону так резко и надменно, как повсеместно считается, ложен[5]; что, напротив, ответ его гласил, что он, Кутузов, ничего не может взять на себя и волен лишь следовать полученным приказам, и в его власти только одно: послать донесение в Петербург, а ТЕМ ВРЕМЕНЕМ НИЧЕГО НЕ ПРЕДПРИНИМАТЬ (чем не лис?). Я верю этому без труда. Как бы там ни было, Наполеон провел в Москве тридцать восемь дней, а фельдмаршал тем временем подготовил свою армию: поставил под ружье шестьдесят тысяч превосходных новобранцев, раздобыл тридцать тысяч лошадей. С этого момента равновесие нарушилось, и Наполеону более никогда не удалось его восстановить, хотя на своем пути, в Орше, он нашел подкрепление из пятидесяти тысяч человек. Узрев наконец бездну, разверзшуюся у него под ногами, он решился покинуть линию обороны, весьма небезопасную по причине решительных маневров графа Витгенштейна под Полоцком и Витебском, и устремился в богатые и плодородные Тульскую и Калужскую губернии. Отсюда произведенная им 24 октября атака на Малоярославец (Московская губерния) — ей не уделили должного внимания, ибо поначалу никто не понял, что это,— верхняя точка кривой, которой отныне суждено опускаться вниз. Нас пытаются уверить, что то была *ложная атака*, но ложную атаку не повторяют восемь раз. В конце концов французам пришлось отступить, и с этого мгновения для Наполеона начинается цепь бедствий, представляющаяся мне беспримерной. Ища нечто подобное, вспоминаешь поражение сарацинов в битве с Карлом Мартеллом, разгром гуннов Меровеем и Этием, кимвров и тевтонов — Марием; доходишь до Камбиза[6], но и это сравнение кажется слишком слабым. За пять месяцев, а точнее за три, на наших глазах были истреблены полмиллиона солдат, полторы тысячи артиллерийских орудий, шесть тысяч офицеров, вся поклажа и все повозки, все те несметные сокровища, которые французы намеревались увезти с собой, и все те, что они с собою привезли. Мне рассказывали о казачьем полку, состоящем примерно из пятисот человек; на долю каждого пришлось по 84 дуката. Берлины продавались по пятьдесят рублей, а брегетовы часы — по двадцать пять. Однако материальные потери — ничто в сравнении со страданиями людей, которые воистину невообразимы и даже в душе заклятого врага не могут вызвать ничего, кроме жалости. Самые ярые безбожники поражены этой ужасной катастрофой, увенчавшей войну, где отвратительнейшие жертвы приносились так бестрепетно, словно это обычная тактическая уловка; что до меня, то я полагаю, что никогда еще Господь не говорил людям так громко и внятно: *«ЭТО Я!»* Французы выказали величайшую, безграничную отвагу и не меньшее терпение; главное, они не взбунтовались (вещь невероятная!), но что может сделать человек, если на него ополчаются разом железо, голод и холод? Люди были обречены гибнуть и сдаваться в плен тысячами. Триста тысяч человек погибли; двести тысяч попали в руки неприятеля, и судьба разбросала их по просторам России до самых границ Сибири; тысяча пушек находится у русских и пойдет на возведение обелиска в Москве; больше пятисот орудий спрятали или утопили в реках сами французы. Те, кто наблюдал все это вблизи, не находят слов, чтобы передать свои впечатления. Один пишет: *«Две сотни верст я шел по трупам».* Другой: *«Мы вошли в Вильно по ущелью из мертвых тел»* и проч.(...) Вообразите себе снежную пустыню, где нет ничего, кроме ворон, волков и трупов; вот что представляет собою Россия от Москвы до границы, и человеколюбие здесь бессильно. Пленники страждут от холода и голода, но тепло и пища убивают их. Великий князь Константин самолично отвел иных из этих несчастных на кухню и приказал, чтобы о них позаботились: они испустили дух после первой же ложки супа. Поскольку два с лишним месяца французы ели чудовищную пищу, трупы животных и даже людей (сомневаться на сей счет не приходится), от тел их шел такой отвратительный запах, что трехчетырех из них было довольно, чтобы сделать жизнь в доме невыносимой. Выяснилось, что в Москве, как и в Турине, в каждом дворе есть свой колодец, и все они забиты трупами. Приказано было замуровать эти колодцы навечно и — как сие ни затруднительно — выкопать взамен их новые. Правительственные комиссары насчитали на Бородинском поле и в его окрестностях сорок две тысячи конских трупов, это много, но как подумаешь, что мертвых человеческих тел было куда больше, кровь леденеет в жилах. Правительство приняло решение сжечь их: но для сего потребны дрова и время. Во многих местах уже дают о себе знать весьма страшные болезни, а в Одессе по-прежнему свирепствует холера. Да поможет нам Бог!

Император, прибывший в Вильно 22 декабря (нового стиля), признается, что никогда не позабудет ужасающего зрелища, коему стал свидетелем. Он тотчас поручил генералу графу де Сен-При, достойнейшему французскому офицеру, состоящему в русской службе, общий надзор над всеми пленными, дабы им сделали как можно меньше зла и как можно больше добра. Те, кто попали в плен первыми, возможно, выживут, что же до остальных, то судьба их не внушает мне надежд. В общей сложности их никак не меньше двухсот тысяч. Родной порог переступят двадцать, от силы тридцать тысяч.

Эта страшная участь постигла иных весьма знатных особ. Граф Альфред де Ноай, адъютант князя Невшательского (Бертье), был убит во время переправы через Березину. На груди погибшего нашли портрет его жены. Я видел его. Кровь несчастного юноши просочилась внутрь медальона и начертила отвратительный полумесяц под изображением. Погибшему было двадцать семь лет, жене его исполнилось двадцать. В то самое время, как граф Альфред де Ноай отдал жизнь под знаменами Бонапарта, младший его брат (граф Алексис), ускользнув из Франции, прибыл в Россию, дабы отсюда отправиться в Англию к королю Людовику XVIII. *Одного в службу примут, другого — нет.*

Его Императорское Величество тысячу раз выказал в Вильно свою доброту и великодушие. Князь Смоленский получил орден Святого Георгия — пес plus ultra[7] воинских почестей. Польским помещикам император сказал: *«Господа, я все забыл; вычеркнем прошлое из памяти; надеюсь, что впредь...»* Окончание этой фразы пересказывают по-разному; однако, поскольку монархи, вынужденные произносить подобные слова, делают это куда лучше, чем простые смертные, тому, кто сам их не слышал или не уверен абсолютно в точности пересказа, не стоит их повторять.

Где Наполеон, что станет он делать[8]? Этим вопросом задаются все, но ответа не знает никто. Одни говорят, что он направился в Вену, другие — что в Дрезден, третьи — что в Париж. Наверное не известно ровно ничего. Кое-кто полагает, что он сумеет вновь сколотить себе армию, но это кажется совершенно невероятным. Кто захочет последовать за ним после столь ужасной катастрофы? Франция и Германия в трауре. Не говоря обо всем прочем, взглянем лишь на офицерский корпус: в общей сложности он потерял около восьми тысяч человек. Это был цвет французской учености и опытности. Чем возместить столь страшную потерю? Впрочем, там будет видно.

Прекрасное поле деятельности открывается ныне для дипломатов, но дипломатов мудрых. Император сказал в Вильно: *«Господа, мы победили; теперь нам предстоит доказать, что мы достойны победы».*— Я этого желаю и надеюсь на это всей душой.

Было бы чересчур дерзко предсказывать исход событий, зависящих от такого множества противоборствующих интересов и страстей. Самое вероятное состоит в том, что революция будет продолжаться, как продолжалась она до сего дня, иными словами, что чужестранцам не удастся решительно изменить ее ход; что французам предстоят долгие — и вполне заслуженные — страдания, но что в конце концов они возвратят Бурбонов на французский и испанский престолы, а папу — в Рим[9], и, наконец, что противники Франции, приняв от нее или вырвав у нее силой большую часть захваченных ею некогда земель, все же не лишат ее всех завоеваний революции.

Скажу, подобно римскому претору: Paret[10]. Будущее покажет, верны ли мои предположения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Местр дает описание переправы через Березину в донесении от 24 ноября (6 декабря) 1812 г.
2. Адмирал Павел Васильевич Чичагов (1767—1849) — добрый знакомый де Местра, с которым тот сошелся вскоре после своего приезда в Петербург. Основную причину упреков в том, что Чичагов не «изловил Наполеона при его переходе через реку, словно какую мышь» (Русский архив. 1912. № 1. С. 51), Местр видел в интригах Кутузова, ненавидевшего адмирала как соперника.
3. Канцлер — граф Николай Петрович Румянцев (1754—1826), с 1807 министр иностранных дел России, сторонник мира с Францией.
4. Местр был убежден, что Москву сожгли русские. «Теперь доказано безоговорочно,— сообщал он в донесении от 8 (20) ноября 1812,— что Москва, во всяком случае большая ее часть, загорелась исключительно от рук русских; то же самое подозревают и относительно Петровского дворца; единственное преступление подобного рода, в котором прямо виновен Наполеон,— это разрушение Кремля. Впрочем, если русские и сожгли в порыве отчаяния свою столицу, толкнул их на это преступление не кто иной, как свирепый завоеватель» (XII, 295).
5. См. в донесении Местра от 8 (20) октября 1812: «Наполеон трижды заговаривал о мире и перемирии и наконец послал генерала Лористона, прежде находившегося здесь в качестве французского посла, в главный штаб Кутузова, дабы начать о сем переговоры. Фельдмаршал принял его в присутствии нескольких офицеров (...) и объявил, что ни о мире, ни о перемирии не может быть и речи до тех пор, пока хоть один французский солдат останется на земле Российской империи. Лористон спросил, нельзя ли по крайней мере передать письмо Его Императорскому Величеству. Фельдмаршал отвечал, что *может взять его при условии, что оно не запечатано, но если отыщется в нем хотя единое слово о мире, он не сможет его отослать, ибо получил на сей счет указания»* (XII, 262—263). В действительности беседа Кутузова с Лористоном происходила с глазу на глаз, и суть ее была известна в России лишь по различным пересказам Кутузова (см. подробнее: Тартаковский А. Г. Военная публицистика 1812 года. М., 1967. С. 120—149).
6. Карл Мартелл — мажордом Франкского королевства, отразивший в 732 в битве при Пуатье натиск арабов; Меровей (ум. 458), король салических франков, и Этий (ок. 390—454), римский полководец, в июне 451 г. в битве на Каталаунских полях разбили войско гуннов под предводительством Аттилы; Марий (ок. 157—86 до н э.) — римский полководец, разбивший войска тевтонов (в 102 г. до н. э.) и кимвров (в 101 г. до н. э.); Камбиз II — персидский царь в 530—522 до н. э., завоевавший Египет, но потерпевший неудачу при попытке захватить также Эфиопию и Карфаген.
7. Выше не бывает *(лат.)*.
8. 6(18) декабря 1812 года Наполеон прибыл в Париж.
9. Папа римский Пий VII (1742—1823) после аннексии Папского государства Наполеоном (1809) был арестован и до 1814 содержался в плену во Франции.
10. Когда станет ясно... *(лат.)* — начало письменного наставления, которое давал римский претор назначаемому им судье.

Перевод с французского и примечания
ВЕРЫ МИЛЬЧИНОЙ

В Таруское духовное правление

Во исполнение его императорского величества указа высочайше порученного генерал-лейтенанту сенатору Александру Ивановичу Михайловскому - Данилевскому истребовать разные сведения, относящиеся до Отечественной войны в 1812-м году о причиненных по Калужской епархии церквам разорений: 1-е, о числе церквей совсем раззоренных и уничтоженных, 2-е, о числе церквей ограбленных неприятелем, 3-е, о показании общей стоимости разграбленных церковных имуществ, 4-е, о пожертвованиях духовных лиц, 5-е, об особенных подвигах их, 6-е, обо всех тех любопытных местных происшествиях, коих духовные лица были свидетелями и кои сохранились в их памяти, имею честь Тарускому духовному правлению сим донести следующее: 1-е, что в 1812-м году, когда неприятель вторгся с многочисленным войском своим в любезное отечество наше, я безотлучно находился в городе Тарусе. Царствующий град Москва, 2-го сентября того года занятая неприятелем, чрез несколько дней объята была ужасным пламенем, которая по прямой линии хотя отстоит от города Таруса окола девяносто верст, впрочем сильный пожар весма виден был в Тарусе. 2-е, так как Калужская губерния находилась в военном положении и неприятельские войски в небольших отрядах, именуемые миродерами, очень часто вторгались для грабежа в Таруской уезд и будучи некоторые из них скоро схватываемы по колокольному на колокольнях звону уездными храбрыми поселянами, представлялись в земскую полицию, которая тот час препроваждала оных грабителей за строгим караулом в город Калугу. 3-е. Что ж касается до церквей, то я по препоручению данному мне от покойного преосвященного Евлампия Епископа Калужского взять благоразумные меры, а) соборную ризницу, сребропозлащенные сосуды, кресты и разного сорта денги отослал с покойным соборным диаконом Стефаном Семеновым в город Орел, а дела духовного правления и весь архив с повытчиком Соловьевым. б) По уездным церквам ризичные всяко рода вещи и денги глубоко были зарыты в ящиках в землю внут[ри] церквей в ни примечвых местах. 4-е. За всем тем, что маршал Мюрат находясь с воиском своим в самой смежности с Таруским уездом, но опасаясь российского незабвенного полководца князя Михаила Илариоиовича Смоленского, котораго главная квартира так же была иа самой границе Таруского уезда,— никак не смел вторгнутся в оный, а потому молитвенные храмы Божии остались целыми от разорения и расхищения кроме только того, что вторгавшиеся миродеры много расхищили у господ, кои почти все на сей случай выежжали в отдаленные и безопасные от неприятеля губернии, и у поселян разные съестные припасы.



5-е. Пожертвования духовных, начиная с меня, сообразуясь с состоянием каждого, были очень значительные, как денежныя в то ж время совокупно собранныя и отосланныя к означенному покойному преосвященному Евлампию, так и всякого рода домашния. С самого объявления Калужскою губернию военною до самаго выбытия неприятеля дом мой занят был разного рода чиновниками, следующими в российскую армию к квартире Главнокомандующего под село Тарутино, которым чиновникам я все годовое продовольствие мое для них самих и для лошадей отдал из чистой любви моей к Отечеству в полное распоряжение, а сам жил в сарае, отправя тогда многолюдное семейство мое в Лихвинский уезд к городу Одоеву.

6-е. Город Таруса будучи малолюдный и бедный, состоящий на самом берегу Оки реки, множеством людей и народов тогда равнялася всякому почти губернскому городу, кроме столиц. Ибо не только внут[ри], но даже и в окрестностях наполнен был прибывшими из городов Смоленска, Вязьмы, Гжати, Юхнова, Калуги, Боровска и Малоярославца. Когда совершаемо было мной с коленопреклонением ежедневное в соборе богослужение, то не только весь собор, но даже и вся почти площадь наполнена была притекшими в храм Божий для усерднаго и слезами раствореннаго моления за царя и за вся же во власти его суть, о избавлении от непримиримаго врага и супостата. Самые даже раскольники из приежжих добровольно обращались тогда к православной вере и просили меня служить молебны в соборе. А как тогда через город Тарусу положена была военная почта, то ряда в три из главной квартиры от Тарутина и в оную безпрестатно проежжали разные важнейшие чиновники и курьеры несколько недель. Многие тысячи донских казаков проежжали чрез город Тарусу с навъюченными запасными лошадьми в Российское войско. Некто генерал Ушаков[1] с целою дивизиею ночевку имел в окрестностях подле самого города Тарусы и на лугах таруских. Князь Щербатов[2] днeвал в Тарусе с полком своим, дожидаясь подвод, дабы скорее сближаться с Главною армиею под Тарутиным. Река Ока, прилегающая к городу Тарусе, от самой градской Воскресенской церкви с лишком на две версты из берега в берег наполнена была разного рода судами казенными и частными с железом, солью и разным хлебом так, что можно было везде проходить по оным судам с одной стороны на другую оныя реки как буд-то по мосту. Каковыя весма скорбныя происшествия пополам раздирали душу и сердце мое до самого октября 12-го дня, когда уж после решительной битвы в городе Малоярославце обращен был неприятель храбрым российским воинством в неминуемое бегство по той самой дороге, по которой он стремительно шел для раззорения свыше благословенныя России.

Соборный протоирей
Максим Богоявленский.
Августа 21-го дня 1836 года.

Орфография документа сохранена. — *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ушаков Н. А. командовал резервными полками, находившимися в Калуге.
2. Щербатов А. Ф. командовал кавалерийскими полками Тульского ополчения.

РОССИЯ И ВОЙНЫ

Серия тематических номеров «Родины» посвящена великим войнам России XIX—XX столетий. В начале 1933 года Вам будут предложены неизвестные страницы первой мировой войны. Редакция журнала заинтересована в том, чтобы узнать Ваше мнение о роли войн в многострадальной истории нашего Отечества. В этой связи мы устраиваем очередное «хождение в народ» и предлагаем Вашему вниманию анкету, подготовленную независимым Центром исследований политической культуры России. Обратите особое внимание на вопросы о первой мировой войне — они будут использованы при подготовке номера, посвященного этому событию. Убедительная просьба: обвести ответы, отвечающие Вашим взглядам, вырезать заполненную анкету и прислать ее в редакцию с пометкой на конверте «АНКЕТА».

1. Укажите, пожалуйста:
1.1 Пол ______ 1.2 Возраст ______ 1.3 Национальность 1.4 Вероисповедание ______ 1.5 Профессию ______ 1.6 Образование ______ 1.7 В какой партии состоите (назовите ее полностью) ____________ 1.8 Какому движению, организации симпатизируете (назовите их полностью) ______________ 1.9 В какой республике, области, крае проживаете ______________ 1.10 Вы живете в административном центре, городе, селе (нужное подчеркните). 1.11 Вы родились в этом населенном пункте или приехали из другого города, села (нужное подчеркните) 1.12 Кем был по профессии ваш отец, когда Вы родились ______ 1.13 Ваш личный месячный заработок ______ 1.14 Средний месячный доход вашей семьи ______ 1.15 Сколько человек насчитывает Ваша семья (только живущие с Вами вместе) ______ 1.16 Лица каких и скольких национальностей входят в Вашу семью (считая не только живущих вместе с Вами людей, но и дедушек, бабушек, теть, дядей) ____________

2. Сегодня можно услышать и прочесть самые разные точки зрения на то, что такое Родина и имеет ли вообще смысл само это понятие в наше время. С какими из мнений согласны лично Вы?
2.1 Сегодня, в век господства общечеловеческих ценностей, понятие Родины устарело и сделалось безнадежным анахронизмом. 2.2 Оно в наши дни может существовать лишь как нечто глубоко личное, интимное, никак не влияющее на общественно-политические дела и позиции людей. 2.3 Чувство Родины существовало, существует и будет существовать, однако оно занимает равноправное место с целым рядом прочих ценностей — скажем, общечеловеческими интересами, демократией, прогрессом и пр. 2.4 Родина — это главное, что есть у каждого народа и человека, без понимания ее решающего значения всякая нация рано или поздно распадается и гибнет, оказывается в зависимом и подчиненном положении. 2.5 Такого рода проблемы Вас не интересуют. 2.6 Иной взгляд ______________

3. Считаете ли Вы, что сегодня защищать Родину, как и прежде,— долг каждого гражданина?
3.1 Да. 3.2 В целом — да. 3.3 Зависит от обстоятельств. 3.4 Нет. 3.5 Трудно сказать.

4. Не могли бы Вы, не заглядывая в литературу, вспомнить, с именем каких государственных деятелей и полководцев связаны следующие вехи в истории России?
4.1 Легендарное начало русской государственности ______ 4.2 Крещение Руси ______ 4.3 Отражение и прекращение набегов половцев ______ 4.4 Победа над шведскими и немецкими рыцарями-крестоносцами ______ 4.5 Свержение ига Золотой Орды ______ 4.6 Присоединение Сибири ______ 4.7 Возвращение северных русских земель, выход к Балтике ______ 4.8 Присоединение Крыма ______ 4.9 Победа над Наполеоном ______ 4.10 Присоединение Амура и Приморья ______ 4.11 Продажа Аляски Америке ______

5. Сегодня подчас высказываются очень разные, исключающие друг друга, оценки Отечественной войны 1812 года. С какими из них Вы бы согласились?
5.1 Отечественная война 1812 года была великим подвигом народа, защищавшего свою независимость. 5.2 Россия освободила Европу от оккупации и рабства, которые несли наполеоновские армии. 5.3 Это была обычная война двух монархий — русского абсолютизма и буржуазной французской империи, в которой народ служил простым пушечным мясом. 5.4 Французская армия несла в отсталую Россию самые передовые достижения прогрессивной Европы, и для русских было бы лучше оказаться завоеванными в ту пору, дабы теперь прочно находиться среди цивилизованных народов общеевропейского дома. 5.5 Если бы Наполеон смог уничтожить Российскую империю, мировая история пошла бы иным, куда более гуманным и прогрессивным путем. 5.6 Иное мнение ____________

6. Уже целых сто восемьдесят лет обсуждается вопрос: надо ли было Кутузову сдавать французам Москву. А как считаете Вы?
6.1 Да, в тех условиях иного выхода, чтобы спасти армию, а значит, и Россию, просто не было. 6.2 Следовало дать бой у стен столицы и на ее улицах, а не уходить без сопротивления. 6.3 Надо было продолжать Бородинское сражение. 6.4 Необходимо было пойти на генеральное сражение с агрессором еще до Бородина. 6.5 Иное мнение ____________

7. Сейчас много и упорно говорят о необходимости восстановить и реставрировать все памятники героям войны 1812-го года, а также установить новые. Вы поддерживаете подобные предложения?
7.1 Да, полностью. 7.2 В принципе да, но сейчас у страны нет на это денег. 7.3 Нет, сейчас не время всем этим заниматься. 7.4 Лучше эти средства пустить на покупку продуктов и товаров для населения. 7.5 Надо бы и сохранившиеся памятники — эти свидетельства русской агрессивности и имперских замашек — снести. 7.6 Иное мнение ____________

8. Говорят, что Первая мировая война является для нашей страны войной неизвестной, очередным темным пятном истории. Вам лично тоже так кажется?
8.1 Да. 8.2 Отчасти это верно. 8.3 Подобная оценка — явное преувеличение. 8.4 Нет, мы достаточно знаем об этой странице нашей истории. 8.5 Лично Вас все это не интересует. 8.6 Иное мнение ____________

9. Как известно, Россия вышла из Первой мировой войны, заключив сепаратный Брестский мир с Германией. Шаг этот рождает до сих пор острые споры. С какими из выдвигаемых оценок Вы более всего солидарны?
9.1 Выход из войны был временным и законным шагом, т. к. то была несправедливая, империалистическая война буржуазии ведущих капиталистических стран за передел мира. 9.2 Россия была вынуждена пойти на такой шаг, поскольку этого требовали интересы начавшейся революции. 9.3 Такова была воля самого народа,

не желавшего воевать за «Дарданеллы». 9.4 Союзники столько раз предавали интересы России, что она была вправе порвать с ними и пойти на односторонний мир с Германией. 9.5 Это был предательский шаг со стороны захвативших власть большевиков, и потому шли на сговор с врагом. 9.6 Ленин и его соратники были агентами Германии, и потому делали все, чтобы спасти ее от разгрома. 9.7 Большевики просто слепо следовали постулатам марксизма, выступая против «империалистической бойни». 9.8 Иное мнение ________

10. Предположим, Россия не вышла бы из войны и продолжала сражаться против Германии. К чему бы это привело, как Вы полагаете?

10.1 Страна пережила бы еще большую, чем на деле произошло, катастрофу и безвозвратно погибла. 10.2 Россия полностью истощила бы свои силы и попала в полную зависимость от своих союзников, сделалась бы их колонией. 10.3 Обескровленная и материально истощенная она скатилась бы в ряды слаборазвитых государств, а потом в муках восстанавливала бы свое хозяйство и авторитет в мире. 10.4 Октябрьская революция не победила бы, и в стране сохранился бы строй, основанный на капиталистическом угнетении народа. 10.5 Россия избежала бы большевистской диктатуры, гражданской войны, репрессий 30-х — начала 50-х годов и всех последующих экспериментов — вивисекций над ее народом. 10.6 Она оказалась бы в рядах победителей, воспользовалась плодами победы и стала несравненно более мощной и влиятельной силой, чем была. 10.7 Сегодня мы были бы первой мировой державой. 10.8 Иное мнение ________

11. Кого из русских военачальников Первой мировой войны Вы считаете наиболее достойными народной памяти и почитания сегодня?

12. Россия вела за свою историю много войн. Рассматривая их в целом, с какой оценкой Вы более всего солидаризовались бы?

12.1 То были справедливые войны русского народа в защиту своей страны и ее государственности, а также с целью помочь другим народам отразить агрессора или свергнуть иноземное господство. 12.2 Россия вела примерно в равной мере и справедливые освободительные, и оборонительные войны, и войны агрессивные, захватнические. 12.3 Как правило, то были войны царизма во имя укрепления своего могущества и удовлетворения собственных имперских амбиций. 12.4 Иное мнение ________

13. Предположим, что уже в наши дни Россия станет объектом агрессии со стороны какой-либо соседней державы. Какова будет Ваша личная позиция?

13.1 Будете продолжать жить, как и жили. 13.2 Конечно, Вас это не обрадует, но и жизнь на этом не кончится: будете работать, чтобы иметь возможность существовать и содержать семью. 13.3 Постараетесь не сотрудничать с оккупантами, но и в ряды сражающихся с ними не станете вступать. 13.4 Займете позицию пассивного сопротивления, будете по возможности вредить захватчикам. 13.5 Встанете в ряды тех, кто с оружием в руках будет бороться за независимость нашей страны. 13.6 Пойдете на все, лишь бы освободить свою родину. 13.7 Иное мнение ________

14. В каких государствах видите Вы сегодня союзников России?

15. Кто, на Ваш взгляд, является сейчас главной угрозой и противником России?

16. По мнению некоторых, России надо перестать искать по всему миру неких «спонсоров», готовых оказывать ей материальную и финансовую помощь. Нашей стране необходимо наконец сделать ставку на собственные силы — начать усиленно трудиться, восстанавливая свой экономический, военный, моральный потенциал. А может быть — даже пойти на временную изоляцию от внешнего мира, дабы накопить побольше сил. Как Вы относитесь к такого рода предложениям?

16.1 Полностью с ними согласны. 16.2 Тут есть о чем поспорить, но в целом идея правильная. 16.3 Скорее не согласны. 16.4 Полностью отвергаете подобные проекты. 16.5 Иное мнение ________ 16.6 Нет мнения.

17. Сегодня снова много говорят о «евразийстве», т. е. объективной необходимости для России союзных и государственных отношений в первую очередь с азиатскими народами, особенно — тюркскими. С какими из высказываемых по данному поводу мнений Вы согласны?

17.1 Да, «евразийство» является политикой, наиболее органичной для России с ее геополитическим положением; а тюркские народы всегда были ее самыми близкими соседями и партнерами в политических и государственных делах. 17.2 Нет, нам все-таки надо стремиться войти в «общеевропейский» дом, вернуться в лоно западной цивилизации. 17.3 России, конечно, необходимо уделять куда большее внимание Востоку, но отнюдь не одним лишь тюркам, значение которых для России явно преувеличивается. 17.4 Россия, занимающая огромную часть и Европы, и Азии, сама является и Европой, и Азией; ей вовсе не следует сводить свою политику к некому обязательному союзу с кем бы то ни было. 17.5 Нам не надо подстраиваться под кого-либо на европейском или азиатском материке, а необходимо идти собственным путем, преследуя только свои интересы и выгоды. 17.6 России жизненно необходимо сосредоточиться на своих собственных (а не общемировых) делах, разобраться в себе, накопить жизненную энергию, восстановить силы, а уже потом думать о союзниках на мировой арене и направлениях внешней политики. 17.7 Иное мнение ________

18. За кого из указанных ниже исторических деятелей (либо похожих на них наших современников) Вы бы в первую очередь проголосовали, окажись они среди кандидатов в президенты? Назовите не больше трех.

18.1 Киров. 18.2 Бухарин. 18.3 Петр I. 18.4 Хрущев. 18.5 Сталин. 18.6 Жуков. 18.7 Екатерина II. 18.8 Ленин. 18.9 Один из декабристов. 18.10 Троцкий. 18.11 Николай II. 18.12 Свердлов. 18.13 Кутузов. 18.14 Столыпин. 18.15 Пугачев. 18.16 Ломоносов. 18.17 Александр I. 18.18 Минин и Пожарский. 18.19 Разин. 18.20 Брежнев. 18.21 Корнилов. 18.22 Дзержинский. 18.23 Врангель. 18.24 Павел I. 18.25 Керенский. 18.26 Александр Невский. 18.27 Другие ________

* * *

Уважаемые читатели! Наши опросы проводятся анонимно. Но если вы хотите стать участниками постоянных анкетирований (которые будут проводиться и через посредство почты, и телефонную связь), укажите вашу фамилию, адрес, номер телефона.

Подготовил **В. ВАСИЛЬЦОВ**

КУТУЗОВ БЫЛ ВЫШЕ ДВУМЯ ГОЛОВАМИ...

В последнее время принято кивать на тех или иных советских историков, которые-де служили сознательными фальсификаторами и верными подручными кремлевского режима. Гораздо труднее вникнуть в суть взаимоотношений всевластных партийных структур с их «гуманитарными рабами», отягощенными степенями, монографиями и Сталинскими премиями. Перед вами любопытная подборка документов, приведенных с сокращениями из собрания РЦХИДНИ (бывшего Центрального партийного архива) о мытарствах исторического сказителя, кандидата в члены Союза писателей Н. Ф. Гарнича. Приводимое письмо адресовано товарищу Сталину. На дворе поздняя осень 1952 года, уже прошел XIX съезд, ВКП(б) переименовали в КПСС. Понятно, что великий кормчий был весьма далек от проблем двенадцатого года. Через А. Н. Поскребышева и Н. А. Михайлова сочинение Гарнича попало на рецензирование военным историкам полковникам П. А. Жилину и Л. Г. Бескровному. Поражает не только изрядный заряд мифотворчества, который чувствуешь при чтении, но и вполне здравая реакция на предложение Гарнича сотворить некое госучреждение «по оценке выпускаемой литературы». Достоверность исторических книг мало заботила власти, а для всего остального существовал Главлит...

Глубокоуважаемый Александр Николаевич!

Я очень прошу Вас меня извинить за непосредственное к Вам обращение.

Я вынужден это сделать, ибо твердо убежден, что если направленное мною письмо на имя Иосифа Виссарионовича попадет лично к Вам, то я обязательно получу тот или иной, во исчерпывающий ответ.

Ввиду того, что я не уверен в том, что мое письмо на имя товарища И. В. Сталина попадет именно к Вам, я прилагаю копию направленного мною уже письма и упоминаемые в нем брошюры и книгу.

Заранее Вам благодарный.

27 ноября 1952 г. (Н. Гарнич)

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

Ваш ответ товарищу Разину побудил меня основательнее продумать содержание полководческого творчества М. И. Кутузова.

Постепенно вникая в события и факты Отечественной войны 1812 года, я написал несколько работ, из которых были напечатаны:

1) статья «Михаил Илларионович Кутузов» в № 5 журнала «Знамя» в 1948 году;

2) брошюра «Бородинское сражение», изданная Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний в 1949 году (издательство «Правда»);

3) брошюра «Отечественная война 1812 года», изданная там же в 1949 году;

4) брошюра «Отечественная война 1812 года», изданная «Госкультпросветиздатом» в 1951 году в помощь лектору;

5) книга «1812 год», изданная в 1952 году Госкультпросветиздатом к 140-летию Бородинского сражения.

Последняя моя работа «1812 год» является попыткой дать новое исследование событий Отечественной войны 1812 года, по сравнению с трудами советских авторов и моими прежними сочинениями.

В частности, я пытаюсь по новому:

а) осветить первый период войны 1812 года;

б) исследовать, созданный М. И. Кутузовым, план войны 1812 года;

в) дать описание хода и результатов Бородинского сражения.

Книга «1812 год» (размер 13,67 печ. листа и 8 схем) была мною написана, по предложению редакционного совета Госкультпросветиздата и появилась в свет в августе 1952 года к 140-летию Бородинского сражения.

Против выхода этой книги возражала заместитель председателя Комитета по делам культурно-просветительных учреждений РСФСР товарищ Г. Е. Витчевская, которая мне заявила, что содержание этой темы не соответствует профилю Госкультпросветиздата.

Выполняя задание редакционного совета издательства, я стремился написать книжку, предназначенную для широкого круга читателей, а не только для военных людей.

Учитывая сопутствовавшие выходу моей книжки «1812 год» возражения и колебания такого ответственного советского работника, как товарищ Г. Е. Витчевская, я как автор особенно хотел бы знать мнение читателей о книге.

Совершенно случайно мне известно, что «1812 год» пригодился некоторым преподавателям гражданской истории в школах и вузах, а также учащимся.

Однако, к величайшему сожалению, появление труда на тему гражданской истории сравнительно редко получает оценку в нашей печати.

Наши газеты и журналы обычно публикуют списки многих вновь вышедших книг, аннотации и рецензии, но почти никогда не упоминают работ в области истории, особенно, неизвестных авторов.

Положение автора работы, о которой нет вообще никакого мнения, никакой оценки, довольно неприятное.

Правильно ли написан труд? В чем недостатки работы? Верно ли автор излагает ход событий и факты, исследует их и делает выводы? Принесла ли какую-нибудь пользу книжка, или выход ее в свет крупная ошибка автора и промах издательства?

Орфография и стиль документов сохранены.— *Ред.*

Все эти вопросы сильно волнуют любого автора, который стремится писать для широких кругов читателей.

Вот почему, когда не получаешь оценки своей работы, не только в виде развернутых рецензий, но даже простого упоминания названия книги в списке вновь вышедших печатных изданий, то невольно переживаешь это обстоятельство.

В связи с этим мне кажется, что было бы правильным специально создать организацию, или возложить на какое-нибудь государственное учреждение обязанность давать оценки всем вышедшим из печати трудам.

Я полагаю, что я не одинок со своими авторскими переживаниями, которые вызваны тем, что автор не услышал ни строгого порицания, ни доброго слова.

Что делать дальше такому вовсе незамеченному автору? Писать еще на эту же тему, продолжая ее изучать и совершенствовать, или самокритически признать, что напечатанная работа никуда не годится и никому не нужна?

Дорогой Иосиф Виссарионович! Помогите тем, кто пытается писать, получить справедливую оценку их ошибок и недочетов, с тем чтобы вниманием к созданному ими труду, морально поддержать для выполнения новых работ.

В нашем народном хозяйстве есть приемщики продукции производства — они прямо называют плохую работу браком.

В литературе, особенно в области истории, дело обстоит иначе. Книга написана и выпущена в свет, а суждения о ее качестве нет.

Я докладываю ВАМ об этом, ибо думаю, что дело не только во мне — одном заинтересованном лице, но и в других авторах.

Приложение: упомянутые в тексте письма брошюры и книга.

Член Коммунистической Партии Советского Союза с мая 1917 года.

П/б № 2210928

Кандидат в члены союза Советских писателей с 1935 года

(Н. Гарнич)

«26» ноября 1952 года

Адрес: г. Москва, ул. Балчуг, д. № 1, бывшая Новомосковская гостиница, комн. № 401, дом. тел. К-4-22-90, Гарнич Николай Федорович.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

о работе Н. Ф. Гарнич «1812 год». Госкультпросветиздат 1952 г., стр. 215

1. Работа Н. Ф. Гарнич вышла в 1952 году после опубликования специальных исследований, посвященных организации и проведению контрнаступления гениальным русским полководцем М. И. Кутузовым (Жилина, Бескровного). Таким образом автор мог опираться на выводы, вышедших в печать монографий. Это облегчило ему решение сложных вопросов, получившим то или иное толкование в указанных работах. Однако это же обстоятельство затруднило ему решение тех проблем, по которым имеется расхождение в опубликованных работах...

2. Работа называется «1812 год». Нужно сказать, что название выбрано не совсем удачное, т. к. оно не отражает в действительности весь вопрос в целом. В книге отсутствуют разделы, на которых автор должен был остановиться в связи с выбранным названием (Борьба России с Турцией и т. д.), а кроме того, имеющиеся разделы освещены крайне неравномерно; так на освещение 1-го этапа войны (до Бородинского сражения) отведено всего 21 страница, а на 2-й этап 147 страниц. Целая треть книги посвящена Бородинскому сражению, что свидетельствует о недоработанности книги. Отсюда впечатление рыхлости и случайности отдельных глав.

3. Остановимся на важнейших проблемах, поставленных в книге.

а) Вопрос о стратегическом плане Кутузова не получил должного разрешения у тов. Гарнич. Если верить ему, то получается, что Кутузов являлся исполнителем плана Александра I, который якобы явился автором идеи окружения Наполеона на Березине. Тов. Гарнич, отказавшись от глубокого анализа I-го периода Отечественной войны и планов Александра в это время не осветил вопроса о том, что в основе замыслов Александра Фуля лежала пресловутая идея действовать двумя армиями, из которых одна должна была «сковывать», а другая «действовать». Эту идею Александр I проводил в начале войны (Дрисский лагерь). Эта же идея выражена им в присланном плане с Чернышевым. Бюловской идее Кутузов противопоставил свою идею концентрического наступления в целях окружения Наполеона всеми силами. Тов. Гарнич не понял этого и изобрел идею окружения Наполеона около Москвы (стр. 175), хотя ни одного документа в доказательство этого не привел.

б) Значение Бородинского сражения освещено тов. Гарничем правильно. Конечно, было бы лучше, если бы тов. Гарнич сказал вначале о наличии двух противоположных концепций у Наполеона и Кутузова. Если Наполеон искал решения судьбы войны в одном генеральном сражении, следствием чего была переоценка роли теоретической победы, то Кутузов искал решение в системе сражений, он подчинял тактику стратегии. Такой отправной момент позволил бы т. Гарничу правильно поставить Бородино в связь с остальным планом Кутузова, который, исходя из своей концепции, действовал в зависимости от обстановки, а не по шаблону. Однако т. Гарнич уклонился от решения вопроса о месте Бородинского сражения в Отечественной войне 1812 г.

в) Хронологические рамки контрнаступления тов. Гарнич осветил в общем верно. Он правильно начинает его с момента удара по Мюрату (Тарутинское сражение) и верно заканчивает его у границ России, на Немане.

г) Совершенно неправильно освещен вопрос о роли народа и армии в Отечественной войне 1812 г. Тов. Гарнич явно недооценивает роль армии и иногда скатывается на позицию определяющей роли стихийности в борьбе с Наполеоном. Это следует из утверждений автора на 5 стр., 47 стр. и т.д. После указаний ред. «Большевика» нельзя было бы давать путаные формулировки.

4. Я не буду разбирать все неточности в каждой отдельной главе. Остановлюсь на главном.

а) Вводная глава и I-я глава центром имеет личность Наполеона. Ему не противопоставлен Кутузов. Автор подробно раскрывает захватнический план Наполеона с 1800 г. (?), в то же время он не освещает политики России. Отсюда неубедительность постановки вопроса о национально-освободительном характере Отечественной войны.

б) «Начало войны» освещено слишком бегло. Действия I-й и 2-й армий освещены недостаточно точно и четко (маневр Багратиона, сражение у Витебска). Автор употребляет термин «операция». От этого термина военные историки уже отказались, так как он сейчас имеет другое содержание, а в то время он обозначал «действие».

в) Автор называет Барклая-де-Толли посредственным полководцем. Это, конечно, неверно, ибо Барклай был одним из выдающихся генералов своего времени. Другое дело, что Кутузов был выше его двумя головами. Принижая Барклая, мы этим принижаем и гениальность Кутузова. Барклай был выше любого из французских маршалов и мог тягаться с Наполеоном, что и доказано было его действиями в 1813 и 1814 гг. Решением правительства (1945 г.) Барклаю должен быть поставлен памятник, как сподвижнику Кутузова.

г) Автор неверно называет Бородинское сражение как встречный бой (стр. 90). Это было активно-оборонительное сражение и спорить здесь нечего.

д) Автор модернизирует историю. Так он утверждает, что Кутузов поднялся выше военного искусства мануфактурного периода войны (стр. 62). Тов. Гарнич приписывает военному искусству Кутузова такие черты, которые присущи машинному периоду войны. Таковы его утверждения о внутреннем и внешнем фронте окружения (стр. 167) и т. д.

ж) Автор приводит свои данные о численности русских войск и их потерях на всех этапах войны, однако не подкрепляет их ссылками на документы. Никто не обязан верить этим данным, если они не доказаны. Плохо то, что его данные расходятся с данными Жилина и Бескровного. Разнобой в цифрах недопустим.

з) Нужно сказать, что автор не считает нужным вообще ссылаться на документы и литературу. Лишь изредка он ссылается на журналы. Так, конечно, делать нельзя. Особенно важно при этом указывать источник, где впервые правильно был разрешен тот или иной вопрос. При этом достоинство автора не умаляется, а, наоборот, увеличивается. Тогда не будут иметь места разговоры о заимствовании автором схемы деления Бородинского сражения на три этапа в Бородинском музее и т. п. (Кожухов).

и) Некоторые схемы, приложенные к работе, явно неверны (план Кутузова) и сбивают читателя с толку.

Общий вывод: 1) Книга т. Гарнич не является исследованием и носит, так сказать, научно-популярный характер.

2) Эта книга носит печать спешки. Отсюда рыхлость ее, неравномерность глав, недоработанность главных положений.

3) Нужно предложить автору доработать книгу, исправить неточности и дать новое издание.

Профессор Бескровный

Москва, б. Ордынка, 47, кв. 5
В-1-35-12

КРАТКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

по книге Н. Ф. Гарнича «1812 год», изданной Госкультпросветиздатом в 1952 году

Необходимость издания серьезной работы об Отечественной войне 1812 года назрела давно. Потребность в такой книге еще более стала очевидной после того, как в нашей печати, и особенно в журнале «Большевик», были подвергнуты справедливой критике ошибки, допускавшиеся многими историками при освещении войны 1812 года.

Правда, в течение последних двух лет о войне 1812 года было опубликовано много журнальных статей и изданы две книги: полковника ЖИЛИНА «Контрнаступление Кутузова в 1812 году» и полковника БЕСКРОВНОГО «Отечественная война 1812 года и контрнаступление Кутузова». В этих работах, руководствуясь известными указаниями И. В. Сталина о роли М. И. Кутузова в войне 1812 года и на основе архивных документов, авторы выдвинули ряд новых положений по войне 1812 года. Однако по своему содержанию эти работы не охватывают весь комплекс событий войны 1812 года, а по характеру изложения они больше предназначены для военных читателей и историков.

Книга Н. Ф. Гарнича «1812 года» является первой книгой, предназначенной для широкого круга читателей. Надо иметь в виду, что тов. Гарнич располагал достаточными материалами (оценки И. В. Сталина, статьи журнала «Большевик», спец. исследования, публикация документов) для того, чтобы научно, не повторяя ошибок, имевших место в ранее вышедших работах, написать хорошую книгу об Отечественной войне 1812 года, которую бы с благодарностью прочли широкие круги советских читателей...

В книге тов. Гарнича имеются серьезные недочеты, значительно снижающие ее ценность. Основными из них, на наш взгляд, являются:

1. Крайне неудачен сам план, построение книги, в результате чего многие важнейшие вопросы войны 1812 года или совершенно упущены, или изложены бессистемно. В книге нет таких необходимых глав, как внешнее и внутреннее положение России перед войной, отсутствует обстоятельный анализ социально-экономических условий, в которых развернулась война. Нет самостоятельной главы о причинах и характере войны 1812 года. А ведь известно, что одним из элементарнейших требований при написании работы о той или иной войне является необходимость вскрытия классовой сущности этой войны, ее причин и характера. Нельзя сказать, что об этом в книге тов. Гарнича ничего не сказано. Сказано, но не четко и бессистемно, в то время как раскрытие причин и характера войны должно явиться одной из важнейших глав книги.

Автору необходимо было периодизировать войну и рассмотреть ее по определенным этапам, отчетливее и обстоятельнее показать разгром наполеоновской армии, выделить в самостоятельную главу — народ в Отечественной войне 1812 года.

2. Критикуя иностранных, досоветских и советских историков, писавших о войне 1812 года и о роли Кутузова в ней, тов. Гарнич не показывает, какую цель преследовали иностранные и официальные русские историки, фальсифицируя события войны 1812 года и полководческую деятельность Кутузова.

Тов. Гарнич в критической части своей книги пересказывает в сжатом и худшем виде то, что уже было сказано в ранее вышедших работах. Причем в его критике иностранных историков много трескотни и мало убедительности. Вместо того, чтобы вскрыть истинную цель этих фальсификаторов и показать их несостоятельность, тов. Гарнич отделывается общими фразами, что «Клаузевиц в бессильной ярости изощряется в клевете... Клаузевиц и вся свора фальсификаторов...» «Бернгарди — матерый фальсификатор, нагло орудует...» и т. д. В книге ничего не сказано о современных англо-американских фальсификаторах войны 1812 года, хотя материалы об этом имеются. Совсем слабо и невнятно сказано об ошибках акад. Тарле и его работах об Отечественной войне 1812 года.

3. Глава книги «Подготовка к войне» слишком перегружена вопросами второстепенного характера (из 25 страниц не более 10 стр. посвящены подготовке) и в силу этого автор не сумел раскрыть картину подготовки к войне в экономическом, дипломатическом и чисто военно-техническом отношениях, не сумел показать Наполеона как коварного и сильного агрессора, который «с успехом практиковал в своей внешней политике и интриги, и обман, и вероломство, и лесть, и зверства, и подкупы, и убийства, и поджоги» (И. Сталин)...

4. В книге тов. Гарнича недооценивается решающее значение русской армии в разгроме наполеоновских войск и слишком переоценивается стихийная борьба русского крестьянства. Во всей книге отчетливо проведена мысль о том, что «Народ, массы простых людей явились той могучей силой, которая истребила полчище иностранных захватчиков, вторгшихся в пределы России» (стр. 5), о том, что «главным героем войны 1812 года является народ, широкие массы крестьян, горожан и солдат» (стр. 209). Выдвигая на первый план в качестве решающей силы борьбу крестьян против наполеоновской армии, тов. Гарнич тем самым принижает роль стратегии Кутузова и активный характер действий русской армии. Эту ошибку допускал и акад. Тарле, на что ему было указано в ответе редакции журнала «Большевик» (№ 19 — 1951 г., стр. 78)...

5. ...Из рассуждений тов. Гарнича получается, что победа под Бородином «имела международное значение..., решающее стратегическое значение для всего хода и исхода Отечественной войны 1812 года» (стр. 124), но что эта победа, в результате которой была уничтожена почти половина наполеоновской армии, не служила подготовкой для перехода русских войск в контрнаступление, что подготовка началась только в Тарутино.

Выдвигаемое тов. Гарнич положение противоречит сталинскому определению сущности контрнаступления и по сути дела извращает указание И. В. Сталина о том, что Кутузов в результате хорошо подготовленного контрнаступления загубил Наполеона и его армию.

...тов. Гарнич не дает анализа, не вскрывает причин, почему русская армия после Бородинской победы вынуждена была отойти и оставить противнику Москву. Тов. Гарнич обходит молчанием и не показывает, что именно царское реакционное правительство не поддержало эту победу русского оружия, не подкрепило армию ни свежими войсками, ни вооружением и боеприпасами и тем самым не дало возможности реализовать эту победу до конца...

8. В книге имеется много фактических ошибок, неряшливых и неграмотных в военном и литературном отношении формулировок. Так, например:

На стр. 6 автор, разоблачая Англию, пишет, что она не помогала России и «даже не прислала обещанного оружия и боеприпасов». В действительности же Англия прислала 50 тыс. ружей и 40 тыс. пудов пороха, но с большим опозданием. Об этом же указывает сам автор на стр. 161.

На стр. 9 отмечается, что «Наполеон считал главным врагом Англию». На 28 стр. автор приводит цитату из материалов отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС к 200-летию рождения М. И. Кутузова, в которой говорится, что «Россия наряду с Англией явилась главным препятствием на пути к созданию мировой империи Наполеона». Автору следовало бы подтвердить это положение и показать, что именно Россия была главным препятствием на пути Наполеона к мировому господству.

На стр. 25 тов. Гарнич пишет, что «Александр и его клика затеяли одновременно еще пять войн: с Турцией, Персией, Англией, Австрией и Швецией». Это исторически неверно: к 1812 году война велась только с Турцией, а остальные войны велись не одновременно, как указывает тов. Гарнич, и «затевала» их не всегда Россия.

На стр. 36, говоря о Барклае-де-Толли, автор указывает: «Ближайшим и естественным (?) сотрудником царя Александра был военный министр Барклай-де-Толли... Барклай доложил царю Александру разработанный им план действий, предлагавший всю пограничную неприятельскую территорию обратить в пустыню»... Это извращение плана Барклая. Барклай не предлагал превращать Варшавское герцогство (т. е. Польшу) в пустыню. Он стоял за то, чтобы предупредить сосредоточение наполеоновских войск на Немане, помешать Наполеону использовать Польшу в качестве плацдарма против России.

Вместо того, чтобы показать почему Барклай-де-Толли как полководец был на две головы ниже Кутузова, тов. Гарнич ограничился далеко не убедительными фразами, называя Барклая клеветником, весьма посредственным полководцем, сварливым и ограниченным лицемером (стр. 48, 49, 60).

На стр. 42 автор пишет: «Всего через Неман переправилось свыше 400 тысяч человек с 1 тысячей орудий». На следующей же странице тов. Гарнич указывает уже совсем другие цифры. «Одновременно в нескольких местах границу перешли двенадцать корпусов французской армии. Общая численность всех вступивших в Россию войск достигала 591500 человек с 1420 орудиями» (стр. 43).

На стр. 50 тов. Гарнич, оценивая состояние русской и наполеоновской армий еще в период боев за Витебск и Смоленск, делает по меньшей мере странный вывод о том, что наполеоновская армия утрачивает наступательную энергию, а «русская армия, реорганизованная на основе опыта наполеоновских войн, заметно укрепляется. Участие в войнах на полях сражений Западной Европы повысило боевую мощь русской армии и способность ее к маневрированию». Получается, что высокие боевые качества русской армии и ее огранизация были основаны на опыте западных армий и прежде всего с учетом наполеоновского военного искусства.

...В книге имеется много непонятных для читателя и неграмотных в военном отношении формулировок (хотя книгу писал и генерал)...

Наличие отмеченных ошибок свидетельствует о том, что автор, взявшись за написание важной исторической темы, подошел к ее решению несерьезно, безответственно, без достаточного знания вопроса, результатом чего и явилась в целом неудачная книга об Отечественной войне 1812 года. Повинно в этом, конечно, и издательство, поспешив выпустить в свет книгу без ее обсуждения и предварительного квалифицированного рецензирования.

П. Жилин

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС тов. МИХАЙЛОВУ Н. А.

Член КПСС Н. Ф. Гарнич сообщает, что наша советская печать не высказывает своего отношения к опубликованным им в Госкультпросветиздате и во Всесоюзном обществе по распространению политических и научных знаний работам по истории Отечественной войны 1812 года и просит организовать их рецензирование, а также вносит предложение создать государственное учреждение, которое должно давать оценку всем вышедшим из печати трудам.

По поручению Отдела экономических и исторических наук ЦК КПСС, лауреат Сталинской премии, кандидат исторических наук т. Жилин и доктор исторических наук т. Бескровный отрецензировали работы Н. Ф. Гарнич и установили, что указанные работы являются популярным изложением истории Отечественной войны 1812 года, в них отсутствует самостоятельная научно-исследовательская разработка вопроса, допущены ошибки в оценке значения русской армии и роли М. И. Кутузова в разгроме наполеоновской армии.

Редколлегия журнала «Вопросы истории» в ближайшем номере поместит рецензию на работы Н. Ф. Гарнич.

Что же касается предложения Н. Ф. Гарнич о создании государственного учреждения по оценке выпускаемой литературы, то считаем его неприемлемым.

Тов. Гарнич об этом сообщено.

В. Степанов
В. Снастин

Публикация **СЕРГЕЯ КУДРЯШОВА**

ЮРИЙ ДАВЫДОВ

КАЗАКИ В ЛОНДОНЕ

Начну не Лондоном, начну Берлином. Вот они, казаки-то, на рысях, на рысях вступают в город. И что же?

— Казаки опустошили столицу Фридриха Великого, разграбили в ней до трехсот домов, не пощадили загородного королевского дворца: изломали дорогую мебель, перебили фарфор и зеркала, изорвали, разнесли в клочки кабинет редкостей. Начальники не отставали от подчиненных.

Это не все. Слушайте:

— Дано было приказание прогнать сквозь строй «газетиров» за то, что эти публицисты слишком обидно и дерзко писали о русских.

Таков первый абзац романа «Мирович». У нас он известен любителям исторической прозы. Данилевский, автор романа, жил в прошлом веке. Странные времена! Никто не обвинил Григория Петровича в русофобии.

Нет у меня ни малейшего желания порочить казачество. Знавал в сталинских лагерях и донцов, и кубанцев, славные были ребята, верные товарищи. Да вот теперь-то услышишь... ну, скажем, про анапских и пригорюнишься. Впрочем, не только про анапских.

Появились казачьи землячества. Возникло движение за возрождение, есть войсковой круг, атаманы, есть кокарды и шашки, есть нагаечки. Однако вопрос, куда громада двинется? К каким светлым горизонтам, ежели злобятся на демократов и инородцев? А розги пускают в ход не фигурально, а буквально. Именно эдак рукодельничают анапские казаки во главе с батькой, хоть тот и врач-невропатолог.

Берлинских публицистов решили прогнать сквозь строй. Царский генерал Чернышев отменил экзекуцию. Советский генерал Макашов не отменил бы. А равно и другой бывший кандидат в президенты, г-н Жириновский. Вот и ёжишься — то-то достанется нам на орехи, ежели такие типажи прикарманят возрождающееся казачество.

Да, натуре робкой впору праздновать труса. А тут еще черт догадал меня недавно мимоходом помянуть недобрым словом казачьего генерала Иловайского, участника войны Двенадцатого года. Сын тихого Дона оказался буен в погорелой Москве, оставленной французами. Не обошел своим самобытным вниманием православные святыни. Говаривал не моргнув глазом: я, мол, такой обет дал, чтобы все ценное отправлять на Дон.

Ну зачем, зачем было писать об этом?! Вот и посвистывает в ушах карающая нагаечка. «Страшно, страшно поневоле...» Но не страха ради иудейска берусь рассказать о лондонском фуроре двух донцов. Потому и охота рассказать, что они не имели решительно никакого сходства ни с Иловайским, ни тем паче с анапским невропатологом.

* * *

«В 1813 году, в марте месяце, при занятии русскими войсками города Гамбурга, был отправлен морем с этим известием в Лондон казак донского казачьего 9-го полка, Нагайской станицы, Александр Земленухин, лет 60-ти старик, с седой большою бородою».

Так писал в своих мемуарах, долго пребывавших в архивном забвении, подполковник Краснокутский.

В марте месяце да морем... Нетрудно вообразить, каково досталось за десять палубных суток станичнику-кавалеристу от весенних штормов. Но вестник очередной победы русского оружия, союзного английскому в кровавом одолении Наполеона, достиг устья Темзы.

С того часа, как он ступил на берег, и до того часа, как он покинул этот берег, Земленухина окружали восторженные толпы: «Ура, казак! Ура!»

Гравированный портрет статного бородача разошелся в сотнях экземпляров. Земленухина знали и лорды, и трубочисты. На каждом шагу его старались чем-нибудь да одарить. Он просил «не обижать подарками». Объяснял:

— Есть у нас старинный обычай: не обязываться чужеземцам, а лучше самим помогать им в нужде. А коли сам в беде, ищи помощи у своих, а за то старайся отплатить вдвойне. Прошу дать знать всем, что мне денег не надо. Спасибо за ласку, будем жить, как братья, и вместе бить общего врага.

Отказ Земленухина приятно удивил островитян. Но когда он и от принца-регента не принял аж тысячу фунтов, удивление сменилось остолбенением. «Ура, казак! Ура!»

Апогея достиг он, демонстрируя на городской площади полевые действия казачьего эскадрона. Подполковник Краснокутский повествует об этом весьма энергично, но, пожалуй, слишком подробно. А если вкратце, то вот, извольте:

— В этот день триста английских всадников ожидали его на большой площади. По сему случаю несколько тысяч любопытных приехало из ближних городов. Толкотня была так велика, что казаку пришлось седлать коня не на улице, а в своей... комнате. Снарядившись, он выехал и сказал английским кавалеристам: «Не учен я наукам, по которым воюют великие генералы. Придерживаюсь нашего обыкновения: хитростью разведывать силу и расположение неприятеля; изнурять его денно-нощно, нападая с тылу, с фланга, а то и в лоб. Главное — натиск, быстрота, чтоб ни минутного промедления. Атаковать лавой, дугой, охватом. И врассыпь, чтоб людей беречь, дабы и частые, плотные ружейные выстрелы давали промашку». Потом Земленухин велел выслать лазутчиков. Когда они доложили, где неприятель, он сказал: «Прежде, ребята, помолимся» — скинул шапку, трижды осенился крестным знамением. Надев шапку, крикнул: «На конь, ребята, без торопливости! Вперед!» — и пустил лошадь рысью, а за ним и английские кавалеристы... На скаку крикнул: «Ура, наша взяла!» — и осадив коня, поздравил всех с победой. Провожали Земленухина как громом: «Виват, Донское войско!»

Имитацией театра военных действий завершилось пребывание станичника в столице заморского королевства. Нет, забыл, надо еще вот о чем... Земленухина, оказывается, приглашали насовсем остаться

в Англии. Обещали дать землю, и, думается, парламент не отказал бы. Говорили, что и жену такой молодец сыщет без труда. Земленухин отказался еще прытче, чем от денег. Нет и нет! Помирать надо, люди добрые, там, где кости свои положили деды-прадеды, а старуху свою бросить совесть не велит.

Не пожелав страдать ностальгией, казак 9-го полка, уроженец Нагайской станицы, взошел на борт фрегата, обещая провожающим передать привет своему атаману, графу Матвею Ивановичу Платову.

* * *

Матвей Иванович, слушая рапорт Земленухина, курил корешковую трубку и потчевал цимлянским.

Сколь бы стремительны ни были передислокации, а дорожный погребец не оставался в арьергарде, не отставал от Платова. Его сиятельство нередко угощал друга-приятеля, прозванного русскими: «Форвертс», ибо приказ: «Вперед!» чаще всего срывался с губ фельдмаршала Блюхера. Цимлянское, конечно, некрепкое, но берет количеством. Блюхера, случалось, уносили на руках адъютанты. Платов задумчиво покачивал головой:

— Люблю Блюхера, славный, приятный человек, одно в нем плохо: не выдерживает.

В том, что казак Земленухин выдержит, Матвей Иванович не сомневался.

* * *

Весной следующего, 1814 года, был сыгран последний акт войны.

Наполеон простился со старой гвардией. Париж капитулировал. Войска встали биваками. Казаки варили кашу на Елисейских полях. Походная униформа сменилась парадной. Батальонные марши — дипломатическими демаршами. Все блестело, все блистали. Победа!

После побед начинается, как известно, мирное обустройство. Не умея обустроить Россию, обустраивают Европу. Писатель Лесков называл это «междоусобными разговорами». Такие разговоры ведутся на высоком уровне. Тон задается — на высочайшем. Император русский отправился по ту сторону Ламанша об руку с королем прусским.

Газета «Таймс» возвестила: «Эти два великих государя вступили на британский берег в Дувре, в понедельник, в половине седьмого часа пополудни. Пушки военных кораблей выпалили салют в ту минуту, когда государи сошли с корабля, и повторили то же, когда они вступили на берег, причем им отвечал полный залп береговых батарей и радостные восклицания тысяч британского народа, раздиравшие воздух. Вид был великолепен: матросы, все одетые в новые голубые куртки и белые штаны, стоя на реях, присоединили свои громкие искренние приветствия к рукоплесканиям толпы».

Увы, нам придется огорчить «патриотов» суровой правдой истории. К сожалению, самодержца всероссийского сопровождали не только великороссы. Был явный «перебор» шотландцев: фельдмаршал Барклай де Толли и баронет Виллие. И поляков. Аж два Адама — князь Чарторижский и граф Ожаровский. Это бы еще куда ни шло, а то ведь и Карл Нессельроде, полуеврей. Можно бы назвать и другие не очень-то благозвучные имена, но и Карлы довольно, чтобы разъярить заединщиков по кличке «памятники». Сдается, самые рьяные из них, еще не учтенные зоологами, измордовали бы атамана Платова. За что, спросите? А за то, что не гнушался полукровки. (Кстати сказать, не возьму в толк, отчего щадят Шолохова. Он же чего себе напозволял? В жилах Григория Мелехова течет басурманство!) Так вот, в свите Александра Первого был и граф Платов.

Еще юношей командовал он казачьим полком — времена Очакова и покоренья Крыма. (Это уж под пером совисториков — «присоединение», а так-то, попросту, как на самом деле было,— покорение.) С тех времен служил да служил, дослужился в боях до генерал-от-кавалерии, до атамана Войска Донского. Теперь в громах британского салюта слышался басистый отзвук его, Платова, отмщений Наполеону за нашествие на Россию. Смоленск отбил, маршала Нея побил, Данциг осадой обложил, под Лейпцигом пленил пятнадцать тысяч.

Взгляните на портреты жрецов Марса. Величие, голубеющее, как сталь. Беспощадность, багровеющая, как пожарище. Печать мысли, холодной, как выкладки генерального штаба. А поищите-ка доброту, днем с огнем поищите... Тем неожиданнее два-три штриха в дневнике, изданном некогда в Германии.

Графиня Фосс, придворная дама, повидала на своем веку фалангу эполетных немцев, австрийцев, русских. Знавала и Платова. Писала: «Он необыкновенно высокий, смуглый, черноволосый человек с бесконечно добрым выражением лица, весьма обаятельный и любезный. Платов вполне достоин уважения, как и все порядочные русские люди».

Другое дело официальные отчеты. Там Платов в числе «сопровождающих лиц», а то и вовсе безымянный. На моем столе выдержки из «Таймс» и других лондонских газет. Читаю:

— Союзные государи отправились на скачки в Аскот в сопровождении фельдмаршала Блюхера, генерала Платова и многочисленной свиты. Они ехали по Фулгамской дороге. Император был в простом коричневом сюртуке. Король в синем пальто. В Аскот прибыли около часа. Потом приехали королева английская и принцессы, вслед за тем принц-регент со свитой.

— На другой день поехали на празднество в дом Берлингтона. Ужин начался в два часа ночи, на нем присутствовало две тысячи пятьсот персон. Император, первым встав из-за стола, подал пример и танцевал до восхода солнца.

Сообщали газеты и об экскурсиях: арсеналы, доки, фабрики, музеи. По слову Лескова, хозяева демонстрировали «разные удивления», Платов вил усы кольцами, бурчал: «И у нас дома свое не хуже есть», на что государь отвечал вполголоса: «Не порть мне политику».

Политикой заняты люди политичные. А Платов, как лозу шашкой, подсекал побеги низкопоклонства. Англичане, замечает Лесков, объезжали атамана на кривой. «Особенно в больших собраниях, где Платов не мог вполне по-французски говорить; но он этим и мало интересовался, потому что был человек женатый и все французские разговоры считал за пустяки, которые не стоят воображения».

И верно, воображение женатого человека было занято другим. Лескову, наверное, не попалась на глаза «Старая записная книжка» Петра Вяземского, изданная в 1883 году. Жаль. В лесковском Сказе о Левше, вероятно, прибавилась бы колоритная страница.

«Говорили,— писал Вяземский,— что Платов вывез из Лондона молодую англичанку в качестве компаньонки. Кто-то — помнится, Денис Давыдов,— выразил удивление, что он, не зная по-английски, сделал подобный выбор. «Я скажу тебе, братец,— отвечал Платов,— это совсем не для хфизики, а больше для морали. Она добрейшая душа и девка благонравная; а к тому же такая белая и дородная, что ни дать ни взять ярославская баба».

Не спешите укорять Матвея Ивановича примером земляка-станичника. Да, Земленухин остался верен своей законной старухе. Но Матвей Иванович не супругу привез, нет, компаньонку, и, значит, из закона не вышел. А главное, не «чужестранностью» пленился, а сходством с русской.

Платов умер четыре года спустя, не дожив до семидесяти. Я не стал доискиваться, что сталось с белотелой дочерью Альбиона. А, пожалуй, мог бы спровоцировать ходовой нынче товарец по части клубнички. Зависть берет, глядя на повсеместный триумф книженции про любовников Екатерины Второй. Но где ж платовской «ярославской бабе» конкурировать с неутомимой немкой, матерью нашего отечества?

Появилась у атамана и другая «подруга». Не благонравная и не дородная, но о ней минутой позже, а сейчас в контекст его лондонской жизни втиснем очередную цитату из «Таймс».

— Вчера утром император инкогнито вышел из отеля и несколько времени разговаривал на улице с графом Ярмутом, прежде чем народ узнал его. Потом со своим адъютантом и прочими отправился в Гайд-парк. Император был в красном английском мундире, на шляпе большой султан из перьев.

Прошу заметить, шляпа-то с перьями, а народ не сразу узнавал Александра Павловича. Оно и понятно: августейших понахало сверх комплекта, пойди-ка разберись, кто есть кто. Пожелай Платов остаться инкогнито, потерпел бы фиаско. Его узнавали тотчас, с первого взгляда. И это тоже понятно, он был, так сказать, в единственном экземпляре, ни с кем не спутаешь.

Спрашивается, почему же имя его столь редко встречаешь в выписках из «Таймс» и других газет? Вся штука в том, что выписки сделаны в свое время товарищем обер-прокурора святейшего Синода графом Толстым. Юрий Васильевич сосредоточился на особах голубой крови. Это не упрек, а всего лишь констатация. Надо ему и спасибо сказать. Он много занимался в Лондонском королевском архиве. Его перу принадлежит десяток исследований англо-русских связей XVI—XVII столетий. Он и в Девятнадцатое заглянул — опубликовал «Записки сэра Роберта Вильсона».

В грозу Двенадцатого года сэр Роберт состоял при главной квартире Кутузова, а прежде служил в русской армии, живал и в Петербурге. Не сочтите натяжкой предположение о лондонской встрече генерала Вильсона с генералом Платовым, было о чем вспомнить.



Было-то было, если только выдался часок, другой. У Матвея Ивановича скулы сводило — рауты и парады, обеды и ужины, этикетные визиты. Цимлянского, хоть убей, не поднесут. О водке-кизлярке и не мечтай. Сей кавказский продукт, замечает классик родной литературы, атаман любил «дерябнуть».

Протокольно скучая и маясь, Матвей Иванович не оставался равнодушным к почестям. Он посмеивался над жаждой наград, но от наград не шарахался.

На мой взгляд, самым почетным было присвоение его имени кораблю, спущенному со стапелей. Британская корабельщина, как признавали сами англичане, отличалась «военно-морским шовинизмом». И вот, пожалуйста, сочла за честь внести имя донского казака в адмиралтейские списки своего флота. Высший знак признания. Повторяю, это на мой взгляд, весьма субъективный.

А Матвею Ивановичу, может, больше пришлась по сердцу и, скажем так, по руке, другая награда. Та, о которой мельком упоминалось в связи с младой компаньонкой.

Эта была в алмазном венце, с гербом Соединенного королевства и вензельным портретом своего нового владельца. Саблю преподнесли Платову от имени города Лондона. Ее сталь, изукрашенная надписями, казалось, пела гимны блистательному военному дарованию графа Платова, который с неколебимым мужеством сражался за мир, тишину и благоденствие Европы. На ее ножнах были оттиснуты золотом боевые эпизоды из походной судьбины Матвея Ивановича. Почетное оружие сопровождало лестное послание герцога Веллингтона, героя Ватерлоо.

* * *

Лет десять тому «Известия» сообщили:

— После смерти Платова эта сабля некоторое время находилась у его потомков, потом была передана в музей истории донского казачества в Новочеркасске. В 1920 году она вместе со многими другими ценностями была вывезена за границу и оказалась в Чехословакии. В годы фашистской оккупации сотрудники Пражского Национального музея сохранили ценности, вывезенные из Новочеркасска. В числе переданных советским офицерам экспонатов, похищенных белогвардейцами, была и сабля Платова. Сейчас она вновь находится в экспозиции Новочеркасского музея истории донского казачества.

Информация эпохи застоя требует примечания эпохи гласности.

Как ни относись к упомянутым белым офицерам, а «похитителями» не сочтешь. Похитители не отдают драгоценности в музей. Похитители — это те, кто, распевая «Вышли мы все из народа», крал драгоценности московского государственного хранилища. И привет, с концами, поминай, как звали.

Такая же участь, неровен час, постигла бы и алмазный венец, сработанный старинными мастерами-ювелирами. Возможен и вариант. Помнится, поднесли золотое оружие генсеку тов. Брежневу Л. И. То-то был бы хорош с платовской саблей на боку. Угодливость лакеев не есть догадливость. Видать, никто из политбюро не заглянул в Новочеркасский музей.

Напоследок вот еще что.

В восемьсот пятьдесят третьем году, к столетию со дня рождения знаменитого земляка, в Новочеркасске, им же основанном, воздвигли памятник атаману Платову. Десятилетия спустя Матвея Ивановича сменил на постаменте Владимир Ильич, основатель и партии, и государства нового типа.

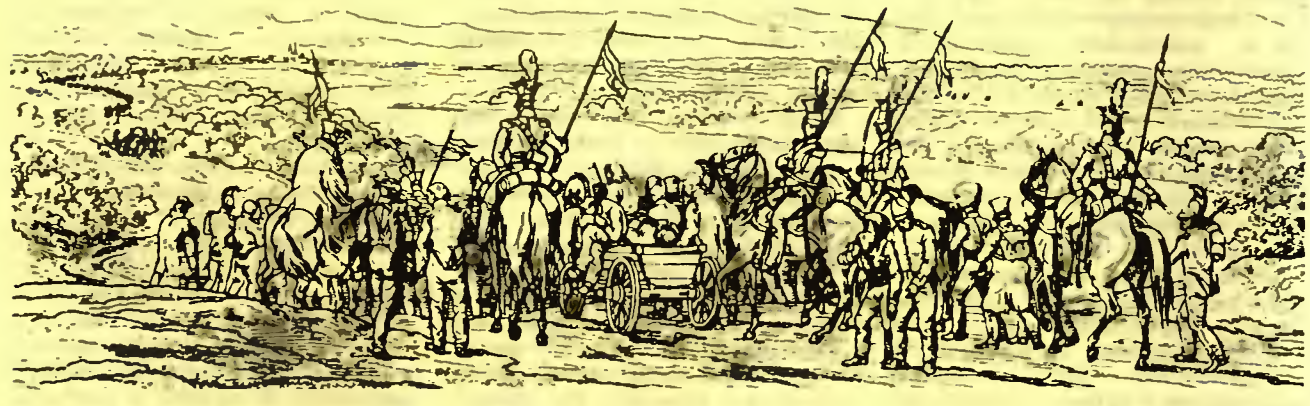
Слыхал, будто начался сбор на восстановление памятника Платову. Расчетный счет открыт в банке на... м-да, в банке на улице Ленина. А что ж прикажете делать с образцом монументальной пропаганды? Будь моя воля, перенес бы на другое место. В назиданье внукам: не сотвори себе кумира.

ПРАВДА ЛИ, ЧТО ПОБЕДА В ВОЙНЕ 1812 ГОДА СТОИЛА РОССИИ ДВУХ МИЛЛИОНОВ ЖИЗНЕЙ?

О русских силах из исторических трудов известно лишь точное число воинов, сосредоточенных к началу войны на западных границах — 220—230 тысяч человек. Что же касается потерь, то дореволюционный историк М. И. Богданович в 1860 году опубликовал в примечаниях к своему труду результаты подсчета — 250 тысяч человек.

Кутузов намеренно не выполнял требование царя подавать строевые рапорты каждые две недели. Вместо этого он в течение полутора месяцев не собирал сведений о составе войск, преследовавших Наполеона, дабы не «ужаснуть» никого их малочисленностью.

Впрочем, изменение численности и потери армии в целом можно попытаться проследить по рапортам частей, сопоставляя данные документов разного уровня. Как показали подсчеты, непосредственно в боевых действиях приняли участие примерно 480 тысяч строевых военнослужащих регулярной армии, казачьих войск и ополчений. К началу же 1813 года в составе действующей армии, гарнизонах крепостей и в войсках, оставленных для охраны тыла и отдыха, насчитывалось уже около 150 тысяч человек. За вычетом Московского и Смоленского ополчений (их потери невозможно отделить от командировок в тыловые губернии), русская армия лишилась примерно 300 тысяч воинов. Причем, боевые потери составили около 130 тысяч, остальные же 170 тысяч человек выбыли во время переходов на огромные расстояния по плохим дорогам, из-за недостатка продовольствия, воды, фуража, теплого обмундирования, болезней, то и дело принимавших характер эпидемий.



ИЗ ВЕДОМОСТИ

о числе сожженных и закопанных в ямы человеческих трупов и лошадей (Смоленская губерния) с 6 ноября 1812 г. по 20 апреля 1813 г.*

В городах	Сожжено		Закопано в ямы	
	чел. трупов	скота	чел. трупов	скота
Смоленске	14745	8000	16421	6585
Красном	739	6969	3504	
Итого в городах	27702	27752	32637	29540
В уездах Смоленском Красненском	8000	1878	21310 35000	14530 14500
Итого в уездах	34284	22550	74551	52362
Всего	61986	50302	107188	81902

Подлинную подписал (Смоленский) губернатор барон АШ
Публикацию подготовил С. ШВЕДОВ

ЦГВИА. ВУА. Д. 3465. Л. 11, 460.

* По данным русских и французских источников, боевые потери (убитые и раненые) обеих сторон в период отступления французов через Смоленскую губернию 17 октября — 10 ноября 1812 г. (все погибшие летом были убраны по приказу оккупационных властей тогда же) не превышали 20 тыс. чел.

ГАРИЙ НЕМЧЕНКО

ВОЗРОЖДЕНИЕ ХРАМА

С уфимским студентом Рустемом Искужиным меня свел мой старый знакомый — осетинский кинорежиссер Герман Гудиев, с которым мы встретились осенью прошлого года на Большом круге Союза казаков в Ставрополе: Герман приехал из Владикавказа снимать «казачий» документальный фильм. Осетины издавна входили в казачьи войска, вписали в их историю не одну славную страницу... Обо всем об этом мы уже не раз вели с Германом дружеские беседы во Владикавказе, но вот он попал сюда, на «всероссийский съезд», как говорится, и его сразу же затянул водоворот неожиданных открытий: «Я раньше этим специально не занимался... Оказывается, кроме православных, в казачество входили представители еще двух конфессий — мусульмане и буддисты... С башкирским атаманом уже успел познакомиться?.. Нет?.. Ну, не все ж тебе меня с кем-то знакомить — пойдем, и я доброе дело сделаю».

И вот «мастер» Гудиев сделал еле заметный знак своему оператору Георгию Гаврилову, ставропольцу: будь готов, мол, не упусти момент...

Почему об этом говорю — да потому что знаю, видел не раз, скольких достаточно серьезных, самобытных людей кинокамера лишала спокойствия и естественности... Как радостно было видеть, что Рустему съемка только прибавила достоинства. Потом-то, когда узнал его чуть больше, думал: может быть, и здесь то же самое — обостренное понимание того, что ты — не сам по себе, что за тобою — твой народ, его история...

— А вы не знаете этот случай? — тут же взялся рассказывать.— О том, как башкиры после московского пожара, после разорения Москвы французами внесли потом вклад на восстановление Донского монастыря?.. Мусульмане, да, отстояли службу в православном храме... Передают, что у русских батюшек были слезы на глазах, потому что все наши плакали...

— И где-то все это есть... где можно прочитать? — спросил я.

— Только что у нас появился свой казачий посол в Москве — Михаил Салимов, слушатель военной академии, майор, — сказал Рустем.— Попрошу его — он вам книжку передаст.

Так появилась у меня эта небольшая книжица, изданная в Уфе в 1964 году тиражом всего три тысячи экземпляров: «Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года». Автор — А. Н. Усманов.

Московская суета не сразу позволила заняться чтением, все его откладывал. Но стоило открыть эту маленькую книжку... Какой сгусток поистине братского тепла согревал меня после не один раз — в это безжалостно-холодное время... Так бывало всегда: общая опасность заставляла сплотиться. Может, это нам еще предстоит?

Вот «Указ, объявленный Главнокомандующему в С.-Петербурге управляющим военным министерством о сформировании башкирских казачьих полков» от 1812 года августа 8.

А вот и то, с чего начался в Ставрополе наш разговор с нынешним башкирским атаманом Рустемом Искужиным: *«1813 г. сентября 8. Пожертвование 1000 руб. денег конниками 1-го Башкирского полка на восстановление исторического памятника в Москве — Донского монастыря, разрушенного французами».*

Перевод с башкирского языка письма к графу Матвею Ивановичу Платову от 1-го Башкирского полка старшины Кутлугельдея Темировича.

«Ваше сиятельство, милостивый государь, граф Матвей Иванович!

Уже с давних времен под скипетром августейших российских монархов с любезными своими семействами блаженствуем. Когда вздумали хищные французы напасть на Отечество наше, по воле всемилостивейшего нашего государя призваны и мы на помощь для обороны нашей границы под начальство вашего сиятельства. При всем нашем рвении не могли унять сих святотатцев, допустили до Москвы, где ограблены древние чудотворные храмы божии, в чем считаем себя не менее виновными, что не укротили сволочь нечестивую и позволили ограбить святыню. Само провидение наказало извергов за их безчестный и безбожный поступок против святой церкви.

А нынче услышали мы, что герои русские намерены возобновить благолепие Донского монастыря в Москве. Благоволите, ваше сиятельство, и нам удостоиться, по возможности наших сил, участвовать в сем богоугодном деле. Мы прилагаем тысячу рублей ассигнациями к определенным даяниям в сие святилище. Хотя мы считаемся иноверцами, но Бог у всех народов один!.. Удостоя принять нашу просьбу, по гроб обяжете всех нас».

Не знаю: может быть, это я так устроен?.. Не только не во всех — не во многих это было изначально заложено и поддержано сперва родной мамой в маленькой станице, как у меня, а потом и всей большой матерью-родиной... Тогда за что мне такое счастье — ощущать непреходящую ценность нашего российского братства?.. И за что такое несчастье Отечеству: то, что не ощущают его нынче многие-многие другие?

Примерно в эти дни, когда нет-нет да и перечитывал я небольшую книжицу А. Усманова, случился пожар в Донском монастыре — серьезно пострадал от огня Малый Донской храм. Настроенный книжкою об Отечественной войне 1812 года на «башкирскую» волну, тут же вспомнил о братском даре: были времена!.. Неужели прошли навсегда?

...Все-таки я писатель. Сочинитель, как встарь говаривали. Потому-то мелькала иногда полуфантастическая, а может, больше на сказку похожая мысль: а что, если они там тоже помнят?.. Ведь слышали же башкирские казаки о пожаре в Донском! Неужели при

этом не кольнуло сердце, неужели оно не отозвалось — если не болью, то недоумением: что произошло?..

И вдруг из Уфы позвонил Рустем Искужин, довольно буднично начал:

— Мы пробуем собрать деньги...

Он еще не сказал, что за деньги, зачем, как я вдруг понял все:

— На ремонт храма в Донском?!

— Мы сразу, как услышали, решили: надо помочь... Другое дело, что никак не станем на ноги в смысле экономики. Понятно, что казаки никогда не были слишком богатыми, но пока тут такая бедность, что и говорить-то стыдно. Хотели собрать побольше, но...

— Да не в этом же в конце концов дело! — остановил я его.

— Вот и мы так решили! — сказал он все-таки с облегчением.— Внести пока то, что можем, наличными, а потом возьмем в Донском монастыре номер их счета — перечислением будет легче, ведь так?

...Как в жизни у каждого, в моей тоже было достаточно и радостных совпадений, и очень горьких. Но в молодости — тем более что прошла она в Сибири, да еще на большой, на ударной, как тогда говорили, стройке — я так и полагал: случайность, мол. Трагическая... Но — случайность.

И только нынче, когда в дополнение к тому, что называем жизненным опытом, наконец-то стал давать знать о себе иной опыт — духовный, сделалось ясно, что всякое событие в твоей жизни — это знак: размышляй! Сопоставляй. И, конечно, сверяй. С тем самым в тебе, что кто-то все еще зовет просто совестью либо нравственным законом, как у философов, например, а кто-то — все чаще и все настойчивей — заповедью Божией: почему же в конце-то концов не должны мы обратить взор свой к Небу — только тогда ведь и изменится зрелище, что ежечасно видим у себя под ногами.

В середине января в Колонном зале бывшего Дома союзов должен был начаться большой казачий праздник, и вечер решили провести возможно ближе к старым традициям... Речь зашла об иконе, и тут вдруг выяснилось, что один добрый человек давно уже заказал хорошему мастеру копию образа Донской Божией Матери и теперь искал средства готовую работу выкупить. Предприниматели из среды казачества постановили безоговорочно: помочь! Но перед тем как вынести икону на праздник, ее надо освятить, а где же и сделать это, как не в Донском монастыре?

К утру шестнадцатого января в Москве собрались уже все, кто должен был участвовать в концерте вечером: астраханцы, кубанцы, терцы, сибирские казаки и донские, а также издавна приписанные к донцам калмыки — не было лишь башкир... Неужели прибудут к самому вечеру?

Признаться, было чуточку грустно: разве не радость, если бы в храм мы с башкирами пришли заодно?

Из-за пробок на московских улицах сам я к назначенному часу в то утро запаздывал, потому с ожидавшими около Донского монастыря поздоровался торопливо и был не очень внимателен: столько знакомых лиц сразу... Пожал руку одному из старых, как показалось, знакомых и тут же повернулся к другому, но этот, в бараньем полушубке и в зеленой армейской фуражке, негромко сказал:

— Мы только что с самолета — хорошо, что успели...

И я, что называется, ахнул:

— Рустем?!. Не узнал тебя... богатым будешь!

— И тогда мы внесем на пострадавший от огня храм гораздо больше, поверьте! — неожиданно и твердо сказал он.

И такая хорошая улыбка была на лице студента из Уфы — молодого атамана башкирских казаков.

А после того, как в Михаило-Архангельском храме Донского монастыря один из старейших священников, отец Даниил, отслужил торжественный молебен по случаю освящения московским землячеством казаков иконы Донской Божией Матери, к нему подошли двое молодых людей:

— Мы мусульмане, отец Даниил! — сказал один их них, Рустем Искужин.— Но когда два месяца назад в одной из церквей вашего монастыря случился пожар, решили, что должны помочь... Как и наши предки сто восемьдесят лет назад.

И помолодел голос восьмидесятилетнего православного священника, когда он благодарил молодых башкир за братский дар, и светом радости зажглись глаза его, когда, воздев руку с большим серебряным крестом и осеняя крестным знамением, призывал на них, мусульман, благословение Божие...

...Все больше думаю и верю, что есть вечное объемлющее нашу мать-планету энерго-информационное поле, в котором жива память обо всем, что случилось когда-либо на земле. Может быть, настолько жива, что молодые башкиры, чистосердечно и самоотверженно решившие поддержать Россию в горький и трудный для нее час, удостоились зоркого взгляда многих и многих своих славных предков, кому сто восемьдесят лет назад графом Платовым была оказана честь первыми войти в поверженный Россией Париж... Как знать: может быть, настолько жива, что при благословении башкир в Михаило-Архангельском храме, которых первыми по-братски обняли потом молодые казаки 4-го Донского графа Платова полка, незримо присутствовали и мученик Патриарх Тихон, чьи останки покоятся в Донском монастыре, и многие другие великие сыны Великой России.

Ни у одного из народов не было в истории торной дороги, и многие, кто потом искренне назвался братьями, тоже сходились на узкой тропинке: всякого хватает — в судьбе у всех. Но в дни разлада и смуты с надеждой вспоминается то, что всегда помогало нашим народам выстоять в любой борьбе: единство.

Радуемся виду каждого из мощных деревьев, величаво стоящих рядом... Но если бы мы почаще задумывались над тем, как под землею друг с дружкой переплетены питающие их корни!

Вернемся еще на один миг в историю Отечественной войны 1812 года. На этот раз не в сгоревшую Москву — в поверженный Париж... Вот как описывает его в книге «Александр I» швейцарский писатель Анри Валлоттон, известный дипломат и политик: *«Улица Сент-Оноре выглядела совсем необычно: по ней одновременно прогуливались немцы, русские и азиаты, прибывшие от Великой Китайской стены, с берегов Каспийского или Черного морей. Это были казаки в одежде из овчины, с длинными пиками, рыжими бородами и перекинутыми через шею маленькими хлыстами, называемыми кнут; калмыки и другие татарские племена, с плоскими носами, маленькими глазами и бурым цветом лица; башкиры и тунгусы из Сибири, вооруженные луками и стрелами; черкесские вожди, рожденные у подножия Кавказа, с головы до ног в блестящих стальных кольчугах и в остроконечных шлемах...»*

Подумать: прогуливались бы черкесы по Парижу, если бы не Россия?





Передача атаманом Башкирского казачества Р. Искужиным денег на восстановление сгоревшего храма Донского монастыря. Фото В. Яцини.

Но как посмотреть: а была бы в Париже Россия, если бы не черкесы да все остальные ее непокорные, но в горькую минуту верные дети?..

Поразмышляем-ка все, вчера еще считавшие себя братьями — может, этот незамеченный поступок башкир ясно обозначил поворотный пункт давно происходящего в глубинах народного сознания переосмысления наших «перестроечных» достижений?.. В трудные дни разлада, когда нам без устали навязывают идеи о вековечном нашем рабстве, вспомним о прошлом нашем достоинстве и неразделимом братстве — да помогут они каждому из нас и всем вместе сохранить мир в многонациональном российском доме, на тысячелетние устои которого еще обопрется усталое человечество, опустошающее душу свою в погоне за земными богатствами.

...Совсем недавно получил письмо от сотника башкирских казаков Камиля Рахимова. Вот небольшой отрывок из него: *«В воскресный день сижу у себя в общежитии и пишу Вам. Жизнь бурлит, учеба тоже вроде движется, казацкие дела вовсю идут. Особенно в предуральских степях, т. е. на моей родине, откуда я сам. На днях в моем родном городе Сибае создано казачье общество, куда вошло более двухсот человек. А что, пускай вступают! Слава Аллаху, коней в наших степях пока предостаточно.*

Я тут задумал летом организовать конный пробег из Башкирии до Бородина, посвященный 180-летию Бородинской битвы. Сейчас пока ищу единомышленников. Не знаю, что получится из этой затеи, но постараюсь все-таки... Надо доказать, что мы еще достойны своих предков, которые на конях проскакали через всю Европу. Думаю, что в августе мы оседлаем наших низкорослых выносливых лошадок и рванем на Москву, дорогой предков, которые когда-то мчались на помощь «бачке-государю».

Нет нынче «бачки-государя»...

И совсем плохо с нынешними «отцами народа»: тот беспробудно самолюбив, другой бестолков, третий просто убог.

Но есть другой «бачка». Другой Отец.

Давно готовый помочь нам всем, коли будем готовы эту Его помощь принять...

Он все ждет знака. Знак этот — пробуждение исторической памяти.

БОРИС АБАЛИХИН,
доктор исторических наук,
профессор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации

О ВРЕДЕ ЧТЕНИЯ ШКОЛЬНЫХ И ИНСТИТУТСКИХ УЧЕБНИКОВ



Своеобразным аккумулятором просчетов советских историков стали учебники — вузовские и школьный. Главы об Отечественной войне 1812 года переиздавались в них без всяких изменений много раз [1]. Не пора ли разобраться, какую историю 1812 года постигает молодое поколение?

Во всех без исключения учебниках идеализируется внешняя политика царской России начала XIX века. В советской историографии такая тенденция появилась после выхода в свет статьи Сталина по поводу работы Энгельса «Внешняя политика русского царизма» (1890). Сталин порицал Энгельса за односторонность: соратник Маркса якобы не учел, что *«завоевательная политика со всеми ее мерзостями и грязью вовсе не составляла монополию русских царей»*, будучи присущей *«не в меньшей, если не в большей степени королям и дипломатам всех стран Европы»* [2].

Эта концепция бережно сохраняется в учебниках. Подробно освещая захватническую политику Наполеона, авторы ни словом не обмолвились об агрессивных планах и действиях царского правительства: оно намеревалось задушить буржуазную революцию во Франции, захватить Константинополь и Польшу, разделить Германию, создать «Славянскую империю» под эгидой царизма на Балканах, а также аннексировало Финляндию и ряд других территорий. По многим вопросам интересы царизма сталкивались с интересами Наполеона. По существу, между феодальной Россией и буржуазной Францией шла борьба за гегемонию в Европе.

Территориальные захваты русского самодержавия в полном соответствии с указаниями «отца народов» и сегодня представлены как «добровольное» и «прогрессивное» присоединение «новых земель» к России. Вот как профессор Н. С. Киняпина живописует аннексию Финляндии: *«Вхождение в состав России создало более благоприятные условия для мирной жизни, формирования финской нации, развития экономики и культуры, передовой общественной мысли и революционного движения финских трудящихся в борьбе против самодержавия».*

В учебниках настойчиво проводится мысль о том, что наполеоновская армия имела богатый боевой опыт, что Франция, как полагает, например, И. А. Федосов, *«по своему экономическому развитию являлась одной из самых передовых стран Европы. Она уступала лишь Англии».*

Неверно определяется и военно-экономический потенциал сторон.

Вконец отсталая Расея

Между тем в силу различных причин (затянувшаяся буржуазная революция, участие в континентальной блокаде Англии, непрерывные войны) производительные силы Франции развивались медленно. По производству важнейших видов военной продукции Россия превосходила ее. *Так, русская промышленность производила в год 163 тыс. т чугуна, 176 тыс. ружей, а французская, соответственно,— 99 тыс. т и 120 тыс. единиц. Русская армия располагала значительно большими, чем французская, запасами пороха, артиллерийских снарядов, ружейных и пистолетных патронов, провианта и фуража.* Военный министр М. Б. Барклай де Толли был прав, когда писал, что *«Россия была в совершенной готовности противостоять алчным намерениям Наполеона».* В этом и заключалась одна из главных причин победы феодальной России над буржуазной Францией.

Гнусный расчленитель Н. Бонапарт

В. А. Федоров и И. А. Федосов приписывают Наполеону мифический план расчленения России *«путем отторжения от нее жизненно важных территорий»* и передачи их Пруссии, герцогству Варшавскому и Австрии. У французского императора не было, да и не могло быть подобного плана. Во-первых, зачем ему, преследовавшему цель создать мировую империю с центром в Париже, нужно было усиливать своих временных союзников? Напротив, Наполеон всячески стремился ослабить их, о чем, кстати, говорится в учебниках. Во-вторых, ни в 30-томной «Correspondance de Napoleon 1-er», изданной в Париже в середине прошлого столетия, ни в каких-либо других сборниках нет ни одного документа, в котором было бы зафиксировано намерение французского императора «одарить» своих вассалов землями России.

Стратегия — коварная наука

Крайне неудовлетворительно отражены в учебной литературе военно-стратегические планы сторон. И. А. Федосов о них вообще ничего не пишет. В вузовских учебниках утверждается, что Россия готовилась к войне по плану бездарного прусского генерала К. Фуля. *В действительности подготовка велась по плану М. Б. Барклая де Толли, который предусматривал не только оборонительные, но и наступательные действия.* В конце октября 1811 года Александр I отдал «высочайшее повеление» войскам готовиться к походу. Вторжение в Польшу не состоялось лишь потому, что Пруссия, ранее согласившаяся поддержать Россию, в последний момент отказалась. Можно лишь догадываться, почему авторы опустили этот важный факт: он явно не вписывается в их концепцию о миролюбивой политике, которую якобы вела Россия накануне 1812 года.

Одним ударом

Характеризуя наполеоновский план вторжения в Россию, авторы допускают две распространенные ошибки. Во-первых, приписывают французскому полководцу намерение *«окружить и одним мощным ударом уничтожить русские войска сразу же в пограничном генеральном сражении»* (И. А. Федосов). Спрашивается: как же Наполеон мог разгромить «одним мощным ударом» три русские армии, отстоящие друг от друга на 150—200 км? Во-вторых, они считают, что задолго до войны Наполеон рассчитывал нанести «главный удар» по Москве. В подтверждение своей версии П. И. Кабанов и И. А. Федосов приводят высказывание французского полководца о значении петербургского, киевского и московского стратегических направлений: *«Если я займу Петербург, я возьму Россию за голову, если я займу Киев, я возьму ее за ноги, если я овладею Москвой, я поражу ее в самое сердце».* Эту крылатую фразу, обошедшую, кстати, не только учебники, но и многие солидные книги, Наполеон действительно произносил. Но весь вопрос в том, где и когда? Знакомство с первоисточником позволяет точно ответить на этот вопрос: в Смоленске 12 августа 1812 года. Такое определение он дал потому, что главные силы русской армии в тот момент отходили к Москве. Ни до, ни в начале войны Наполеон не помышлял о проникновении в глубь Российской империи.

Требует уточнений соотношение численности французских и русских войск в начале кампании. Все авторы, кроме В. А. Федорова, говорят о тройном превосходстве сил Наполеона — 600 тыс. французов и 200—220 тыс. русских. Фактически в первом эшелоне французов находилось не более 450 тыс. человек, которые перешли русскую границу в первые недели войны. Позже Наполеон ввел в Россию еще около 200 тыс. солдат. Указывая численность русских войск, сосредоточенных на западной границе, авторы не учитывают Дунайскую армию и резервные корпуса. Вместе с 1-й, 2-й и 3-й армиями их численность составляла около 320 тыс. человек.

Вероломное нападение

Широко бытует неверное мнение о том, что наполеоновская армия перешла русскую границу без объявления войны (Н. С. Киняпина, И. А. Федосов). 10 июня 1812 года посол Франции в России Ж.-А. Лористон подал на имя управляющего МИД России Н. И. Салтыкова ноту, в которой, в частности, говорилось: *«...моя миссия окончилась, поскольку просьба кн. Куракина (русский посол в Париже.— Б. А.) о выдаче ему паспортов означала разрыв, и его императорское и королевское величество с этого времени считает себя в состоянии войны с Россией»* [3].

Недотепа Барклай

В учебниках по-прежнему принижается роль М. Б. Барклая де Толли: П. И. Кабанов и И. А. Федосов ничего не говорят о его колоссальной работе по созданию тыла, другие авторы замалчивают его план отхода, обращение к населению с призывом развернуть народную войну против захватчиков и т. п. Н. С. Киняпина утверждает, что первый армейский партизанский отряд (Д. В. Давыдова) возник по приказанию Кутузова, хотя давно доказано, что инициатива в организации таких отрядов принадлежала Барклаю. По его приказанию в конце июля был сформирован армейский отряд под командованием генерал-майора Ф. Ф. Винценгероде. Перу Барклая де Толли принадлежит и первая в 1812 году инструкция о действиях партизан в тылу врага. П. И. Кабанов подчеркивает: *«С приходом Кутузова Отечественная война получила действительный стратегический план, отвечавший задачам справедливой национально-освободительной борьбы народа с агрессором».* Одним словом, авторы всячески стремятся провести грань между полководческим искусством Барклая де Толли и Кутузова, т. е. возвращаются к давно пройденному в историографии этапу. А. С. Пушкин еще в 1836 году дал объективную оценку роли обоих полководцев: *«Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов».* Удивительно, но факт: даже фамилию прославленного русского полководца П. И. Кабанов, Н. С. Киняпина и И. А. Федосов пишут неправильно — с дефисами [4].

Платов и Уваров — бородинские герои

Ряд серьезных просчетов допущен при освещении Бородинской битвы. Так, И. А. Федосов даже не упомянул о бое за село Бородино, хотя именно с него началось сражение и по названию села вошло в историю. Неверно утверждение того же автора о смертельном ранении П. И. Багратиона. На основе записей лечившего полководца врача историки установили, что рана таковой не являлась. Во всех учебниках преувели-

чивается значение рейда казаков М. И. Платова и кавалерийского корпуса Ф. П. Уварова. М. И. Кутузов, по приказанию которого совершался рейд, остался недоволен его результатами. Главную ответственность за неудачу фельдмаршал возлагал на Платова. В рапорте Александру I он сообщил, что войска Уварова не могли «что-либо важное предприиять ...потому что казаки, кои с кавалерийским корпусом должны были действовать, ...так сказать, не действовали»[5]. Из всех генералов, участвовавших в сражении, только Платов и Уваров не были представлены Кутузовым к награждению.

Разгром поджигателей

Неудовлетворительно освещены причины московского пожара. П. И. Кабанов излагает версию, навязанную историкам Сталиным: «Захватчики поджигали дома, шайки мародеров занимались грабежом». Н. С. Киняпина приводит обе версии, но не отмечает, какая из них верна.

Особенно не «повезло» в учебной литературе оперативным планам русского и французского командования на втором этапе кампании. По И. А. Федосову получается, что и русские, и французские войска действовали стихийно. П. И. Кабанов, хотя и пишет о том, что русская армия получила при Кутузове «действительный стратегический план», не раскрывает его сущности. Н. С. Киняпина так характеризует замысел фельдмаршала: «По плану ...Кутузова, трем армиям (Чичагова — с юга, Витгенштейна — с севера и Главной армии) предстояло окружить неприятеля (на Березине.— Б. А.), отрезать ему путь на запад и разгромить его». Здесь изложен (с большими искажениями) только план, утвержденный Александром I в рескрипте командующему Дунайской армией адмиралу П. В. Чичагову от 31 августа.

В письмах А. П. Тормасову и П. В. Чичагову от 6 сентября Кутузов предложил иное решение: 3-я Западная армия должна была прикрывать Украину, Дунайская — овладеть Могилевом на Днепре и двигаться по Смоленской дороге «как для сближения с здешними армиями (1-й и 2-й.— *Б. А.*), так и для угрожения неприятельского тыла». Следовательно, фельдмаршал планировал не допустить соединения главных сил Наполеона с его фланговыми группировками и резервами, окружить и уничтожить противника восточнее Днепра. Реализация этого замысла позволила бы закончить войну в короткий срок и с наименьшими жертвами. К сожалению, план Кутузова был сорван Александром I.

Противоречиво и очень расплывчато освещается в учебниках план отхода французского полководца из Москвы.

П. И. Кабанов считает, что его замыслы носили ограниченный характер: «Оставив Москву, Наполеон сделал попытку прорваться на относительно обеспеченную продовольствием новую Калужскую дорогу». По словам же В. А. Федорова, «стратегический план Наполеона состоял в том, чтобы по пути разгромить русскую армию, овладеть продовольственной базой в Калуге и военными арсеналами Тулы и далее отправиться на юг, в плодородные и не разоренные войной губернии». Как видим, студентам предоставляется возможность самим разгадать стратегические замыслы французского императора. Плюрализм мнений — вещь, конечно, хорошая, но все же авторам следовало бы четко сформулировать обе точки зрения, имеющие хождение в исторической литературе и выразить свое отношение к ним.

Передернутые цифры

В главах немало фактических ошибок и неточностей. Вот несколько примеров. Под Смоленском французы потеряли не «около 20 тыс. человек», как считает И. А. Федосов, а 14041; потери русской армии составили 11620 солдат и офицеров. Тот же автор пишет, что Кутузов издал манифест об окончании войны. Но в России начала XIX века манифесты мог издавать только царь, что он и сделал в декабре 1812 года.

В. А. Федоров «подчинил» маршалу Ж.-Э. Макдональду три корпуса, а затем «разгромил» его под Полоцком. В действительности корпус Макдональда всю войну осаждал Ригу, а под Полоцком поражение потерпели войска маршалов Г. Сен-Сира и Н.-Ш. Удино. По определению П. И. Кабанова, Главная армия Кутузова в начале октября насчитывала 240 тыс. солдат и офицеров, фактически ее численность не превышала 120 тыс. человек. В обоих изданиях Н. С. Киняпина именует наполеоновские войны *империалистическими* и при этом ссылается на работы В. И. Ленина. Ленин же называл эти войны *империалистскими* и пояснял: «Империализмом я называю здесь грабеж чужих стран вообще, империалистской войной — войну хищников за раздел такой добычи»[6]. По мнению Киняпиной, понятия «малая война» и «партизанское движение» — синонимы. Это неверно. *Под «малой войной» Кутузов понимал военные действия ополчений, армейских и крестьянских партизанских отрядов.* Следовательно, это понятие шире термина «партизанское движение». Наполеон оставил армию не 6 (18) декабря, как считает Н. С. Киняпина, а 23 ноября.

Два миллиона мертвых душ

«Дорогой ценой заплатил русский народ за освобождение Родины: в ходе войны погибло около 2 млн. человек...» Фантастическая цифра.

Итак, на головы бедных учащихся обрушивается поток искаженной информации. Даже самый добросовестный студент или школьник, изучив материал, не может рассчитывать на положительную оценку у мало-мальски компетентного преподавателя. Но «двойку» следует поставить тем, которые написали и издали фальсифицированную историю.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История СССР с древнейших времен до 1861 г./Под ред. П. П. Епифанова и В. В. Мавродина. М., 1972; 5-е изд. М., 1983 (автор главы П. И. Кабанов); История СССР. XIX — начало XX в./Под ред. академика АПН СССР И. А. Федосова. М., 1981; 2-е изд. М., 1987 (автор главы Н. С. Киняпина); Павленко Н. И., Кобрин В. Б., Федоров В. А. История СССР с древнейших времен до 1861 г./Под ред. Н. И. Павленко. М., 1989 (автор главы В. А. Федоров); Федосов И. А. История СССР: Учебник для 9 класса средней школы. Изд. 5-е, переработ. и дополн. М., 1990; Цитаты приводятся по последним изданиям.

[2] Большевик. 1941. № 9. С. 3.

[3] Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Российского министерства иностранных дел. Т. 6. М., 1962. С. 756.

[4] Троицкий Н. А. Письмо в редакцию. Как правильно писать фамилию М. Б. Барклая де Толли?//История СССР. 1988. № 2. С. 219—220.

[5] Кутузов М. И. Сборник документов. Т. IV, ч. 1. М., 1954. С. 219.

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 382.

НИКОЛАЙ ИВАНОВ,
архитектор

ДЫМОВАЯ ЗАВЕСА НАД ПОЛЕМ

Вот уже 180 лет, как запахивают и разрушают Бородинское поле. Чего только здесь не строили, не жгли и не восстанавливали вновь после знаменитого 26 августа! О том, к чему это привело, мы и попытаемся рассказать, тем более что история легендарного места не исчерпывается днем Бородина. *(См. также с. 56—59.)*

Кровавый след Бородинского сражения протянулся на восток до Можайска девятиверстной дорогой русских березовых крестов, подошел с обозами раненых к Москве, оставив 300 воинов на Дорогомиловском кладбище, добрался до села Симы близ Юрьева-Польского, где умер от раны Багратион, дошел до Ярославля к Толгскому монастырю, где похоронили командира 3-го пехотного корпуса Н. А. Тучкова 1-го; Волоколамск, Воскресенск, Сергиев Посад, Коломна, Рязань, Зарайск — где только нет безвестных теперь уже могил героев Бородина...

В ноябре бородинские поля и леса, разбитые укрепления и сожженные деревни замело снегом. Лишь вдоль линии фронта по-прежнему возвышались оскверненные неприятелем храмы.



С ноября 1812 года по май 1813-го полиция, боясь эпидемий, предприняла энергичные меры по уборке останков погибших — от Ковно до Москвы. На Бородинском поле было погребено около 50 000 людских и 36 000 лошадиных трупов. Хоронили в овинных ямах сгоревших деревень — Шевардина, Утицы, Семеновской, погребали во рвах укреплений. Простые березовые кресты стали первыми памятниками. А в конце двенадцатого года Маргарита Михайловна, вдова генерал-майора А. А. Тучкова, тщетно пыталась найти тело мужа. Потрясенная увиденным, она продала свое имущество и на вырученные деньги в 1817 году построила небольшой деревянный домик в открытом поле у флеши Багратиона, где, по свидетельству П. П. Коновницына, погиб ее муж. А затем построила храм, освященный в 1820 году во имя Спаса Нерукотворного Образа — полковой иконы Ревельского пехотного полка, шефом которого был генерал-майор А. А. Тучков. Храм стал первым монументальным памятником на Бородинском поле погибшим воинам. Маргарита Тучкова ввела традицию ежегодно отмечать годовщину Бородинского сражения крестным ходом по местам боев и панихидами на братских могилах.

22 июля 1837 года на Красном холме, где стояла батарея Раевского, наследник престола Александр Николаевич заложил монумент, названный впоследствии Главным. Этот чугунный памятник, отлитый по проекту архитектора Адамини на Петербургском Александровском заводе, был торжественно открыт в 1839 году в присутствии 120 000 русских войск, императора Николая I и многих участников и свидетелей Бородинской битвы.

На восьми гранях монумента были помещены пояснительные надписи. *«Мелка и лишена искры Божией душа того, кто не увидит в этих немногих строках глубокого смысла и обширного содержания, заключенных в дивно-поэтическую форму, много говорящую в своей благородной простоте, энергичной сжатости и величавой грандиозности»* (В. Безинский).

В том же году с воинскими почестями под эскортом Киевского гусарского полка из села Симы Владимирской губернии были перевезены останки П. И. Багратиона и захоронены в склепе восточнее Главного монумента под бронзовой доской, отлитой из трофейных орудий, а с западной стороны близ подножия холма построили кирпичный дом-сторожку и отдали под охрану солдат-ветеранов.

Но уже во второй половине XIX века нигилизм и «базаровщина» заметно приглушили интерес к Бородинскому полю. Запахивались укрепления, забывались места братских могил. Проведенная в 1869—1870 годах Александровская железная дорога разрезала поле на две неравные части. Горы Каменка и Коноплева, Утицкий курган изуродовали, добывая песок для насыпей. При ремонте и спрямлении почтового тракта холм Верхней Горкинской батареи превратился в карьер.

Но были примеры и другого рода. Начальник железнодорожной станции Бородино П. П. Богданович с группой сослуживцев и военных историков устроил в одном из станционных залов музей Бородинского сражения, собрав в нем всякого рода «полевые» находки. К 100-летию битвы, на средства Российского государства, возвели два обелиска — М. И. Кутузову в Горках и надгробие Д. П. Неверовскому.

Французское же правительство смогло поставить в 1912 году лишь временный гипсовый памятник (подлинник затонул по пути в Россию с кораблем). А на следующий год появился постоянный французский монумент из вогезского гранита (ограду с тумбами сделать не сумели — помешала мировая война, ее сделали в 1987 году).

Остальные 33 памятника строились на средства, собранные воинскими частями, потомками участников Бородинского сражения. Авторами проектов были либо сами военнослужащие, либо выпускники Строгановского училища. Если же средств не хватало, то на западный фасад храма Спаса Нерукотворного ставили медные или мраморные доски. Первым к столетнему юбилею появился памятник Павловскому гренадерскому полку на Утицком кургане (1911), остальные были готовы к августу 1912 года. Некоторые из монументов, сделанные из непрочных материалов и наспех оштукатуренные, оказались недолговечными.

Поисками и благоустройством старых захоронений к юбилею заняться не успели. Лишь гренадерский саперный бата-

льон, без предварительных археологических раскопок и по разумению командования, восстановил Шевардинский редут и южный люнет Багратиона. Судьба же остальных укреплений никого не заинтересовала. В Утицком лесу провели временную железнодорожную ветку для стоянки императорского поезда. К юбилейным дням проложили шоссе от села Бородина к Утицкому кургану, возобновили мосты и спрямили трассу старой проселочной дороги.

А с 1918 года начался погром: первыми погибли памятники лейб-гвардии Казачьему полку и Императору Александру II в селе Бородине. В 1926—1928 годах, при попустительстве Бородинского музея (существовал на поле с 1923 года) выломали на металлолом восемь единорогов полупудового калибра с памятников 12-й батарейной роты и 2-й батарейной роты лейб-гвардии артиллерийской бригады. Почти со всех памятников сорвали двуглавых орлов, унесли цепи, выломали тумбы и мемориальные доски. Разрушили памятник Нежинскому драгунскому полку. «Оципали» памятник Кавалергардам и Конной гвардии, лишив его всех накладных деталей и оставив лишь гранитную скалу; уничтожили 16-метровый обелиск у монастырской гостиницы. Горевшее три дня здание Спасо-Бородинского монастыря в 1929 году превратили в трудовую коммуну им. Ворошилова. На северной ограде монастыря метровыми буквами отныне красовалась надпись: «Довольно хранить наследие рабского прошлого». Вскоре уничтожили и некрополь с могилами генералов Левина и Волконского, сорвали мемориальные доски, сожгли иконостасы в трех храмах монастыря. И, наконец,— взрыв в начале марта 1932 года Главного монумента, надругательство над останками П. И. Багратиона. Только в 1938—1940 годах в связи с признанием заслуг Суворова и Кутузова начался косметический ремонт сохранившихся памятников. И Великая Отечественная война в октябре 1941 года оставила по себе печальную память — свежие могилы, сожженные деревни и музей, бетонные доты Можайского укрепрайона. Но ни один монумент 1812 года не погиб в это время. В 1943 году музей был восстановлен и начал работу, но успешнее действовали местные хозяйственники. С 1946 года между деревней Утицы и станцией Бородино разместился рельсовый склад «Перевалка», уничтоживший километр Старой Смоленской дороги на месте боевых действий корпуса Н. А. Тучкова 1-го. В 1948 году колхоз «Бородино» разобрал на кирпич для коровников верхнюю половину церкви Рождества Христова в селе Бородине, почти неповрежденную в 41-м году. Колхоз «Рассвет» для тех же нужд «использовал» двухъярусный храм Успения Богородицы в селе Криушине, с колокольни которого егеря вели наблюдение за Гжатским трактом. Колхоз «Власть Советов» продолжал добывать камни в развалинах не полностью взорванного нашими войсками в октябре 1941 года пятипрестольного храма Знамения в селе Ельня. Несколько позднее в западной части поселка ст. Бородино, в истоках ручья Семеновского, расположили склад минеральных удобрений и ядохимикатов.

В пятидесятые годы ситуация несколько изменилась к лучшему. С 1955-го развернулись (продолжались 32 года) восстановительные работы. Во исполнение постановления Совмина РСФСР началось, при участии профессиональных специалистов-реставраторов, постепенное восстановление уцелевших монументов. В 1960 году привели в порядок (с отливкой бронзовых досок взамен похищенных) памятник лейб-гвардии Московскому полку. В 1962 году на старом фундаменте воссоздали памятник Нежинскому драгунскому полку с медночеканными деталями (в 1985 году заменены прочным массивным литьем). В 1961—1962 из руин восстановили Храм Рождества Христова в селе Бородине, недоломанный местным колхозом. Тогда же к старому зданию музея, возникшему из кирпичной сторожки при Главном монументе, пристроили три экспозиционных зала.

31 мая 1961 года Совет Министров СССР объявил существующий музей Государственным Бородинским Военно-историческим музеем-заповедником и разрешил восстановить Главный монумент. Но это распоряжение во многом так и осталось на бумаге. На Бородинском поле меж тем продолжали случаться более чем странные события.

В 1962 году, впервые за всю историю, по распоряжению Н. С. Хрущева, празднование годовщины Бородина отложили с 7 сентября на 16 октября (при этом сам Хрущев на 150-летие не явился). Торжества отгремели, а на поле продолжали твориться безобразия. Совершенно неожиданно на реке Колоче, километром западнее с. Бородина, возник пионерлагерь. Углубились разработки в Дороининском и Фомкинском песчаных карьерах. У станции Бородино в 1963 году появились новая железнодорожная ветка и громадный склад Бородинского леспромхоза. Колхоз «Бородино» отважился на худшее: в том же 1963 году он запахал охраняемые музеем батареи Богарне и Фуше. Только 3 мая 1972 года охранная зона заповедника Бородино была утверждена Мособлисполкомом. Но и это не принесло пользы. Уже в 1973—1975 годах с разрешения того же Мособлисполкома бородинская земля «украсилась» животноводческими комплексами у поселка Артемок, а многоэтажные дома в поселке Александрово обезобразили западную часть заповедника.

С воинскими почестями перезахоронили на поле капитанов Огарева, Левшина и Шапошникова и убитых одним ядром поручика Татищева и прапорщика Оленина. Увенчались успехом поиски трех братских могил 1812 года в Утицком лесу. Две из них были приведены в достойный вид в 1966 году, а третья ждала своей очереди еще 23 года.

На поле поставили новые памятные знаки: Смоленскому и Московскому ополчениям у ст. Бородино, а также мемориально-пояснительные стелы у подошвы Утицкого кургана и на Масловском редуте. К 1987 году за 15 лет упорной работы реставраторов был приведен в порядок Спасо-Бородинский монастырь. Осталось завершить благоустройство и восстановить иконостас храма Спаса Нерукотворного Образа и в соответствии с проектом обшить широкими досками фасад дома-сторожки Тучковой.

После двадцатилетних поисков в архивах обнаружили изображение утраченного памятника лейб-казакам. Он спроектирован и восстановлен на старом фундаменте. В северной части заповедника были поставлены памятные знаки казакам Платова и корпусу Уварова. Удалось возвратить на прежнее место Главный монумент и к 175-летию битвы восстановить склеп с надгробием Багратиона.

Чуть раньше, в 1977 году, была достоверно восстановлена южная треть батареи Раевского, а в 1983—1984 — средняя флешь Багратиона и исправлен Северный люнет... Впервые археологические раскопки и реставрацию объекта проводили одновременно — единственный способ, гарантирующий от ошибок и фальсификаций.

И все же музей продолжает оставаться бесправным, едва ли не каждый объект заповедника — под угрозой уничтожения. Поле зарастает лесом, а властные органы не торопятся унять 26 (двадцать шесть!) пользователей заповедной территории.

Так создан ли в действительности заповедник на Бородинском поле, о чем было громогласно объявлено 31 год назад? Похоже, это название лишь дымовая завеса... Вот уже 10 лет, как дирекция музея свернула работы на поле, расширяется лишь экспозиция залов под крышей. «Просыпается» же поле только в дни бородинских годовщин.

Неужели символ русской славы погибнет на наших глазах?

ЗАПОЗДАЛЫЙ ГРЕНАДЕР

ИГРА, КОТОРАЯ СТАНОВИТСЯ ЖИЗНЬЮ

В далекие студенческо-застойные годы мне довелось копать картошку на Бородинских полях. По утрам полусонные бригадиры хмуро сообщали, куда сегодня, на Шевардинское или на Семеновское. Иногда, подняв голову от осенней грязи, можно было увидеть на фоне серого неба силуэт Спасо-Бородинского монастыря. Нелепо выглядели среди совхозного уныния начала 80-х памятники прошлого столетия. И только в одно сентябрьское воскресенье, очень кстати сухое и солнечное, когда в эти бесприютные места вдруг хлынула толпа, когда загрохотали бутафорские пушки и повсюду запестрели русские и французские мундиры начала XIX века,— в день Бородинских торжеств,— нам ненадолго поверилось в красивые слова о поле русской славы. Захватывало дух от ощущения близости былого... А на следующее утро были мрачные совхозные тетки в драных ватниках, поломанные комбайны, гниющая картошка — и грустный Спасо-Бородинский монастырь, как будто случайно забытый здесь предками, которые ушли недостижимо далеко.

Вот уж не думала, что мне предстоит познакомиться с теми, кто участвует в организации маленького осеннего бородинского чуда, кто по своей воле, хотя бы ненадолго, сближает времена. Но с той «картошки» я помнила: встреча эпох — праздник. Игра, которая приносит радость.

Оказалось, что в этой игре участвует сегодня немало взрослого и серьезного народа. Мой собеседник — вполне солидный человек. Его зовут Николай Ильич Шевяков. Он учитель математики в одной из московских школ... Но, нет! Его зовут Шевяков 1-й, он подпоручик Московского гренадерского полка. А под той же фамилией, но номером 2-м числится его сын Тимофей, пока только ефрейтор, он же главный редактор газеты «Московский гренадеръ». Из этого издания, которое с минуты выхода в свет становится библиографической редкостью, поскольку имеет тираж 30 экземпляров, можно почерпнуть точные исторические сведения.



27 сентября 1988 года в Москве, на улице Рылеева, дом 4, в 18 часов 30 минут началось формирование Московского гренадерского полка. Это наименование принял военно-исторический клуб «Московский гренадеръ», образованный при Московской военно-исторической комиссии. Но не будем торопиться в ближайшем сентябре поздравлять полк с четырехлетием. Ведь историю он ведет от 8-го Московского гренадерского полка, а тот в свою очередь — от Московского мушкетерского, сформированного в 1790 году по приказу императрицы Екатерины.

— Николай Ильич, случайна ли дата возрождения гренадеров — 1988 год? Сейчас уже привычно стало говорить чуть ли не о любом явлении: до перестройки это было бы невозможно. Но в вашем случае дело вроде бы обстоит иначе. Любить русскую историю, гордиться воинскими доблестями предков, кажется, никогда не возбранялось.

— Да, историю «разрешали» любить, но не всю — выборочно. И знать ее полагалось «местами». Конечно, участие 8-го Московского гренадерского полка в Бородинском сражении (где он потерял более половины личного состава) или в турецкой кампании 1877—78 годов, когда русские пришли на помощь братьям-славянам, можно было пропагандировать. Ну, а как быть с такими эпизодами, как подавление мятежей в Польше в 1794 и 1831 годах? Официальная советская историография предпочитала помалкивать о подобных моментах. И уж совсем недопустимым казалось заниматься недавним прошлым, ведь гренадеры, пусть и не как кадровое формирование, участвовали в гражданской войне. В начале августа 1920 года в бою с большевиками на Кубани гренадерский батальон потерял более ста человек и фактически прекратил существование. Память о погибших сохранялась, как водится, не у нас в стране, а за рубежом.

<u>Из газеты «Московский гренадеръ»:</u>
Объединение гренадер трех гренадерских и Кавказской гренадерской дивизии было основано в 1925 году в Париже и официально зарегистрировано в 1928 году...

Почетным Председателем Объединения был шеф II гренадерского Фанагорийского полка Великий князь Дмитрий Павлович...

В сороковых годах Объединение приняло название «Общества Русских Гренадер за рубежом». Со дня основания в списках числились 135 человек.

В 1936 году был утвержден Общегренадерский знак: желтый крест с рвущейся гранатой и вензелем Почетного Председателя. В 1950 году исполнилось 250 лет со дня основания старейших гренадерских полков: 2-го Ростовского, 5-го Киевского, 9-го Сибирского и 12-го Астраханского. По этому случаю был сооружен и освящен Стяг, хранящийся в Церкви Успения Божией Матери на

кладбище в Сент-Женевьев де Буа, около Парижа.

Итак, в нашем отечестве наступили времена, когда стало «можно» знать подлинную военную историю. И тут же выяснилось, что это знание еще и нужно. Тем, например, ребятам, которые, как и четырнадцатилетний тогда Тимофей Шевяков, пришли в двухгодичный исторический университет при музее «Бородинская панорама» и захотели не только по книгам изучать прошлое, но и носить ту же военную форму, что и их прапрадеды, и даже участвовать — пусть не в настоящих боевых кампаниях — так в их «реконструкциях». Такая возможность представилась Тимофею, когда он после окончания исторического университета при музее был зачислен в Московский гренадерский полк кадетом. Согласитесь, неплохо к семнадцати годам иметь формулярный список, в который занесены сведения о твоем участии в делах и походах, а также о поощрениях и (что менее желательно) наказаниях. Есть у нынешних гренадер и свои награды — они выдаются военно-историческими клубами. Однако игра привлекает отнюдь не только подростков. Есть здесь и люди, убеленные сединами. Вокруг Военно-исторической комиссии (или корпуса) объединились те, кто и прежде занимался военной историей и униформологией. Год от года движение ширится. Если в первых реконструкциях Бородинского сражения участвовало около двухсот человек, то сейчас собирается порядка двух тысяч. Основные центры — Москва, Петербург, Киев, но все заметнее становятся клубы Новгорода, Пскова, Брянска и других городов. Московских гренадер насчитывается 51 человек.

— Николай Ильич, честно говоря, мне легче понять мальчишек. Для них игра — дело привычное, еще не забытое. Но вот вы, взрослый человек, причем даже не историк, а математик, переодеваетесь в старую военную форму, маршируете в строю... Не боитесь показаться смешным?

— Я не замечал, чтобы кто-нибудь из моих близких надо мной смеялся. Наоборот, у нас в семье мое увлечение только приветствуется. Ведь покопавшись в книгах, документах, мы находим свои корни. Скажем, дед моей жены участвовал в I мировой войне, имел Георгиевский крест IV степени. Мой прадед сражался в Крымскую войну, тоже награжден Георгиевским крестом; отец прошел Великую Отечественную. Одно дело критиковать, чаще всего справедливо, сегодняшнюю армию, другое — помнить, что военная история — важная часть нашего прошлого, в том числе и семейного.

Из газеты «Московский гренадеръ»:

Новейшая история московских гренадер

1988 год. 30.07 — 1-й Санкт-Петербургский поход. День Военно-Морского флота. Марш по улицам и прешпектам столицы.

11—13.08 — 2-й Бородинский поход. Праздник Московского гренадерского полка.

10.09 — 1-й Московский поход. День Города. Марш по улицам Москвы (Строгино, Филевский парк).

— Когда мы выходим в форме на улицы, например, в Москве и в Твери на День города, людям, которые на нас смотрят, действительно часто приходится объяснять, чем и почему мы занимаемся. Любопытно: стоит появиться на людях в форме образца 1812 года, как слышишь: «Гусары!». Сказывается историческая неграмотность. Но все равно — отношение очень доброжелательное. Скажем, в прошлом году мы ездили в Каменец-Подольский на годовщину Брусиловского прорыва, там были и донские, и кубанские казаки. Все мы рассказывали тем, кто интересовался, об истории, о своей форме, знаменах, оружии, в общем, получается стихийная просветительская работа.

— Вы произнесли слово «оружие». Оно у вас настоящее?

— К сожалению, нет. Лишь в день Бородинской годовщины Мосфильм предоставляет нам трехлинейные винтовки, приспособленные только для стрельбы холостыми патронами. Еще у нас есть тесаки, но они скорее бутафорские, чем настоящие, потому что сделаны не из закаленной стали и легко гнутся. Сейчас мы ведем переговоры с Министерством внутренних дел, надеемся получить разрешение на ношение личного оружия тогда, когда мы выступаем в форме.

— И вы готовы спокойно вручить оружие своим шестнадцатилетним гренадерам? Вы не боитесь, что они его пустят в ход?

— Нет, абсолютно не боюсь. У нас в полку, как и положено, строжайшая дисциплина. И в Бородинский день, когда собирается много народа, реконструируются эпизоды боя (ребята из Петербурга в основном во французской форме), раненых, слава Богу, не бывает. Тут ведь еще важно, что мы все единомышленники. Не в том смысле, что придерживаемся одинаковых взглядов, нет, наоборот, у нас разнообразие мнений, но есть общий интерес, общая привязанность — и обстановка вполне дружеская.

— Вы говорите: разнообразие мнений. Но мне трудно поверить, что в наше лихорадочно политизированное время существует сообщество людей, не имеющее абсолютно никакой политической линии. Мы ведь живем в условиях большого маскарада: организуются потомки дворян, казаков, купцов.. Читай: монархисты, борцы за русскую идею, сторонники еще какой-нибудь политической программы. А вам удается оставаться вне кипения страстей?

— Мы стараемся следовать воинскому уставу, где сказано: армия в политике не участвует. Разумеется, нельзя зажмуриться и сделать вид, что современного общества со всеми его проблемами не существует. И ребята, когда приходят на строевые занятия, перед началом делятся впечатлениями: кто на каком митинге был. Но как только раздается команда: «Становись! Слушай!» — все, мы уже живем по законам другой эпохи. А доспорить о выборах и о ценах можно потом, по пути домой.

— Но это когда все более или менее спокойно.

— Понимаю, в воздухе носится вопрос о 19-м августа. Был приказ по корпусу: в форме, организованно к Белому дому не выходить; каждый имеет право действовать в частном порядке. После этих событий приказом по полку тем, кто был на баррикадах, объявлено шефское благоволение — благодарность командира корпуса.

(В эту минуту в воздухе повис еще один вопрос: как же согласуется эта благодарность с подчеркнутой внеполитичностью движения? Но я не стала «ловить» Николая Ильича на противоречии. Просто не захотелось.)

— Получается, что мы с вами все время говорим об экстремальных ситуациях — то о крупных праздниках, которые для вас становятся «делами и походами», то о политических катаклизмах. Наверное, стоит рассказать и о будничной жизни полка.

— Раз в две недели, по воскресеньям, мы проводим так называемые «строевые занятия». Правда, их содержание шире строевой подготовки. Слушаются сообщения по истории полка (для этого ребята работают в библиотеках и архивах), изучаются уставы, например, строевой устав 1805 года, который действовал в 1812 году. Причем фельдфебель, когда проводит занятия, действует в соответствии со своей ролью: он работает по аракчеевскому закону: «Троих заколоти, а одного выучи», так что спуску солдатам не дает. Не подумайте только, что кого-нибудь в прямом смысле колотят. В нашем уставе записано: «Наказания, которым подвергаются чины полка, исходят из дисциплинарных уставов соответствующего периода времени за исключением положений, которые оскорбляют честь и достоинство человека». Так что телесных наказаний у нас нет, но обращение самое суровое. В этом плане наши занятия неплохо готовят ребят к службе в реальной армии. Мы уже двоих из полка отправили, как сказано у них в формулярном списке, «в действующую армию», и они на жизнь не жалуются. Хотя, конечно, контраст резкий, и всегда не в пользу нынешнего положения дел. В старой царской армии тоже была дедовщина. Но с противоположным знаком. Тогда, как известно, служили долго, 25 лет, и вот опытный солдат головой отвечал за молодого рекрута, до тех пор пока тот не принимал присягу. Есть чему поучиться.

Или вот еще факт, достойный подражания. Когда солдат приходил в Московский Гренадерский полк, он получал книжку — краткую историю полка. На последнюю страницу заносились сведения о владельце: имя, с какого времени на службе, откуда родом, какое знает мастерство и так далее. Как видите, личная история и полковая — под одной обложкой.

— Я понимаю, Николай Ильич, что вы человек увлеченный и преданный своему делу, и вовсе не хочу задеть ваши чувства. Только больно уж идиллическая картина получается: слава, гордость, доблесть... Но ведь все это — война. Стоит ли романтизировать все, что с ней связано, сейчас, в конце XX века, когда мир, кажется, двинулся наконец к миру?

— Существует великолепный девиз, которым руководствуются военно-исторические ассоциации не только у нас, но и за рубежом: «Дорогами прошлых войн — к миру». Как это выглядит в реальности? Иногда эти дороги и для нас, потомков, бывают довольно тяжелы. В прошлом году мы, как я уже говорил, ездили на Украину, отмечали годовщину Брусиловского прорыва и попали там под невероятный, тропический дождь. Поэтому в наших послужных списках поход назван «наимокрейшим». Так вот сразу после ливня местные старики (земной им поклон) провели нас по пути наступления русских войск на австрийские позиции. Мы поднялись на гору, где стояли австрийские батареи, и посмотрели оттуда на пути, которыми наступали донские и кубанские казаки, другие русские части. Сами мы насквозь мокрые, в сапогах полно воды, и, конечно, приходит в голову: а каково было прадедам в окопах, а каково на ту же горочку взбираться под огнем? Воевать после этого вряд ли захочется.

А еще на наше движение можно смотреть как на одну из форм народной дипломатии.

Общий интерес объединяет людей. К нам приезжают из Франции, Чехо-Словакии, Бельгии, Польши, Австрии. Мы видим друг в друге не бывших противников, завоевателей, а наследников сложной и богатой истории. Пытаемся понять себя и других. До последнего времени за границей гораздо отчетливее, чем в нашем отечестве, сознавали, что история не должна прерываться. Например, во Франции есть воинские формирования, ведущие свою генеалогию от наполеоновских полков, и там умеют это ценить: пишут книги, создают музеи и так далее. А мы слишком долго отрекались от старого мира. Сейчас ходят слухи (к сожалению, непроверенные), что некоторые офицеры Советской Армии взялись за изучение предыстории своих подразделений. Хорошо, если так.

У нас есть мечта, пока еще далекая от осуществления,— попытаться воссоздать полковые музеи, которые были в российской армии. Скажем, Московский гренадерский полк последние годы перед революцией квартировал в Твери, и там, в церкви, располагался музей, где хранились все полковые регалии: это и Георгиевские знамена, пожалованные в 1805 году за поход против французов, и серебряные трубы, полученные за взятие турецкой крепости Базарджик в 1810 году, и ленточки, которые носили на киверах, а потом на фуражках участники первой мировой войны. Все, что осталось,— это юбилейные Александровские ленты со знамени. Они выставлены в экспозиции Тверского краеведческого музея. Само знамя пропало, и неизвестно, где его искать: в запасниках ли Эрмитажа, за много ли километров от наших границ, например, во Франции, куда оно могло быть вывезено эмигрантами первой волны...

— Спору нет, дело вы затеяли благородное. Но больно уж некоммерческое. Ясно же, что никто (или почти никто) не станет платить больших денег, чтобы приобрести билет в ваш будущий музей. Реально ли создать его — в наше-то время? Вообще мне давно следовало в духе рыночных отношений спросить вас о финансовой стороне дела. У вас самоокупаемая организация?

— Скорее самопрогораемая. В нашем Уставе записано: «Клуб осуществляет свою финансовую деятельность на ежегодные взносы в размере 12 рублей в год и вступительные взносы с работающих — 30 рублей, с учащихся — 12 рублей». Судите сами, большими ли капиталами мы ворочаем.

— Но, наверное, вас поддерживает Министерство обороны?

— Морально — да. И в самом начале, когда клуб только возник, Министерство обороны помогло нам с обмундированием. А сейчас живем исключительно на свои деньги.

— Вне коммерции вы так же сознательны, как и вне политики?

— Коммерция коммерции рознь. На Западе на таких костюмированных выступлениях, как наши, делают огромные деньги. Ребята ездили во Францию, на годовщину битвы при Ватерлоо, и видели, как это организуется. Но не думаю, что у нас скоро возникнет подобная система. Пока «русский бизнес» — это чаще рвачество, чем коммерция, и в нашем деле еще не прошло время чистых энтузиастов. Это не хорошо и не плохо — это просто именно так.

— А какие вы видите реальные пути заработать деньги для военно-исторических клубов?

— Я не экономист и вообще не деловой человек. Но кое-что буквально лежит на поверхности. На празднование Бородинской годовщины собирается громадное число людей. Почему бы не организовать там продажу значков, марок, лубочных картинок? Золотое дно есть — нет золотоискателей.

— Итак, пока все держится на энтузиазме. В первую очередь — взрослых. Но в вашем полку много совсем еще юных гренадер. Вы их вольно или невольно воспитываете. Растите новых энтузиастов?

— Надеюсь, что порядочных людей. Я исхожу из того, что человек, надевший военную форму, становится защитником, а значит, он обязан быть благородным.

— Но ведь это игра? На самом деле они никого не защищают.

— Это игра, но когда-то она становится жизнью.

Рано или поздно игра заканчивается. Умолкают бутафорские залпы на Бородинском поле, и опять вокруг облупившихся памятников истории начинают копать картошку...

В одном из номеров «Московского гренадера» напечатаны стихи, подписанные инициалами К. Р (за ними скрывался, как известно, Великий Князь Константин Романов):

Наш полк. Заветное, чарующее слово
Для тех, кто смолоду и всей душой
в строю.
Другим оно старо, для нас —
все так же ново
И знаменует нам и братство,
и семью.

Я хорошо понимаю тех, кого сегодня тянет к звучному слову и гордой офицерской выправке. И в то же время с тревогой думаю о них — несовременных энтузиастах, запоздалых романтиках, о тех, кто пока увлеченно играет в героизм и благородство и мечтает о настоящем оружии.

Беседу провела
ЕВГЕНИЯ БАСОВСКАЯ

Рубрику ведет
кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

1912 — год

СТО ЛЕТ БЕЗ НАПОЛЕОНА



Парад войск на набережной Москвы-реки перед памятником Александру III.



Крестный ход на Красной площади.

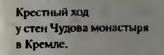






Войска в форме 1812 г. на паперти храма Христа Спасителя.

Крестный ход у стен храма Христа Спасителя.



Крестный ход у стен Чудова монастыря в Кремле.



Николай II объезжает в Кремле учащихся московских гимназий.

СЛАВА РОССИИ ВОСКРЕСНЕТ



1812 год — год величайшей славы и торжества России — навсегда вошел в наше сердце. Его духовный след не смогли размыть хлынувшие на страну в XX веке бури и напасти. Герои Двенадцатого года рядом со своими потомками противостояли, противостоят и будут противостоять всем силам, стремящимся разрушить Святую Русь.

Нам дорога каждая новая подробность о том, что делали и думали в то время император Александр I, фельдмаршалы М. И. Кутузов и М. Б. Барклай де Толли, генералы П. И. Багратион и Н. Н. Раевский, атаман М. И. Платов и полковник Д. В. Давыдов, крестьяне-ополченцы Ермолай Четвертаков и Герасим Курин, рядовые всех полков, принимавших участие в кампании 1812 г.— пехотных и кирасирских, гренадерских и гусарских.

Недалеко от Москвы, у Бородино, развернулось сражение, надолго предопределившее судьбу России. В трудную минуту народ всегда умел собраться и плечом к плечу у последнего рубежа отстоять страну. При Бородино мы понесли немалые потери, но сохранили главное — общую убежденность в нашей непобедимости.

Обращение к событиям Отечественной войны 1812 г. в дни, проникнутые для многих неуверенностью и безысходностью, имеет особый смысл. Из глубины падения взираем мы на высочайший подъем духа русского народа, восставшего против сил, нашествие которых воспринималось как сатанинская попытка изменить установленный Богом порядок, сбить Святую Русь с пути, предуказанного ей небесными покровителями. С армиями двунадесяти языков вели бои полки, дивизии и корпуса, самые названия которых звучат сегодня как музыка военных парадов. Но и на других планах бытия развертывались ожесточенные сражения. Наполеоновские замыслы завоевания мира столкнулись не со встречной экспансией, а со страной, способной отразить любую агрессию, предоставив побежденному право идти своим историческим путем.

За победами оружия последовал золотой век русской культуры: на время завершения войны с Наполеоном приходятся даты появления первых стихов Пушкина. Итоги кампании 1812 г. во многом определили целое столетие российской истории, небывалое прежде мировое значение всего, что происходило в Москве и Петербурге, на Орловщине и Тульщине, Волге и Каме, на Урале и в Сибири.

В память о победе в Отечественной войне 1812 г. был воздвигнут главный храм России — Храм Христа Спасителя. Его разрушение явилось зримым воплощением временного торжества темных сил в начале XX века. Возрожденный Храм станет памятником победы над мировым злом, антихристом, сошедшим на Россию в начале XIX и XX веков. Скоро начало века двадцать первого. Кто знает, не ожидает ли нас — вместе с Ермоловым, Тучковым и Уваровым — третья битва? Мы верим, что предотвратить ее можно лишь совместными усилиями тех, кому дорог Божий мир,— русских и украинцев, белорусов и грузин, французов и немцев, англичан и американцев.

ВАЛЕРИЙ НЕВЕРОВ,
президент концерна «Гермес»

Сдано в набор 21.05.92. Подписано к печати 29.06.92. Формат 84×108¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 210000 экз. Заказ № 1777. Цена в розницу договорная, 2 руб. по подписке.

Адрес редакции: 121877, Москва, проспект Новый Арбат, д. 19. Телефон: 203-60-25.

Типография издательства «Пресса». 125865. ГСП. Москва. А-137, ул. «Праеды», 24.

© Издательство «Русская книгв», «Родина», 1992.

Президент многопрофильного концерна «Гермес» Валерий Неверов — из тех людей, кто продолжает традиции российских меценатов, активно участвует в духовном возрождении России: на восстановление храма Христа Спасителя он пожертвовал пять миллионов рублей. Значительную помощь оказывают Православной церкви и подразделения возглавляемого В. Неверовым концерна «Гермес».

Храм Христа Спасителя.

